

ISSN 2309-5431

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№29. Сентябрь 2013 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Запад и Восток:
межцивилизационные взаимодействия
и международные отношения)**

Сборник научных статей

**Барнаул
2013**

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Г. Чернышов** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент **О.А. Аршинцева**, доктор политических наук, доцент **Голунов С.В., Е.А. Горбелева, С.Н. Исакова** (отв. секретарь); кандидат исторических наук **В.Н. Козулин**; кандидат исторических наук, доцент **А.М. Бетмакаев**, кандидат исторических наук, доцент **О.Ю. Курныкин**, доктор политических наук **И.С. Семененко**.

Д 541 Дневник Алтайской школы политических исследований. № 29. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и международные отношения): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул : АЗБУКА, 2013. – 336 с. ISBN 978–5–93957–682–6

Сборник по теме межкультурных взаимодействий содержит научные статьи исследователей из 8 зарубежных стран (Белоруссия, Казахстан, Китай, Литва, Молдавия, Украина, Финляндия, Эстония) и 12 городов России (Барнаул, Иркутск, Кемерово, Киров, Москва, Новосибирск, Петрозаводск, Пятигорск, Санкт-Петербург, Ставрополь, Томск, Тюмень). В качестве приложения приводятся статьи молодых исследователей по проблемам европейской идентичности. Издание предназначено как для специалистов (историков, межкультурологов, политологов, культурологов и др.), так и для всех, кто интересуется проблемами межкультурных взаимодействий и современных международных отношений.

На обложке: карта этнокультурного разделения цивилизаций, построенная по концепции американского политолога С. Хантингтона: западная культура (тёмно-синий сектор), латиноамериканская культура (фиолетовый сектор), японская культура (ярко-красный сектор), синская культура (тёмно-красный сектор), индуистская культура (оранжевый сектор), исламская культура (зелёный сектор), православная культура (светло-голубой сектор) и африканская культура (коричневый сектор). Источник: Хантингтон, Самюэль Филлипс. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruswiki/364200> Автор дизайна обложки – А.М. Бетмакаев.

ISBN 978–5–93957–682–6

© Алтайская школа
политических исследований, 2013

Дискуссия о том, что есть «Запад» и «Восток», и возможны ли конструктивные межцивилизационные взаимодействия

В основу данного выпуска положены материалы дискуссии, состоявшейся 26-28 сентября 2013 г. на ежегодной научно-практической конференции Алтайской школы политических исследований «Современная Россия и мир: альтернативы развития». Такие конференции на Алтае проводятся с 1996 года. Тема обсуждения на этот раз была сформулирована так: «Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения». Организаторами и учредителями, кроме АШПИ, стали Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД РФ, Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки, Российский гуманитарный научный фонд, Центр Европейского Союза в Сибири¹.

Следует отметить, что эта конференция имела свою «предысторию» на других дискуссионных площадках. По сложившейся традиции в апреле – июне была проведена «предварительная» Интернет-дискуссия. Поступило 50 докладов из 8 зарубежных стран (Белоруссия, Казахстан, Китай, Литва, Молдавия, Украина, Финляндия, Эстония) и 12 городов России (Барнаул, Иркутск, Кемерово, Киров, Москва, Новосибирск, Петрозаводск, Пятигорск, Санкт-Петербург, Ставрополь, Томск, Тюмень).

Кроме того, с 24 по 28 июня в Белокурихе была проведена межрегиональная научная конференция молодых исследователей «Европа и Европейский Союз: эволюция идентичностей». На ней обсуждались вопросы, что значит «быть европейцем», в какой степени Россия сопричастна европейской цивилизации, каковы перспективы развития отношений нашей страны с Европейским Союзом и т.д. Организаторами этой конференции стали Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений) и Центр Европейского Союза в Сибири.

Конференция в Белокурихе во многом имела формат «летней школы»: для участия были приглашены студенты и аспиранты из Барнаула, Иркутска, Кемерово, Томска и Тюмени. Приехали также эксперты

¹ Конференция проведена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (номер проекта 13-07-14001Г).

— доктора и кандидаты наук из сибирских городов (С.В. Арапина, Л.В. Дериглазова, С.В. Кондратьев, Е.А. Матвеева), а также ученые из Литвы (И. Матоните) и Финляндии (С. Макинен). Вели заседания преподаватели АлтГУ – Ю.Г. Чернышов, О.А. Аршинцева, О.Ю. Курныкин и А.М. Бетмакаев.

Всего было сделано 33 доклада. Обсуждались следующие основные проблемы: европейская идентичность как проект и как процесс, приобретающий новое качество с развитием интеграции в ЕС; соотношение общеевропейской и национальных идентичностей, влияние на идентичность миграционных процессов; отношения ЕС-Россия в контексте формирования «новой Европы». В завершение была проведена ролевая игра на тему «Европейская идентичность и Турция (принятие резолюции в Европарламенте в связи с событиями июня 2013 г. в Турции)». В свободное время участники успели оценить красоту природы Горного Алтая.

В целом летняя конференция по своему содержанию была очень насыщенной и интересной, а ее организация, как отметили участники, была на самом высоком уровне. Ниже приводятся выдержки из отзывов:

«Ирмина Матоните, профессор, доктор наук, Вильнюсский университет, Литва: Впечатления от школы – самые хорошие! Очень приятная дружеская атмосфера, атмосфера доверия. Качество докладов и интеллектуальных дискуссий хорошее – высокое.

Елена Вервекина, выпускница АлтГУ, бакалавр международных отношений: Организация была на самом достойном уровне. Интересно было послушать экспертов. Спасибо за такую уникальную возможность пообщаться со специалистами такого высокого уровня. Очень интересно, по-человечески приятно, поездка оставила самые положительные впечатления.

Антон Тамарович, студент 3 курса ИркГУ, международные отношения: Опыт подобного рода мероприятия бесценен. Узнать разные точки зрения на различные вопросы, познакомиться с новыми людьми – вот основная цель. Хочу выразить благодарность за проведение этой школы.

Виталий Сдельников, студент 4 курса АлтГУ, международные отношения: Первое, что бы мне хотелось отметить – это отличная логистика, на протяжении всей конференции не возникло ни одной проблемы, связанной с доставкой участников, проведением конференции. Я был приятно удивлен общим уровнем академических знаний, а также высоким качеством докладов.

Сирке Макинен, доктор наук, университет Тампере, Финляндия: Хочу сказать огромное спасибо за организацию и за приглашение участвовать! Хорошие воспоминания у меня о всех экспертах, студентах, Белокурихе и Горном Алтае!

Ольга Аршинцева, профессор кафедры ВИМО АлтГУ: Аудитория – 10 из 10 баллов, «мечта преподавателя»: высокий уровень подготовленности, осознанный интерес к новым темам, навыки участия в дискуссии, амбициозность. Доклады экспертов очень (!) профессионально обогатили – еще и потому, что были разные жанры и формы преподнесения материала, отличные от традиционных выступлений на конференции. Стало ясно: масштабы усилий организаторов – значительные, но эти усилия не пропали даром!»

На итоговую конференцию, состоявшуюся в сентябре, приехали такие известные эксперты, как С.В. Голунов (д.полит.н., доцент, научный сотрудник Центра изучения отношений между ЕС и Россией, Тартуский университет, г. Тарту, Эстония), С.В. Костелянец (к.полит.н., научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва), О.Ч. Реут (к.т.н., доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск), И.С. Семененко (д.полит.н., зав. сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, г. Москва), Х.М. Турьинская, к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва) и другие.

Конференция открылась 26-го сентября семинаром с участием экспертов из Москвы и Петрозаводска. Директор АШПИ профессор Ю.Г. Чернышов представил докладчиков и обозначил выносимые на обсуждение проблемы. С приветственным словом обратился ректор АлтГУ профессор С.В. Землюков, отметивший важность тех дискуссий по общественно-политической тематике, которые под эгидой АШПИ проводятся на Алтае.

Профессор И.С. Семененко в своем выступлении рассмотрела роль интеллектуальных сообществ в современном мире и коснулась ситуации, связанной с «реформированием» РАН. Выступление О.Ч. Реута было посвящено теме «Интернет и российская политика: вызовы модернизации политических коммуникаций». Участники дискуссии отметили растущую необходимость повышения роли интеллектуальных сообществ в выработке политических решений в современной России.

На следующий день началась работа секций. Первая из них была посвящена теоретическим аспектам темы межкультурных взаимодействий. Были отмечены характерные черты различных «цивилизационных» теорий – Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С.

Хантингтона и др., их достоинства и недостатки, возможности их использования при анализе международных отношений (И.С. Семененко, О.А. Аршинцева, А.Н. Харин, Н.М. Морозов). Темы, связанные с применением данных концепций к теории исторического процесса (роль империй в истории цивилизаций, эволюция стереотипов восприятия европейской цивилизации в России), были рассмотрены в докладах О.Ч. Реута, В.Н. Козулина и Ю.Г. Чернышова.

На второй секции были обсуждены доклады, посвященные конкретным историческим сюжетам, связанным с общей темой. «Восточные» сюжеты рассмотрели в своих докладах С.В. Костелянец («Эволюция африканской диаспоры: встречи «цивилизаций») и В.Г. Шишкин («Изменение идеологии Вьетнама в постколониальный период»). Международный статус ГДР на фоне конфликта Запада-Востока проанализировал А.М. Бетмакаев. Еще два доклада были посвящены истории Италии: образу фашистской Италии в нацистской пропаганде (А.К. Кузнецов) и итальянскому национализму на начальной стадии европейской интеграции (Н.С. Малышева).

Программа третьей секции включала доклады, связанные с актуальными проблемами современных международных отношений: ролью международных организаций (Х.М. Турьинская, Е.В. Клевакина, Е.М. Карагеоргий), ирредентизмом и ситуацией в российском пограничье (С.В. Голунов), положением мусульман-иммигрантов в Европе (О.Ю. Курныкин). Попытку представить схему «конкуренции Запада и Востока в постиндустриальном мире» с позиций экономической географии предпринял А.В. Кротов. Многие выступавшие отметили, что современный мир настолько сложен взаимными переплетениями различных влияний и тенденций, что следует весьма осторожно подходить к различным упрощенным делениям его на «Запад» и «Восток», а также на «Север» и «Юг».

Завершила работу конференции «Секция молодых исследователей». Были заслушаны доклады студентов АлтГУ Е.А. Вервекиной, Е.А. Горбелевой, А.В. Граубергера, Е.Д. Мошева, Ю.С. Сапыкиной, В.А. Сдельникова и П.В. Ульянова. Сюжеты, связанные в основном с цивилизационной и национальной идентичностью, рассматривались на материале различных стран – от Египта и Турции до Франции, Финляндии и Белоруссии. При обсуждении докладов многие эксперты отметили их довольно высокий уровень и то, что само включение студенческих докладов в программу конференции весьма полезно для научного роста молодого поколения исследователей.

При закрытии конференции были подведены основные итоги обсуждения темы. Хотя «цивилизационные» подходы в некоторых ин-

терпретациях страдают схематичностью, идеологизированностью и нечеткостью критериев, их использование, наряду с другими распространенными в литературе подходами, вполне может быть оправданным при анализе международных отношений. Рассмотрение этой темы позволило во многом уточнить содержание ключевых понятий, посмотреть с разных позиций на многие актуальные проблемы международных отношений. Участники отметили высокий научный уровень дискуссий и очень хорошую организацию конференции.

В заключение председатель оргкомитета Ю.Г. Чернышов поблагодарил гостей и всех, кто оказал помощь в проведении этого форума, в котором за 3 дня приняли участие более 100 человек.

По завершении конференции отзыв о ней прислал один из участников - Алексей Николаевич Харин, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ:

«26-28 сентября в Барнауле проходила научно-практическая конференция: “Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и международные отношения)”.

Материал Ю.Г. Чернышова, посвященный итогам конференции, я уже выкладывал: <http://geokhar.livejournal.com/34682.html>.

Теперь личные впечатления.

Конференция очень понравилась по ряду причин.

Во-первых, сама организация была проведена на высоком уровне. Понравилось и отношение встречающей стороны. Очень доброжелательное.

Во-вторых, несмотря на разноплановость докладов, все они так или иначе сводились к одной теме: проблемы взаимодействия культур, цивилизаций.

В-третьих, хотя тематика как таковая и была не нова, но не было и ощущения уже увиденного и уже услышанного (а такое последнее время, увы, бывает, да и встречается также и в научной периодике).

В-четвертых, был важен обмен мнениями, который и прозвучал на конференции. Имели место прямо противоположные позиции, но полемика велась в корректной форме.

В-пятых, работа секций была построена так, что участники конференции выслушали абсолютно все доклады.

В-шестых, в работе конференции приняли участие и студенты, доклады которых были сведены в одну секцию. Студенты выступали последними, но держались уверенно: видно, что хорошо поработали с

материалом. И получился такой своеобразный диалог между разными поколениями учёных.

В-седьмых, были представлены учёные из разных городов, что также является важным моментом.

В-восьмых, на конференции фактически были представители разных подходов, научных школ, что также важно.

Это основные моменты. Можно и ещё выделить несколько моментов. Лишний раз убеждаюсь в том, что “дискуссия теоретиков и практиков” была и будет всегда. Это имело место и на данной конференции. И это необходимо, хотя между двумя этими группами и бывают расхождения. Просто надо знать меру, как призывали греки: любителям умственных конструкций (к коим и я, по видимому, отношусь) не слишком парить в облаках, а практикам, любителям фактов, отдавать должное и теории.

Лишний раз убедился и ещё в одной вещи, о которой гласит знаменитая притча про двух лягушек в банке со сметаной.

У части коллег в нашей области, и знаю, что не только, есть мнение: настоящая наука в провинции не делается. Мы все тут всего лишь пересказчики чужих идей, мыслей и потребители информации. Знаю по личному опыту таких людей и вижу, что не далеко же они ушли со своим скепсисом.

Но есть и иной подход: наука в провинции делается. И есть люди, которые, несмотря ни на что, пытаются как-то встряхнуть провинциальную науку, вылезти из порой действительно засасывающей тишины.

В этом плане можно сказать, что Ю.Г. Чернышов из последней группы. Недавно вышла его очередная монография, посвящённая утопиям в Древнем Риме. На Алтае создана Школа политических исследований, проводящая ежегодные конференции, на которые приезжают из России и других стран мира. Есть и своё региональное отделение РАПН. А ведь это Алтай. По нашим меркам – очень большая глубинка, далеко от столицы. А если учесть, что в 1990-е гг. были огромные сложности с книгоснабжением, не всегда у учёных есть возможность выехать в Москву, Санкт-Петербург... В общем, трудностей в таком деле всегда бывает много и везде.

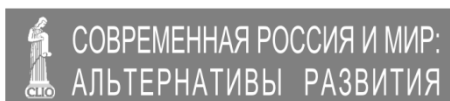
Но если брать Алтай, тут научная жизнь не стоит на месте. Как сказал Ю.Г. Чернышов во вступительном слове: “Если делаешь благое дело, нужно не бояться его делать. И Бог поможет”.

Остаётся надеяться, что Алтайская школа политических исследований продолжит свои хорошие традиции. Успехов ей в этом».

Статьи участников этой конференции изданы в данном выпуске «Дневника АШПИ». В сокращенном виде публикуется также стенограмма состоявшейся дискуссии. В качестве приложения приводятся тексты выступлений молодых исследователей на летней школе по проблемам европейской идентичности.

Круг вопросов для следующей конференции уже определен. С апреля 2014 г. на сайте АШПИ (<http://ashpi.asu.ru/ic/>) планируется начать интернет-конференцию, посвященную теме «Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия». Все, кто заинтересован в обсуждении этой тематики, приглашаются к участию.

Отв. редактор
Ю.Г. Чернышов,
октябрь 2013 г.

**Запад и Восток:
межцивилизационные взаимодействия
и международные отношения**

26–28 сентября 2013 г.

1. ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

О.А. Аршинцева

Цивилизационный фактор в международных отношениях: перспективы анализа

Противоречивые последствия глобализации (универсализация и одновременно растущее разнообразие современного мирового пространства) придали новую актуальность проблеме взаимодействия исторически сложившихся цивилизаций. Столь динамичный характер межкультурного взаимодействия предполагает, что его анализ выходит за рамки устоявшихся парадигм, включая известную концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона (к сожалению, недавно скончавшегося). Цивилизационный подход не только сохраняет популярность в собственно исторических исследованиях, но становится все более востребованным при изучении международных отношений. Отечественные авторы – историки и международники – не составляют исключения. Одни ратуют за социокультурное изучение истории международных отношений и внешней политики и рассуждают о предмете в категориях и терминах идентичности (И.И. Курилла) [1]. Другие – весьма конструктивно – предлагают расширить исследовательский арсенал посредством междисциплинарного подхода и рассматривать не только общечивилизационные особенности, но и внутрививилизационное своеобразие стран и регионов, как это делает известный отечественный американист В.В. Согрин применительно к истории и внешней политике США [2]. С первым подходом его сближает социокультурное определение понятий факторов и архетипов, с помощью которых он формулирует своеобразие цивилизационного облика США. Ситуация выглядит еще более пестрой на фоне разнообразных толкований самого понятия цивилизации и сути цивилизационного подхода. Заклучая этот краткий и несистемный обзор, отметим, что в указанном плюрализме кроются новые возможности. В частности, исследование цивилизационного фактора в международных отношениях и внешней политике основных акторов позволяет по-новому взглянуть на генезис современного миропорядка, проследить эволюцию международной системы в ходе глобализации рубежа XIX–XX вв., исторически предшествующей одноименному современному процессу.

Именно в указанный период в пределах западной цивилизации сложились две основные структуры международной системы, которые

определяли тренды мировой политики, как минимум, до середины XX столетия. Первая представляла собой преимущественно европейский (с включением с начала XX в. США) баланс сил в рамках Вестфальской системы формально равных государств-наций. Вторая объединяла сложносоставные политии (исторически разные по происхождению колониальные империи) в глобальную структуру мироимперии. В основу организации первой были положены принципы (1) формального равенства суверенитетов, подтвержденного взаимным признанием, и (2) силового соперничества, определявшего конфликт национально-государственных интересов. Отношения в мироимперии строились на принципах господства и подчинения. При этом относительная прочность имперской конструкции, по мнению авторитетных исследователей, объяснялась тем, что в обмен на подчинение метрополия гарантировала безопасность всех частей империи. Приведенная характеристика носит упрощенный характер и сформулирована в устоявшихся терминах системного международного анализа. Однако, взятая за основу, она вполне подходит для осмысления самостоятельных периодов истории международных отношений и, конкретно, имперской формы взаимодействия между Западом и остальным миром, включая цивилизационные и геополитические аспекты этих отношений. Наиболее интересным представляется феномен относительной устойчивости имперской формы, который ярче других характеризует Британскую империю нового времени. Она сыграла особую роль в процессе трансформации миропорядка на протяжении XIX–XX вв. и уже в силу этого привлекает внимание историков, международников и специалистов из смежных областей.

Примечательно, что Британская империя считалась неким эталоном «морского могущества» в представлениях авторов традиционных геополитических концепций, складывание которых на рубеже XIX–XX вв. не случайно совпало с пиком глобального влияния Великобритании, с периодом *Pax Britannica*. «Морская сила», в понимании А. Мэхэна, Х. Маккиндера и других классиков геополитики, была не просто комплексным ресурсом этого влияния, но основой формирования особой «морской цивилизации» – в противоположность «сухопутной». В этом смысле идея планетарного дуализма у представителей традиционной геополитики имела особое цивилизационное толкование, не совпадавшее с историческим и общепринятым делением Запад–Восток, а британский опыт служил источником аргументов в поддержку указанной концепции. Даже поверхностное сопоставление этих идей с современными им внешнеполитическими концепциями и имперской практикой расширяет представления исследователей об

историческом и идейно-политическом контексте рассматриваемых процессов.

Британская империя за долгую историю своего существования пережила по крайней мере несколько кризисов, в ряду которых Первая мировая война и предшествующие ей годы стали первым мирового масштаба вызовом самому существованию этой империи. К началу XX в. она единственная могла претендовать (с оговоркой по поводу недоминирования в континентальной Европе) на статус мировой державы, наиболее последовательно воплощая соответствующую времени геополитическую модель максимального контроля над мировым пространством с опорой на морскую гегемонию [3, 194–346]. Без преувеличения можно сказать, что имперские начала пронизывали все сферы общественной жизни, а британская политическая элита традиционно культивировала имперское мышление, что, однако, не означало его однородности. Напротив, именно судьба империи в меняющемся мире находилась в центре политических разногласий. В подходах британской политической элиты к империи геополитические и стратегические соображения преобладали над экономическими. Отталкиваясь от наличия империи как свершившего факта, сторонники колониальной экспансии в конце XIX в. настаивали на расширении границ империи еще и потому, что только так можно было обеспечить ее безопасность. Правительство Р.А. Солсбери признало оборону колоний самостоятельной финансовой и административной задачей, создав в 1895 г. Комитет колониальной обороны [4]. Если иметь в виду ведущую роль кабинета и значительную самостоятельность министерств в разработке политического курса, то становятся понятными известная преемственность имперской и внешней политики либералов, их консенсус с консерваторами по этим вопросам и разногласия с заднескамеечниками в своей парламентской фракции. Либералы учредили Комитет имперской обороны и положили начало регулярной практике проведения имперских конференций, на которых совместно с представителями доминионов обсуждались вопросы стратегической обороны империи накануне войны.

Эти перемены стали важнейшей частью новой имперской политики, вызванной возникшей в начале XX в. германской угрозой. По оценкам ведущих английских экспертов того периода, Германия с ее новыми мировыми претензиями бросила вызов самим основам имперской безопасности, что в обозримой перспективе было чревато для Великобритании катастрофическими последствиями. Не частные опасности, а глобальная угроза заставила английское руководство действовать в упреждающем режиме, радикально изменив политику «блестящей изоляции». Тройственная Антанта при ведущей роли в ней Ве-

Великобритании и доминировании в условиях соглашений 1904 и 1907 гг. ее имперских интересов была нацелена на сохранение геополитических основ империи. Эта структурная перестройка международных отношений стала одной из важнейших причин Первой мировой войны.

Война, в которой Великобритания принимала участие как центр мировой империи, придала новое значение имперскому фактору в ее политике и стратегии. Протяженный характер войны и огромные материальные и людские затраты, которые доминионы были готовы разделить с метрополией, создали основу для их реального влияния на принятие геополитических решений и проектов будущего мирного урегулирования с учетом их собственных интересов и целей имперской безопасности. Военный кабинет Д. Ллойд Джорджа (1916–1918 гг.) в своей имперской политике и формировании программы мира исходил из признания этого факта. Не без давления со стороны последовательных имперцев в правительстве (лорд Керзон, А. Милнер, В. Лонг) в 1917 г. было официально признано право доминионов участвовать в обсуждении британских условий мира, и для этого была возобновлена практика проведения имперских конференций. Итоги конференции 1917 г. свидетельствовали о складывании нового вектора британской политики, который достаточно гибко соединял имперские интересы и широко декларируемые в либерально-идеалистическом духе цели предотвращения войн и достижения всеобщего мира. Британская программа мирного урегулирования и итоги Парижской конференции 1919 г. закрепили сложившиеся к концу войны тенденции к установлению более равноправных, партнерских отношений внутри империи. Она выжила в войне и проявила способность к трансформации в направлении Содружества наций, благодаря, в том числе, и долговременному политическому консенсусу по поводу имперских приоритетов, который объединял не только собственно британскую, но и имперские политические элиты. Однако актуальным этот опыт делает вопрос о его цене и издержках [5]. Эволюционный путь изменений, ранее утвердившийся во внутриполитическом развитии метрополии, был перенесен в политическое пространство империи, что, конечно, не означало окончательный отказ от силовой имперской политики (ирландский и индийский опыт тому подтверждение), но постепенно меняло соотношение прямых и непрямых методов правления в пользу последних. Британская политическая элита уже к концу XIX в. в основном сумела решить вопрос, который так беспокоит сегодня З. Бжезинского, о совместимости демократии и империи (конечно, в рамках цивилизационных достижений своего времени). Своеобразной расплатой, оборотной стороной указанных явлений стала консервация имперских амбиций, инерционность имперского мышления, избежать

которой не удалось даже такому выдающемуся политику и прагматику, как У. Черчилль, который даже на закате империи считал ее сохранение самоцелью.

Краткий обзор исторического опыта Британской империи подтверждает, что кризис традиционной имперской модели стал одной из тенденций эволюции миропорядка в XX столетии. Однако конструктивные достижения имперской практики – глобальное мышление по вопросам безопасности, гибкость и разнообразие форм имперской политики, стремление интегрировать меняющуюся империю в мировой порядок – в известной степени подготовили опыт межцивилизационного взаимодействия после распада колониальной системы и отчасти спровоцировали нарастание кризисных явлений в Вестфальской системе на современном этапе.

В нынешних дискуссиях по проблемам империи на фоне многообразия тематики и подходов отчетливо проступили «болевы́е точки», особенно ощутимые в нашей стране как на академическом, так и на общественно-политическом уровнях обсуждения проблемы. Их появление во многом связано с неустоявшейся, а потому болезненной и противоречивой реакцией на столь недавнее имперское прошлое и неоднозначные последствия распада СССР. Историкам, участвующим в этих дискуссиях, нет необходимости специально доказывать, что один из возможных путей преодоления этого «кризиса имперской идентичности» состоит в обращении к развернутым историческим аргументам. При всей несхожести отечественного и британского имперского опыта (сравнительный анализ еще ждет своего исследователя) последний, даже в силу большей изученности, довольно точно позволяет идентифицировать «имперские комплексы», а значит, найти способы избавления от них.

Литература

1. Курилла И.И. Изучение истории международных отношений в социокультурном контексте // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 65–74.
2. Согрин В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 25–43.
3. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. NY, 1987.
4. Williams Rh. Defending the Empire: The Conservative Party and British Defence Policy, 1899–1915. New Haven, L., 1991.
5. Snyder J. Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. Ithaca, 1991.

В.В. Букарский
Концептуальные основы российской цивилизации

Цивилизацию, по мнению Б.С. Ерасова, можно определить как социокультурную общность, формируемую на основе универсальных (сверхлокальных) ценностей, получающих выражение в мировых религиях, политической культуре, системах морали, права, искусства. Эти ценности сочетаются с обширным комплексом практических и духовных знаний, а также с разработанными символическими системами, способствующими преодолению локальной замкнутости первичных коллективов [1, с. 25].

Понятие «российская цивилизация» мы употребляем в качестве синонима к понятию «руско-евразийский мир», используемого основателями концепции евразийства: «Мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта как исторической личности... Евразия предстает перед нами как возглавляемый Россией особый культурный мир... Евразия-Россия – развивающаяся своеобразная культурно-личность» [2, с. 40–43].

По мнению великого русского философа Н.Я. Данилевского, выраженному в фундаментальном труде «Россия и Европа», Россия не принадлежит к Европе ни с географической, ни с историко-культурной точек зрения. Не является Россия и «усыновленной частью Европы». Данилевский еще в XIX веке высказал мысль, актуальную и сегодня, что Запад стремится всячески ослабить Россию и поощрить сепаратизм на ее окраинах именно вследствие невозможности «переварить» самобытную Россию, являющуюся препятствием для распространения европейской «общечеловеческой» цивилизации [3, с. 75–80].

По мнению С. Хантингтона, Россия является стержневым государством самобытной православной цивилизации. Этот цивилизационный блок, во многом схожий с западным блоком в Европе, стал преемником царской и советской империй [4, с. 251]. По мнению З. Бжезинского, Россия как государство «преднамеренно не представляло себя чисто национальным инструментом, как это принято в западноевропейской традиции, но определяло себя исполнителем специальной наднациональной миссии, с «русской идеей», разнообразно определенной в религиозных, геополитических или идеологических рамках» [5, с. 119–120].

В качестве особенностей славяно-православной цивилизации, отличающих ее от Запада С. Хантингтон указывает:

- 1) византийские корни;
- 2) 200-летнее татарское иго;
- 3) бюрократический деспотизм;

4) ограниченное влияние Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе [4, с. 56].

Политолог С.Л. Удовик отмечает 5 принципиальных отличий цивилизационного развития России и Западной Европы [6, с. 87–97]:

1. Территориальное отличие. В отличие от густонаселенной Европы, ожесточенно воюющей за передел территорий, Московское княжество под властью Золотой Орды получило возможность развивать торговлю с Востоком, а после своего укрепления и распада Орды беспрепятственно расширяться на север и восток.

2. Природно-климатическое отличие. Если на большей территории Западной Европы средняя зимняя температура была положительной, то на просторах Евразии холодный климат отличался ярко выраженной континентальностью, а земли были средними по качеству. В отличие от Западной Европы, развивавшейся в пределах естественных границ – морей и горных гряд (что позволяло успешно противостоять, например, исламской экспансии), население Руси размещалось в древнейшее время группами, оазисами между дремучими лесами и болотистыми трясинами, тянувшимися по водоразделу. Исключительная подвижность населения, разбросанного по огромной территории, стала национальной чертой характера. Суровый климат и природные условия укрепляли общину (мир) – единственную форму выживания в таких условиях.

3. Необходимость сосуществования со Степью. Россия, в отличие от Западной Европы, не имела естественных преград с юга. Ожесточенная борьба со Степью, неизвестная Западной Европе, отвлекала огромные ресурсы. В то же время Степь развивала широту взглядов и твердость духа, благоприятствовала сухопутной торговле на огромные расстояния. Россия через посредничество Золотой Орды позаимствовала у бюрократического Китая ряд ценных качеств, которые назвали бы теперь «способами повышения эффективности управления», и которые Европа начала внедрять на много столетий позже: регулярные переписи населения, почтовая и ямская служба, великолепно организованная канцелярия. В то же время, заимствованные у Орды изощренные системы налогообложения и жесткая иерархия власти приводили к неискоренимой коррупции. Борьба со Степью также способствовала централизации власти.

4. Статусное отличие. В условиях первостепенного значения легитимности правящей элиты московские князья, испытывающие чувство статусной неполноценности, уделяли этому аспекту особое внимание. Этим и объяснимо стремление утвердить наследственную легитимность от Рима и Византии («Москва – Третий Рим»), принятие Иваном Грозным царского титула, утверждение церковной патриархии

в Москве, и наконец, признание за Петром I титула императора. Утверждение в глазах Европы через военное преимущество достигалось за счет торможения экономического развития и обнищания населения. С другой стороны, существование на протяжении столетий в условиях непрерывной череды войн выработало в России уникальную способность к оперативной мобилизации сил и ресурсов.

5. Аксиологическое отличие. Еще в Киевской Руси каменное строительство велось по образцу Константинополя и Иерусалима, чем киевские князья подчеркивали преемственность Киева от «святых городов» в деле спасения человечества и претензии на право стать новым центром мира. Именно идея спасения мира и искупления грехов человечества собственными страданиями получила в дальнейшем развитие в идее «Москвы – Третьего Рима». В будущем, по мнению С.Л. Удовика, эта мессианская идеология привела к восприятию коммунистической идеи о спасительной роли пролетариата.

По мнению В.Г. Августинovichа, главное различие культурных моделей Европы и России пролегает между европейской идеей линейного прогресса (непрерывного улучшения, построения, включающего даже скачки) и дискретной русской идеей подбора ключа к всеобщему счастью. Это изобретательный (алхимический) подход к решению (разом) проблем, направленный на обход трудностей методологического способа [7, с. 240].

Политолог В.В. Желтов считает, что политическая культура России – это преимущественно **подданническая культура**, сохраняющая такие традиционные черты, как долготерпение, покорность перед властью имущими, низкая самодисциплина и самоорганизованность, недоверие к государству, склонность к анархии и вместе с тем жажда сильной власти, способной обеспечить порядок, слабое уважение к закону и правам личности, национальное самобичевание и самоуничтожение, радикализм, уверенность в наличии простых и быстрых решений сложных проблем [8, с. 323]. Однако, по мнению российского политолога Р.Т. Мухаева, в России подданническая культура дополняется целым рядом специфических черт, обусловленных влиянием цивилизационных, географических и исторических особенностей ее развития:

1. В России политическая культура **дуалистична** и представляет собой сложное взаимодействие двух социокультурных потоков. Доминирующий поток, охватывающий большинство населения, ориентировался на ценности корпоративизма (коллективизма, соборности), справедливости и равенства, отличался приверженностью патриархальной традиции (привычкой подчиняться властям, потребностью в руководстве и т.д.) [9]. Другие субкультуры отличала приверженность ценно-

стям свободы, индивидуализма, прав человека. Неорганичное сочетание двух систем ценностей в России была обусловлено ее расположением между Западом и Востоком [10, с. 86–95].

2. Расколотость и неоднородность российской политической культуры обусловили **конфронтационный характер** отношений между ее носителями. Противоположные представления и образцы желаемого справедливого общества, существовавшие у разных социальных групп, при низкой общей культуре российского населения, постоянно сталкивались и являлись основой острой, а порой и жестокой, политической борьбы. Именно поэтому Россию сотрясали бесконечные смуты, гражданские войны, революции.

3. Доминирование подданнических политических ориентаций было обусловлено **концентрацией политического руководства в руках правящего класса**. Естественные исторические механизмы социальной эволюции (экономические интересы, собственность, конкуренция, рынок), порождавшие зрелое гражданское общество и активистские политические ориентации на Западе, не прижились в России. В основе дифференциации интересов и статусов лежали не механизмы экономического неравенства, а отношения власти. Высокая степень концентрации и централизации всех видов власти у правящего класса приводила к тому, что ослабление его господства оборачивалось нарастанием неуправляемости системы, потерей темпов экономического и социального роста, и, в конечном счете, революциями.

4. Отсутствие свободного индивида и гражданского общества приводит к **концентрации политической жизни в рамках правящего класса**. Подданническая культура сформировала устойчивые образцы политического поведения, которые сохраняют свою актуальность в современных условиях, несмотря на революционные преобразования XX века [11, с. 254].

Американский политолог С. Хантингтон, исследуя принцип соотношения различных стран с Западным миром, причислил Россию, наравне с Мексикой и Турцией, к «**разорванным**» странам, в которых наличествует одна господствующая культура (русская православная культура в России), но ее лидеры стремятся к другой цивилизации (российская элита видит себя частью европейской цивилизации). Причем если Мексика была «разорванной» на протяжении нескольких лет, Турция – на протяжении нескольких десятилетий, то Россия – в течение нескольких столетий [4, с.209–210]. При этом, как полагает С. Хантингтон, если Россия как стержневое государство русской православной цивилизации примкнет к Западу, то эта самобытная цивилизация перестанет существовать.

Литература

1. Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
2. Савицкий П.Н. Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. 1997.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2002.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
6. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. Киев, 2002.
7. Августинovich В.Г. Разгадка русской истории. Битва за прошлое. М., 2010.
8. Желтов В.В. Политология: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2004.
9. Кара-Мурза С.Г. Государственный патернализм: цивилизационное измерение. URL: <http://www.ogrossii.ru/content/view/170/10008>
10. Гнатюк О.Л. Либерализм в России: Основные этапы, идеи, особенности, перспективы // Правоведение. 1995. №6.
11. Мухаев Р.Т. Теория политики. М., 2005.

Е.Г. Гусар

Между Психосом и Логосом:

***нормы коммуникативного и социального поведения
в современной России***

Русская культура традиционно относится к феминной [1], полихронной, высококонтекстной [2], культуре Психос [3]. Основные принципы данной культуры определяются путем наблюдения за социальным и бытовым поведением, путем анализа художественного текста, выявления стереотипов и проч. Однако думается, что именно языковые факты приносят объективность в исследования столь тонкой материи.

Современные изменения в языке позволяют говорить о наличии двух противоположных тенденций в российском обществе: с одной стороны, усиление рационального, эгоцентристского начала (что свойственно маскулинным западным культурам), с другой стороны, усиление общинных принципов, доминирование феодального сознания, ощущение фатальности происходящего, смирение перед лицом судьбы (черты феминных культур, в которых иррациональное и эмотивное преобладают над рациональным).

По мнению Татьяны Толстой, сейчас в России возвращается то состояние, которое мы называли *совок*: «оно было отодвинуто в конце

80-х – начале 90-х, но за прошедшие 10 лет вернулось назад». *Совок* – «это система мысли, при которой огромная масса населения не умеет чувствовать себя свободным гражданином своей страны, личностью, обладающей чувством собственного достоинства», иными словами, феодализм сознания. «Люди все время находятся на такой растяжке: перед начальством они льстивы, к подчиненным они крайне грубы, вплоть до хамства или членовредительства» (1 канал ТВ, программа «Познер» 19.12.11).

Можно оспаривать данное мнение и говорить, что в России создано демократическое общество etc. Но язык и дискурс свидетельствуют об обратном. Если мы обратимся к орфографии, то увидим, что сейчас пишут *Государственная Дума, Администрация, Губернатор, Глава, Ректор, Ученый совет* (по общему правилу, естественно, должно быть *Государственная дума, администрация, губернатор, глава, ректор, ученый совет*) etc. Хотя кодификации в русском языке никто не отменял и правило написания существительных, обозначающих не единичные предметы, понятия, требует прописной буквы, русский человек ментально впадает в гиперкоррекцию (т.е. говорящий ощущает себя ниже собеседника и выражает это на уровне выбора языковых средств). Раньше этим социальным недугом страдали носители просторечия первого типа (в основном пожилые необразованные женщины). Сейчас явление городского просторечия (когда говорящий сам назначает норму) связано уже не с образованием и воспитанием, а с феодализмом сознания, вернее, с социальной позицией говорящего, которая так удачно обыгрывается во фразеологизме нового времени: *я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак*. Интересно, что орфографический словарь Д.Н. Ушакова 1935 г. дает написание *коммунистическая партия* с маленькой буквы. Потому что общее правило, кодификация.

Командная система, распространенная в большинстве организаций, зависимость оплаты труда от взаимоотношений с руководителями, кумовство, бесправие наемных работников, произвол руководства, чиновников также нашли отражение в современном дискурсе.

Все названные социальные тенденции наиболее сильно проявляются в малых городах – *на местах*. Противопоставление центр (Москва) – регионы (вся остальная Россия) первоначально шло по уровню зарплат, социальных возможностей и уровню комфорта. С принятием «дорожной карты» оно усугубится еще и «доступностью образования» и наличием «культурной среды». Молодые люди, желающие реализовать свой *жизненный проект* (ключевое слово нашей

цивилизации) [4, с. 4–12] и стать *успешными людьми*, говоря о желании покинуть регион, все чаще употребляют выражение *уехать из дистрикта* (отсылка к фильму «Голодные игры»).

Тотальное неуважение к людям, игнорирование западной этики управления, независимость оплаты от результатов труда и квалификации работника привели к тому, что русский человек не зарабатывает *заработную плату*, а *получает получку*. Законы, предписания и правила в современной России не имеют обязательного характера (что, впрочем, было всегда: *закон что дышло*). Правила и законы могут сознательно игнорироваться в зависимости от ситуации и применяющих их лиц. Как ни вспомнить: *есть люди и просто люди*. Кстати, *просто люди* все чаще именуются *народ* (*народ не поймет, надо народу объяснить*), с оттенком уничижения, естественно.

Русские в ситуации сотрудничества (основной принцип западной цивилизации – поиск компромисса и, как следствие, кооперация) видят прежде всего конфликт интересов, считая, что размер пирога известен, и задача – отхватить кусок побольше. Русский мздоимец сначала получал *барашика в бумажке*, затем *откаты*, а сейчас занимается *распилами* (*пилит бюджет*).

Эмотивность коммуникации является основным требованием русского дискурса, тогда как коммуникативный принцип вежливости (достижение маскулинных культур) предполагает неэмотивный дискурс. В рамках русской культуры нет требования «держат лицо», не возбраняется резкая смена настроений – все это соответствует коммуникативному требованию искренности. Традиционный тип русской личности, энцефалоид и меланхолик, склонный к унынию, вербализуется через концепт *тоска*. Мы унывали, горевали, топили «тоску зеленую в вине» и полагали, что фатально обречены на страдание и терпение [5, с. 38]. Актуальные же в молодежном дискурсе новые слова (англицизмы) «негатив» и «позитив» говорят о том, что происходят глубинные подвижки в менталитете. Частотность употребления и оценочность («негатив» «–»; «позитив» «+») позволяют говорить об укреплении позиций маскулинной культуры, цивилизации «Логос». Требование делать карьеру агрессивно, чтобы влиться в поколение *успешных и амбициозных креативных молодых людей* закреплено в языке изменением «высокой оценки человеком собственной персоны» с «–» на «+» [4, с. 8–12].

В современном деловом дискурсе ключевыми словами являются *модернизация* и *инновация* (*инновационный проект*). Как показывают результаты опроса, носители языка имеют весьма приблизительное

представление о значении слова *инновация* и полагают, что это очередное политическое новшество, которое умрет своей смертью (*Сколько мы их пережили!*). Популярное в чиновничьей среде *мы в тренде* восходит к термину из мира моды (а не экономики) «актуальное направление» и связано с реалиями деловой жизни, когда важна не деятельность, а соответствие предписаниям *центра*. Руководить по-русски значит осуществлять функции контроля и выявлять, *кто виноват* (как известно, *стрелочник*). В отличие от прагматической западной культуры причины ошибки не анализируются, меры, необходимые для предотвращения подобных ошибок, не предпринимаются. Вообще, для русской культуры характерно замещение прагматической деятельности деятельностью коммуникативной (коммуникация ради процесса также характерная черта феминной культуры – *наговорились всласть, продуктивно пообщались, наболтались, начатились* etc). Любовь к спору (как интеллектуальному упражнению) по глобальным, философским вопросам – яркая черта русского коммуникативного поведения: все знают, как правильно лечить, говорить по-русски и управлять государством. Русский спор – форма эмоционального, искреннего общения в рамках культуры, где искренность ценится больше, чем истинность.

Мы по-прежнему ждем чуда (слоган поколения *Все будет хорошо!*), бездействуем как Илюша Обломов, презираем закон и требуем нравственного (общинного) установления – *покона*. В современном Зазеркалье мы все, как всегда, перепутали. Мужчины жаждут встретить *красивую, симпатичную девушку* (не понимая, что симпатичный и красивый – градационные понятия – не могут быть применены одновременно к одному объекту), девушки – *брутальных мужчин* (не догадываясь, что этим латинским словом называют грубого дикаря). Все провозгласили себя людьми творческими (*творческий человек* противопоставлен *белому воротничку* или *офисному планктону*), тем самым обесценив высокое содержание творчества. В новые слова *имидж, корпорация* влили старое содержание «не быть, а казаться», «община, наш человек» и проч.

Западная культура, построенная на уважении личности, выработала коммуникативный кодекс, который регулирует и содержание (принцип кооперации Г.П. Грайса), и манеру речи (принцип вежливости Дж. Лича). Согласно второму принципу, корректная коммуникация должна помогать сохранять лицо говорящего. Она строится на максимакс такта (правило границ личной сферы), великодушия (правило неobreменения собеседника), одобрения (позитивности в оценке других),

скромности (непринятия похвал в свой адрес), согласия (правило компромисса), симпатии и благожелательности (правило коммуникативного комфорта). В рамках маскулинных культур оценка атмосферы коммуникативного акта и его прагматического результата может не совпадать. Но следование правилам «манеры» позволяет выйти из коммуникации без сожаления.

Правила русской коммуникации вступают в культурный конфликт с правилами коммуникативного кодекса: искренность – с правилами такта и благожелательности; эмотивность – с правилами такта и одобрения; неформальность общения – с правилом такта; отсутствие запретов на место, время и тему коммуникации – с правилами одобрения и такта; лидерство в коммуникации – с правилами одобрения, согласия, великодушия, скромности; свобода вхождения в коммуникацию – с правилом такта; устойчивость круга коммуникантов (общинность коммуникации) – с правилом благожелательности.

Коммуникативные правила, которые этнос вырабатывал веками, – это только форма объективации определенной системы ценностей. Устойчивость этих правил говорит о том, что мы сохраняем нашу национальную самовитость, несмотря на то, что декларируем успешность инородной прививки. Но, как известно, категория истинности никогда не являлась базовой ценностью русской коммуникации.

Литература

1. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие, 5-е изд., испр. и доп. М., 2008.
2. Hall E.T. The Silent Language. N.Y., 1959.
3. Гачев Г.Д. Образы Индии. М., 1993.
4. Левонтина И.Б. Русский со словарем. М., 2010.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Л.Г. Коваленко

Некоторые аспекты современной цивилизации в свете международных отношений

Для современной цивилизации характерно усиление сознательного воздействия на собственное развитие, что определяется системой управления, разнообразными механизмами (политическими, экономическими, духовными, правовыми и другими) и принципами, которые могут иметь существенные особенности, подчеркивающие цивилизационную принадлежность (в широком смысле – Западная и Восточная, индустриальная и постиндустриальная и т.п.). Но известно, какими бы

ни были особенности стран, уровень их развития, есть интересы, которые объективно объединяют, сплавляют мир. Поэтому при полном соблюдении равноправия и взаимного уважения национальных интересов государства все-таки будут идти по пути взаимопонимания и сближения на основе своих общенациональных потребностей.

Этот процесс объективен, и всеобщность следует рассматривать как универсальность цивилизации, создающую определенную неделимость мира. То есть, мы можем говорить о единстве многообразия, что предполагает необходимость постоянно сопоставлять, гармонизировать и согласовывать национальные интересы на международном уровне. Это является гарантом ненасильственного снятия противоречий, существенно ослабляет необходимость прибегать к оружию как главному средству снятия политического противостояния. Поэтому актуальной в XXI веке является проблема управления международными отношениями и сотрудничеством, которое превращается в своеобразный рычаг мирового развития и социального прогресса.

Это тем более актуально, так как во всеобщий универсальный процесс глобализации вошли ряд новых государств (страны СНГ, Восточной Европы, Востока), имеющих определенную специфику: технологическая отсталость, жесткая административная система управления, преобладание государственной собственности, проблемы с правами человека, идеологическая монополия правящей партии и другие. В то же время наблюдается экономический рост ряда государств (Китай, Индия), относящихся к другой цивилизации, но оказывающих в настоящее время существенное влияние на международные отношения. То есть новые страны входят сегодня в общецивилизационный мировой порядок в своей оригинальной форме, как бы «пропуская» опыт других стран через свой, исторически сложившийся уровень развития. Это касается и общецивилизационных свойств управления, которые и подкупают «потребителя».

Здесь необходим не только учет содержания такого опыта, но и чье-либо (русского, китайского, американского) времени его использования, анализа этапа в становлении новой системы управления. Все это необходимо для сохранения своего «национального лица» в мировом организационном порядке и для того, чтобы объективно войти в него в качестве элемента этого порядка, системы, стать органической частью современной цивилизации, живя на основе национальных и общечеловеческих ценностей, по нормам своего народа и международного права, соблюдая «правила политической и экономической

игры», таким образом внося свою долю ответственности за состояние международных отношений.

Сегодня в политическом языке широко используется понятие «кооперация» (сотрудничество) [1, с. 7]. Всеобщая кооперативная зависимость людей, стран в рамках современной цивилизации имеет характер прямого и опосредованного влияния. В мировом сообществе появились организационные возможности взаимной корреляции развития всех стран, входящих в мировое сообщество. Мы это наглядно видим на примере ЕС, Китая и США, США и стран Ближнего Востока. Мировое сообщество в настоящее время представляет новый тип кооперативных политических отношений, стремится к созданию условий для всестороннего кооперативного сотрудничества стран, что проявляется в совместных действиях государств по укреплению политического доверия между народами.

В основе политической кооперации в современном мире лежит объективная закономерность – политическая интеграция, которая не может реализоваться автоматически, без приведения в действие политического механизма, соединяющего объективные и субъективные факторы мирового сообщества. Этот механизм должен правильно отражать требования объективной закономерности в политике государств, опираться на осознание подлинных национальных и международных интересов различных стран. Их сознательное и гармоничное сочетание является главным в укреплении и развитии политической кооперации.

В основе политических взаимодействий стран лежат общие управленческие механизмы, выражающиеся в организации управления на уровне отдельных государств и означающие эффективное участие страны в политическом сотрудничестве. В системе стран создан политический механизм управления, функционирующий на основе объективных и субъективных факторов, включающих систему стимулов управления, учитывающих конкретные политические интересы государства в определенной политической ситуации.

Особое значение этого механизма в том, что мировое сообщество имеет единый центр управления – ООН, различные международные управленческие структуры – Европарламент, МВФ, ВТО и другие, которые осуществляют свою деятельность на основе системы международно-правовых отношений, международных принципов и норм. Основными формами этих отношений являются многосторонние и двухсторонние соглашения, договоры, декларации, различные методи-

ки разрешения спорных вопросов, комиссии по выработке международно-правовых решений.

Основным условием развития нормальных политических отношений является реально существующее согласие между странами, что в свою очередь определяется политической зрелостью управляющих, их умением в сложном взаимодействии международных задач найти правильную политическую линию и способность соотнести собственный опыт с опытом других управляющих, а это во многом определяется политической культурой политических элит. Поэтому существенное значение имеют механизмы организации управления политическими отношениями и эффективная деятельность международных органов управления.

Также следует отметить, что важным управленческим основанием в сфере политической кооперации стран является учет принципа независимости и равноправия стран, каждая вырабатывает свою политику, исходя из конкретных условий, принципа ответственности за принятие и реализацию научно обоснованных решений. Высшую ответственность за политическое укрепление сотрудничества несут правящие силы страны.

Принцип согласия, лежащий в основе их политической деятельности, проявляет себя в виде постоянных политических контактов, которые сегодня являются определяющими на современном этапе межцивилизационного сотрудничества. От них зависят совершенство экономических и культурных взаимоотношений, принятие политических решений, которые в свою очередь определяют эффективность экономического и культурного сотрудничества. Ответственность правящих сил возрастает в современном мире, так как это ответственность перед собственным народом и мировым сообществом.

Важное значение имеет соблюдение норм политических взаимоотношений, то есть общность общецивилизационного организационного строения норм. Это принципиально важно, так как разность этих норм может породить различные подходы в разрешении политических проблем и прийти в противоречие с основными источниками общности этих норм, а именно принципиальным согласием стран, выраженном в договоре о сотрудничестве.

Следует выделить также традиционный принцип разрешения споров путем переговоров, не менее важным является и принцип обмена управленческой информацией в политических взаимодействиях, поскольку информация может быть использована для манипуляции со-

знанием граждан внутри страны и в сфере международных отношений (Сирия).

Исходя из некоторых теоретических рассуждений, обратимся к реальной практике. В 90-е годы XX века провозглашается окончание Холодной войны и победа Запада, что означало окончательную вестернизацию мира. Активизируется духовное и экономическое наступление на Восток, стремление покончить с традиционной восточной ментальностью, осовременить народы и страны. И все это совершается под лозунгом «открытого общества», общества без границ, без специфической культуры и национальной идентичности, без патриотизма [2, с. 8]. И Запад преподносится как воплощение духовности, свободы, прогресса. А что за этим на самом деле? Экономический интерес. Мы видим, какая политика проводится по отношению к странам, не относящимся к ЕС и США.

Интересен в этом плане пример появления нового суверенного государства 9 июля 2011 г. – Республика Южный Судан, которое США признало за день до официального провозглашения – 8 июля, а затем очень быстро – еще 59 стран, причем 5 – постоянные члены Совета Безопасности. Республика обладает большими запасами нефти – это главное, что подвигло на такое скорое признание и поддержку, хотя ряд экспертов подчеркивают, что это наглядный пример того, что международные механизмы «работают», и независимость можно получить законным путем (Северный Судан признал независимость Южного), и любой конфликт имеет шанс на мирное урегулирование, то есть Южный Судан – это доказательство, что для современной системы международных отношений страшен не сепаратизм как таковой, а военные методы борьбы за отделение (Абхазия, Южная Осетия) [3]. И таких примеров много. Главное, что обращает внимание – прежде всего экономический интерес, который «можно» реализовать любыми способами, в том числе военными, но завуалировать их как спасение человечества от правителя – тирана.

Таким образом, межцивилизационные взаимодействия сегодня актуальны для многих стран, прежде всего ЕС, так как очень высок уровень миграции с Востока носителей другой культуры, сегодня «двери» открывает Швеция для беженцев из Сирии. Все это создает определенные трудности внутри этих стран, но данная проблема актуальна и для международных отношений, поскольку стремление стран, относящихся к Восточной цивилизации, многие из которых имеют огромные запасы полезных ископаемых, энергоресурсов, оружия, требует от мирового сообщества более взвешенной политики, воздержания от воен-

ных акций, так как последние разрушают механизмы стабильности, создавая условия для распространения терроризма, межнациональных и религиозных конфликтов.

Литература

1. Гаевская О.Б. Современная цивилизация и социальное управление (организационный аспект). Киев, 1997.

2. Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000.

3. Шелест А. Нужен ли нам Южный Судан? // Зеркало. № 26. 16.07.2011.

В.Н. Козулин

Концепции «цивилизации»: от западоцентризма к многополярности

Согласно реконструкции историка Люсьена Февра, слово «цивилизация» (образованное от латинского «civilis» – «городской», «гражданский», «государственный») впервые употребил французский философ-просветитель Поль Гольбах в 1766 г. [1, с 8]. С тех пор оно прочно утвердилось во всех европейских языках. Первоначально это слово обозначало определенный этап развития человеческого общества, точнее, его высшую стадию, следующую после «дикости» и «варварства» (по классификации английского ученого Льюиса Моргана). Поэтому слово «цивилизация» употреблялось лишь в единственном числе.

С началом кризиса европоцентристской картины мира, примерно в середине XIX века, появляется его новая альтернативная трактовка, которую первым предложил французский историк Франсуа Гизо. Он утверждал, что кроме «цивилизации как прогресса человеческого общества в целом» существуют еще локальные (местные) цивилизации. Постепенно локально-исторический (или так называемый цивилизационный) подход к мировой истории становится все более популярным, вытесняя классический всемирно-исторический (формационный) подход.

Особенно очевидным это становится в XX веке, с появлением знаменитых локально-исторических теорий Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби. При этом если Шпенглер в начале XX века под цивилизацией понимал еще единую для всех выделяемых им «типов культур» стадию развития (правда, оцениваемую им негативно – как стадию кризиса и загнивания любой культуры), то Тойнби уже стал употреблять само слово «цивилизация» в локально-историческом смысле. Следует отметить, что такую же эволюцию пережило появившееся

несколько раньше в европейских языках слово «культура», которое изначально также считалось универсальным понятием и подразумевало только единственное число. В результате эти два слова во французской и англосаксонской литературе теперь стали отождествляться [ср. 2, с. 18], хотя в немецкой они зачастую противопоставляются (с подачи О. Шпенглера и его предшественников – многих представителей немецкой классической философии).

После определенного триумфа цивилизационной теории, объяснимого кризисом европоцентризма и самой исторической науки в XX веке, во второй его половине возрождается универсальный подход. В это время появляется так называемый неоволюционизм, выразившийся в теориях «модернизации» и «многолинейной эволюции».

Согласно этому подходу, все человеческие общности развиваются принципиально единым путем – от первоначальной фазы традиционного общества, через индустриальную, к современной (постиндустриальной). Но при этом разные культуры идут к этой конечной цели – современной цивилизации – разными темпами и различными путями. Кто-то – более прямыми и, соответственно, более быстро, кто-то – окольными, надолго застревая, спотыкаясь или даже возвращаясь назад в своем развитии. В этой связи в теории модернизации появились понятия о странах первого и второго «эшелона» модернизации, странах «догоняющей» модернизации.

Теорию модернизации можно считать, в известной мере, компромиссом между универсалистским и партикуляристским подходами. Поскольку история в данной трактовке, с одной стороны, предстает единым для всех народов прогрессивным процессом, а с другой стороны, учитывается специфика развития разных культур на пути к этому универсальному прогрессу. Иначе говоря, исторический процесс трактуется как универсальный в абсолютном смысле, но многовариантный в относительном.

Все же и эта теория является по своей сути европоцентристской или, точнее, западоцентристской. Ведь современное (постиндустриальное, информационное) общество базируется, прежде всего, на ценностях и достижениях западной цивилизации, и считается, что именно западные страны являются образцом модернизации, к которому остальные «подтягиваются» с большим или меньшим успехом. Причем успех модернизации у тех или иных народов, как правило, соизмеряется со степенью их «близости» (не столько географической, сколько культурной) с западной цивилизацией, наличием с ней «точек соприкосновения».

Говоря о возрождении универсализма в трактовке истории, нельзя не упомянуть фундаментальную работу современного американского

историка Уильяма Мак-Нила [3]. Будучи учеником А. Тойнби, У. Мак-Нил со скепсисом отнесся к грандиозной историко-философской схеме своего учителя. В «Восхождении Запада» (первым изданием вышедшем еще в 1964 г.) делается упор не на изолированное развитие той или иной цивилизации, а на взаимодействие и взаимное влияние разных цивилизаций, что, по мнению Мак-Нила, и является движущей силой исторического процесса.

Несмотря на «западоцентристское», на первый взгляд, заглавие этой книги, в ней гораздо подробней описывается развитие «НЕ-западной» цивилизации и, что важно, подчеркивается та мысль, что Запад был лидером общечеловеческого прогресса далеко не всегда, а лишь начиная с XVI века. До этого же лидером выступали наоборот восточные страны, и «мир Запада («Дальнего Запада Евразии», как его неоднократно называет автор) уступал по уровню культурного и материального развития как цивилизации Среднего Востока, так и Китаю» [3, с. 5].

Из таких же посылов исходит современный английский историк-неомарксист Клайв Понтинг в своей работе «Всемирная история. Новый взгляд» (2000 г.) [4]. Автор предлагает раз навсегда отказаться от европоцентристского взгляда на историю и рассматривает Европу как периферию мировой цивилизации и культуры. Он предпочитает ставить в центр рассмотрения не Европу, а цивилизации Евразии, в первую очередь Юго-Западную Азию и Китай. К. Понтинг рассматривает процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных человеческих сообществ и доказывает, что Европа никогда не была единственной движущей силой всемирной истории.

Заметим, что на это переосмысление истории даже среди универсалистски настроенных историков – в смысле перехода от западоцентристской модели к «многополярной» – большое влияние оказало появление неомарксистской «мир-системной» теории американского ученого Иммануила Валлерстайна, которая, в свою очередь, возникла под влиянием французского историка Фернана Броделя.

Наконец, нельзя не упомянуть произведшей фурор в современной науке работы известного американского политолога Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993 г. – в виде статьи, 1996 г. – в виде монографии) [5; 6]. Эту работу многие восприняли как вызов утвердившейся в науке теории модернизации, одним из ведущих теоретиков которой долгое время был, между прочим, и сам С. Хантингтон [ср. 7].

События 11 сентября 2001 г., казалось бы, проиллюстрировавшие на деле заглавную идею труда С. Хантингтона, вызвали всплеск новых

публикаций на тему переосмысления истории и места в ней так называемой западной цивилизации [ср. 8; 9; 10].

В заключение следует отметить, что в настоящее время традиционная уже в течение многих веков дихотомия «Запад–Восток», несомненно, утрачивает свой смысл. По крайней мере, это относится ко второй ее части – термину «Восток», который сейчас требует переосмысления. Ведь многое из того, что когда-то безусловно относилось к Востоку, теперь уже давно само стало частью Запада или «западной цивилизации» (Израиль, Япония, Южная Корея и т.д.). Поэтому, вероятно, было бы корректнее использовать вместо термина «Восток» какой-то альтернативный термин, например, «не-Запад» (который уже действительно все чаще встречается в современной литературе).

И наконец, еще один заключительный вывод, который напрашивается из анализа новейшей литературы, состоит в необходимости поиска новых, более корректных терминов для описания межкультурных контактов, чем уже активно использовавшиеся прежде понятия «диалог» или «столкновение». Отношения между народами и цивилизациями отнюдь не всегда принимают форму диалога или же прямого противостояния, столкновения и, соответственно, эти термины зачастую не подходят для описания контактов, а тем более для обобщения. Таким альтернативным термином нам представляется слово «взаимодействие», которое было вынесено, в частности, в заглавие темы данного научного сборника. «Взаимодействие» как раз может включать в себя разные варианты контактов и потому, мы полагаем, гораздо точнее описывает многообразие межкультурного общения.

Литература

1. Межуев В.М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии нового времени // Культура: теории и проблемы / Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. М., 1995.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
3. Мак-Нил У. Восхождение Запада: история человеческого сообщества. Киев; М., 2004.
4. Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. М., 2010.
5. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993.
6. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.; L.; Toronto; Sydney, 1996.
7. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
8. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2010.

9. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., 2003.

10. Постзападная цивилизация. Либерализм — прошлое, настоящее и будущее / Под общ. ред. С.Н. Юшенкова. М., 2002.

А.В. Кротов, Н.Э. Заргарян
Запад и Восток в постиндустриальном мире:
межцивилизационный раскол
или конкуренция в меняющихся условиях

Термин «постиндустриализм» учеными разных отраслей наук трактуется крайне широко. Даже среди профильных специалистов по экономике или истории нет единого мнения о точном определении и наполняемости данного явления. Но стоит признать, что постиндустриальный мир — пока последняя стадия или фаза экономической истории человечества, характеризующаяся наивысшими показателями развития политической, хозяйственной и социально-культурной сфер деятельности. В экономике у постиндустриальных стран самый высокий уровень ВВП на душу населения, демократия как никогда сильна, бедные слои населения представлены меньшинством, средняя продолжительность жизни в сравнении с другими странами максимальная, и она растет. Более того, на работу тратится не намного больше времени, чем на досуговые мероприятия, а конфликты, имеющие общественную природу, сведены к историческому минимуму. Но вместе с тем мы наблюдаем не прекращающийся и даже обостряющийся межцивилизационный конфликт, который принимает различные формы.

Согласимся с определением «цивилизации» как «наивысшей формы культурной общности людей, или мегакультуры, имеющей широчайший спектр признаков, определяющих культурную самобытность народов» [1, с. 13]. После выхода известной статьи С. Хантингтона [2] и критического осмысления ее, нам представляется, что религиозных оснований и исторически сложившихся противоречий в различных регионах мира недостаточно для объяснения современного межцивилизационного конфликта. Мы предполагаем, что отмечаемые противоречия все больше приобретают двухполюсный вид: Запад - Восток.

У С. Хантингтона и других исследователей к западному миру относится большинство европейских государств, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия. С Востоком обычно отождествляются страны Азии и Северной Африки. Мы не нашли в научном мире упоминаний о конкретной восточной цивилизации, у Хантингтона на этом историко-географическом пространстве есть индуистская, конфуцианская, мусульманская и синтоистская цивилизации.

Наша гипотеза заключается в том, что большинство коллизий в XXI веке между западным и восточным миром в действительности носят глобальный экономический характер. При этом постепенно начинают формироваться большие межгосударственные общности, которые приобретают цивилизационный характер. Также мы предполагаем, что в постиндустриальной фазе капитализма и одновременно обострения конкуренции развитый мир пытается прямо и косвенно навязать определенные ценности остальному миру для сохранения за собой первенства и одновременно возможностей для маневра. И делается это через продвижение «передовых практик» западного типа демократии. На рис. 1 показаны самые важные достижения и особенности постиндустриального общества, характерные для стран западного мира. Но мы должны уточнить, что основные преимущества, которые продвигаются на другие территории, не всегда там несут социальный, экономический и политический прогресс. Поэтому их будет правильным обозначить как реальные и воображаемые.

Если все отмеченные западные ценности вводить одновременно в культурно чужеродном пространстве, то никакого очевидного поступательного движения у новых адептов не наступит. Нет ни одного примера в мире. После принятия западных ценностей развития общества в новых условиях автоматически утверждаются и правила рыночной игры, принятые на Западе. Соответственно там, где данные правила и принципы впервые вводятся, там и результаты выше. Такая фора западному миру необходима для достижения преимуществ в получении доступа к важнейшим ресурсам современного капитализма.

Рис. 1. Постиндустриальное общество западного мира.

Рис. 2 дает нам представление о спектре основных востребованных ресурсов нынешнего постиндустриального общества. На предложенной схеме отражены важнейшие составляющие рыночного успеха больших сообществ. Охарактеризуем факторы успеха, о которых есть мало упоминаний в аналитической литературе. Наличие такого фактора, как информационное первенство, позволяет говорить о возможности применения самых первых (наиболее прибыльных) практик социально-экономического или культурно-политического характера. Право определять жизнь своего сообщества и других дает преимущественный выбор всего самого лучшего. Являясь примером для подражания, гораздо легче продавать свои товары и услуги.

Рис. 2. Необходимые ресурсы для развития в постиндустриальном мире.

Именно за все отмеченные ресурсы и идет соперничество между странами-лидерами и догоняющими державами. Причем если на природно-сырьевые ресурсы, ноу-хау есть рыночная цена, трудовые ресурсы и интеллектуальные силы привлекаемы, а на чужие рынки товаров и услуг с тем или иным успехом можно выйти, то три расписанные выше фактора не продаются. Эти преимущества создаются человеческим капиталом годами и с помощью государственных политико-экономических мер. Создается своеобразный круг избранных, обладающих данными возможностями. На сегодня это ограниченный круг стран, и мы их ассоциируем с Западом. Можно сослаться и на Н. Бердсолл [3], которая подтверждает нашу мысль. Такое соревнование за отмеченные ресурсы в большей степени признается на уровне транснациональных корпораций. Потому как недостаток их ведет к ограниченным возможностям по расширению своего влияния, а значит, и совокупной прибыли. Только опираясь на этот комплекс базовых составляющих, можно говорить о сохранении лидерства.

Для того, чтобы обладать всеми названными ресурсами, необходима особая слаженная стратегия западного мира, которая ведет к превосходству. Ведь это очевидно, что нынешние аутсайдеры в совокупности обладают кратно преобладающими человеческими ресурсами, что автоматически ведет к более емкому рынку товаров и услуг. В последних рейтингах, оценивающих капитализацию отдельных государств, растет доля, которая отводится человеческому капиталу. Как раз за него и идет сейчас борьба между самым развитым сообществом и остальными территориями. И это соперничество все больше приобретает идеологический характер.

Исходя из нашей гипотезы, конкурентная борьба на рынке ограниченных ресурсов привела к своеобразному рождению «западной цивилизации», заинтересованной в ресурсах и сохранении «статус-кво». Проводники постиндустриализма обосновывают сегодняшнее лидерское положение тем, что к этому ведет демократия. А сегодняшнее положение стран полупериферии и периферии обосновывается «неразвитостью» там социально-экономико-политических институтов. Часто это ведет к возникновению своеобразного публицистического и политико-экономического штампа – «восточные страны». Но именно эти страны за последние 40 лет существенно увеличили и наращивают свою долю в мировом ВВП, что беспокоит развитый мир [4].

Рис. 3. Снижение социально-экономического потенциала Востока

Для того, чтобы постоянно выигрывать обостряющуюся конкуренцию, применяются самые различные методы и способы (рис. 3).

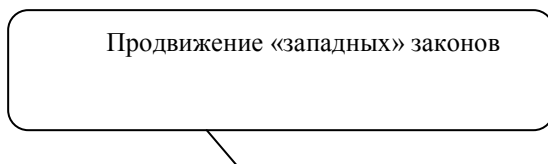

Рис.4. Деление мира на Запад и Восток.

Исходя из современного социально-политического положения и расстановки сил в конкурентном поле, все государства можно разделить на группы (рис.4). Наше предположение заключается в том, что в постиндустриальное время межцивилизационное столкновение в трактовке Хантингтона постепенно сокращается, но увеличивается и приобретает цивилизационный характер политико-экономическое противостояние Запада и Востока. Мы выделяем группу стран, где элиты

либо выбирают, с каким миром себя больше связать, колеблются, либо Запад пока отвергает их. Можно предположить, что в случае более жесткой конкурентной борьбы с восточным миром и объединения усилий догоняющих стран коалиция лидеров будет расширяться. То есть, более плотно будут инкорпорированы в западный мир сначала «окраины», затем «кандидаты».

Территории Тропической Африки, по всей видимости, в ближайшие десятилетия будут поглощены только внутренними проблемами, их будут просто подвергать эксплуатации. Латинская Америка цивилизационно наиболее близка к западному миру, но пока от него слишком велика финансовая и прочая зависимость, чтобы можно было говорить о самостоятельном цивилизационном развитии.

Литература

1. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М., 2001.
2. Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Vol. 72. No. 3 (Summer 1993). P. 22–49.
3. Birdsall N. Rising Inequality in the New Global Economy: 2005 WIDER Annual Lecture // UNI-WIDER. WIDER Angle. No 2/2005.
4. Эльянов А.Я. Глобализация и развитие // МЭМО. 2012. № 11. С. 3–15.

Н.М. Морозов

Опыт операционализации цивилизационного подхода

Процедура операционализации предполагает движение научной мысли от целостного представления о предмете исследования, в качестве которого предлагаем рассматривать цивилизационный подход, к его конкретизации. Несмотря на большое количество посвященных данному аналитическому инструментарию в последнюю четверть века работ, содержание до сих пор остается неясным: в подавляющем большинстве монографий, диссертаций или статей использование подхода не выходит за пределы декларативных намерений, а в остальных случаях – методологический аппарат комплектуется лишь отдельными его элементами. Попробуем разобраться в причинах сложившейся ситуации и выделить наиболее значимые компоненты данной методологической стратегии.

1. От обществоведов, разрабатывающих цивилизационную проблематику, логично ожидать использование в качестве теоретической базы любую понравившуюся цивилизационную концепцию и соответ-

ствующую ей методику исследования. Тем не менее, некоторые авторы, являясь приверженцами всемирно-исторической, глобалистской, мир-системной или модернизационной макротеорий (и это позиционируется понятийным аппаратом), изучают цивилизацию на чужом проблемном поле. В результате возникает понимание цивилизации как стадии, фазы, ступени технологического развития общества (мировая, аграрная, индустриальная, ноосферная, городская и другие цивилизации). Это понимание, не несущее в себе элемента новизны, но умножающее сущности, заимствованные у продуктивной части формационной теории, объясняющей как глобальные этапы технологического развития человечества, так и соответствующие им тенденции на уровне экономик отдельных стран, регионов, и других сфер жизнедеятельности. Вводятся неологизмы (мегацивилизация, субцивилизация, геацивилизация и другие), дублирующие понятие локальной цивилизации и создающие путаницу в терминологии. И это несмотря на то, что разработана типология: известны цивилизации моноэтнические (Япония), полиэтнические (Китай, Индия, Россия), континентальные (Латинская Америка, Африка, Океания), дискретная (западноевропейская, включающая народы стран Западной Европы, северной Америки, Австралии) и сформированная исключительно на основе религии (мусульманская).

2. Эффективным средством преодоления названных выше издержек познавательного процесса является преодоление сложившейся в историографии разногласия в определениях ключевых понятий. Как нами установлено, главная причина дефиниционного тупика заключается в несоответствии признаков определяемого требуемому уровню обобщения, соответствующему масштабу локальной цивилизации. В качестве признаков авторы, как правило, используют разнопорядковые по родовидовому уровню предполагаемые свойства, представляющие собой лишь отдельные сегменты целостности цивилизации, с чем трудно согласиться разработчикам других определений, акцентирующим внимание на других сегментах той же целостности.

Если руководствоваться требованиями общей методологии к составлению классической дефиниции, то выстраивается следующий ряд умозаключений:

– локальная цивилизация – это часть человечества, проживающая в пространстве и во времени суперэтнуса, объединенная комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации;

– цивилизационный подход – это методологическое направление, обеспечивающее изучение процессов формирования и функционирования в рамках пространства и времени суперэтнуса комплиментарных многовековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации;

– теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основании принципов цивилизационного подхода.

В дефиниции локальной цивилизации центральное понятие выступает как категория, имеющая самостоятельное познавательное значение и «работающая» в собственном проблемном поле. Философские категории пространства и времени структурируют основные направления осмысления исторического содержания других групп понятий, характеризующих уже суперэтнос, а также феномены социального мышления и самоорганизации общества.

Так, в отношении социального мышления на следующем по нисходящей линии уровне представители когнитивных наук различали его типы: религиозное, экономическое, политическое, обыденное, научное, эстетическое, культурно-символическое, психический склад этноса и другие, синтезирующие в духовной сфере уникальный опыт поколений. А в историко-социологических знаниях традиции самоорганизации связывались с территориальными формами расселения людей, технологическими укладами, способами производства, моделями государственного и иного управления, социальным строем и бытовым укладом. В их пространственных и временных конфигурациях материализовывались общие черты и особенные свойства каждой из локальных цивилизаций, которые, в целом, небезуспешно на рубеже XX–XXI вв. обнаруживали отечественные и зарубежные интеллектуалы.

Очевидно, нижней ступенью рассматриваемой родовидовой лестницы является семья/род как этническая единица, выполняющая функции воспроизводства потомства и передачи новым поколениям навыков деятельности, ценностного ощущения месторазвития (термин П.Н. Савицкого – Н.М.) в образе Родины и других устойчивых стереотипов, выработанных ее предками в течение длительного периода адаптации в конкретной природной и социальной среде.

Как видим, дефиниции в классическом варианте выгодно отличаются своей информативностью о сложной системности определяемого, подразумевая тем самым его открытость для конкретизации в рамках других узко предметных и концептуальных подходов.

3. Цивилизационный подход должен отличаться от других методологических стратегий комплектацией таким набором принципов, кото-

рые специально направлены на выделение феномена локальной цивилизации среди других субъектов сферы социального, и дают возможность с помощью методов и способов исследования представить структуру и содержание его пространства и времени. Данный методологический аппарат в идеальном варианте имеет многоуровневую инструментальную оснастку, включающую: философские, эпистемологические, общенаучные, предметные принципы и максимы конкретного направления исследований. К последним относятся и принципы цивилизационного подхода. Не углубляясь в полемику по поводу их количества и содержания, которую следовало бы начать с работ П.А. Сорокина [1, с. 221–229], приведем, как полагаем, наиболее значимые, а именно:

- принцип историзма – нацеленный на учет взаимосвязи между возрастом российской цивилизации и качественными характеристиками ее характеризующих явлений (процессов) в конкретный период;

- принцип эмерджентности – формирующий представление о пространстве цивилизации как целостности, свойства которой не должны сводиться к свойствам составляющих его структур (элементов) и связей (понятие эмерджентности, разрабатываемое в синергетике, тождественно гносеологическому принципу холизма);

- принцип психологизма – направленный на выявление специфики солидарных представлений членов макросообществ о мире и о себе, обусловленных менталитетом, верой, мировоззрением, установками, ориентирующий на фиксацию общего и особенного в социокультурных портретах локальных цивилизаций.

4. Не умаляя значение первых двух принципов, отметим основополагающую роль в выяснении природы локальной цивилизации третьего, раскрывающего путь к познанию ее свойств, предопределяющих особенность изучаемого феномена. Неформальное следование принципу психологизма предполагает первоначальное усвоение знаний о структуре менталитета титульного этноса, состоящей из определенной конфигурации форм коллективного бессознательного. Форм, находящихся в постоянном взаимодействии с логикой мышления, обеспечивающих устойчивость и преемственность признаков традиционности, в определенной мере блокирующих деструктивный потенциал актуального сознания общества конкретного исторического периода, как теперь уже ясно – полиэтнического, поликонфессионального, а следовательно – полиментального, или наоборот – преодолевая «цензуру» рационального и «окультуренного» мышления обеспечивающих проникновение в поведение толпы элементов иррационального, форми-

рующих атмосферу варварства. В историографии проблематики менталитета сложились свои полемики по узловым вопросам: по поводу различий между менталитетом и ментальностями, менталитетом и культурой, по поводу его структуры. Не разобравшись с данными вопросами, исследователь рискует и дальше множить ту неопределенность, которой изобилует область знаний о свойствах любой локальной цивилизации и причинах ее специфики.

Несмотря на более чем 150-тилетнюю историю области научных знаний о локальных цивилизациях, лишь в последние 80 лет ученые (в первую очередь представители школы Анналов, А.Я. Гуревич и многие другие зарубежные и отечественные обществоведы), исповедуя не(нео)классический тип рациональности, существенно продвинулись в усвоении отдельных составляющих цивилизационного подхода, не исключающего, но предполагающего синтез с другими концептуальными стратегиями (в том числе и с формационной) в целях изучения линейных процессов в режиме большой длительности циклично-волнового времени локальной цивилизации.

Литература

1. Зюев Н.В. Философия Питирима Сорокина: дис. ...д-ра филос. наук. М., 2004.

И.С. Семененко Конфликт идентичностей и проблемы формирования гражданских наций

В разнородном обществе, представляющем разные культуры и идентичности, социокультурная модернизация нацелена на формирование общей гражданской идентичности как ресурса развития. Но гражданских и политических скреп оказывается недостаточно для необходимой национально-государственному сообществу социальной солидарности. Кризис мультикультурализма (или, точнее, государственной политики мультикультурализма как системы регулирования принципов социального общежития в рамках национально-государственного сообщества в условиях его культурной неоднородности) поставил этот вопрос в повестку дня публичной политики всех (за исключением разве что маленькой Исландии) развитых стран.

В европейских государствах – наследниках колониальных империй, в странах с большими автохтонными сообществами, обладающих значительным уровнем национально-территориальной автономии, консолидация национально-государственного сообщества на основе

гражданской идентичности оказывается важнейшим источником мотивации развития, а размывание такой идентичности углубляет внутренние социокультурные размежевания. Нереализованное стремление утвердить формирующиеся вне и помимо государства идентичности групп и сообществ (принадлежность к которым осознается индивидом как значимая для поддержания его культурного лица и для его индивидуальной самоидентификации) подпитывает выплески политического радикализма.

Противоречия между сообществами, представляющими носителей разных идентичностей, приводят к затяжным политическим конфликтам. Природу таких конфликтов нельзя сводить только к «конфликту идентичностей», у них есть и социальное, и политико-институциональное, и экономическое измерения, но утверждение своих особых прав и легитимация притязаний на особость аргументируется в публичном дискурсе общими, отличными от «других» ориентирами самоидентификации того или иного сообщества или группы. Речь идет и о борьбе меньшинств (расовых, этнических, конфессиональных, гендерных и др.) за признание особых прав и статуса на путях политики идентичности [о концепте и практиках политики идентичности см.: 1], и о широко известных притязаниях политических представителей автохтонных меньшинств на большую независимость от центральной власти вплоть до полного отделения (как в случае Каталонии или Шотландии).

Такие конфликты имеют и очевидные экстерриториальные измерения: объединенные общими ориентирами идентичности меньшинства проводят целеориентированную, и нередко – агрессивную политику идентичности, и их требования социального признания и особого правового статуса уже привели к глубинным социокультурным размежеваниям, которые нынешние политические институты не в состоянии залатать. Конфликты интересов накладываются на конфликты ценностей. Возможно ли «их взаимное признание, конституирующее общее гражданство», о котором пишет такой авторитетный социальный мыслитель, как Юрген Хабермас? В контексте разработанной им теории коммуникативного действия немецкий философ выстраивает модель постсекулярного общества, призванную примирить религиозные и секулярные ценности и картины мира на основе «взаимной рефлексивности» [2]. Однако рефлексивность [3], будучи ключевой характеристикой Современности, не является доминирующим трендом современного развития, ориентированного на конфликт (Э. Гидденс видит «рефлексивность современной социальной жизни в том факте, что социальные практики постоянно исследуются и реформируются в свете

вновь поступающей информации об этих же практиках, меняясь в результате этого самого в своих основаниях», а характерную черту современности – «в презумпции всеобщей рефлексивности», в том числе и «рефлексии о природе самой рефлексии» [4, с. 156].

Многомерный конфликт идентичностей – между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых идентификаций и культурных норм оказывается сегодня препятствием на пути консолидации гражданской нации. Трансформируется сам источник, традиционно генерировавший общественно значимые смыслы – государство. Определение «национальное» по отношению к государству до недавних пор воспринималось как само собой разумеющееся. Политическая мысль XX века приписывала историческому национальному государству эпохи модерна универсалистские свойства, ориентируя на качество жизни пресловутого «золотого миллиарда» как на желаемый результат развития национально-государственных сообществ. Однако в глобализирующемся мире пути трансформации государственности все более заметно расходятся с нациестроительством в ее привычной исторической трактовке.

Феномен «несостоятельных государств» (failed states) и «проблемных», распадающихся государств (failing states) – одно из ярких проявлений этой тенденции. Изменения на политической карте мира, произошедшие за короткий по масштабам исторического времени период после распада советской системы, ставят получившие новую государственность страны и их граждан перед вызовом самоопределения на основаниях, соответствующих новым реалиям многокультурных обществ. Рост внутренних очагов этнонациональной и этноконфессиональной конфликтности разводит «национальное» и «государственное» начала в системе ценностных ориентиров гражданина. Выплески сепаратистских настроений в регионах представляют угрозу для национального государства, и решения ищут на путях предоставления таким территориям той или иной степени самоопределения (передача полномочий парламентам регионов в Великобритании, «государство автономий» в Испании, особый статус автономии для пяти регионов Италии и пр.).

Формирование общих ориентиров идентичности политических сообществ как основы их «согласия на развитие» становится приоритетом социальной и культурной политики в условиях дестабилизации мирового порядка. В повестке дня национального регулирования – поиски адекватных ответов на риски доминирования этнического са-

мосознания и групповых идентичностей с этническими корнями (этнонациональными, этноконфессиональными): они выстраиваются по принципу исключения и противостояния «иным», перечеркивая интегративные универсалистские основания гражданской идентичности. Между тем строительство государственности путем актуализации этнонационального дискурса в его конфессиональных, лингвистических и других измерениях оказывается едва ли не самым действенным средством утверждения государственного суверенитета, особенно в молодых национализирующихся (по выражению Р. Брубейкера) полициях. Эта актуализация происходит в противостоянии «другим» – бывшей метрополии, «старым» и «новым» соседям. Наличие территориальных споров (Армения – Азербайджан) или подогреваемых в публичном пространстве исторических обид (Польша – Россия) формируют негативную идентичность. Решение таким путем задач национальной консолидации может дать кратковременный эффект, но в условиях социокультурной модернизации происходит его быстрое исчерпание.

Конфликт, который принято описывать как противостояние традиции и современности, может придать новый импульс развитию на основе синтеза элементов традиции и инновации. Возможность такого синтеза закладывается на уровне индивидуальной идентичности, развития личности. Формирование пространства межкультурного взаимодействия оказывается результатом усилий интеллектуалов, экспертных сообществ, гражданских инициатив, религиозных и светских организаций на путях развития межкультурного диалога.

Литература

1. Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2011.
2. Хабермас Ю. Против воинствующего атеизма. «Постсекулярное» общество – что это такое? О новом европейском порядке. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma>
3. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social. Stanford University Press, 1994.
4. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.

А.Н. Харин
Геоцивилизация: на перекрестке мнений

В последние десятилетия все более популярным в гуманитарных науках становится цивилизационный подход. В теории мировой политики еще в 1993 году американский политолог С. Хантингтон поставил вопрос о росте цивилизационного фактора, в какой-то степени воскрешая идеи своих предшественников (Н.Я. Данилевского, А. Дж. Тойнби).

Цивилизационная парадигма становится популярной в политической науке, вызывая одобрение одних исследователей [1] и критику других [2]. Появляются даже работы, в которых рассматривается цивилизационная парадигма геополитики в целом, выделяются ее основные положения [см., напр., 3]. Но таких работ пока мало. Мы предполагаем проанализировать следующие вопросы:

- время возникновения цивилизационной парадигмы в России;
- интерпретации таких категорий, как «цивилизация», «геоцивилизация» и «государство-цивилизация»;
- проблема цивилизационного ядра;
- границы цивилизации;
- количество цивилизаций.

Со становлением цивилизационной парадигмы в России иногда связывают имя Л.Г. Гумилева. Действительно, он внес большой вклад в разработку цивилизационного подхода [4, с. 153]. Но Л.Н. Гумилев, в первую очередь, являлся представителем этнологического подхода. Мы полагаем, что как таковой цивилизационный подход в российской философии геополитики стал формироваться в середине 1990-х годов и был связан, в первую очередь, с творчеством В.Л. Цымбурского, А.С. Панарина и А.Г. Дугина. Так, В.Л. Цымбурский и А.Г. Дугин поставили вопрос о России как особом, самобытном мире, которому не обязательно сливаться с «общечеловеческой цивилизацией». В наше время к данному направлению можно отнести работы И.А. Василенко, В.А. Дергачева, Л.Г. Ивашова, И.Ф. Кефели, С.Г. Киселева, С.В. Хатунцева. Все указанные авторы акцентируют внимание на важной роли цивилизационного фактора в геополитике. Современное глобальное пространство для большинства из них – это арена взаимодействия не только государств, но и цивилизаций (или «геоцивилизаций»). В числе ключевых категорий здесь используются «цивилизация», «геоцивилизация», «государство-цивилизация», «полицивилизационный мир», «метацивилизация», «диалог цивилизаций». Большинство российских авторов, работающих в данном направлении, критикует «конфликто-

логическую парадигму» взаимодействия цивилизаций, предложенную С. Хантингтоном, настаивая именно на «диалоге цивилизаций».

Внутри данного кажущегося единообразия существует множество акцентов, течений, подходов. В самом начале затронем такую проблему, как трактовка понятия «цивилизация». Уже здесь мы можем видеть их многообразие. В.Л. Цымбурский отождествляет цивилизации с народами [5, с. 56]. Цивилизационная геополитика, по В.Л. Цымбурскому, должна, в первую очередь, рассматривать взаимоотношения ядра и народов периферии.

Л.Г. Ивашов понимает под цивилизацией формирующиеся во времени и в пространстве различные культурно-исторические типы общества, отдельные геополитические, социальные, духовные структуры, отличающиеся друг от друга не только по характеру производства, социально-экономическому строению, но и по образу жизни человека, обычаям, мифологии, мышлению, религиозному сознанию [6, с. 179]. Типичным для большинства трактовок является подход А.Г. Дугина, считающего что цивилизации – это широкие и устойчивые географические и культурные зоны, объединенные приблизительно общими духовными, ценностными, стилистическими, психологическими установками и историческим опытом [7, с. 464–465].

Для разграничения традиционных цивилизаций и современных исследователи все чаще применяют термин «геоцивилизация». В данном определении, по замечанию И.Ф. Кефели, фиксируются в первую очередь: 1) историко-культурный статус локальных цивилизаций; 2) их территориальное местонахождение; 3) их этнический и конфессиональный состав; 4) их природно-ресурсный, экономический и социокультурный потенциал; 5) их соотнесенность с полюсами экономической, политической и военной силы; особенности самоидентификации [8, с. 64].

Наряду с этими двумя категориями в цивилизационной парадигме используется и еще одна – «государство-цивилизация». В.А. Дергачев характеризует данный феномен как наиболее эффективную форму противостояния глобальным вызовам и угрозам в современном мире [9].

Таким образом, в рамках цивилизационной парадигмы существует несколько главных подходов к трактовке категории «цивилизация», которые условно можно назвать: «этнологический» (речь здесь идет именно о В.Л. Цымбурском), «ценностный» (т.е. берущий за основу ценности, он и считается наиболее распространенным) и «территориальный» (к нему еще мы вернемся).

Еще одной проблемой является вопрос о ядре цивилизации. Большинство исследователей, вслед за А. Тойнби и С. Хантингтоном, считают таковым религиозные ценности (к примеру, А.С. Панарин). Но у данной позиции существуют серьезные возражения. В.Л. Цымбурский полагал, что не всегда цивилизации являются производными от религий. Имеют место и обратные случаи [10, с. 243–246]. С.В. Хатунцев также подверг критике идею маркировки цивилизаций по религиозному критерию, считая, что оптимальным является территориальный критерий [11]. Частично с аргументами против идентификации по религиозному критерию можно согласиться. Но ядром любой культуры является знание, а каким оно было вначале у любого народа? Преимущественно религиозным. Даже если религия оказывается вытесненной на задворки общественного сознания, остаются архетипы поведения, заложенные религией.

Четвертая проблема – границы цивилизаций. Границы их очень часто размыты. Не случайно даже некоторые исследователи (Я.Г. Шемякин) вводят понятие «пограничная цивилизация». Свой выход предложили В.Л. Цымбурский и С.В. Хатунцев, разрабатывая теорию лимитрофов – своеобразных пограничных зон. В.Л. Цымбурский дал характеристику Великому Лимитрофа – междоцивилизационного пространства, протянувшегося по всей Евразии от Балтийского моря до Кореи. С.В. Хатунцев, считал, что лимитрофным поясом окружены все цивилизации, а не только российская [12, с. 86–88].

Следующий важный вопрос о количестве цивилизаций. Один из критиков цивилизационной парадигмы скептически подмечает, что у ее сторонников даже нет определенного количества цивилизаций, каждый указывает свое число [13]. Но если посмотреть приводимые российскими геополитиками списки цивилизаций, то можно выделить следующие цивилизации, как наиболее часто встречающиеся: западная, российская (у нее несколько названий, о чем ниже), конфуцианская, индийская, исламская, латиноамериканская, африканская. Поэтому скептическое утверждение А. Янова является необоснованным.

На наш взгляд, все цивилизации могут образовывать так называемые метацивилизации. По В.А. Дергачеву, «...это концептуальное объединение нескольких цивилизаций на основе определенных общих признаков... например, Запад и Восток» [9]. Можно сказать и по-другому: это крупные родственные социокультурные образования. Свой вариант метацивилизаций предложил С.В. Хатунцев. По его мнению, существует три метацивилизации в Старом Свете, разделенные на шесть цивилизационных субъектов: Европа–Россия, Китай–Индия, арабо-персидский мир – Черная Африка. В Новом Свете суще-

ствуется еще одна такая система, состоящая из двух культурно-исторических миров [12, с. 86–87].

Мы выделяем два основных современных типа, которые можно назвать мегацивилизациями, так как приставка «мега» означает «огромных размеров», «растянутый», а с учетом охвата территорий, которые заняли два этих типа цивилизаций, данный термин является более оправданным.

I. Средиземноморский тип: 1) евроатлантическая (к которой по ряду критериев можно отнести континентально-европейскую, англо-американскую субцивилизации), российская и иберо-американская цивилизации, к ним же можно добавить и океаническую субцивилизацию (термин Ю.В. Яковца); 2) исламская цивилизация (арабская, персидская, турецкая и малайская субцивилизации).

II. Индо-тихоокеанский тип: 1) индийская цивилизация; 2) конфуцианская цивилизация (с четырьмя субцивилизациями: китайской, японской, корейской, вьетнамской); 3) буддистская (в которую можно включить два крупных разрозненных ареала или две субцивилизации – монгольскую и индокитайскую).

Таким образом, цивилизационная парадигма, хотя и предстает чем-то единым, но в ее рамках существуют многочисленные подходы, течения, указывающие на непрекращающийся поиск новых решений для геочивилизаций в XXI веке. В этом многообразии, на наш взгляд, залог дальнейшего развития данного подхода к мировой политике.

Литература

1. Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке. URL: <http://www.rapn.ru/partner/files/starostin.pdf>
2. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития. 2006. № 4. С. 72–87.
3. Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб., 2007.
4. Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М., 2010.
5. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011.
6. Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М., 2002.
7. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М., 2012.
8. Кефели И.Ф. Цивилизационная парадигма в контексте глобальной геополитики // Геополитика и безопасность. 2010. № 2. С. 64–67.

9. Дергачев В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010. URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/04/134.html>
10. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы разных лет. 1993–2006. М., 2007.
11. Хатунцев С.В. К вопросу о Хантингтоне. URL: <http://www.apn-pn.ru/539683.html>
12. Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2. С. 86–98.
13. Янов В.А. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_7415

2. МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.М. Бетмакаев Конфликт Запад–Восток и международный статус ГДР в 1949–1961 гг.

Холодная война между Западом (коалиция стран во главе с США) и Востоком (коалиция стран во главе с СССР) в значительной степени обусловила раскол Германии на два сепаратных государства – ФРГ и ГДР в конце 1940-х гг., хотя это положение остается предметом споров как в отечественной, так и зарубежной литературе [1, р. 6–8]. В данном докладе преследуется цель показать, какое значение имел глобальный конфликт Запад–Восток для эволюции международного статуса Германской Демократической Республики с момента ее провозглашения 7 октября 1949 г. и до установления властями ГДР стены между Западным и Восточным Берлином 13 августа 1961 г.

С самых первых дней существования ГДР ее правительство провозглашало себя единственным законным немецким государством. Своей конечной целью руководство ГДР объявляло ликвидацию сепаратного западногерманского государства, находящегося под управлением западных союзников, и восстановление немецкого единства [2, р. 194–204].

Западногерманское государство, созданное на месяц ранее ГДР, не признало государство Восточной Германии. ФРГ позиционировалась правительством К. Аденауэра как единственный законный представитель немецкого народа, а ее гражданами признавались все немцы.

Оба немецких государства имели в этот момент ограниченный суверенитет. Международные права ФРГ были ограничены Оккупационным статутом, подписанным Бонном и западными державами, а международный статус восточногерманского государства был понижен сохранением жесткого контроля СССР над ГДР. К тому же, между ГДР и СССР отсутствовали дипломатические отношения на уровне послов.

Признанная странами Запада ФРГ летом 1950 г. приняла решение участвовать в создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а осенью того же года – в создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). В последнем случае формирование «европейской армии» с участием западногерманских частей напрямую затрагивало интересы безопасности СССР.

Принято считать, что Сталин пытался остановить процесс вовлечения Западной Германии в военные структуры Запада. Вместе с тем, замечает немецкий историк Й. Лауфер, официально декларируемая цель Сталина – единство Германии – оставалась всегда безусловно подчиненной задаче сохранения советских позиций в центре Европы [3, с. 102]. В советском плане срыва ремилитаризации ФРГ определенное значение придавалось росту немецкого национализма, который мог достичь своей цели – объединения Германии при условии нейтральной позиции по отношению к Востоку и Западу.

Западные оккупационные державы решили подписать с правительством Аденауэра Общий (генеральный) договор, регулирующий их отношения с Западной Германией. Согласно замыслу договора, оккупационный режим ликвидировался, правительство ФРГ получало большие права во внешней и внутренней политике, многие ограничения в развитии военной промышленности упразднялись, разрешалось создание армии.

Планируемые изменения статуса ФРГ не могли ускользнуть от восточных немцев, которые рассчитывали на подобное отношение к ГДР со стороны СССР. Многие историки считают, что руководители ГДР не были простыми пешками и исполнителями желаний Москвы [4, р. 470; 5, р. 4; 6, р. 82]. Их цель заключалась в том, чтобы строить ГДР как страну «социализма», подобную странам Восточной Европы. И план создания ЕОС с участием ФРГ дал руководителям ГДР новые аргументы, чтобы потребовать полной интеграции ГДР в советский политический и военный блок. В начале 1952 г. они пытались использовать предстоящее подписание Общего договора и договора об учреждении ЕОС, увеличивающими суверенитет Западной Германии, как отправную точку своих действий, чтобы побудить Москву повысить статус ГДР в ее отношениях с СССР.

10 марта 1952 г. Советский Союз выдвинул новую инициативу по решению германского вопроса. Представителям западных держав была передана так называемая «мирная нота» Сталина, в которой всем оккупационным державам предлагалось незамедлительно и при участии общегерманского правительства начать разработку мирного договора с Германией. Еще не получив ответа, Сталин 7 апреля 1952 г. указал руководителям ГДР на встрече в Кремле, что необходимо «без шума и стремительно» создать с помощью СССР народную армию, поскольку «пацифистский период закончен» [7, р. 48].

Отвергнув «мирную ноту», три западные державы подписали с ФРГ в Бонне Общий договор 26 мая 1952 г., а 27 мая ФРГ и 5 других участники ЕОУС подписали в Париже договор о создании ЕОС. В от-

вет правительство ГДР объявило о решении создать «запретную зону» на всем протяжении границы с ФРГ. Это решение, как и объявление о начале «строительства социализма» в ГДР в июле 1952 г., были продиктованы Москвой, перечеркнув всякую перспективу объединения Германии на компромиссной основе [8, с. 164].

Однако смерть Сталина 5 марта 1953 г. поставила под удар восточногерманские надежды. Новое советское руководство пришло к выводу об ошибочности прежнего курса на «строительство социализма» в ГДР. Объявление под советским нажимом «нового курса» руководством ГДР спровоцировало выступления рабочих 16–17 июня 1953 г.

Июньские события имели важные последствия для международного статуса ГДР. Советское руководство перешло к косвенному контролю над ГДР. Взамен Советской Контрольной комиссии, которая действовала с 1945 г. как военный орган оккупационной власти, был введен гражданский институт Верховного комиссара СССР. Советский Союз отказался от неуплаченной части репараций, снизил расходы ГДР на содержание советских войск, передал в собственность ГДР советские акционерные предприятия, а дипломатические миссии двух стран были преобразованы в посольства, и Советский Союз заявил о признании полного суверенитета ГДР.

Новый советский руководитель Н.С. Хрущев стал добиваться международного признания ГДР, взяв курс на ее включение в военно-политический блок. Этому способствовало и вступление ФРГ в НАТО. Советским ответом на расширение НАТО стало создание 14 мая 1955 г. Организации Варшавского Договора (ОВД). Хотя ГДР присоединилась к советскому блоку, она, по сравнению с другими восточноевропейскими странами, не получила формальных гарантий своей безопасности со стороны СССР. Подписанный 20 сентября 1955 г. договор о взаимных отношениях между СССР и ГДР, который предоставил Восточной Германии формально полный государственный суверенитет, не являлся союзным договором. Ликвидировав пост Верховного комиссара, Советский Союз сохранил контроль над безопасностью ГДР, на территории которой оставались советские войска [9, S. 125–126].

В сентябре 1955 г. советское руководство заметно продвинулось к решению своей главной цели – достижению международно признанного «паритета» двух германских государств, когда в ходе московского визита канцлера Аденауэра была достигнута договоренность о дипломатических отношениях между ФРГ и СССР [8, с. 224]. Бонн пытался не допустить повышения международного статуса ГДР, выдвигнув в 1957 г. «доктрину Хальштейна» (автоматический разрыв дипло-

матических отношений ФРГ со странами, признавшими ГДР), но эта тактика повлекла материальные и репутационные издержки [10, р. 224–225]. Доктрина, отмечает британский историк Р. Хьюз, была пропагандистским подарком, т.к. ГДР заявила о «шантаже» ФРГ стран «третьего мира» [11, р. 53].

Попытки международной изоляции ГДР помогли конфронтационной дипломатии Ульбрихта, который добивался международного признания ГДР путем ужесточения политики СССР в германском вопросе. По мнению многих исследователей, влияние Ульбрихта на Хрущева было значительным во многих моментах второго Берлинского кризиса [12, р. 24–26; 13, S. 234; 14, р. 122–132; 15, р. 108–116].

Берлинский кризис привел к возведению 13 августа 1961 г. стены между восточным и западным секторами Берлина, а также вокруг Западного Берлина. Стена, «самостоятельно» установленная руководством ГДР, не только проводила четкую границу между западной и восточной частями немецкой нации, но и повысила международный статус Восточной Германии. Ульбрихт способствовал тому, что Берлинская стена стала гарантией отказа Москвы от планов объединения Германии и, тем самым, признанием международного статуса ГДР.

Литература

1. Lewkowicz N. The German Question and the International Order, 1943–1948. Basingstoke, 2010.
2. Spilker D. The East German Leadership and the Division of Germany: Patriotism and Propaganda 1945–1953. Oxford, 2006.
3. Лауфер Й. СССР, образование государства в Восточной Германии и берлинский кризис (1948–1949 гг.) // СССР и германский вопрос, 1941–1949: Документы из российских архивов. Т. IV. М., 2012.
4. Naimark M. Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Cambridge, 1995.
5. Harrison H. Driving the Soviets Up the Wall: Soviet–East German Relations, 1953–1961. Princeton, 2003.
6. Zubok V.M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2007.
7. Переговоры тов. Сталина с руководителями СЕПГ В. Ульбрихтом, В. Пиком и О. Гротеволем, 7 апреля 1952 г. (в переводе на англ. яз.) // Cold War International History Project Bulletin. Issue 4. Washington, 1994.
8. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1940–1990. М., 2009.

9. Umbach F. Das rote Bündnis: Entwicklung und Zerfall des Warschauer Paktes 1955 bis 1991. B., 2005.

10. Gray W.G. Germany's Cold War: The Global Campaign to Isolate East Germany, 1949–1969. Chapel Hill, 2003.

11. Hughes R.G. Britain, Germany and the Cold War: The Search for a European Detente, 1949–1967. L., 2007.

12. Newman K. Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis 1958–1960. L., 2007.

13. Uhl M. Krieg um Berlin? Die sowjetische Militär- und Sicherheitspolitik in der zweiten Berlin-Krise 1958 bis 1962. München, 2008.

14. Kempe F. Berlin 1961: Kennedy, Khrushchev, and the Most Dangerous Place on Earth. N.Y., 2011.

15. Major P. Behind the Berlin Wall: East Germany and the Frontiers of Power. Oxford, 2010.

В.Н. Козулин, Ю.Г. Чернышов
Эволюция стереотипов восприятия
Европы и европейцев в России
(Ч. 1. От Древней Руси до Империи)

Рассуждения о межкультурных взаимодействиях часто строятся в виде абстрактных схем, довольно далеких от исторических, географических и культурных реалий. Так, например, типологии локальных цивилизаций часто не отвечают элементарным научным правилам классификаций. В качестве критериев одновременно используются религиозные, географические, этнические и иные признаки. Это часто проявлялось в тех случаях, когда речь шла о сопоставлении Европы и России.

Так, у Арнольда Тойнби (а позднее и у Сэмюэля Хантингтона) речь шла, по сути, о «Западном мире» и о «Православной (славянской, русской) цивилизации» [1; 2]. Но возникает вопрос: почему бы тогда не выделить внутри «Запада» цивилизации «католическую» и «протестантскую», «европейскую» и «североамериканскую»? Или, скажем, «романскую», «германскую» и «англо-саксонскую»? На такое противоречие в подходах обращал внимание еще Питирим Сорокин: «Самая серьезная ошибка этих теорий состоит в смешении культурных систем с социальными системами (группами), в том, что название «цивилизация» дается существенно различным социальным группам и их общим культурам — то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами» [3]

Иногда эту дихотомию пытаются описать в иных категориях — «Запад» и «Восток». Однако она тоже имеет разные трактовки (географиче-

ские, культурологические и т.д.). В широком смысле под Востоком обычно понимается так называемый классический (азиатский) Восток. А в более узком – под Востоком подразумевают и страны, в значительной степени европейские по своим культурным истокам, но все же слишком «отошедшие к Востоку» и во многом противопоставившие себя Западу. Это цивилизации византийская и русская.

В настоящей статье речь пойдет как раз о втором понимании данной дихотомии – о том, как воспринимались в качестве «Других» европейцы в России. Несмотря на условность упомянутых типологизаций, различия объективно существовали и, более того, в разные эпохи они по-разному воспринимались представителями «двух миров».

Отдаление друг от друга и осознание существенных различий русских и западноевропейцев зачастую приводило к формированию взаимных негативных стереотипов восприятия. При этом западноевропейские стереотипы о русских и о России уже достаточно хорошо известны и изучены. Многие европейские стереотипы о русских как о «варварах» в последнее время вновь стали активно развенчиваться как злобредные «мифы о России» [4]. Впрочем, любой стереотип в известной степени мифологичен и в связи с этим вряд ли нуждается в развенчании. Гораздо менее изучены стереотипы восприятия Европы и европейцев в российском общественном сознании. Мы попытаемся вкратце проследить основные этапы эволюции этих стереотипов с древнейших времен до нашего времени.

Говоря о российском общественном сознании, как и о любом другом, следует иметь в виду, что оно не является единым: для разных категорий населения, для разных идеологических групп характерны разные, порой прямо противоположные взгляды на одни и те же проблемы. В особенной мере это всегда было свойственно в России именно в отношении к Западу. На этот счет с давних пор сложились два противоположных идеологических течения – «западничество» и «антизападничество» (по своей сути почвенничество, в частности, «славянофильство»).

Известный немецкий историк Г. Штёкль по этому поводу замечал, что в России издавна шла динамичная борьба европейских и антиевропейских сил [5, с. 57–58]. Очевидно, что эти две тенденции порождали прямо противоположные стереотипы в восприятии Европы и европейцев. Поэтому при анализе стереотипов мы будем исходить из того, какая тенденция (антиевропейская или проевропейская) в развитии страны становилась преобладающей в тот или иной период.

1. В период Древней (домонгольской) Руси, по крайней мере, в его начале, отношение к Европе и к европейцам-католикам было гораздо более лояльным, чем в некоторые последующие. Русь, по сути, являлась частью европейского христианского мира, она воспринималась не как

«не-Европа», а как «тоже Европа». Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» писал о европейцах-католиках, что «есть вместе с ними и пити в случае нужды, ради любви Христовой, не совсем предосудительно» [6, с. 263]. Активно развивались торговые связи – в частности, через Новгород.

Однако уже в Древней Руси, по наследству от Византии, проявились две тенденции по отношению к европейцам – лояльная и негативная. И по мере усиления византийского влияния на Руси все более усиливалась последняя, потому что она и в самой Византии со времени раскола церковью становилась преобладающей. Сказались и конфликты с воинственными крестоносцами. Нашествие монголо-татар разорило и подарило Русь, надолго отбросило ее назад в развитии, отделило ее от Европы. Этому способствовало и стремление некоторых князей ради сохранения своей власти сотрудничать с захватчиками: «лучше татарское иго, чем римский папа!».

2. Период Московского государства (XV–XVII вв.). Московское царство вырастает на основе распавшейся Золотой Орды – постепенно прибирает к рукам наследство, которое было у монголо-татар; перехватывает власть и наследует многие, по сути, азиатские политические традиции. Синтез европейских и азиатских элементов привел к развитию уже особого «евразийского» государства. С этого момента Россия и Европа смотрят друг на друга как на «значимого Другого». С одной стороны, они узнают друг в друге общие черты, но с другой – чувствуют, что их многое отличает.

Еще одна проблема, которая проходит через всю историю отношений, – это проблема догоняющей модернизации. Страна объективно отстала от Европы и технически и культурно, а догоняла рывками, за счет перенапряжения сил. Казенно-бюрократическое отношение к людям, как к материалу, который можно бросать в топку, чтобы быстрее доехать, идет еще оттуда. И, конечно, геополитические конфликты с европейскими странами периодически подогревали негативные стереотипы.

Со времени путешествия московской церковной делегации на Ферраро-Флорентийский собор и обратно (1437–1439 гг.) начали усиливаться культурные контакты с Италией и другими странами. Однако широкие слои общества это влияние не затронуло, в массах были распространены ксенофобские настроения, в основном религиозно мотивированные. Негативная установка, восходящая к греческой церковной пропаганде, еще прочнее укоренилась в народном сознании. Так, австрийский посол С. фон Герберштейн писал: «Московиты похваляются, что они одни только истинные христиане, а нас осуждают как отступников от первоначальной церкви» [7, с. 106].

Иван Грозный, с одной стороны, был в известной степени очарован западной культурой, особенно английской, а с другой – считал себя выше европейских государей, и у него наиболее отчетливо проявились амбиции наследника римских кесарей. Пожалуй, от этих времен берет начало тенденция возводить Россию в ранг особой цивилизации, со своим особым предназначением – как бы выше и лучше Европы.

События Смутного времени резко усилили в обществе недоверие и враждебность к Западу. Среди простого народа была широко распространена ксенофобия – не только на религиозной, но и на бытовой почве. Внешний вид и одежда «немцев» (которыми в народе называли практически всех иностранцев) вызывали постоянные насмешки у русских – «немчин брюхат и толст». Не один раз совершались погромы Немецкой слободы, срывались до основания иноверные храмы [8, с. 66, 50].

3. В «имперский» период в основном побеждает «западническая» тенденция и происходит бурная вестернизация. Россия при Петре пытается многому научиться у Европы, чтобы догнать ее в своем развитии. Прорубается «окно в Европу», строится новая «европеизированная» столица. В составе империи оказываются представители многих европейских народов – в частности, поляков и немцев. Европейская культура получает «зеленый свет», и значительная часть элиты настраивается проевропейски. Формируется достаточно влиятельный слой интеллигенции, выступавшей против «азиатчины». Необходимо выделить, однако, грань, когда отношение к Европе во властных кругах сменяется с восторженно-подражательного, как было долгое время, на все более прохладно-настороженное, а затем даже враждебное.

Эта перемена происходит в период Французской революции и наполеоновских войн – как консервативная реакция на опасность повторения подобного пути. К концу правления Николая I дело дошло уже фактически до первой «холодной войны» с Западом, а затем и до настоящей (Крымской) войны. При Николае I новое дыхание получила и теория «Москва – Третий Рим». Отныне она стала пониматься исключительно в геополитическом смысле, в том, что Россия – особая, коренным образом отличная от европейской цивилизация, единственная наследница православно-монархической Византии.

В это время формируется национальное самосознание, происходит осознание своей особенности и в русском обществе. Возникают течения «западников» и «славянофилов». Естественно, что в эпоху Крымской войны и обострения отношений с Европой преобладающей становится антизападная тенденция. В широких общественных слоях (причем, как в консервативно-охранительных, так во многом и в демократических славянофильских) складывается стереотип Европы как источника тлетвор-

ного влияния. Эти стереотипы уже очень близки современным традиционным стереотипам восприятия европейцев в России. Один из самых популярных стереотипов, оформившихся уже тогда, это противопоставление европейского «рационализма» русской духовности, иррационализму.

Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. в отношениях России и Европы, а соответственно, и в эволюции стереотипов, снова наблюдается потепление и сближение [см.: 9]. Перед лицом растущей германской угрозы Франция и Англия становятся союзниками России. Европейская светская культура через университеты, через литературу, через театры и т.д. широко распространяется в России и при этом зачастую получает на российской почве вполне органичное развитие. Как это ни парадоксально, даже не только либеральные, но и радикальные «антибуржуазные» силы черпали тогда свои идеологические установки в основном из Европы.

Литература

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2001. Т. I. С. 82–85.
2. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22–49.
3. Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика. Сравнительное изучение цивилизаций // Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/03.php
4. Мединский В.П. Мифы о России: в 3-х кн. М., 2010.
5. Stökl G. Rußland und Europa vor Peter dem Großen // Rußland, Europa und der deutsche Osten. München, 1960.
6. Карташев А.В. Собрание сочинений. Т. 1. Очерки по истории русской церкви. М., 1992.
7. Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. В.Л. Янина. М., 1988.
8. Уланов В.Я. Западное влияние в Московском государстве // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический альманах под ред. В.В. Каллаша в шести томах. Репринтное издание. Т. II. XVII век. Вторая половина. М., 1991. С. 39–76.
9. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011.

Обсуждение в Интернете

Комментарий от Анатолия Сметанникова

10 июня 2013 г., 14:35 УМТ

Вряд ли до Петра Европа видела в России “значимого другого” – не более, чем в Китае.

Комментарий от авторов

15 июня 2013, 17:28 УМТ

Вряд ли до Петра Европа видела в России “значимого другого” – не более, чем в Китае.

Пожалуй, в целом Вы правы. Однако надо учитывать, что в европейской литературной традиции, начинающейся с древних греков, «значимыми другими» были уже скифы, про которых были распространены и негативные, и позитивные стереотипы. Эти стереотипы впоследствии во многом были перенесены на русских, татар и другие народы Восточной Европы. Они действительно воспринимались как «удивительно другие». Нужно учитывать и то, что после падения Византии Россия стала самым значимым государством в православном (некатолическом) мире. Она была тогда все-таки более значимой для Европы, чем далекий и малоизвестный Китай.

Здесь можно вспомнить Сигизмунда Герберштейна, который в середине XVI века открыл для широкой европейской публики Россию. Его «Записки о Московии» стали одними из первых книжных «бестселлеров» и еще при жизни автора выдержали целых пять изданий. Из этого, скорее всего, не следует, что Россия стала «значимым», но, по крайней мере, очень интересным «другим» для европейцев. Россию, с легкой руки Герберштейна, начали противопоставлять Европе.

Кстати, стоит заметить – это уже в развитие Вашей мысли – что и для России до Петра I Европа, пожалуй, не являлась столь уж «значимым Другим», во всяком случае, на уровне широкого общественного сознания. Это становится возможным, когда отношения становятся более близкими. И в России осознание Европы как своего «значимого Другого» происходит уже только в те времена, когда ей была сделана мощная «западная прививка» и открылось широкое поле для сравнения. Хотя тенденция видеть в Европе «значимого другого», безусловно, зарождается в те самые «московские» времена. Это заметно уже в некоторых высказываниях Ивана Грозного, который, как известно, был очарован европейской культурой, особенно английской, европей-

ские страны имели для него определенное значение, но при этом он постоянно стремился доказать, что он и его государство выше и важнее всех европейских.

В.Н. Козулин, Ю.Г. Чернышов
Эволюция стереотипов восприятия
Европы и европейцев в России
(Ч. 2. Советский и постсоветский периоды)

Рассмотрев в предыдущей статье основные тенденции эволюции стереотипов восприятия Европы и европейцев до 1917 г., мы переходим теперь к последующей истории XX – начала XXI вв. и обобщению выводов.

4. В советский период произошла радикальная смена элиты и тех идеологических подпорок («православие, самодержавие, народность»), на которых держалась империя. Изменилась даже столица – европейский Санкт-Петербург был сменен на более «евразийскую» Москву. Изменился и сам принцип деления на «своих» и «чужих»: если прежде важнейшее значение имело отношение к царизму и православию, то теперь на это место пришло отношение к СССР и марксизму-ленинизму. Соответственно, европейцы нередко дифференцировались по классовому и идеологическому принципам.

Поскольку, согласно новой картине мира, власть в Европе была в руках «буржуев» и «империалистов», отношение к ней преобладало резко негативное. Однако под видом новой идеологии возродились старые, сформировавшиеся еще в период Московской Руси и в николаевскую эпоху, враждебные стереотипы. Запад в целом воспринимался как источник тлетворного («буржуазного») влияния, как «гнилой», погрязший в чревоугодии и жажде наживы. Возрождается и идея избранности, выражавшаяся отныне в том, что молодое советское государство «передовое» по сравнению с Западом, и что его миссия – стремиться к свершению мировой революции (в мягком варианте, возникшем, когда в идее мировой революции разочаровались, – просвещать загнивающий Запад, опираясь на его передовые левые силы) [1; 2].

В советской пропаганде как бы реанимировалось противоречивое отношение к Западу, которое было еще у Ивана Грозного. Теперь образ Запада словно расслоился «на чуждую социально-политическую систему, с одной стороны, и заслуживающую подражания технологию с другой» [3, с. 32, ср.: 4]. Однако расслоение происходило и по другим направлениям: во время Второй мировой войны вновь среди европейцев были не только враги, но и военные союзники. А с возникновением «социалистического лагеря» появились и «братские» страны (ГДР, Польша,

Чехословакия и др.), отношение к которым было покровительственно-дружелюбным.

К концу периода «холодной войны» пропагандистские штампы все реже воспринимались всерьез: наоборот, европейский образ жизни теперь становился все более заманчивым, особенно в сравнении с собственным более бедным и несвободным. Сама эта навязчивая односторонняя пропаганда вызывала обратный эффект, ей стали все меньше верить. В советском обществе становились популярными альтернативные источники информации – так называемые западные «голоса», из которых люди стремились почерпнуть более правдивую информацию. В неформальной среде все шире распространялся стереотип Европы как более развитого, более богатого и более свободного общества.

5. Период «новой России» конца 80-х – 90-х годов был, безусловно, наиболее «вестернизаторским», прозападным периодом российской истории. Уже при М.С. Горбачеве, а затем и при Б.Н. Ельцине маятник вновь качнулся настолько далеко в сторону Запада, как это было разве что только при Петре. Это породило восторженные оценки Европы и европейского образа жизни, возведение их в некий идеал [5, с. 76]. Россия снова воспринималась не как «не-Европа», а как «тоже Европа», возвращающаяся от «азиатского способа производства» на «столбовую дорогу цивилизации», к правовому демократическому государству.

В спешном порядке заимствовались западные экономические и правовые нормы и институты, хотя почва для их развития в России еще не была вполне подготовленной. Резко расширились «горизонтальные» контакты: это было связано и с активизацией бизнеса, и с либерализацией визового режима, и с развитием новых информационных технологий (Интернет, мобильная связь и т.д.). Многие эти изменения стали теперь необратимыми, однако некоторые ростки европейской демократической культуры, едва развившись в 90-е годы, были подавлены или постепенно завяли сами.

Уже в конце 1990-х – 2000-е гг. намечается обратный ход маятника. Под влиянием фобии «цветных революций» и страха потерять власть вновь на свет начали вытаскивать стереотипы, унаследованные от «холодной войны» и даже глубже – от Крымской войны и николаевской эпохи. Европейцы, согласно этим стереотипам, – бездуховные материалисты, распущенные в нравственном отношении, слишком увлекшиеся мультикультурализмом, шпионы-вредители, экспансионисты и порой чуть ли не извечные враги («они нас не любят»). Под флагом этой пропагандистской кампании принимаются меры против правозащитных НКО и других институтов гражданского общества, выступающих против произвола и коррупции – на них пытаются наклеить ярлыки «иностранных агентов».

Впрочем, эта антизападная риторика носит во многом показной характер. Представители нынешней элиты все равно посылают своих детей учиться в Кембридж, все равно откладывают деньги на Кипре и покупают себе особняки за океаном. Нынешняя элита сильно зависит от Европы, США и Китая. Ее декларируемый «патриотизм» на поверку часто оказывается «киприотизмом».

Обобщая сказанное, нужно отметить также, что стереотипы восприятия европейцев дифференцировались не только под влиянием геополитических и идеологических факторов. Уже с XV–XVI вв. приходит осознание, что европейцы разные и заслуживают разного отношения. Скажем, итальянцы – «артистичные», французы – «любовеобильные». Англичане, с одной стороны, вызывают уважение своей высокой культурой, а с другой – порождают неприятие «чопорностью и снобизмом».

Про «педантичных» немцев в ходе длительного общения накопились два огромных комплекса стереотипов: позитивных и негативных [6]. Сейчас преобладают позитивные: немцев считают аккуратными, законопослушными, любящими порядок, образованными (хотя в периоды войн они воспринимались как «агрессивные, жестокие, бесчеловечные»). Немцы удобны, когда русским хочется покритиковать самих себя. При этом вновь используются стереотипы: если они аккуратные, то у нас все «на авось», если они практичные, то мы, наоборот, наивно-мечтательные, если они трудолюбивые, то мы ленивые, и так далее. Но, с другой стороны, «что русскому хорошо, то немцу смерть». И в этом тоже проявляется «широкая русская душа», выносливая евразийская особенность.

Говоря в целом о «цивилизационной идентичности», следует отметить, что Россия почти никогда не воспринималась как часть Запада, но зачастую считалась принадлежащей к Европе (хотя и в разных смыслах у «западников» и «почвенников»): «И сейчас в тех случаях, когда образы «Запада» и «Европы» различаются, последний, как правило, более позитивен (негативные оценки переносятся на США)» [7, с. 176].

Если теперь представить рассмотренные выше пять периодов предельно схематично, то получится своеобразная «синусоида»: сначала преобладало положительное отношение к Европе, затем негативное, затем опять положительное, и снова негативное, а сейчас мы на стадии скорее положительного отношения, но переходящего к более негативному (см. Таблицу 1). Объективно это нередко соотносится с периодами оттепели и реакции, и не случайно многие политологи считают, что сейчас Россия переживает период «подморозки».

Отойти от этого «синусоидального» пути, вероятно, частично можно, но в полной степени нет. Россия действительно особая страна – в Европе нет другого такого государства, где бы на такой огромной тер-

ритории жило столько разных народов и в таких суровых условиях. Есть объективные сходства и различия в интересах, в исторических традициях, в менталитете. Но колебания в этой «синусоиде» в XXI в. будут все-таки уже другими – они будут более частыми и не такими значительными. Тотально манипулировать обществом, как в первой половине XX века, уже не получится. Сейчас под влиянием глобализации все более развиваются горизонтальные связи, люди более информированы. Объективные тенденции к проведению модернизации, к развитию понимания и сотрудничества будут брать свое, и положительное отношение постепенно все-таки станет преобладающим.

Таблица 1. Основные положительные и отрицательные стереотипы (по периодам)

Ключевые периоды	Положительные стереотипы	Отрицательные стереотипы
1. Древнерусский	Тоже христиане, с которыми можно сотрудничать, торговые партнеры	Еретики, гордые и воинственные (к концу периода)
2. Московский	Высокий уровень технической и художественной культуры, образованные, культурные люди	Церковные отступники, еретики, ниже России в политическом отношении, смешно выглядящие, толстобрюхие и т.п.
3. Имперский	Культурный ориентир, высокоразвитые, образованные, более цивилизованные и более свободные люди, ученые, наши союзники (накануне и во время Первой мировой войны в отношении французов и англичан)	Рациональные, «плоские», материалистичные, не такие духовные, с порядками, не подходящими России, хилые, слишком развращенные и либеральные, не любящие русских и Россию, шпионы
4. Советский	Технологически и культурно развитая цивилизация, родина передовых социальных идей и многих великих людей; страдающая под игом фашизма и вызы-	«Буржуазный», прогнивший мир, требующий переустройства, чревоугодническая, материалистичная цивилизация, мещанство, бездуховность, агрессоры или ненадеж-

	вающая сочувствие (в период войны), братские социалистические страны	ные хитрые союзники, враждебно настроенные к СССР, шпионы
5. Современный	Гораздо более передовая, демократическая и свободная, продвинутая в культурном, социальном и техническом отношении цивилизация, лидер прогресса, выгодный партнер, образец для подражания	Бездуховные, нравственно распущенные и разлагающие, излишне толерантные и либеральные, чуждые, экспансионисты, не любящие русских и Россию, шпионы

Литература

1. Саран А.Ю. Восприятие Запада в России и СССР 1900–1929 гг. // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 2. М., 1996. С. 507–517.
2. Голубев А.В. Советское общество 1930-х годов и формирование внешнеполитических стереотипов // Россия и Европа в XIX—XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 86–116.
3. Образ России. Русская культура в мировом контексте / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. М., 1998.
4. Бобо Л. К вопросу об амбивалентности восприятия Запада в России // Актуальные проблемы Европы / Под ред. Т.Г. Пархалиной. 2002. №1. Европа: смена вех? М., 2002. С. 200–230.
5. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М., 2003.
6. Чернышов Ю.Г. Российско-германские отношения и стереотипы восприятия Германии и немцев в России // Новый политический цикл: повестка дня для России. М., 2008. С. 273–274.
7. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009.

С.В. Костелянец

Эволюция африканской диаспоры: встречи «цивилизаций»

История выходцев из Африки, комплексная сама по себе, находится в центре истории всего человечества, которая просто не может рассматриваться без тщательного изучения перемещения африканских народов. Первые контакты африканцев с внешним миром относятся к началу XV в. Между тем, первыми африканцами на других континен-

тах были отнюдь не рабы, как это обычно принято считать. Африканцы сопровождали европейских путешественников в Америку и на острова Карибского бассейна в самом начале эпохи морских экспансий в том направлении. Вместе с испанцами и португальцами они исследовали новые территории и населявших их людей. По крайней мере один африканский моряк служил в команде Колумба во время его второго плавания в Южную Америку. Что же касается рабов, то первая партия их была доставлена на остров Эспаньола (в настоящее время о. Гаити) в 1518 г.

Африканцы участвовали в объединении двух миров и внесли свою невольную лепту в распространение в новых землях болезней Старого света, что в буквальном смысле слова оказало разрушительное воздействие, например, на индейское население. То есть, первые африканские «эмигранты» появились на американском континенте в качестве не только рабов, но и свободных солдат, моряков, мастеровых и просто авантюристов.

Африканцы вступали в браки с обитателями Багамских, Антильских и других островов, рожали детей смешанной крови, работали на первых сахарных плантациях Эспаньолы и в портовых городах Санто-Доминго и Гавана, участвовали в завоевании Кортесом Мексики. Вместе с испанцами они двигались с островов и побережья Южной Америки вглубь материка.

В первые десятилетия после открытия Колумбом Америки африканцев там было меньше, чем испанцев и португальцев. Однако уже в XVI в. ситуация стала стремительно меняться: около 150 тысяч африканцев было доставлено в качестве рабов в испанскую часть Южной Америки во второй половине этого столетия. Африканцы работали не только на плантациях. По мере расширения производства сахара, табака и индиго все больше рабов приобретало навыки плотника, каменщика, кузнеца, портного, повара, конюха и т.д. [1, с. 118]. С XVII в. начали создаваться общества рабов. На островах и в Бразилии союзы выходцев из Африки, кроме выполнения функций сохранения африканских традиций, служили и обществами взаимопомощи и совместного противодействия хозяевам.

Не все африканцы в Америке жили как рабы. В результате побегов, а также добровольного освобождения хозяевами своих рабов росла численность свободного чернокожего южно- и североамериканского населения. Наибольшее число освободившихся сосредоточивалось в Бразилии, а также во французских карибских островных и испанских материковых колониях. Многие выходцы с Черного континента смогли получить профессию и найти работу в больших городах. Значи-

тельная их часть превратилась в свободных крестьян, особенно это было распространено в Бразилии, Венесуэле, на Эспаньоле и в Суринаме. Свободные африканцы могли заниматься бизнесом, повышая таким образом свой социальный статус, иногда руководили прибыльными фирмами и даже покупали рабов для расширения производства. Нередко свободные выходцы из Африки отправлялись добровольцами в армию и дослуживались до высоких званий.

В истории рабовладения можно выделить два этапа. Первый характеризуется захватом, торговлей рабами и использованием их труда [2, с. 18–20]. На втором, благодаря усилившейся критике работорговли, произошло сокращение поставок на рынки новых рабов, хотя их число продолжало расти естественным путем (дети рабов автоматически становились рабами): в отдельных районах Северной и Южной Америки вплоть до 1880-х гг., а в самой Африке и на Ближнем Востоке – до третьего десятилетия XX в. Рабовладение без работорговли стало особым этапом в истории рабства.

Одним из наиболее заметных культурных последствий этого этапа было распространение традиционных африканских верований, например, народа йоруба в Бразилии, на Кубе и в некоторых других регионах, в том числе на юге США. Йоруба из района, где сейчас расположены Нигерия и Бенин, составляли самую большую группу рабов, так как оказывались легкой добычей в ходе продолжительных межплеменных войн на территориях их расселения. Пантеон богов йоруба во главе с верховным божеством Олоруном прибыл в Америку несколько веков назад, но именно в XIX в. их религия и культура получили особое значение и распространение. Священные церемонии, инициации, знахарство, предсказание будущего стали элементами повседневной жизни черных общин. Даже после уничтожения института рабовладения традиции йоруба продолжали сохраняться южно- и североамериканскими общинами выходцев из Нигерии и других стран западноафриканского региона [3, с. 58–59]. И по сей день религия и традиции йоруба живут под названиями «Кандомбле» в Бразилии и «Сантерия» на Кубе, а также сохраняются группами африканской диаспоры в других частях континента.

Размеры африканской диаспоры в той или иной стране постоянно менялись. Так, в Мексике, Чили и Аргентине черное население практически растворилось в местном индейском и европейском из-за миграций и смешанных браков и почти утратило свою идентичность. Зато в XIX в. заметно выросло черное население в Панаме, Доминиканской республике и Венесуэле, куда африканцы и креолы переселялись с островов Карибского бассейна.

В XIX в. и те чернокожие, которые родились свободными, и те, которые были освобождены при жизни, находились в постоянной опасности обращения в рабство. Даже когда все рабы в одном месте получали освобождение, существование рабства где-то еще накладывало отпечаток на их существование. Однако после отмены рабства на место одной большой проблемы пришла другая: расовая дискриминация. Теперь тот, кто был только что освобожден, уравнился в правах с тем, кто был свободным уже давно – в поисках работы, получении образования и борьбе за гражданские права – но и те, и другие оказались в самом низу социальной иерархии. По крайней мере, в США разделение общества на рабов и свободных уступило место глубокому размежеванию по линии «черный–белый».

В Южной Америке и на островах Карибского бассейна свободное цветное население в основном занималось фермерством, если было способно купить или захватить кусок земли. Кроме сельского хозяйства, отраслями, в которых бывшие рабы легко находили работу, были строительство, транспорт и кузнечное дело. Женщины, не занимавшиеся фермерством, становились прислужкой или работали на предприятиях по производству одежды. На всех территориях свободные выходцы из Африки могли заняться торговлей или получить формальное образование и начать продвигаться по службе в государственных учреждениях. В США во времена рабства свободные чернокожие в основном работали в промышленности на севере страны.

Обладание собственностью было той гранью, которая наиболее четко отделяла рабов от свободных. Когда отмена рабства официально распространилась на все территории, главной целью освобожденных было приобретение хотя бы небольшого участка земли.

Активно развивалась африканская культура «в изгнании». Рабы и свободные создали новые художественные формы и музыкально-танцевальные стили: «фрумбу» и «хабанеру» на Кубе, «спиричуэлс» в США и «капоэйру» в Бразилии. Негритянские «спиричуэлс» очень быстро стали популярными не только в США, но и в Европе XIX века. Уже вскоре они были приспособлены для концертного исполнения и признаны белыми. На американском Юге новые музыкальные ритмы – «блюз» и «рэгтайм» – зарождались в сельских районах и постепенно распространялись в направлении мегаполисов. В первые десятилетия XX в. в черных кварталах Нового Орлеана появился джаз, через пару десятилетий завоевавший весь мир.

Технологические новшества XX в. – радио, кино, телевидение, звукозапись, развитие средств массовой информации в целом – предоставили чернокожим деятелям культуры возможность познакомить со

своим искусством массового, в том числе белого, зрителя, который полюбил африканские ритмы и мелодии.

Но не только в искусстве выходцы из Африки достигли больших успехов. Некоторые свободные потомки африканских рабов добились высокого положения и в политической сфере. На бывших испанских территориях несколько черных и мулатов стали президентами государств: Бернардино Ривадавия в Аргентине (1825–1827), Висенте Гуэрро в Мексике (1829–1831), Висенте Роса в Эквадоре (1845–1849), Джоакин Креспо в Венесуэле (1884–1886, 1892–1897), Улисс Хёро в Доминиканской республике (1882–1899). Все гаитянские лидеры были черными или мулатами. В США в 1870-х гг. Зирам Ревелс и Бланш К. Брюс были избраны сенаторами от штата Миссисипи, а 22 других чернокожих политика – в Конгресс США.

Потомки недавних рабов по-разному оценивали свои перспективы: одни предвкушали свободу, гражданство, благоприятные условия проживания в наиболее «продвинутых» регионах мира; другим представлялась бледная картина политического и экономического подчинения и социально-культурной зависимости, созданной веками рабства и закрепленной расовой дискриминацией и изматывающей дисциплиной промышленного труда. И те, и другие оказались по-своему правы, но, что удивительно, – все общины африканской диаспоры обнаружили силы и волю достойно и даже с инициативой встретить свое будущее.

Как во времена рабства, так и после его отмены африканская диаспора сделала колоссальный (и не только культурный) вклад в развитие человечества в целом. Африканцы-рабы и наемные работники развивали технику сопротивления различным формам насилия и эксплуатации. Именно благодаря появлению африканской диаспоры и передвижениям африканцев по всему миру были упрочены торговые, экономические, политические и прочие связи и взаимодействия между народами и континентами. Более того, в условиях глобализации африканская диаспора, представляющая собой систему существования и передвижения огромных масс населения, стала одной из движущих сил этого процесса.

Литература

1. Manning P. The African Diaspora: a History Through Culture, N.Y., 2009.
2. История Африки в XIX – начале XX в. М., 1967.
3. Нигерия. Справочно-монографическое издание. М., 2013.

А.К. Кузнецов
Образ фашистской Италии
в пропаганде нацистов на начальном этапе
их пребывания у власти (1933–1934 гг.)

В основе межкультурного взаимодействия, как правило, лежат подходы, основанные на равноправном и свободном сотрудничестве наций, признающие равноценность политической, социально-экономической и культурной самобытности. На наш взгляд, механизмы взаимодействия «цивилизаций» между собой, отражаясь в официальной пропаганде, способствуют адаптации политических систем друг к другу. Именно подобным образом в нацистской пропаганде сформировался комплекс устойчивых представлений об исторически родственном режиме, позволявший поддерживать весьма своеобразные отношения с фашистской Италией в первые несколько лет нахождения нацистов у власти.

Наряду с «образом врага» важной составляющей частью пропагандистского воздействия является также и «образ друга». На данную роль идеологами НСДАП была выбрана фашистская Италия. Итальянский фашизм представлялся им родственным национал-социализму движением и, соответственно, очевидным союзником нацистской Германии. Общность целей, по мнению национал-социалистов, удачно дополнялась отсутствием непреодолимых внешнеполитических противоречий, что гарантировало прочность союза. Но вплоть до 1933 г. отношение к Италии в немецком обществе было не столь уж дружественным. Прежде всего, как указывали сами национал-социалисты, истоки неприязни лежали в противоречиях, которые существовали между германской и романской расами, в прошлом не раз вступавшими в борьбу друг с другом. Еще одним источником неприязни являлась борьба в XIX – начале XX вв. Италии и Австро-Венгрии, а к последней германские немцы всегда относились по-особому, как к части утраченной «большой родины». Резко обостряло ситуацию итальянское предательство Тройственного союза в Первую мировую войну, платой за которое стала передача Риму провинции Южный Тироль, где проживала значительная часть немецкого населения – примерно 200 тысяч человек. Это создало новый очаг противоборства, а проводимая в Тироле политика ассимиляции резко ухудшила отношения между Италией и Веймарской республикой. Поэтому перед нацистским режимом практически сразу же после завоевания власти встала задача создания средствами пропаганды нового облика Италии и кардинальное изменение общественных представлений о ней.

Позиции НСДАП в 1933 г. отличались от позиций национал-социалистов по отношению к итальянскому движению предыдущего и последующего времени. В 1920-е годы фашизм в значительной мере интересовал нацистских лидеров, но взаимоотношения двух движений не были все же сколько-нибудь устойчивыми. А в 1933 г. перед партией встали новые задачи, в том числе задача внешнеполитической легитимизации режима. Лидеры НСДАП строили планы активного сотрудничества с Италией на международной арене. Внешнеполитические реалии того времени только подтверждали идеологические положения – позитивное решение данной задачи было в тот момент возможно только с участием фашистской Италии, поскольку демократические страны Запада к смене власти в Германии отнеслись довольно настороженно. Но «Италия без сомнения... не была популярна в Германии», что заставило «министерство пропаганды развернуть систематическую, широкомасштабную пропаганду в пользу Италии» [1, S. 127].

Зима 1933 г., первые дни нахождения НСДАП у власти, стали апофеозом симпатии, уважения и восхищения фашизмом со стороны национал-социалистов. 30 января, сразу же после назначения рейхсканцлером, Гитлер отправил приветственное письмо Муссолини и начал выстраивать отношения с фашистским лидером и его движением на официальном уровне [2, S. 551]. Первыми журналистами, допущенными к фюреру, были представители именно итальянской прессы, которым Гитлер прямо заявил о «необходимости дружественных отношений между Германией и Италией», так как «тесные отношения между обоими народами есть неперемнное условие для мира в Европе» [3, S. 144].

Муссолини в феврале приветствовал завоевание власти национал-социалистами, о чем радостно сообщали, перепечатывая его выступление, немецкие газеты. Заголовки были однотипны: «Италия самым сердечнейшим образом приветствует образование нового правительства», «Италия с большой сердечностью приветствует новое немецкое правительство» [4, S. 3; 5, S. 1–2].

В первые месяцы нацистского правления отношения были действительно теплыми. В феврале дуче передал предложение о согласовании позиций на конференции по разоружению. А весной 1933 г. он официально предложил Гитлеру свою помощь по пресечению слухов о преследованиях евреев в Германии и в дальнейшем прилагал усилия к опровержению всех сведений об антиеврейских акциях нацистов. Например, «Corriere della Sera» бойкот евреями во всем мире немецких товаров в ответ на нацистские антисемитские акции называла «враж-

дебным Германии маневром» и выражала надежду, что к развязавшим его людям скоро вернется «чувство ответственности» [6, р. 6].

Складывалось впечатление, что настало время для всеобщего ликования и трогательной дружбы. Однако на этом пути было несколько непреодолимых препятствий. Главным из них был сам Муссолини. С одной стороны, он был рад победе национал-социалистов, утверждал, что «победа Гитлера – также и наша победа» [7, S. 112], ему нравилось восхищение со стороны Гитлера. С другой – Муссолини испытывал раздражение от того, что к национал-социалистам в Европе испытывали все возрастающий интерес, который в тот момент начал затмевать итальянскую популярность. И если ранее Муссолини один находился на фашистском Олимпе, то теперь он обнаружил рядом с собой фигуру фюрера, и вовсе не в роли статиста. Гитлер не собирался оставаться в тени дуче и подчиняться итальянскому лидеру. Как отмечают многие биографы, Муссолини был очень тщеславным человеком и нуждался в восхвалении, дававшем ему возможности самолюбования, но внимание неожиданно переключилось на другого вождя. В то же время Муссолини не был до конца уверен в национал-социализме и прочности его положения. Дуче раздражали многие идеи Гитлера, в особенности расовая теория, и он опасался, что немцы своими действиями замарают его детище – фашизм [8, S. 80]. Иногда Муссолини называл антисемитизм германским злом, которого в стране с разумной системой государственного правления быть не может, а корни национал-социализма находил в «бунте древних германских племен», к которым он, как потомок гордых римлян, относился презрительно [9, S. 203].

Несмотря на то, что в изображении органов пропаганды нацистской Германии 1933 год был временем дружбы и сотрудничества, в реальности взаимоотношения двух государств вовсе не были безоблачными. В течение 1933 г. открытых конфликтов не произошло, но итало-германские отношения постепенно ухудшались, а проблемы, разделявшие два государства, приобретали все более острый характер. В итоге это привело к разрыву дружественных отношений двух движений.

Январь–июль 1934 г. – это переходный период итало-германских отношений. Национал-социалистической пропаганде приходилось реагировать на внешнеполитические реалии. Это была сложная задача. Официально необходимо было продолжать говорить о «фашистском брате» и пытаться в рамках этого образа интерпретировать несоответствовавшие ему итальянские действия, но это получалось уже с трудом. В начале 1934 г. было слишком мало событий, позволявших иллюстрировать дружбу двух движений и государств. Одновременно

органам пропаганды постоянно приходилось учитывать потенциальную возможность начала антиитальянской пропагандистской кампании и не хвалить ее слишком сильно, чтобы не пришлось затем резко менять курс. Поэтому тон пропагандистских сообщений в это время гораздо более сдержанный, чем в предыдущий период, но все еще положительный.

Основным полем итало-германского конфликта стала Австрия. Устремления Германии в отношении Австрии не составляли государственной тайны, требование скорейшего аншлюса было одним из главных пунктов национал-социалистической программы. Но и Италия имела здесь свой интерес. В 20-е гг. Австрия находилась в зоне итальянского влияния, причем наряду с Венгрией являлась главным оплотом ее проникновения в Центральную и Юго-Восточную Европу. Кроме того, в эти годы Австрия была главной ареной противоборства двух международных праворадикальных тенденций: итальянской и немецкой. Оба соперничавших государства активно поддерживали своих последователей. Усугублял ситуацию еще и тот факт, что канцлер Австрии Э. Дольфус являлся близким другом Муссолини.

Летом 1934 г. Гитлер предпринял попытку решить австрийскую проблему, безосновательно надеясь на спокойную реакцию Италии. В июле 1934 г. австрийские нацисты попытались совершить государственный переворот, в ходе которого был смертельно ранен Дольфус, семья которого в этот момент гостила в Италии у Муссолини. Дуче ответил концентрацией итальянских войск вблизи австрийской границы и заявил своей решимости сохранить независимость австрийской республики.

Эти события разделили бывших друзей и заставили выбирать новых союзников, причем зачастую в стане вчерашних врагов. Уже с конца 1933 г. дуче начал искать сближения с Францией, надеясь с ее помощью противодействовать германским планам.

У возникшего взаимного непонимания был и еще один аспект — идеологическое соперничество двух режимов. В 1934–1935 гг. уже набравшая силу Германия стремилась к большему, к гегемонии в мировом фашистском движении, что само по себе способствовало достаточно резкому охлаждению отношений. В 1933 г. было создано внешнеполитическое бюро НСДАП, и его глава Розенберг немедленно попытался осуществить свои идеи на практике, в том числе создать международный союз националистических движений. Это вызвало большое раздражение в Риме, который как раз начал проводить активную политику, нацеленную на универсализацию итальянского опыта.

Вместе с тем, Гитлер не отказался от своих планов по заключению союза с Италией, поэтому позицию пропаганды в этот период можно охарактеризовать как «выжидание». Ее усилия в это время были направлены прежде всего на сдерживание антиитальянских настроений в Германии и недопущение слишком одиозных нападок на Италию, способных обострить и без того сильно осложнившиеся отношения. Главным методом сокрытия разногласий стал метод «информационного мусора», согласно которому нацистские пропагандисты и СМИ предоставляли обществу большое количество некомментируемых и нейтральных сведений об Италии. Наравне с ним применялся метод ложных обобщений, позволявший приукрашивать отношения с Италией. Другим важным приемом стало использование иронии, позволявшей представить отчуждение как временные ошибки и недальновидность «не до конца исправившихся» итальянцев. Самым ярким свидетельством кризиса стал резко изменившийся язык пропагандистских сообщений, из которого исчезли слова «фашизм», «дуче», «движение», «национальный» и т.д., замененные на холодно-официальные «Италия», «глава правительства», «государство». Но и в этот период представление об общности судеб и пути двух стран сохранялось, два режима по-прежнему упоминались вместе как сходные явления.

Таким образом, именно в этот период можно говорить об открытии итало-германском противостоянии, которое завершилось лишь после начала итало-эфиопской войны, резко ухудшившей отношения Италии с Францией и Англией и заставившей Муссолини вновь искать немецкой дружбы.

Литература

1. Hoepke K.-P. Die deutsche Rechte und der italienische Faschismus. Ein Beitrag zum Selbstverständnis und zur Politik von Gruppen der deutschen Rechten. Düsseldorf, 1968.
2. Loenne K.-E. Der «Völkischer Beobachter» und der italienische Faschismus // Quellen und Forschungen aus den italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 51. 1971. S. 539–584.
3. Ara A. Faschismus und Nationalsozialismus. Hitler und Mussolini // Deutschland 1933. Machtzerfall der Demokratie und nationalsozialistische «Machtergreifung». Eine Vortragsreihe. Berlin, 1984. S. 136–155.
4. Oberhessische Zeitung. 4.02.1933. № 32.
5. Völkischer Beobachter. 2.02.1933. № 28.
6. Corriere della Sera. 17.04.1933. № 61.
7. Petersen J. Hitler-Mussolini. Entstehung der Achse Berlin–Rom 1933–1936. Tübingen, 1973.

8. Rademacher M. Vom Pressewaffenstillstand zur Achse Rom–Berlin: der Abessinienkrieg und die deutsch-italienischen Beziehungen 1934–1936. Marburg, 1997.

9. Rauscher W. Hitler und Mussolini. Macht, Krieg und Terror. Regensburg, 2001.

А.В. Лузянин

***Образ и стиль внешнеполитического поведения СССР
по отношению к Афганистану в 1919–1939 гг.***

В настоящее время в условиях хронического афганского кризиса анализ истории российско/советско-афганских отношений через призму восприятия их в общественном сознании обеих стран приобретает особую актуальность, поскольку в том же Афганистане в условиях иностранного военного и иного присутствия ведется активная работа по созданию из России образа извечного врага. С этой целью учрежден даже новый День независимости — он ассоциируется не с исходом третьей англо-афганской войны, как это было ранее, а с выводом советских войск в феврале 1989 г. Но такой образ не отражает общественных настроений — несмотря на советское военное вмешательство в конце 1979 г. и последующее 10-летнее военное присутствие, в Афганистане сохранились и превалируют позитивные образы России как долговременного партнера

Формирование представлений о России в Афганистане, долгое время находящемся в изоляции, было основано на образе «помощника и друга» — в политическом и экономическом взаимодействии, и «соратника» — в борьбе Англией.

Представления о том или ином государстве складываются на пересечении явлений, фиксируемых такими категориями, как образ и имидж, а также стиль внешнеполитического поведения. Внешнеполитический образ государства — это спонтанно складывающееся субъективное отражение его, как объекта и субъекта международных отношений. Главное отличие образа от имиджа состоит в том, что имидж формируется усилиями компетентных специалистов и представителей власти для достижения определенных целей [1, с. 3–4]. Под внешнеполитическим же стилем подразумеваются действия высшего руководства страны, специалистов дипломатического ведомства и других организаций, непосредственно участвующих в решении внешнеполитических задач. Именно стиль складывается из действий, направленных на формирование имиджа государства на международной арене.

По мнению ведущего российского афганиста В.Г. Коргуна, «...формирование образа любой страны за пределами ее границ представляется довольно сложным, многоуровневым и многоплановым механизмом, меняющим свои контуры и характер в зависимости от изменения внутренних и внешних процессов развития общества и приоритетности основных компонентов этого механизма». На формирование образа России в Афганистане определяющее влияние оказали исторические связи. На протяжении 1919–1939 гг. они имели различные тенденции, связанные с внешнеполитическим курсом, сменой режима в обоих государствах, региональными особенностями международной политики [2, с. 5].

Россия первой установила в 1919 г. и затем поддерживала с Афганистаном добрососедские отношения, осуществляла взаимовыгодное сотрудничество и оказывала помощь, завоевывая симпатии и даже дружбу афганцев [2, с. 6]. Афганский и в целом азиатский вектор занимал особое место в политике и дипломатии России. Еще 3 декабря 1917 г. Советское правительство выступило со специальным обращением «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором, среди прочего, говорилось: «...не от России и ее революционного Правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые превратили вашу родину в расхищенную и обираемую свою колонию...» [3, с. 35]. По мнению известного историка российской политики на Востоке Н.А. Халфина, «афганские прогрессивные деятели призывали к установлению дружественных отношений с северным соседом, с государством, где победила социалистическая революция; они приветствовали национальную политику Советского правительства и отказ от захватнических стремлений царизма» [4, с. 35]. В этом контексте образ Советской России представлялся как миротворческий.

Само завоевание и становление афганской независимости рассматривалось в советской историографии как борьба за свободу, против колониального гнета и империалистов. Это сближало Россию и Афганистан, формируя тем самым образ «борца», характерный для каждой из этих стран. Большую роль в борьбе за независимость в Афганистане сыграло младоафганское движение, не имевшее организационного оформления, но представленное прогрессивными элементами, которых поддерживал сын афганского правителя (эмира) — Аманулла, взшедший на престол в результате государственного переворота в феврале 1919 г. Младоафганцы и их властный сторонник понимали необходимость внешней помощи для обретения и сохранения своей независимости, и пошли на контакты с советской стороной, несмотря на

политико-идеологические расхождения и сопротивление традиционной элиты. Первый советско-афганский договор, подписанный в Москве 28 февраля 1921 г., предусматривал равноправие сторон, невмешательство во внутренние дела друг друга и уважение их территориальных прав. Советская Россия обязалась оказать материальную помощь Афганистану и предоставить ему возможность транзитных перевозок, что было особенно важно в связи с английской блокадой Афганистана [4, с. 37]. В этом контексте стиль российской политики по отношению к южному соседу стал приобретать черты не только прямой военно-политической и экономической помощи, но и «мягкой силы».

В советской историографии советско-афганские отношения зачастую априорно представлялись как дружественные, и при этом упускались особенности афганского нейтралитета, стиля управления высшего афганского руководства и военных. Эти сюжеты в дальнейшем исследовались Ю.Н. Тихоновым, В.С. Бойко и др. Сами афганцы в качестве главного внешнеполитического врага рассматривали Великобританию, образ которой формировался на протяжении трех англо-афганских войн XIX – начала XX вв., и был отягощен обычаем кровной мести за смерть родственников, искусственно проведенной англичанами государственной границей, разделившей пуштунский этнос. В этих условиях у России/СССР был образ союзника.

Зарубежная историография, в том числе ее британская и германские школы, также отражают образ и стиль внешнеполитического поведения СССР в советско-афганских отношениях. Дипломат и востоковед Перси Сайкс отмечал, что британцы выступили против российской пропаганды в Афганистане среди пограничных племен и в 1924 г. и даже требовали отзыва полномочного представителя России – Ф.Ф. Раскольникова. Он ссылается на мнение одного из первых британских дипломатов в Афганистане Фрэнсиса Хэмфриса утверждавшего, что благодаря англо-индийской угрозе для Афганистана усиливалось влияние СССР через предоставление субсидий [5, р. 296]. Для самой Великобритании Афганистан имел образ буферного государства между ее владениями в Индии и Советской Россией [6, с. 101].

Итак, внешнеполитический стиль российского/советского руководства и формирующийся в Афганистане образ России периода 1919–1939 гг. был обусловлен историческими условиями, и прежде всего компромиссами мировых держав в афганском вопросе, а также реалиями международного положения, сложившегося в период между двумя мировыми войнами. В этот период стиль советского руководства на афганском направлении характеризуется, как дружественный, направ-

ленный на сотрудничество в борьбе с Великобританией и укрепление государственных границ. Однако внешнеполитический образ нового советского режима и прошлый имперский образ, сохранявшийся в сознании представителей старшего поколения афганцев, заставляли традиционные слои и часть элиты этой страны настороженно относиться к советской политике в Афганистане, что не мешало использовать тогдашним афганским властям любую экономическую и военную помощь со стороны России/СССР.

Литература

1. Драгачева О.С. Внешнеполитический имидж государства и его лидера: технологии формирования и позиционирования: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2006.
2. Коргун В.Г. Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане. М., 2009.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.
4. Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959.
5. Sykes P. History of Afghanistan. Vol. 2. L., 1940.
6. Бойко В.С. Третья англо-афганская война 1919 г. и отношения Великобритании и Афганистана в последующий период // Дневник Алтайской школы политических исследований. Барнаул, 2011. № 27.

Н.С. Малышева ***Итальянский национализм*** ***и начальный этап европейской интеграции***

На фоне углубляющегося экономического кризиса последних лет и попыток выработки согласованной политики по его преодолению во многих странах ЕС набирают популярность партии правого толка. Фокусируя внимание на проблемах иммиграции, национальной идентичности, экономической политики, эти националистические партии зачастую критикуют действия официального Брюсселя и скептически относятся к перспективам Евросоюза. За последние три года в таких странах ЕС как Австрия, Венгрия, Франция, Италия и Греция националисты сумели привлечь на парламентских выборах на свою сторону от 7 до 25% голосов избирателей. Одним из популярных лозунгов является призыв к ограничению или же полному запрету иммиграции в страны Евросоюза – «простое и быстрое» решение всего комплекса экономических и социальных проблем современной Европы. Новый всплеск национализма наблюдается не только среди новых участников

ЕС, но и в странах-основательницах европейского сообщества, в числе которых Италия.

Среди стран-основательниц Европейского сообщества, добровольно делегировавших часть властных полномочий наднациональным структурам Европейского объединения угля и стали, Италия занимала особое место. Авторитет страны был серьезно подорван годами фашистского режима, в то время как движение Сопротивления лишь частично реабилитировало Италию в глазах других государств. Если война утвердила Францию как последнюю в списке великих держав, то Италия оказалась первой среди малых держав. Можно согласиться с распространенной точкой зрения о том, что для послевоенной Италии главным пунктом в политической повестке дня был вопрос восстановления национального самоуважения [1, р. 3].

Крах фашистского режима также подорвал представления о правомерности существования «государства-нации». Многие политики и интеллектуалы послевоенного десятилетия были убеждены, что национальное государство – это идеал прошлого века, и любые проявления национализма, как и его истоки, должны порицаться обществом. Помимо этого, национализм, лежавший в основе политики Б. Муссолини, вовлек Италию во Вторую мировую войну, окончившуюся для нее катастрофически. Неудивительно, что после войны в итальянском обществе было неоднозначное отношение к национализму любого толка.

Тем не менее, антифашистские партии – под ними мы подразумеваем как христианских демократов, так и социалистов и коммунистов, – предпринимали попытки возродить так называемый «здоровый» национализм. Несмотря на то, что в политической риторике и выступлениях официальных лиц по-прежнему фигурировали слова «нация», родина и «национальное государство», ни одна из антифашистских партий не была в состоянии предложить какой-либо новой национальной идеи. Политические силы, стоявшие у истоков формирования Итальянской Республики в 1946 году, соперничали между собой за роль защитника и представителя интересов итальянской нации. Христианские демократы обличали Итальянскую коммунистическую партию как «пятую колонну» Советского Союза; в то время как коммунисты называли ХДП проводником американского влияния в Западной Европе.

Спектр радикальных политических сил был также разнообразен: неофашисты, ирредентисты, популисты. Множество мелких организаций и движений появились уже в первые месяцы после окончания Второй мировой войны, после амнистии 1946 года. На парламентском уровне в декабре 1946 года было сформировано Итальянское социаль-

ное движение (MSI) во главе с Дж. Алмиранте, провозгласившее своей целью дать возможность голосовать тем гражданам, которые ранее поддерживали режим Муссолини. В партии присутствовали национал-консерваторы, радикалы; но всех их объединяло антикоммунизм и приверженность консервативным католическим ценностям. Большинство членов партии были выходцами с Севера, где непродолжительное время существовала Республика Сало. На всеобщих парламентских выборах 1948 года партии удалось получить восемь депутатских мандатов.

Итальянское социальное движение успешно эксплуатировало миф об опасности советского режима, утверждая, что Италии суждено стать форпостом на защите «западной цивилизации». Участники движения критиковали не только своего главного политического оппонента – компартию, но осуждали и правительство во главе с ХДП. Новое правительство Итальянской Республики, по мнению MSI, несло ответственность за подписание унижающего мирного договора со странами антигитлеровской коалиции, а также игнорировало один из наиболее острых вопросов – проблему Триеста [2, р. 773].

По условиям мирного договора 1947 года, Триест был объявлен независимым городом-государством под управлением ООН. Его территория была разделена на две части, зону А и Зону В. Зона А находилась под временным контролем англо-американского командования, в то время как вторая часть контролировалась Югославией. Требованием неофашистов было немедленное признание Триеста итальянским городом и передача его под юрисдикцию итальянской нации. Как угроза национальным интересам «простых итальянцев» рассматривался и рост численности славянского населения в провинции Триест.

Вопрос о Триесте занимал немаловажное место в программе Итальянской националистической ассоциации (ANI), учрежденной еще в 1910 году, и воссозданной в 1951 году, а также организации «Италия Ирредента». Последняя, помимо всего прочего, позиционировала себя партией защиты духовных ценностей итальянцев в частности и европейцев в целом. Единство итальянской нации, по мнению «Италия Ирредента», можно обеспечить путем обращения к идеалам эпохи «Рисорджименто», к культурному прошлому.

Представления об особой исторической миссии Италии были характерны не только для правых политических сил. Особенностью итальянского национализма являлось парадоксальное «сочетание комплекса неполноценности в отношении стран Европы и чувства культурного превосходства, опирающегося на историческое и художественное наследие полуострова» [3, р. 117]. Обращение к ностальгиче-

скому прошлому – будь то период правления Б. Муссолини или эпоха «Рисорджименто» являлось общей чертой националистических организаций послевоенной Италии. Так, идеи Дж. Маззини, вдохновителя «Рисорджименто», оказали значительное влияние на федералистское движение в стране. Еще в 1941 году политик А. Спинелли совместно с Э. Росси составили Манифест за объединенную и свободную Европу, положивший начало Европейскому федералистскому движению в стране.

Италия попыталась предложить несколько вариантов европейской интеграции, одним из которых, к примеру, стал проект итало-французского таможенного союза, договор о котором был подписан 20 марта 1948 года. В своей статье, опубликованной в 1948 году в журнале «Foreign Affairs», министр иностранных дел К. Сфорца доказывал, что в условиях противостояния США и Советского Союза западноевропейским государствам необходимо сплотиться. Как считал Сфорца, Италия должна утверждаться как страна, не питающая иллюзий относительно своего величия, и позиционировать себя на международной арене независимой от какого-либо блока [4, р. 450].

Идея европейского единства как противоположность «устаревшему» национализму была популярна и в среде христианских демократов, и в рядах итальянского Сопротивления. Также как и К. Сфорца, лидер социалистов П. Ненни рассчитывал, что в будущем Европа будет представлять собой некую «третью силу» между СССР и США.

План Шумана, предполагавший установление наднационального контроля над угольной и сталелитейной промышленностью Западной Европы, с энтузиазмом поддержали христианские демократы. П. Тавиани, возглавивший итальянскую делегацию на переговорах в Париже, получил правительственные инструкции демонстрировать «европейский» подход ко всем обсуждаемым вопросам и избегать каких-либо резких заявлений. Как считали в кабинете А. де Гаспери, итальянской стороне было необходимо избегать заявлений националистического толка (больше характерных для социалистов и коммунистов), которые могли бы воспрепятствовать участию Италии в восстановлении Европы.

Таким образом, поддержка идеи европейского единства, ощущение принадлежности к европейскому сообществу дало возможность политической элите Италии конца 1940-х-начала 1950-х гг. ощущать себя частью прогрессивного сообщества.

Литература

1. Brogi A. A Question of Self-Esteem: The United States and the Cold War Choices in France and Italy, 1944–1958. Praeger, 2002.
2. Kogan N. Nationalism and Europeanism in Italy after World War II// History of European Ideas. 1993. Vol. 16. № 4–6.
3. Gentili E. The Struggle for Modernity: Nationalism, Futurism, and Fascism. Praeger, 2003.
4. Sforza C. Italy, the Marshall Plan, and The Third Force // Foreign Affairs. 1948. №3.

Л.В. Мони́на

Веймарская республика как социальное государство

Одним из наиболее важных достижений современной западной цивилизации является социальное государство, истоки которого обнаруживаются в Европе в середине XIX века. Эпоха индустриализации, начавшаяся в этот период, принесла массовое обнищание населения и, как следствие, рост социальной напряженности. Политическая элита развитых государств вынуждена была реагировать на эти новые факторы социальной жизни. Постепенно приходило понимание того, что сохранить социальную стабильность в обществе возможно при двух условиях: во-первых, создавая систему социального страхования; во-вторых, развивая систему социальной защиты уязвимых слоев населения. В последнем случае бедные, которые в предшествующие периоды были объектом благотворительного пособия со стороны зажиточных индивидов и церковных учреждений, должны были превратиться в адресатов целенаправленной политики государства. В результате государство, которое брало на себя решение этих двух новых задач, начало приобретать характер социального.

Само понятие «социальное государство» было введено в научный оборот немецким правоведом и экономистом Лоренцом фон Штейном в середине XIX века. В своих работах Штейн развивал мысль об обязанности государства создавать условия для свободного развития личности, способной обеспечить себя необходимыми жизненными благами. Но это не исключает, по мнению Штейна, помощи тем членам общества, кто испытывает нужду. Следовательно, государство должно обеспечивать достойный человека уровень жизни, а также осуществлять экономический и социальный прогресс всех членов общества. В этом смысле, полагал Штейн, можно говорить о социальном государстве. Взгляды Л. Фон Штейна получили развитие в работах европейских, в первую очередь германских, ученых-экономистов и социологов.

Понятие «социальное государство» в настоящее время не имеет однозначного толкования в специальной литературе. Признавая факт существования серьезных расхождений в определении этого понятия, автор исходит из следующих характеристик. Социальное государство относится к государствам с рыночной экономикой, правовым, со сформированным (или формирующимся) гражданским обществом. Социальному государству присуща политика поддержания социальной стабильности путем ликвидации чрезмерной социальной дифференциации. Важнейшим его признаком является нацеленность на учет интересов разных социальных групп и обеспечение их права на достойное существование, а механизмом достижения этих целей – политика социального компромисса (Ausgleich).

Немецкое социальное государство начинается с периода канцлерства Бисмарка. Не вдаваясь в причины того, почему именно О. фон Бисмарк создал первую в мире современную систему социального обеспечения, следует отметить ее основные достижения – это целая серия принятых в 1880-е годы законов о социальном страховании по болезни, при несчастных случаях на производстве, по старости и инвалидности. Страховые фонды формировались или из двух источников (взносов рабочих и предпринимателей), или из трех (взносов рабочих, предпринимателей и субсидий государства). Таким образом, в виде системы обязательного социального страхования государством создавался механизм перераспределения доходов с целью социальной защиты низших слоев населения. Кроме того, социальное страхование представляло собой реализацию контракта, в котором участвовали государство и граждане. Наконец, законы 1880-х годов о социальном страховании придавали правовой статус отношениям между работодателями и наемными работниками.

Однако в Кайзеровской империи, несмотря на попытки рассмотреть вопрос о страховании по безработице, он так и остался нерешенным. К тому же профсоюзы в тот период не воспринимались как равноправные партнеры. Хотя право на стачку и право коалиций было признано в принципе, на практике реализация этих прав встречала много препятствий. Некоторые группы лиц наемного труда – сельскохозяйственные рабочие, городская прислуга – вообще не имели права на создание своих профессиональных организаций. Отсутствовали правовые гарантии при заключении тарифных договоров. Это позволяло предпринимателям в тех отраслях, в которых профсоюзам удавалось заключить коллективные соглашения о заработной плате и условиях труда, сохранять полную свободу в том, выполнять эти соглашения или нет [1, S. 66–67]. Все эти «недостатки» патерналистской по своему характеру социальной полити-

ки Кайзеровской империи попыталась исправить демократически ориентированная социальная политика Веймарской республики.

На формирование социального государства в период Веймарской республики оказали влияние особенности социально-экономического и политического развития Кайзеровской империи, революционной и послевоенной эпохи. Так, немецкое рабочее движение в лице социал-демократов и свободных профсоюзов накануне Первой мировой войны было самым сильным и хорошо организованным в мире. В то же время немецкие предприниматели, особенно представители тяжелой индустрии Рура, относились к наиболее влиятельной группе деловой буржуазии в Европе. Тяготы войны и послевоенного времени, инфляция, обнищание населения, накал классовой борьбы делали особенно необходимой для германского государства функцию вмешательства в экономические отношения.

Ноябрьская революция 1918 г. превратила социалистов (социал-демократов и независимых социалистов) в ведущую политическую силу страны. Первым президентом Веймарской республики стал лидер СДПГ Фридрих Эберт. Эберт, с одной стороны, заявлял о своем намерении действовать на новом посту «как уполномоченный всего немецкого народа», с другой, как социал-демократ, он был готов защищать интересы рабочего класса. Поэтому основная идея Веймарской республики для Ф. Эберта состояла в обеспечении рабочему классу равноправного положения в государстве. Веймарская республика, по его мнению, должна была быть основана на союзе рабочего класса и буржуазии [2, с. 79]. Таким образом, в Германии существовали дополнительные – политические – условия достижения социального компромисса.

Первым значительным шагом на этом пути стало «соглашение Стиннеса – Легина», заключенное 15 ноября 1918 г. Сам факт заключения Соглашения означал, что профсоюзы были признаны авторитетными представителями рабочего класса. Отныне были недопустимы всякие ограничения свободы союзов и права на забастовку. Индивидуальные условия труда должны были регулироваться коллективными соглашениями с профсоюзами. Это Соглашение, как отмечает в своей статье Клаус Шенхофен, сформировало партнерскую структуру веймарского социального порядка и перевело трудовые отношения из государственной сферы в общественную [3, S. 27].

Соглашение Стиннеса–Легина было заключено без участия государства, однако уже 23 декабря 1918 г. временное правительство германской республики – Совет народных уполномоченных – издает Постановление, которое повторяло условия Соглашения Стиннеса – Легина, но переводило вопрос о тарифных договорах в область трудового

права и тем самым защищало экономические интересы рабочих и служащих. Таким образом, первые решения в области трудовых отношений означали, что изменялось понимание места наемных работников в социальном и экономическом порядке республики и признавалось право наемного труда в лице профсоюзов участвовать в организации экономики и нести свою долю ответственности.

Инновации в социальной политике Германии революционного периода были закреплены в пятом разделе Веймарской конституции, посвященном основным социальным правам. В статьях этого раздела были сформулированы положения об особой защите государством наемного труда (ст. 157), об обязательстве государства развивать систему социального страхования; подтверждалось право участников трудовых отношений на заключение соглашений, т.е. тарифная автономия (ст. 152). Однако социальная природа Веймарской республики наиболее ясно, на наш взгляд, раскрывается в двух статьях этого раздела – 151 и 165. В первой из них речь идет об устройстве экономической жизни в соответствии с принципом справедливости. Под социальной справедливостью понимается «обеспечение для всех достойного человека существования» [4]. Этот принцип, как следует из текста статьи, имеет преимущество перед правом индивидуума на свободную экономическую деятельность.

165 статья уравнивала лиц наемного труда с работодателями в праве участвовать в установлении размеров заработной платы и условий труда. Для защиты социальных и экономических интересов наемных работников предусматривалось создание рабочих советов разного уровня. Кроме рабочих, должны были создаваться производственные советы, в которых будут представлены рабочие советы и предпринимательские организации. Эти структуры конституция наделяла правом предварительного обсуждения важнейших законопроектов социально-экономического характера, а также правом законодательной инициативы по вопросам хозяйственной и социальной жизни [4]. В Конституции, таким образом, высказывалось намерение создать в лице советов контролирующие и административные органы, позволяющие различным социальным группам соучаствовать в деле управления экономической жизнью страны. Все это позволяет сделать вывод о том, что 165 статья Веймарской конституции наиболее полно выражает идею социального контракта.

Реальная социально-экономическая и политическая ситуация в Германии в 20-х – начале 30-х годов XX века вносила существенные коррективы в принципы организации социальной сферы, провозглашенные в Конституции. Так, в условиях стремительной инфляции начала 1920-х годов фактически исчезла способность участников трудовых отношений

находить компромиссные решения при заключении тарифных договоров. В связи с этим правительство Германии в 1923 г. приняло закон о принудительном разрешении трудовых споров. Назначаемый правительством третейский судья получил право принимать обязательное для конфликтующих сторон решение. И хотя экономическая ситуация в Германии с середины 1920-х гг. стала улучшаться, закон не был пересмотрен. Таким образом, государство превращается не просто в полноправного партнера социального контракта наряду с предпринимателями и профсоюзами. Оно усиливает свою интервенционистскую природу, присущую в разной степени любому социальному государству.

Социальная политика Веймарской республики была направлена на развитие системы социального страхования (*Versicherung*) и социального обеспечения, понимаемого как система попечительства (*Fuersorge*). В 1927 г. парламентским большинством после долгих дебатов был принят закон о страховании по безработице.

В систему социального обеспечения в 1920-е гг. были включены в первую очередь инвалиды войны и родственники погибших солдат. Кроме этих категорий материальная помощь должна была оказываться так называемым социальным пенсионерам (старикам и инвалидам), а также представителям бывших средних слоев, массовое обнищание которых стало результатом инфляции и гиперинфляции. В результате, в 1924 г. в Германии насчитывалось 4 миллиона 910 тысяч нуждающихся в социальной поддержке, не считая безработных [5, S. 104]. Обеспечить существование столь многочисленных групп населения Республика могла лишь на минимальном уровне, поскольку имела в распоряжении очень ограниченные средства.

Не вызывает сомнения доминирующий в литературе вывод о том, что Веймарская республика оказалась слишком обременена социальными обязательствами, которые в условиях начавшегося экономического кризиса не смогла выполнять. Поэтому уже с конца 1928 г. наблюдалось значительное сокращение размеров пособий, исключение из системы социального обеспечения под разными предлогами различных групп населения, наконец, разрушение системы страхования по безработице. Как отмечает Г. Риттер, пример Веймарской республики учит, что действие социального государства для стабилизации политической системы является амбивалентным. В то время как оно, с одной стороны, пытается уменьшить социальную нищету и тем самым стабилизировать государство, с другой, это может «перегрузить» государство и привести к развалу политической системы [5, S. 129].

Краткий период существования Веймарской республики, многочисленные препятствия и трудности на пути реализации социального зако-

нодательства не позволили в полной мере проявиться заложенным в ряде законов и статей Конституции принципам социального государства. Однако несомненным является дрейф Республики в этом направлении.

Литература

1. Führer K.Ch. Arbeitsbeziehungen – Achtstundentag – Arbeitslosenversicherung. Ausbau und Rueckbau von Fundamenten der Sozialendemiekratie in den 1920er Jahren // Deutsche Sozialstaat im 20. Jahrhundert. Bonn, 2012.
2. Артемов В.А., Кардашова Е.В. Фридрих Эберт – первый президент Германии. Воронеж, 2001.
3. Schönhoven K. Die Weimarer Republik als soziale Demokratie; Durchbruch einer Ordnungsprinzip// Deutsche Sozialstaat ...
4. Веймарская конституция. URL: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/verfassung/index.html>
5. Ritter G.A. Die Sozialstaat; Entstehung und Entwicklung im internationale Vergleich. Muenchen, 1989.

Е.Д. Мошев ***Религия Запада и государство Востока:*** ***христианство в Египте***

Уже давно для многих профессионалов и любителей, которые освещают проблемы, связанные с историей Древнего Египта, не является неожиданным мнение об удивительной схожести двух религиозных культур: христианства и религии Древнего Египта. Не секрет и то, что цивилизации, в которых зародились эти культуры, находились на достаточно близком в географическом отношении расстоянии. Египет находится на северо-востоке Африки, а Израиль на западе Азии, северо-восток Египта граничит с Израилем в районе, расположенном рядом с Синайским полуостровом. Но одно из них к моменту начала формирования другого уже было полноценным государством со сложившейся и устоявшейся культурой, проверенной не одним тысячелетием. Это цивилизация Древнего Египта. В соответствии с этим имеет место проблема взаимосвязи Египта и христианской религии. Как христианство, проникнув в Египет, смогло вытеснить традиционные верования? Было ли это результатом борьбы между новым и старым, или же христианство гармонично влилось в древнеегипетские культы, чтобы со временем занять ведущее место в духовной жизни египтян? Почему на определен-

ном этапе своего развития христианство стало сдавать позиции? Ответы на эти и другие вопросы станут целью данной работы.

Прежде чем подходить к рассмотрению проблемы, озвученной выше, зададимся вопросом: на основании чего мы можем утверждать о близости христианства и тех культов, которые существовали в Древнем Египте? Ведь одной географической близости явно недостаточно, нужны более существенные факторы, которые влияли на проникновение христианских идей в умы египетского общества. Во-первых, это переселение еврейских общин, которые принесли христианство в готовом виде из Палестины. Расселение в Египте этих общин способствовало распространению там Ветхого Завета, подготовив тем самым почву для восприятия Нового Завета. Александр Македонский, основатель Александрии, а затем и первые Птолемеи, способствуя переселению евреев в долину Нила, создали условия для возникновения колонии, которая быстро стала самой значительной во всей еврейской диаспоре. Во-вторых, это, конечно, египетский политеизм, благодаря которому христианство не было воспринято египтянами как угроза их традиционным верованиям. Не секрет, что политеистические общества более лояльно относятся к чужим культам, в отличие от монотеистических, которые всякое отступление от «правильной» веры объявляют ересью. Однако кроме внешних факторов можно выделить также и внутренние, которые прослеживаются при детальном сравнении христианства и египетских верований. Такими факторами могут быть «фаюмские портреты», представляющие собой аналогию христианских икон; место богини Исиды (Изиды) в египетском пантеоне и ее близость с образом Богоматери; равенство в сознании людей еврейского бога Яхве и египетского бога Хнума, что находит свое отражение в обращениях к ним: «Я благословляю тебя во имя Яхве и Хнума» [3]; заимствование древнеегипетских традиций, что отмечено в Библии: «И умер Иосиф ста десяти лет. И набальзамировали его и положили в ковчег в Египет» [3]. Особое место занимает сравнение десяти заповедей Моисея и 125-ой главы Книги Мертвых, которая, по мнению исследователей, послужила основой для заповедей. В обоих текстах мы можем выделить одни и те же идеи, пусть и выраженные в разной форме: не убий, не кради, не лжесвидетельствуй, не желай чужого и т. д. Аналогии подобного рода можно встретить и в других источниках: так, содержание сказки о пребывании Сатни-Хемуаса со своим сыном Са-Осирисом в преисподней практически полностью повторяет сюжет евангельской легенды о бедном Лазаре. Связь христианства и египетских традиций прослеживается и в обычаях, главным образом, похоронных. Принесение на могилу покойного пищи напоминает древнеегипетский обычай оставлять в гробнице канопы с

едой и вином, а также посещать своих умерших предков во время праздника Амона-Ра в Фивах. Традиция читать молитвы за усопших тоже берет свое начало из Древнего Египта. Жрецы читали заклинания, проводя обряды отвержения уст, глаз, сердца и т. д. Кроме этого на стенах гробниц обнаружены такие надписи, как: «У меня не было наследника, чтобы произнести у врат гробницы заупокойную формулу... Посему прошу вас произнести за меня заупокойную формулу, как живущих теперь, так и тех, кто будет жить впоследствии. Сердце ваше не будет этим утомлено, гортань не сузится, язык не устанет, достояние не израсходуется, житница не опустеет, ибо это лишь дуновение уст, полезное для усопшего» [3]. Наконец, один из символов христианства – крест – является аналогией символа Анкх, который означал в Древнем Египте вечную жизнь. Так же, как и в христианстве его давали ребёнку при рождении в качестве талисмана от всего зла, для укрепления здоровья и жизненных сил ребёнка.

Таким образом, на основе всего вышесказанного мы можем с полной уверенностью утверждать, что христианство и традиционные культуры Древнего Египта имели много общего. Эти сходства становились все более явными по мере того, как христианство играло все более заметную роль в жизни египтян. Однако нельзя утверждать, что оно стало единственной религией на территории Египта. Во-первых, политеизм еще долгое время сохранялся на территории страны. Во-вторых, в самом христианстве происходили сложные процессы, которые не способствовали его всеобщему становлению. Таковыми можно назвать гонения на христиан в Римской империи, в том числе и в эллинистическом Египте, борьба с различного рода ересями, монофизитский и монофелитский расколы и т. д. В более позднее время, а именно во 2-ой трети VII века христианство было подвергнуто еще одному испытанию – нашествию арабов-мусульман. Начиная с этого времени, египетские христиане находились в весьма непростом положении: с одной стороны, веротерпимость арабов позволяла христианам сохранять свои религиозные взгляды и даже занимать посты в государственном аппарате; с другой – арабы часто устраивали гонения на христиан, применяя такие методы, как обращение египтян в ислам, экономический гнет, запреты и ограничения на отправление культа и т.д. Сложное положение христианства сохранилось и в последующие периоды истории – эпоху крестовых походов (1099–1250), правление мамлюков (1250–1517) и османский период (1517–1798). На протяжении всего этого времени христианство переживало внутренние противоречия, которые усиливались столкновением христианства и ислама. Начиная с XIX века, египетское христианство, центром которого была Александрийская православная церковь (АПЦ),

начинает активно взаимодействовать с Российской церковью. Между ними устанавливаются тесные контакты, благодаря которым христианство в Египте не утратило своей значимости и по сей день. Связь двух церквей продолжалась вплоть до 1917 г., после чего оказалась прерванной из-за событий в России. Восстановление контактов произошло во время Второй мировой войны. Это обозначило новый этап не только во взаимодействии двух церквей, но и в развитии христианства в самом Египте.

В современный период истории христианство продолжает играть большую роль в жизни египетского общества. Помимо сохранения религиозных ценностей, ведется образовательная, культурная и благотворительная деятельность. Создаются различные учреждения – храмы, больницы, приюты и сиротские дома, библиотеки и т. д. Все это позволяет говорить о том, что христианство смогло не только закрепиться в Египте, но и сохранить свою суть, обогатив ее в соответствии с современными реалиями.

Мы рассмотрели особенности христианства в Египте, выявили его близость по отношению к традиционным религиозным культам, а также обозначили основные этапы в истории становления и развития египетского христианства. Теперь же вернемся к вопросу, который вынесен в заглавие данной работы. Религия Запада и государство Востока. Почему христианство было воспринято обществом, живущим испокон веков в рамках восточной деспотии? Одна из причин этого – близость идей христианства той картине мира, которая сложилась в обществе. Миф об умирающем и воскресающем боге, рождение Божьего сына, воздаяние за совершенные при жизни действия в загробном мире – все эти сюжеты присутствовали в христианстве и без труда находили отклик у людей. Другая причина – быстрое распространение христианства в обществе за счет института монашества. Своим примером монахи-отшельники доказывали простым людям, что можно быть бедным, но при этом богатым и счастливым. Ведение отшельнического образа жизни выступало, как стремление найти смысл жизни вне земного устройства. Тысячи египетских крестьян оставляли свои хозяйства и уходили в пустыню, стремясь походить на первых отшельников – Антония Великого, Пахомия и других. Следует также отметить тот факт, что христианство, проникнув с Востока (в частности, из Египта) в Европу, долгое время сохраняло египетские элементы. Примером этого может служить трактовка богини Исиды как Богородицы, о чем мы уже говорили. Например, в одной из церквей Кёльна имеется статуэтка Исиды, в другой – алтарь этой богини. В древности богиня Исида стала покровительницей Лютеции, современного Парижа. Здесь сохранились развалины храма Исиды, нахо-

дившегося в том месте, где теперь разбит сад музея Ключи. Новая христианская религия во Франции долго хранила образ египетской богини как своей святой: ее статуя стояла на южной стене аббатства Сен-Жермен де Пре вплоть до 1514 г.

Христианство имеет своих последователей практически по всему миру. Наибольшее их число в Европе. Это позволяет нам говорить о христианстве как о религии Запада. Но когда мы утверждаем это, мы не должны забывать, что христианство зародилось на Востоке, впитав в себя традиции живущих там людей, в том числе и традиции Египта.

Литература

1. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М., 1976.
2. Православная Энциклопедия. Александрийская православная церковь (Александрийский патриархат). URL: <http://www.pravenc.ru/text/82070.html>
3. Хвощева Е.С. Истоки христианства в древнеегипетских мифах. URL: http://monefon.narod.ru/Xristianstvo_Elena.htm

А.Ю. Полтораков

Украинская идея: национальная специфика геокультурных (цивилизационных) ценностей

*Счастье твое и мир твой, и рай твой, и Бог твой
внутри тебя есть.
А ты смотри, чтоб Бог твой был всегда с тобою, тогда
и ты с ним будешь.*

Григорий Сковорода (1722–1794)

В дискуссиях о современных геокультурных (цивилизационных) процессах нельзя не учитывать аксиологическую составляющую проблемы – присутствие ценностного базиса, пропитывающего тот «народный дух» (Г.В.Ф. Гегель) или «национальный характер» (менталитет), к которому апеллируют как правые, так и левые исследователи проблематики национальной идеи и конструкторы национальных идеологий.

Украина в геокультурном измерении является частью «Макрохристианского цивилизационного мира». Он характеризуется: внешне – единством прежде всего религиозных основ (христианство), внутренне – близостью основ аксиологических (ценностных) и историко-географической целостностью.

Основной набор ценностей, лежащих в основе его современного развития, можно свести к акцентуализированной еще Великой фран-

цузской революцией (1789–1799) триединой связке «свобода, равенство и братство». Различия между «западной» (новоевропейско-североамериканской) и «восточной» (где доминирует восточнославянско-православный элемент) составляющими макрохристианского мира лежат в глубине соотношения между этими принципами, в их иерархии.

Применительно к Западу иерархия ценностных принципов четко выражена в отнюдь неслучайном порядке: 1) свобода, 2) равенство, 3) братство.

В Северной Америке (прежде всего в США) – где становление современной цивилизации западного образца проходило «в чистом виде», иерархия этих ценностей наиболее рельефна. Приоритет свободы там пронизывает практически всю американскую действительность. Но именно разное понимание и применение идеи свободы – причина Гражданской войны в США (1861–65). Нелишне вспомнить также «свободу слова», любое поползновение против которой воспринимается буквально «в штыки».

Приоритет равенства также выражен четко и ярко – в контексте «общества равных возможностей» по реализации «американской мечты». Однако базирующуюся на принципе равенства идею «общества равных возможностей» реализовать без предварительного «условия» свободы невозможно. В силу этого, принцип «равенства» несколько уступает в иерархии принципу «свободы».

Приоритет «братства» концентрируется в социально-политических настроениях патриотизма – гордости за принадлежность к обществу «свободных и равных». Посему принцип «братства» в соответствующей иерархии занимает «почетное третье место» – как принцип «суммирующий», сводящий весь ценностный конструкт в триединое целое. Подобная иерархия принципов характерна и для новоевропейского сегмента современного Западного мира.

Иерархия принципов «свободы, равенства и братства» в «восточной» составляющей макрохристианского мира обратная: 1) братство, 2) равенство и 3) свобода.

Наиболее ярко выражаются эти принципы в России – современной геокультурной «сердцевине» «восточной» составляющей макрохристианского мира. Тем более, что современные историки и культурологи (Ю. Павленко и др.) рассматривают «созданную Петром I империю как явление не национального (таким были Московское царство и казачья Украина — Гетманщина), а цивилизационного порядка».

Принцип «братства» позволил не только освоить гигантские просторы Северной Евразии, но и в течение многих веков удерживать их в

едином целом. Несмотря на достаточно пестрый этнонациональный состав (где тесно переплелись прежде всего славянская и тюркская составляющие), «русский мир» (благодаря факторам русского языка, православия и пр.) остается целостным образованием, а его идея базируется на принципе «братства». Даже прививаемая в СССР идеология «интернационализма» несла в себе зерна идей братства («Раньше думай о Родине – а потом о себе!» и пр.).

Принцип «равенства» носит не только метафизический смысл (теологически «все равны перед Богом» и т.п.). Идея равенства (в фокусе «социальной справедливости») лежала в основе таких процессов, как коллективизация (в т.ч. раскулачивание) или даже репрессии 1930-х гг. (хотя бы частично) и легко трансформировалась в «уровниловку» в период «застоя». Ленинский образ общества как «единой фабрики», управляемой согласно принципу единоличия, представлял собой яркий радикализированный вариант технократического объединения принципов равенства и братства. С другой стороны, именно принцип равенства лежал в основе системы социального обеспечения – равного доступа к базовому набору социальных благ, прав и возможностей (здравоохранение, образование и пр.).

Принцип «свободы» в соотношении с принципами «братства» и «равенства» носит отнюдь не первостепенный характер. «Общественное бессознательное народа во всей истории России «убеждено» в своей неспособности самостоятельно решить проблемы собственной жизни, – констатируют современный российский социолог Э. Кульпин. – В этом главная специфика российской цивилизации». Традиционная вера в «доброту царя» и доминирующие настроения ожидания «сильной руки» (здесь показательно позиционирование И. Сталина как «эффективного менеджера») не позволяют считать принцип свободы доминирующим.

Геокультуролог Ю. Павленко суммировал: «Если Запад в течение столетий развивался за счет раскрепощения индивида и его труда (при правовом оформлении соответствующих изменений), то в Российской империи закрепощение народных масс в течение XVII–XVIII вв. неизменно усиливалось, при наличии с середины XVIII в. и противоположных тенденций по отношению к высшему классу („Указ о вольности дворянства“ и др.). Но и в последнем случае либеральные тенденции (при Елизавете, Екатерине II, Александре I) сменялись противоположными (при Петре III, Павле I, Николае I). Новое, уже тотальное порабощение личности мы видим в XX в. в первой половине периода большевистского господства».

«Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц», – констатировал российский социальный историк Б. Миронов. Поэтому заимствуемые на Западе идеи либерализма никогда не находили достаточно благодатной для своего развития почвы – они либо явно не приживались в социально-психологической среде «рабов Божьих», либо неявно вырождались или существенно трансформировались (в особый «русский путь» или «суверенную демократию»).

Впрочем, именно принцип «свободы» – хотя и в весьма своеобразном его понимании – помогал осваивать бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока. Однако в условиях жесткого пресса выливался в «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (А. Пушкин).

Несовпадение «западной» и «восточной» иерархии общих ценностных принципов макроцивилизационного плана ярко проявилось во Второй мировой войне. Западные союзники идеологически боролись прежде всего за «свободу» – именно как вызов ей воспринимались идеологии фашизма/нацизма (воплощением которого стали как раз концлагеря). В основе идеологии войны «Красной армии» лежал принцип «братства». Вспомним радиообращение И. Сталина к советскому народу (3 июля 1941 г.) «Братья и сестры!..» Да и ведущаяся СССР война отнюдь неслучайно получила название Великой Отечественной. Реализуемые СССР «освободительные походы» были составляющим элементом кампаний по «воссоединению братских народов».

Украина: витязь на распутье? (Вместо выводов)

Как купцы принимают предохранительные меры, лишь бы в виде хороших товаров не приобрести плохих и испорченных, так и нам следует тщательно следить, чтобы, выбирая друзей, это наилучшее украшение жизни, больше того – неоценимое сокровище, через небрежность не натолкнуться на что-то подделанное.

Григорий Сковорода (1722–1794)

Ощущение народом Украины ценностно-культурных отличий от других крупных общностей бывшего СССР, переживание национально-культурной особенности приобрело легитимирующее значение для массового признания на референдуме 1 декабря 1991 г. собственной политической власти и необходимости «самостийной» государственной политики.

«Украинская цивилизация» (при всей ее условности) сочетает элементы как «западной», так и «восточной» модели. По большинству

историко-культурных «параметров» Украина тяготеет к восточной, а не западной составляющей макрохристианского мира. Однако в иерархии ключевых ценностных приоритетов (свобода, равенство, братство) явной близости не наблюдается. Так, принцип «братства», если и характерен, то занимает не доминантное положение в структуре. Ведь менталитет, осмысливаемый в том числе в категориях «моя хата с краю» и т.п., плохо коррелируется с идеалами «братства».

Производная нечеткость иерархии ценностных приоритетов, специфичная для украинского «национального характера», придает всей структуре гибкость для развития, адаптивность. Развитие глобализации, в социокультурном измерении сводящейся прежде всего к вестернизации, предъявляет особые требования к развитию «национальной идеи» Украины. Глобальная вестернизация действует прежде всего как фактор «добровольно-принудительного» сближения. Однако она же волею или неволею стимулирует и ускоряемую дифференциацию, проходящую прежде всего по линиям «цивилизационных разломов», «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон).

Опыт многих стран (прежде всего «восточных тигров» – начиная с послевоенной Японии и заканчивая современным Китаем) свидетельствует, что успеха можно достичь только тогда, когда социокультурные заимствования лишь дополняют и обогащают, а не подменяют и переделывают национальное. Ни одна нация, слепо принявшая вестернизацию («скопировавшая» принципы «свободы, равенства и братства») и подогнавшая под нее «национальную идею», не достигла серьезных успехов и не обрела долгосрочной перспективы развития. Неудачниками оказались в первую очередь те, кто не ставил себе цели адаптировать западную схему применительно к собственной социокультурной специфике. И в случае механического перенесения западных принципов «свободы, равенства и братства» на достаточно инородную почву и незадействования традиций результатом сколь угодно благих и внешне прогрессивных реформ оказывалась лишь социально-экономическая деградация. Так, навязывание Украине либеральной модели национально-государственного развития обернулось двуединой связкой «прихватизации» и «лихих 90-х», от негативных последствий которых мы страдаем до сих пор.

С другой стороны, навязывание «восточной» модели (тоже не отвечающей социокультурным традициям) подводит к балансированию на грани авторитаризма и сомнительным жертвам во имя преимущественно конъюнктурно понимаемого и корыстно используемого приоритета «братства». Модернизация сугубо «по-западному» или «по-восточному», без первостепенного внимания к собственной социо-

культурной специфике (даже если она действительно очень близка к западной или восточной!) «чревата последствиями»: в среднесрочной перспективе калькирование не конструктивно, а в долгосрочной – деструктивно.

«Украинская идея», как национально-государственный проект, видится такой, что она не сводится к максимальному «подстраиванию» под схему – ни под восточную, ни под западную, но тяготеет к творческому переосмыслению и адаптации возможных заимствований, доказавших свою перспективность. «Свой путь» Украине следует искать тщательно и вдумчиво – не отменяя слепо якобы «чуждые» идеи, но и не копируя их так же слепо.

Литература

1. Белый О., Быстрицкий Е. Построение государства в Украине: пути легитимации // Политическая мысль. 1996. № 1.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Он же. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж, 1939.
4. Быстрицкий Е. Протодемократия и культурполитические трансформации в Украине // Политическая мысль. 1994. № 4.
5. Грач Л.І. Україна – не Європа. Київ, 2008.
6. Кара-Мурза С.К. Советская цивилизация. М., 2008.
7. Кульпин Э.С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации // История и современность. 2008. №1.
8. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999.
10. Михальченко М. Українська регіональна цивілізація // Політичний менеджмент. 2003. № 1.
11. Павленко Ю.В. Восточнохристианская цивилизационная система и ее место во всемирно-историческом процессе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4.
12. Павленко Ю.В. Евразийство и цивилизационная структура постсоветского пространства // Наука та наукознавство. 2001. № 4.
13. Павленко Ю.В. Західнохристиянська цивілізація Нового часу та Макрохристиянський світ // Розбудова держави. 1998. № 3–4.
14. Ткаченко В., Реєнт О. Україна: на межі цивілізацій (історико-політологічні розвідки). Київ, 1995.

15. Хавкин Б. Новая популярность Сталина: роль сталинизма в процессе переосмысления прошлого в постсоветской России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. № 1.

16. Хорина Г.П. Власть и демократия в русской культуре // Философия и культура. 2012. № 12.

17. Ценности как указатели наших действий // Зеркало недели, 7 декабря 2012 г.

18. Цивилизационная структура современного мира / Т. 2: Макро-христианский мир в эпоху глобализации. Киев, 2008.

19. Цивилизационные модели современности. Киев, 2002.

20. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.; L.; Toronto; Sydney, 1996.

О.Ч. Реут

Политика империи и государственный суверенитет

На протяжении относительно небольшого в историческом отношении периода – первого десятилетия XXI века – история и методология международных исследований стала сферой грандиозных структурных изменений. Развитие дисциплины проходит под знаком растущей популярности комплексных подходов к изучению структурирования глобального порядка и беспорядка. Ведь протекающие трансформации затрагивают фундаментальные основы политического устройства мира: формы организации основных действующих в нем субъектов, их состав, а также характер отношений между ними, неформальные и формализованные правила и механизмы их регулирования. Меняется сложившийся порядок вещей; приобретая новое качество, деформируется системный каркас политического основания мироустройства.

Ситуация, когда новые субъекты сменяют на доминирующих позициях ранее сложившиеся, привнося качественно иные виды отношений и принципы организации на международно-политическом уровне, вынуждает предполагать, что более ранние типы выстраивания субъектов и отношений не исчезают окончательно, а видоизменяются, приобретая новые черты, пытаясь встроиться в усложняющиеся системы более высокого уровня, адаптируясь к новым условиям функционирования [1]. Проявляется запрос на возвращение и даже реабилитацию вокабулярия, ориентированного на объяснение происходящих изменений в уже известных и устоявшихся терминах, эмпирическое использование которых будет способствовать подтверждению или опровержению зарождающихся теоретических построений. В указанном

смысле историю и методологию международных исследований даже можно представить как область знаний, ориентированную на обесцвечивание категориального аппарата, на переход от языка универсальных понятий к нейтральному языку теорий.

Хотя здесь самым естественным образом возникает вопрос: могут ли рассматриваемые теоретические построения полностью избавиться от нормативно окрашиваемых исходных понятий и категорий, которые помещаются в основание политико-академических концепций, претендующих на статус политических теорий? Быть может, они обречены оставаться именно концепциями, а не теориями в строгом смысле слова, с присущими последним идеальными объектами?

Так, для характеристики политического субъекта, регулирующего глобальные потоки и обмены, возникает возможность задействовать термин «пост-империя», ведь империя представляет собой постоянно уточняющийся режим глобальных отношений. Империя определяется как сущностно-пространственная организация политической жизни, природа которой пластична, а ее способность к адаптации обуславливается системой власти, где «нет ничего внешнего». Империя видится глобалистски ориентированной экспансией кажущихся универсальными взглядов на рациональный порядок. Однако далеко не все, что создает порядок, именуют империей.

Очевидно, что за термином «империя» могут скрываться самые разнообразные, порой прямо противоположные процессы. Создание империй может иметь под собой фундамент конструируемого подчинения и ассимиляции, может основываться на политико-экономической интеграции, а может носить постиндустриальный и постинформационный характер. Цели именуемых имперскими проектов могут состоять в достижении господства при формальном равенстве населения метрополии и окраин либо в получении определенных дивидендов за участие в едином территориальном массиве. В самом первом приближении стоит обобщить, что в империи как категории анализа нет ничего априорно позитивного или негативного, все зависит от конкретного содержания этого концепта.

При этом собственно имперские исследования достаточно долгое время фокусировались исключительно на политических аспектах, среди которых особое место занимали проблемы взаимодействия центра и периферии, средств доминирования, особенностей функционирования органов власти и формирования элит, национальных окраин и «зон ответственности» в межимперских соперничествах. Востребованным предметом исследований была и идеологическая составляющая импер-

ской истории, в рамках которой и политологи, и международники изучали социально значимые, теоретически оформленные системы идей, где отражались и закреплялись интересы господствующих групп, их цивилизаторские миссии.

Ставший традиционным анализ процессов внутриимперских взаимодействий базируется на двух бинарных оппозициях – это «центр-периферия» и «господство-подчинение». Эти контрастные пары, однако, должны быть встроены в критический тип политико-академического дискурса, подразумевающий деконструкцию каждой из них. Указанная деконструкция понимается не только как философская категория, но и как методологический инструмент, использование которого позволяет выявить за пределами дуальных форм богатое множественными смыслами «пространство различий». При этом сама деконструкция выглядит по-разному. В паре «центр-периферия» она предполагает взаимную обусловленность, сопряженность этих концептов, а также указание на существование некоторых вариантов позиционирования территорий, которые уходят от жесткости бинарной оппозиции. В паре «господство-подчинение» деконструкция предлагает анализ совместимости этих двух векторов политико-пространственной динамики, определение общего знаменателя, делающего их двумя позициями в рамках одного спектра стратегий развития. Представляется, что именно с методологической точки зрения возможным выступает рассмотрение противопоставления имперского и суверенного.

Первая пара, положенная в основу определяемого как традиционный анализа, противопоставляет центр и периферию в качестве различных источников для мотивации и реализации властвования. Динамика притяжения и отталкивания периферии моделируется изменением роли окраинных, географически маргинальных территориальных единиц. Центр ассоциируется с агрессивностью, силой, стремлением к унификации, стабильностью, благополучием, упорядоченностью, предсказуемостью, освоенностью и самодостаточностью. Отношения гегемонии при этом возникают в том случае, когда в условиях существования внешних противоречий системе надлежит представить себя посредством своих собственных элементов. Центр – концентратор разнообразия и сложности, периферия – фрагментированное, но стремящееся к простоте пространство. Центр – интегратор ценностей Будущего, периферия – пространство продвижения его проектных разработок.

В период колониальных захватов XVI–XVIII вв. империи были наиболее мощными и влиятельными субъектами мировой политики,

причем не только по отношению к другим акторам, но и ко всей европоцентричной международной системе. Временем их расцвета стал XIX в., а сложившуюся уже в его начале систему межгосударственных отношений стоит характеризовать как «миропорядок империй», потому что именно ими определялось содержание и характер всех остальных взаимодействий. Возникнув на основе преимущественно европейских национальных государств, империи приобретали благодаря захваченным территориям, зачастую весьма удаленным от метрополии, новые политические, экономические, социально-культурные возможности и ресурсы. Они превращались в наиболее могущественных участников международно-политической жизни, отношения между которыми определяли логику поведения остальных субъектов и траектории развития мировой политики.

Необходимость постоянно поддерживать свою жизнеспособность как единого целого, устанавливать, сохранять, а в определенных обстоятельствах переформатировать политические, экономические и социально-культурные связи между центром и перифериями, обеспечивать их управляемость способствовала формированию во внутривнутриполитической и внешнеполитической практике империй особых черт, признаков и характеристик, качественно отличавших их от других государств, в силу разных причин не ставших империями.

В первую очередь, империи обладали двумя важнейшими идентификаторами: признаваемый территориальный центр власти и строго фиксированные границы. Вбирая в себя все властные отношения в своей совокупности, империи были вынуждены демонстрировать способность к управлению гибридными (конгломератными) идентичностями. В империях институционализировались политические режимы, формировались различные системы правового регулирования общественной жизни, выдвигались концепции «естественного права», предложивших разные версии обоснования законодательных принципов и практик судопроизводства. Материальная конфигурация пространства укреплялась увязыванием центр-периферийных отношений с легитимностью общегосударственной власти.

Географические зоны, находящиеся на обочине процессов принятия властных решений, были дистанцированы от центра, но, тем не менее, являлись неотъемлемыми компонентами складывавшихся политических конфигураций. Окраинные территории выступали пространствами различных политических, экономических и социальных потоков, испытывавших влияние конкурирующих международных акторов. В ситуации, когда «власть достигает своих границ, своих по-

следних очертаний, там, где она становится капиллярной» [2, с. 46], логика развития империи предопределялась процессами, происходившими на его окраинах. Маргинальность периферии оказывалась флуктуирующей, так как эти территории при определенном стечении обстоятельств виделись способными снижать значимость границ или, напротив, содействовать их укреплению и в сугубо политическом смысле поддерживать принципы исключительности и «наличия легитимного права на насилие».

В контексте анализа центр-периферийных отношений сущностной представляется идея о меняющейся значимости окраин. Формально-географическая удаленность еще не приводит к попыткам избегания потенциального превращения в маргинальную социально-культурную область, но уже фиксирует стремление использовать свое «стыковочное» положение. Так окраины пробуют требовать от центра все более высокую цену за имеющуюся политическую лояльность.

Не стоит забывать и о том, что развитие империй как доминирующего в системе международных отношений политико-организационного типа было тесно связано с эволюцией капиталистического способа производства и его интернационализацией – выходом за рамки очагов формирования через интенсификацию и качественное усложнение межгосударственных торгово-экономических отношений, выстраивание прототипа мировой экономической системы. Активность империй на протяжении XIX – начала XX вв. в сфере международных отношений была в равной степени мотивирована экономическими и политическими составляющими империализма. Но и здесь можно зафиксировать как противопоставление, так и взаимную обусловленность центра и периферии при предотвращении и подавлении попыток зависимой окраины освободиться от политико-экономического доминирования центра.

Использование категорий предписываемой маргинальности дает возможность посмотреть на пространство как на смысловое поле, к которому применимы различные системы координат. За изменением статуса окраинности следует изменение функций границ. Здесь принципиально важно не попасть в методологическую ловушку, построенную на постулировании, в соответствии с которым «мир без границ – это мир без политических субъектов» [3]. В империи важна не только функция регулирования обменных потоков, но и наличие собственно управления, предполагающего самодовлеющее существование как институтов власти, так и самой власти как таковой.

В империи власть, стремясь обеспечить безопасность, стабильность и порядок, предлагает механизмы, посредством которых мотивация имперской политики подыскивает себе соответствующие средства доминирования. Управление империей оказывается поиском механизмов своеобразного укорочения причинно-следственных связей. Так начинает проявляться процесс нейтрализации политических идей, который приводит к превращению государства в инструмент, к уподоблению государственного управления функционированию полуавтоматических механизмов, а чуть позже – функционированию организмов. Исчезает не только уподобление государства Левиафану, но и апелляция к абсолютной власти суверена.

Интересно, но при этом через персональное воплощение безраздельной власти абсолютной монархии сохраняется абсолютизм. Приращение государства есть абсолютная диктатура монарха. Господство под угрозой насилия утверждается единичной волей суверена, произвол которого завершает вертикаль имперской власти. Сугубо политические проблемы рассматриваются как проблемы управления социально-государственной жизнью.

Казалось бы, в рамках описываемой модели господства и подчинения было возможно найти приглашение к обсуждению альтернатив последовательного развития империй. De facto все обстояло иначе. Началом конца «миропорядка империй» стала Первая мировая война. Она не только значительно истощила экономическое могущество большинства европейских империй, но и подорвала политико-идеологические основы их организации – на уровне общественного сознания разрушила веру в цели, перспективы и моральную оправданность имперского управления и имперской политики. Разочарование в имперских версиях переноса упрощенных отождествлений государства с насилием стало благоприятной почвой для распространения идей мироустройства, опирающихся на относительную бесперспективность военных способов разрешения межгосударственных и межимперских противоречий. Результатом поисков новых механизмов для согласования позиций и урегулирования подобных конфликтов стало создание Лиги Наций. Однако она также оказалась неэффективной для регулирования того миропорядка, в котором стали действовать новые акторы, набиравшие силу и готовые потеснить старых хозяев мира.

Литература

1. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005.
2. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году / Пер. Е.А. Самарской. СПб., 2005.
3. Макарычев А. Политика, суверенитет, империя: отныне с приставкой пост-? URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=737>.

П.В. Ульянов

Пропаганда «образа врага» в России по отношению к Османской империи в начале XX века

На протяжении истории всего человечества война всегда являлась одной из стадий конфликтного взаимодействия сторон и оставляла определенный отпечаток на восприятии «врага». На ее начальном этапе стороны, используя различные носители информации (газеты, плакаты, листовки, карикатуры), формировали в сознании населения и солдат определенные представления о «враге» с целью настроить их агрессивно по отношению к вражеским войскам. Естественно, процесс формирования «образа врага» и его пропаганда предназначались для оправдания агрессии по отношению к «противнику» и достижения в результате этого над ним победы в материальной сфере.

Если рассматривать процесс пропаганды «образа врага» в Российской империи в начале XX в., то необходимо выделить основных «противников», по отношению к которым формировались в сознании россиян эти представления. На первом месте в отечественной пропаганде стояла Германская империя, которую воспринимали как воинственную страну, проводящую агрессивную политику. Вторым «оппонентом», считалась Австро-Венгрия, стремившаяся закрепить свои позиции на Балканах. Третью позицию занимала Османская империя, считавшаяся «извечным врагом» России с XVI в.

Почему вдруг «вечный противник» православной империи на внешнеполитической арене скатывается с главенствующей позиции на второстепенную роль? Ведь обе державы стремились одержать победу друг над другом в русско-турецких войнах, оправдывая агрессивные действия, и стараясь укрепиться на захваченных во время боевых действий территориях. Оттоманское государство, выступая «религиозным врагом», «захватчиком прародины православия» (Константинополя) и

«угнетателем славянских народов», виделась цивилизацией, стремящейся к господству и к ослаблению российских позиций. До конца XIX в. Россия и Османская Порта считались «вечными противниками», но в начале XX в. отношение к «религиозному врагу» в России несколько меняется. Рассмотрим эту тему подробнее.

Прежде чем говорить о российской пропаганде «образа врага» по отношению к Османской империи, отметим несколько особенностей ее восприятия. В сознании россиян в начале XX в. представления об Османской Порте формировались неоднозначные. Порта стала рассматриваться слабым «противником» и зависимым от «более сильного врага» – Германской империи [1, с. 166]. Во время Первой мировой войны Османская империя, выступая на стороне центральных держав, рассматривалась «пешкой в австро-германском союзе». Объединяя все эти особенности, можно сказать, что она не играла главной роли в представлениях россиян.

В начале XX в. в российском обществе Османская империя воспринималась как «политический противник» в кругах интеллигенции, представителей буржуазии и части дворянства. Параллельно с представлениями о враждебной стране формировались «образы» российских мусульман. После издания царского указа об учреждении Государственной Думы стали образовываться фракции, вошедшие через выборы в новый политический орган – Государственную Думу. Среди этих групп была мусульманская фракция с большим числом депутатов-мусульман (во второй Думе их было около 36), рассматривавших вопросы о религии, образовании, культурной жизни, положении национальных окраин и переселенцах [2, с. 253].

Представители российского общества с недоверием относились к мусульманским депутатам, подозревая их в сочувствии Османской империи и в стремлении к сепаратизму [2, с. 254]. С приходом к власти «младотурок» распространяется идея «пантюркизма», предполагавшая объединение тюркских народов под эгидой Турции. В России активизируется отечественная пресса, позволявшая выпускать статьи мусульманских деятелей. Правда, если мусульманские депутаты симпатизировали младотуркам, то с началом Первой мировой войны они изменили свое отношение из-за вступления Порты в австро-германский союз [2, с. 256].

С началом боевых действий отечественные представители мусульманской религии становятся объектами психологического давления. С одной стороны, ислам сближал российских мусульман с османами из-за религиозных противоречий в России. С другой стороны, мусульманской фракции для сохранения отношений с царской властью

приходилось выражать преданность стране. И, тем не менее, отрицательное отношение к ним проявлялось в кругах дореволюционной интеллигенции, часть которой отстаивала идею «панславянства». Основное положение ее заключалось в объединении православных славянских народов для противостояния мусульманам. Несмотря на то, что вся российская пресса (журнал «Русская мысль», газета «Вестник Х армии») была под контролем цензуры, нельзя сказать, что формировалась только враждебность российского общества по отношению к мусульманам.

С другой стороны, формирование и пропаганду «образа врага» можно проследить в деятельности по созданию плакатов и карикатур. Во время Первой мировой войны в российской пропаганде «врагом рода человеческого» становится не Османская империя, а германский кайзер Вильгельм II, в результате чего исчезают представления о Порте как об «извечном враге», а вместо турок «вековым врагом» становятся немцы [3, с. 402]. Авторы агитационных материалов высмеивали турка, делая его нелепым и слабым «врагом» и изображали обычно турка, ведомого германским кайзером Вильгельмом II. Определенную роль играли и религиозные элементы. Так, например, на плакатах изображался трехглавый змей с головами представителей «Союза центральных держав», за исключением болгарского правителя. При формировании образа правителя на материалах стремились подчеркнуть стремление султана к достижению могущества, рисуя османского владыку в немецкой каске. В материалах хотели не только высмеять «врага», но и оправдать наступление российской армии. Подчеркивая «трусость турецкую», авторы плакатов изображали донского казака Козьму Крюкова, преследующего на коне убегающего турка. Другим методом в пропаганде «образа врага» стал анализ роли Порты в союзе с Германией и Австро-Венгрией. Здесь турок изображен на привязи Вильгельма II и его «живым щитом». Мотивом проявления враждебности к турецкой армии послужило проведение младотурецким правительством агрессивной политики по отношению к армянам, из-за чего обрисовывали «воинственных турок» «зверьми» и «варварами».

Особое место в пропаганде «образа врага» занимали отечественные листовки, предназначенные для распространения среди солдат российской армии. Поскольку вступление в войну Османской империи было реакцией царского правительства на нападение «врага» [4, с. 380], в листовках не обрисовывали турка в чистом виде, а создавали «образ визуального внешнего врага». Изображали «врага» агрессивным, дерзким и воплощали в нем черты «нечестивца» [5, с. 349, 354, 359, 364]. Пытаясь параллельно воздействовать на противника, кото-

рым оказались болгарские солдаты, авторы листовок призывали их покинуть германо-турецкий союз и сопротивляться «турецкому игу» [5, с. 304]. Распространение листовок среди солдат трехсоттысячного кавказского корпуса было необходимо для ответной меры на оттоманскую пропаганду. Командование Порты пропагандировало враждебное отношение к России и ее союзницам (Англии и Франции) как к «врагам ислама» [5, с. 267]. Параллельно оно обращалось к русским солдатам, объявляя им Священную войну, и к «братьям ислама» с призывом к защите родной религии [5, с. 268].

Можно отметить и произведения музыкального творчества, в частности, песни («Война с немцами» и «Благослови оружие, Господь!»), в которых «враг» изображался нелепым, слабым и зависимым от «сильного врага».

Таким образом, в начале XX в. в российской пропаганде позиция османского государства изменилась, поскольку в представлении россиян ему отвели второстепенную позицию, отдав главную роль Германской империи и Австро-Венгрии. В целом Порта рассматривалась «цепным агрессором Германии», слабым «военным противником», нелепым воякой и живым щитом немецкого союза. Особое место в формировании представлений о «враждебном государстве», турецкой армии и турках принадлежало религии. Она заняла передовую позицию в осуществлении идеи «панславизма», выдвинутой в противовес «пантюркизму». Религия во многом была определителем «своих» и «чужих», с ее помощью «противники» видели друг друга «религиозными врагами» и стремились оправдать соответствующие действия по отношению друг к другу.

Литература

1. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. 2006.
2. Усманова Д.М. Мусульманские депутаты Государственной думы о российско-турецких взаимоотношениях накануне и в период Первой мировой войны (1907–1916) // Исторические записки. Вып. 8. М., 2005. С. 253–266.
3. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. С. 388–403.
4. Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.
5. Листовки на русском фронте // Асташов А.Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 349–366.

В.Г. Шишкин
Изменение идеологии Вьетнама
в постколониальный период

В период «холодной войны» мир был разделен на два противоборствующих лагеря. Борьба Советского Союза и Соединенных Штатов принимала формы научно-технического соперничества, гонки вооружений, но особенно острой она была в сфере идеологии. Стороны стремились доказать, что именно их строй является наиболее жизнеспособным и перспективным.

Немецкий геополитик Карл Шмитт сравнивал соперничество великих держав с противостоянием двух типов цивилизаций: Земли и Моря. Исследователь, проследил и обосновал тезис о том, что суть мировой истории заключается в борьбе преимущественно континентальных и морских держав. В период античности это было противостояние «морского» государства – Афин и «сухопутной» Персии, затем Карфагена и Рима. В Новое время произошло столкновение Великобритании и Франции [1, с. 73–81]. В XX веке противоборство приняло глобальный характер, но его суть не изменилась. Само противостояние переросло в череду локальных конфликтов на периферии. Одной из горячих точек «холодной войны», ареной борьбы двух парадигм стал Вьетнам. Идеологическое противостояние в этой стране можно разделить на три этапа, что связано с политическим режимом государства, уровнем развития его экономической системы, а также влиянием, оказываемым извне.

Отправной точкой первого этапа (1945–1976 гг.) стала августовская революция 1945 г., публикация в сентябре Декларации независимости [2] и принятие Конституции Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Закладываются основы противостояния двух идеологий – капиталистической и коммунистической. В Индокитае носителями первой являлись страны Запада, до 1954 г. возглавляемые Францией, которая в дальнейшем уступила место Соединенным Штатам. Противником Запада выступал Советский Союз, а после 1949 г. Китайская Народная Республика.

После 1946 г. у Вьетнама было два возможных пути развития. На севере Вьетнама началось строительство коммунизма по сталинскому образцу. Этому предшествовал период становления коммунистической идеологии Вьетнама, которая включала комплекс идей, в том числе конфуцианства, французского Просвещения и ленинизма, адаптированных под реалии Индокитая [3]. На Юге Вьетнама возникает «банановая республика» под названием Республика Кохинхина, контроли-

руемая французской администрацией. В 1946–1954 гг. борьба идеологий приняла форму войны за национальную независимость.

В 1954 г. после окончания Индокитайской войны территория Вьетнама была разделена на два государства – на севере укрепилась Демократическая Республика Вьетнам, на юге – Республика Вьетнам. Противостояние двух государственных образований приобретает ярко-выраженную идеологическую окраску. И на севере, и на юге действуют авторитарные режимы, которые стремятся привлечь на свою сторону население. ДРВ имеет явное идеологическое преимущество, на руку коммунистическому движению играет авторитет Советского Союза, победившего в войне Германию и Японию, а также поддерживающего национально-освободительные движения в мире. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК) имела опыт борьбы с колониальным режимом, а ее разветвленная сеть охватывала не только территории ДРВ, но и Республики Вьетнам. Умело используя постулаты коммунистической идеологии, она привлекала беднейшие слои крестьянства, мелких торговцев и промышленных рабочих. Малоимущим слоям населения импонировали идеи свободы, равенства, братства, коллективизма и взаимопомощи. На тот исторический момент они в большей степени отвечали потребностям населения, которое в массе своей проживало в сельской местности и почти полностью было неграмотным.

На Юге в Республике Вьетнам не существовало четкой идеологии. Власти использовали комплекс разнородных идей от случая к случаю, когда того требовала ситуация. Аморфность идеологии, использование демагогии и популизма создавали предпосылки для неустойчивости режима. Отсутствие одной партии, которая сплачивала бы разные слои населения, частая смена лидеров-марионеток, открытое вмешательство США во внутренние дела Республики Вьетнам, которые больше ассоциировались с колонизаторами, а не с освободителями, вызывали отчуждение у основной массы населения. Ставка режима на местную аристократию, наиболее состоятельных граждан и армию привели к тому, что режим имел узкую социальную базу. Неимущим слоям населения Республики Вьетнам больше импонировали порядки на Севере, где все были «одинаково бедными». Именно уравнилельные идеи, жесткие, а порой и жестокие законы, а также патронат государства составляли тот идеал, который привлекал вьетнамских крестьян, вынуждая их активно или пассивно поддерживать ДРВ и сопротивляться агрессивно насаждаемой идеологии Запада с его культом потребления, индивидуализма и массовой культуры. Первый этап противостояния завершился с выводом американских войск в 1973 г., падением Сай-

гонского режима в 1975 г., объединением страны и провозглашением в 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам.

Второй этап (1976–1992 гг.) отличался меньшей напряженностью в идеологическом противоборстве. В СРВ шло совершенствование политического режима. За основу была взята модель Советского Союза. Так, Конституция СССР 1977 г. была положена в основу Конституции СРВ 1980 г. [4]. В ряде случаев политическому режиму и соответственно идеологии приходилось отстаивать право на существование силой оружия. В начале 1979 г. в ходе непродолжительной Китайско-вьетнамской войны вооруженные силы СРВ, поддержанные ополчением смогли сдержать натиск Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Незадолго до вторжения НОАК вооруженные силы СРВ помогли свергнуть в соседней Кампучии режим «красных кхмеров», которые ориентировались на КНР. Идеологическая платформа, которая сплотила население и позволила ему выстоять в столкновении с более сильным противником, служила доказательством правильности выбранного пути. Доктрины Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) в этот период оставались в целом неизменными. «После победы коммунистическое руководство, из всех сил стремясь объединить разорванную в войне нацию, с разрушительными последствиями пыталось ввести по всей стране социалистическую экономику» [5].

Удар по идеологии был нанесен главным союзником – СССР. Итогом горбачевской перестройки стал распад социалистического лагеря, ОВД, СЭВ и самого Советского Союза. В этой ситуации малые страны, придерживавшиеся социалистической ориентации, оказались в положении сирот, которым в текущий момент пришлось самостоятельно решать вопросы дальнейшего развития – отказа от прежней идеологии или ее адаптации к ситуации. Первые попытки реформ были предприняты после VI съезда КПВ в 1986 г., когда была провозглашена политика обновления и заложены основы «рыночного социализма» [6, с 404]. Решение о постепенном изменении экономической системы шло одновременно с либерализацией политического режима и отходом от жесткого идеологического догматизма.

С 1992 г. начался третий и последний на настоящий момент этап трансформации идеологии современного Вьетнама. Изменения произошли в конституционном устройстве СРВ, когда была принят новый Основной закон государства. С этого момента Вьетнам начинает больше ориентироваться на КНР. Но, в отличие от Китая, во Вьетнаме продолжает действовать однопартийная система, существование даже квази-партий не допускается. В ряде случаев к руководству в провин-

циях приходят беспартийные, но в центре власть по-прежнему остается у КПВ.

Основной ареной противоборства коммунистической идеологии с другими идейными течениями становится хозяйственная система. Многоукладность вьетнамской экономики, допущение рыночных механизмов привели к расслоению общества. Идеи равенства, коллективизма и взаимовыручки приходят в противоречие с экономическими постулатами о стремлении к прибыли, развитии индивидуализма и конкуренции. Рост благосостояния общества привел к тому, что коммунистическая идеология перестала в полной мере отвечать потребностям общества, хотя продолжает его сплачивать за счет деятельности партии, широкой пропаганды, а также апелляции к прошлому.

Таким образом, жесткое противостояние во Вьетнаме двух идеологий с середины сороковых годов и до конца семидесятых годов XX в., переросло в доминирование коммунистических идей на территории всей страны, которое длилось до начала девяностых годов. Под воздействием общемировых тенденций идеологическое противостояние с Западом обрело менее агрессивные формы. Доминирующая роль КПВ в СРВ исключает возможности конкуренции с другими идеологиями в политической сфере, но допускает диалог в области экономики.

Литература

1. Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб., 2007.
2. Декларация независимости Вьетнама 1945 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/704> (дата обращения: 22.05.2013).
3. Хо Ши Мин. Избранное. Библиотека вьетнамской литературы. М., 1979.
4. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1980 г. URL. <http://www.sovetika.ru/vtm/konst.htm> (дата обращения: 24.05.2013).
5. Вьетнам. Война продолжается // За рубежом. 2000. №15–16. URL: <http://asiapacific.narod.ru/vietnam/war.htm>
6. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. Науч.-метод. Комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2011.

3. МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С.В. Арапина

Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты)

Для Европейского Союза понятие «европейской идентичности» является основополагающим моментом, одним из условий функционирования ЕС. Европа как идея – динамический концепт. Она находится в постоянном движении, дополнении, обогащении, а также в постоянном поиске. Определение модели европейской идентичности на сегодняшний день является одной из главных задач, связанных с выбором направления развития Евросоюза. Возможно, от этого выбора зависит будущее объединенной Европы. Объединенная Европа как проект наднациональной структуры Европейского Союза предполагает европейскую идентичность, основанную на модели постнациональной идентичности.

Проблема определения европейской идентичности

Вопрос о европейской идентичности стал для европейцев актуальным с момента создания Европейского Союза. По мнению некоторых исследователей, сегодня в ЕС идентичность является двойной проблемой. Во-первых, существует потребность в идентичности на уровне Союза. Эта идентичность должна быть ясной и понятной как в ЕС, так и за его пределами. Во-вторых, необходимо структурно интегрировать Европу не только на уровне политик, экономик, но и на уровне существующих национальных идентичностей, которые нередко обладают свойствами центробежности и пассивности по отношению к наднациональным европейским структурам [1, с. 71].

Европейская идентичность – объективная данность, она выступает как совокупность характеристик, отличающих европейцев от неевропейцев в традициях, культуре, образе жизни и системе мышления. Это европейское самосознание как осознание собственной принадлежности к Европе. Кроме того, европейскую идентичность можно рассматривать как единство государств Европы в силу таких факторов, как единая территория, единство цивилизационного и исторического развития. Традиционная для Европы идентичность размывается. Одна ее форма переходит в плоскость европейских институтов, т.е. в уровень Европейского Союза, другая определяется и реализуется регионами – с этим связано и оживление, и новый всплеск региональных движений в

ряде стран Европы. В результате появляются новые связи регионов с институтами Европейского Союза. Поиск новой идентичности происходит противоречиво: с одной стороны – подъем национальных и националистических чувств и движений, с другой стороны – усиление стремления части общества к идентификации с Европой.

Европейская идентичность никогда не представляла собой единого концепта, а главное, не был разработан план по ее развитию в контексте европейской интеграции [2]. «Отцы Европы» Р. Шуман, Ж. Монне полагали, что процесс интеграции и создания новой Европы окажется долгим поэтапным мероприятием [3]. Существуют абсолютно разные исторические, политические, социальные и нормативные представления о европейской идентичности, поэтому необходимо признать наличие различных контекстов, теоретических основ и политических реалий употребления этого понятия.

Определение европейской идентичности проблематично еще и потому, что европейский проект был основан на базисе антинациональной идентичности. Он был призван выйти за пределы национального эгоизма и антагонизмов, которые характеризовали политику XX века в Европе. У идеологов европейской интеграции существовала вера в то, что будет создана новая универсальная европейская идентичность, которая заменит национальные идентичности. И здесь одни делают ставку и обращаются к универсальности европейской культуры, говорят о культурно-историческом наследии европейцев. Другие же, видят европейскую идентичность как общность политических принципов и институтов.

Конструирование европейской идентичности

С началом европейской интеграции экономические, а затем политические факторы выходят на более передний план, нежели историко-культурные основания европейской идентичности. На рубеже XX–XXI вв. в Европе происходят как культурные, так и политические изменения, на ведущие позиции выдвигается интерпретация европейской идентичности как политической идентичности Европейского Союза. Сторонник этого подхода Фурио Черутти определяет политическую идентичность как «ансамбль политических ценностей и принципов, которые мы признаем в качестве базиса нашей политической группы. ... Этот акт признания или идентификации объединяет нас в единое Мы» [цит. по: 4, с. 17].

В европеистике европейская идентичность оценивается как социальный конструкт, который связан с процессами интеграции. Франк Шиммельфеннинг считает идентичность и социализацию ключевыми концептами конструктивистского анализа европейской интеграции [5, р. 44]. Сторонники конструктивистского подхода Ж. Деррида и Ю.

Хабермас 31 мая 2003 г. на страницах немецкой газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и французской газеты «Liberation» опубликовали манифест, который назывался «После войны: возрождение Европы». В манифесте они аргументируют этот подход так: «Сегодня мы знаем, что многие политические традиции, которые завоевали авторитет под влиянием убеждения в их естественном происхождении, на самом деле были изобретены. В противоположность этому европейская идентичность ... есть нечто изначально конструируемое. Необходимо учитывать при формировании европейской идентичности социальные, политические и культурные факторы, в том числе коренящиеся в прошлом» [6, с. 16–25].

Углубившись в историю, можно проследить, как конструировалась европейская идентичность. В декабре 1973 г. девять стран-членов Европейских сообществ подписали Декларацию европейской идентичности. В декларации говорится о том что, «несмотря на вражду и конфликты в прошлом, европейские страны имеют общие цели и интересы. Это должно способствовать объединению Европы и созданию общеевропейских институтов. Основными принципами институтов должны быть верховенство прав человека, соблюдение законов и демократия» [7].

26 июня 1984 г. на саммите в Фонтенбло главы десяти стран-членов объявили о том, что хотят усилить европейскую идентичность граждан своих государств. В связи с этим была организована рабочая группа, которая разрабатывала меры по усилению европейской идентичности и формированию внутреннего пространства Европы без границ. Проект, в рамках которого развивалась деятельность по реализации этих мер, получил название «Народная Европа» («A People's Europe») [8].

Важными маркерами в формировании европейской идентичности стали взаимное признание государствами-членами ЕС дипломов о высшем профессиональном образовании в 1985 г., введение для граждан стран-членов ЕЭС единого паспорта, а также принятия в 1986 г. единых символов Европейских сообществ – гимна и флага. Также в рамках политики ЕС была разработана программа «Европа для граждан» («Europe for Citizens»), которая предусматривает работу в трех направлениях: налаживание сотрудничества между муниципалитетами европейских стран, поддержку гражданских инициатив и организаций гражданского общества и развитие сотрудничества между ними, проведение специальных мероприятий: европейских концертов, празднований и конференций [9].

Евросоюз объявил 2013 год «Годом граждан». Вероятно, политическая элита ЕС желает, чтобы жители 27 стран Европейского Союза

вспомнили о своей европейской идентичности. Однако, анализируя данные статистики Евробарометра, можно обнаружить, что только для 32% респондентов европейская идентичность стоит на первом месте по сравнению с национальной, 74% респондентов относят себя к европейцам, 94% респондентов также ощущают свою национальную идентичность [10]. Соответственно, можно сделать вывод, что идентичность европейцев двойственна, причем приоритетной граждане считают национальную, а не европейскую идентичность.

Несмотря на то, что на обложках загранпаспортов граждан стран ЕС появилось прямое указание на их принадлежность к Европейскому Союзу, стратегия конструирования европейской идентичности пока не дала ожидаемых результатов. Европейское политическое пространство в сознании граждан ассоциируется с реализацией проекта «большой Европы»: «быть европейцем» означает быть гражданином Евросоюза. Это, безусловно, свидетельствует о влиянии институтов ЕС на формирование гражданской идентичности. Но для создания Европы с общими демократическими принципами этого явно недостаточно.

Политические процессы в ЕС как факторы европейской идентичности

Одной из наиболее важных форм вовлечения граждан ЕС в политический процесс являются референдумы. Кроме того, в Европейском Союзе созданы политические институты, схожие с органами национального государства. Одним из таких органов является Европейский парламент. Помимо референдумов, участие в выборах в Европарламент также является формой политического вовлечения граждан и должно способствовать установлению европейской идентичности. Выборы в Европейский парламент можно назвать своеобразным индикатором наднациональной идентичности европейских граждан.

Тема европейской идентичности выступает в качестве определенного ресурса для политических групп. Партии, для которых тема европейской идентичности является центральной и на которой они формируют свою электоральную стратегию, прямо противоположны по своим позициям относительно процессов евроинтеграции. Так называемые еврооптимисты (например, Европейская народная партия, которая включает в себя партии стран Европы, ориентированных в рамках прагматической части политического спектра) и евроскептики («Европейские консерваторы» и «Европа свободы и демократии») выступают, соответственно, «за» и «против» построения единой европейской наднациональной идентичности.

«Народники», либералы, левые и «Зеленые» – Европейский Свободный Альянс ставят знак равенства между своей партийно-политической идентичностью и европейской, т.е. для них идея разви-

тия и укрепления единой наднациональной европейской идентичности является составной частью идеологической программы и мировоззрения. Именно эти партийные группы в наибольшей степени способны формированию евроидентичности своего электората.

Социалисты довольно обтекаемо говорят о феномене европейской идентичности, подчеркивая лишь значимость общеевропейского культурного наследия для населения континента. В наибольшей же степени они отождествляют себя со своей идеологической позицией.

Для евроскептиков – консерваторов и националистов – риторика «антисоюзной» направленности является ключом к пониманию их политической программы. Они выступают против развития общеевропейской идентичности, поскольку видят в этом процессе угрозу идентичности национальной. Эти политические силы поддерживаются гражданами ЕС, выступающими против дальнейшего развития процессов евроинтеграции и за усиление национальных начал в европейской политике [11, с. 93].

Однако еврооптимисты и евроскептики сходятся в том, что роль Европарламента ограничена. И несмотря на то, что это единственный орган, избираемый всенародно, граждане Европы не хотят принимать участие в выборах. Тому подтверждение – выборы в Европарламент в 2009 г., которые, по сути, были провальными, так как в среднем по ЕС явка составила 43,1% [12]. Это самая низкая явка на выборах в Европарламент с 1979 г. Вероятно, причину этому факту нужно искать в том, что депутаты Европарламента не имеют права на определение повестки дня, ее вносит Еврокомиссия, роль Европарламента в области международной политики практически равна нулю. Современная задача институтов ЕС по формированию европейской идентичности должна быть сведена к усилению роли Еврокомиссии и Европарламента в построении гражданского общества за пределами государств-наций. Если этот наднациональный проект продолжит развиваться в данном направлении, ЕС станет ярким примером многонационального общества, объединенного общей идентичностью. В противном случае европейская идентичность еще долго будет оставаться категорией дискурса и политической риторики вне контекста существующей повестки дня современной Европы.

Литература

1. Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 6. С. 70–79.
2. Kaina V. European Identity Legitimacy and Trust: Conceptual Considerations and Perspectives on Empirical Research // European Identity:

Theoretical Perspectives and Empirical Insights / Ed. P. Karolewski, V. Kaina. URL: <http://books.google.ru/books>

3. Монне Ж. Реальность и политика. М., 2001.

4. Оленина К.И. Цена европейской идентичности // Социальные явления. 2013. № 2.

5. Schimmelfennig F. Integration Theory // Research Agenda in EU Studies. Stalking the Elephant / ed. By M. Egan, N. Nurgent, W.E. Paterson. L., 2010.

6. Деррида, Ж. Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы // Отечественные записки. 2003. № 6.

7. Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 December 1973. URL: http://www.ena.lu/declaration_european_identity_copenhagen_14_december_1973-020002278.html

8. Документы см. в эл. библиотеке «A People's Europe». URL: http://www.ena.lu/peoples_europe-020102134.html

9. Europe for Citizens Programme 2007–2013. URL: http://eacea.ec.europa.eu/citizenship/programme/documents/EACEA_2008_0185_EN.pdf

10. Eurobarometr 71 Future of Europe. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf

11. Шубникова, Т.А. Европейская идентичность как электоральная стратегия на выборах в Европарламент // Вестник Пермского университета. Сер. История и Политология. 2010. Вып. 2. С.87–96.

12. European Parliament election turnout 1979–2009. URL: <http://www.ukpolitical.info/european-parliament-election-turnout.htm>

С.В. Голунов
Проблема ирредентизма:
ситуация в российском пограничье
на фоне мирового опыта

В России болезненно воспринимаются любые, пусть потенциальные и гипотетические, вызовы территориальной целостности государства. В качестве одного из подобного рода вызовов нередко рассматривается ирредентизм, при котором этническое меньшинство претендует на присоединение территории своего компактного проживания к другому государству, где та же самая (или родственная) этническая группа составляет большинство или многочисленное и привилегированное меньшинство. Потенциально проблема ирредентизма может возникнуть в значительной части российского пограничья, причем в

ряде случаев ситуация может восприниматься в контексте «цивилизационного дискурса», а именно опасений относительно того, что «ирредентистское меньшинство» может попытаться оторваться от «российской цивилизации» и присоединиться к своим «собратьям» по религии и/или культуре».

В чем же заключается суть ирредентизма? Какие факторы способствуют, а какие препятствуют развитию ирредентистских движений? Какие уроки должны вынести российские власти из соответствующего международного опыта?

Анализ данного опыта следует начать с попытки определить содержание самого понятия ирредентизма. Хотя его суть уже была обозначена выше, такая трактовка все же оставляет ряд вопросов. Во-первых, некоторые исследователи понимают ирредентизм более широко: одни авторы включают в этот феномен любое вмешательство иностранного государства в дела другого с целью защиты «своей» этнической группы [1, с. 154], другие – претензии иностранного государства на находящиеся в составе иной страны исторические территории, на которых ко времени выдвижения претензии может даже и не проживать значительное количество представителей «своей» этнической группы (в качестве примера можно привести притязания армянских националистов на территорию Западной Армении) [2]. Во-вторых, во многих случаях отнести движение к категории сепаратистских либо ирредентистских можно только по прошествии довольно длительного исторического периода. Дело в том, что представления о желаемом результате (сецессия или воссоединение) могут расходиться и меняться с течением времени как в самом движении, так и в самом «родственном» иностранном государстве. Зачастую не упуская случая использовать существование ирредентистских или сепаратистских движений в своих интересах, внешние акторы могут использовать их как «разменную монету» в переговорах с той страной, на территории которых эти движения существуют, а также соизмерять свои амбиции с реакцией третьих стран либо международного сообщества в целом. С учетом того, что действующие нормы международного права отнюдь не поощряют аннексию, заинтересованному в успехе движения своим «этническим собратьям» государству, как правило, более реалистично добиваться не присоединения территории к себе, а существенного усиления своего влияния в зоне ирредентистского движения при формальном сохранении статус-кво, либо при поддержке самопровозглашения данной территорией независимости.

Развитию ирредентистского движения благоприятствует ряд факторов. Ключевыми из них являются недовольство этнического мень-

шинства политикой властей их страны и готовность другого (как правило, соседнего) государства оказать помощь группе, которая является «родственной» в этнокультурном плане либо этническому большинству, либо “привилегированному” меньшинству. Ни одного из этих факторов в отдельности, однако, недостаточно. Трудно представить себе, например, чтобы ирредентистское движение достигло своей цели без явной или хотя бы скрытой поддержки извне. С другой стороны, одного лишь желания внешнего актора мобилизовать «соотечественников» для отторжения территории также вряд ли достаточно. Хотя в конспирологических сценариях представителям этнических меньшинств (например, китайцам в России) зачастую отводится роль «пятой колонны», организованно и послушно выполняющих задание направляющего их государства по присоединению к ней соседних территорий, вряд ли можно считать вероятным то, что представители таких меньшинств в нормальных условиях согласятся играть роль дисциплинированных «солдат идеи», подчиняя ей свою жизнь и жизни своих близких. Напротив, члены сообщества, оказавшиеся в более благоприятных социально-экономических и других условиях, чем те, которые существуют на их «исторической родине» (например, мексиканцы в США или русские в Финляндии) вряд ли будут иметь особое желание поспособствовать их «выравниванию», а самым простым ответом на улучшение условий на «исторической родине» является не инициирование ирредентистского конфликта, а репатриация.

При наличии двух вышеупомянутых условий существенную роль может сыграть ряд других факторов. Пожалуй, наиболее серьезным из них является слабость государства, на территории которого действуют ирредентистские движения: не случайно, что в 1990-е годы значительная часть из них развивалась в условиях распада одних государств и формирования других. Определенное значение могут также иметь концентрация этнического меньшинства вдоль границы с поддерживающим ирредентизм государством, «культурная дистанция» между этническим большинством и доминирующей в стране этнической группой (чем больше такая дистанция, тем больше вероятность ирредентистского движения), разница в уровне социально-экономического развития, а также многочисленность и компактность этнического меньшинства. Однако влияние этих факторов на возникновение ирредентистских движений безусловно: так, несмотря на сохранение определенных трений, проблемы крупного, довольно компактно проживающего и сильно отличного в этнокультурном плане от титульного населения турецкого меньшинства в Болгарии пока удается разрешать, в целом, успешно. Некоторые авторы, в том числе основываясь на ана-

лизе обширной базы данных по этническим конфликтам, вообще считают роль большинства из упомянутых факторов в рассматриваемом контексте второстепенной [3, р. 1126, 1138].

Довольно неоднозначную роль в контексте развития ирредентистского движения может сыграть политический режим. Демократические режимы имеют в своем распоряжении более гибкие и разнообразные инструменты урегулирования подобных споров, например предоставление этническим меньшинствам широкой автономии, либерализация режима трансграничного сообщения и создание кросс-граничных регионов с регионами сопредельных стран и т.п. Вместе с тем, в случае обострения этнополитических конфликтов при демократическом режиме нередко оказывается труднее, чем при режиме авторитарном заглушить голоса разжигающих конфликт радикалов с обеих сторон [3, р. 1138]. Авторитарные режимы более склонны проводить жесткую и ущемляющую интересы этнических меньшинств политику, но при этом располагают и своими инструментами урегулирования конфликтов: возможностями принятия непопулярных решений, идущих вразрез с требованиями радикальных лагерей, «приглушения» конфликтогенных информационных потоков и т.п.

Гораздо более серьезным фактором эскалации ирредентизма может стать ужесточение государственной политики относительно компактно проживающего в приграничье этнического меньшинства. Если данное меньшинство плохо интегрировано в языковом и культурном планах интегрировано, то попытка наступления на его религиозные свободы, сужение самоуправления и сферы употребления языка, может оказаться особенно взрывоопасной, что можно проиллюстрировать примером в конце концов закончившегося присоединением к США антимексиканского движения техасских колонистов в XIX в., спровоцированного желанием мексиканского авторитарного режима унифицировать систему управления, с которой более демократические порядки колонистов были плохо совместимы.

С учетом вышеприведенных соображений, насколько вероятно развитие ирредентистских движений на территории России? В случае ослабления государства он отнюдь не исключен, так как сложившейся ситуацией, вероятно, не преминут воспользоваться к своей выгоде (хотя вовсе не обязательно территориальной) соседи, в том числе и те, которые в настоящее время считаются союзниками РФ. Однако в обозримой перспективе реализация подобных сценариев представляются маловероятной. РФ явно превосходит по своему «силовому» потенциалу большинство соседей, и вступать с ней в конфронтацию чревато для любой сопредельной страны слишком серьезными рисками, тогда

как экономическое сотрудничество сулит огромные дивиденды. Социальные условия, в которых находятся в РФ «ирредентистские» меньшинства, в значительном большинстве случаев, по крайней мере, не хуже, чем на их «исторической родине», а между «местными порядками» в зонах компактного проживания таких меньшинств и системой государственного управления уже давно сложился достаточно стабильный статус-кво.

Определенный вызов с ирредентистским потенциалом может создаться в случае резкого увеличения в приграничье численности компактно проживающих групп из титульной сопредельной страны, например китайцев. Однако и такое развитие событий отнюдь не означает фатальной неизбежности возникновения ирредентистского движения с отторжением территории от России при соблюдении ряда условий: поддержания хороших отношений с соседней страной, поддержания с ней интенсивных трансграничных контактов, интеграцию меньшинства или достижения с ним консенсуса относительно условий самоуправления и этнокультурной автономии без дальнейших попыток существенного ужесточения «правил игры». Следует помнить о том, что трансграничные этнические группы отнюдь не обязательно рассматривать как угрозу: напротив, они легко могут стать мостом для развития сотрудничества между сопредельными странами.

Литература

1. Бараш Р. Ирредентизм как категория дискурса и политической практики // Вестник Российской нации. 2012. № 2–3. С. 151–171.
2. Irredentism. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Irredentism>
3. Saideman S.M., Ayres W. Determining the Causes of Irredentism: Logit Analyses of Minorities at Risk Data from the 1980s and 1990s // The Journal of Politics. Vol. 62. No. 4 (Nov., 2000). P. 1126–1144.

Гэн Хайтянь

Конфуцианство и политическое руководство в современном Китае

Превращение Китая в ходе успешной экономической реформы в высокоразвитую мировую державу вызывает неподдельный интерес в мире. Этому способствует современное успешное развитие китайской цивилизации.

Современные синологи считают, что Китай – социоцентричная цивилизация. Он представляет собой совершенно уникальный цивилизационный и этнический монолит. В аграрном Китайском государстве-

семье выделяются два взаимосвязанных уровня иерархии и идентичности – организующий «письменный» политический и автономный «устный» клановый, семейный, производительный. Как указывает современный китайский ученый Фан Кэли, между этими уровнями существует третий торговый элемент, который находится между двумя уровнями иерархии и идентичностями, как бы провисая между ними, и оставаясь инородным телом, что отражалось и в конфуцианстве [1]. Поэтому частная собственность не могла приобрести самостоятельной роли и особых социальных функций. Все это не мешало китайской предприимчивости совершенствоваться в рамках стратегии взаимодействия с другими странами, следовательно, экономическая модернизация Китая конца XX – начала XXI в. должна рассматриваться как ее логичное продолжение.

По мнению китайских ученых, большую роль в этом сыграло умелое использование достижений китайской культуры в целом и, в первую очередь, основных ценностей конфуцианства.

Говоря о влиянии китайских культурных традиций на модернизацию китайского общества, нельзя обойти вопрос о конфуцианстве в этом процессе, так как оно составляет фундамент традиционной китайской культуры [2].

В условиях современного глобального экономического кризиса, порожденного, в частности, крайностями финансового спекулятивного капитала на Западе, происходит дискредитация добросовестного производительного труда в глазах новых поколений. Поэтому назрел новый поворот к Востоку, связанный с творческим использованием традиционной китайской конфуцианской этики, в которой большое значение придается трудовой морали, высоко оценивается честный производительный труд на благо общества.

Китайская культура, бережно сохранявшая традиции, была способна не только по достоинству оценить гениальность древних философов, но и использовать их идеи для практического улучшения жизни. Конфуцианская теория управления позволила преодолеть важнейшие противоречия, которые несут угрозу стабильности общества.

В первую очередь, отбор правящей элиты из всех социальных слоев устранял противоречия между богатыми и бедными, обеспечивал поддержку большинства населения. Кроме того, политическая направленность образования позволяла ликвидировать характерное для других цивилизаций, прежде всего для западной, противостояние интеллигенции и власти. Образованный человек, интеллигент, оказывался включен в государственную систему и направлял свои усилия на ее поддержку и сохранение, а не на критику и разрушение.

В конечном счете, такая система позволяла свести к минимуму глобальное противоречие между личными интересами и общественными, так даже самые глубокие внутренние мысли и переживания человека не входили в противоречие с государственными интересами. Для западной традиции, особенно эпохи Нового времени, было характерно столкновение верхов и низов, интеллигенции и власти, индивидуального и общественного. Все это заканчивалось разрушительными потрясениями.

Китайский язык – ключ к цивилизационной специфике Китая. Он во многом обуславливает форму государства. Специфика конкретно-символического мышления делает возможным программирование сознания населения, социализацию в интересах Коллективного субъекта.

Сегодня ядром демократизации в Китае выступает целостная система: китайский язык – конфуцианская этика – централизованная бюрократическая машина управления. Ни генезис, ни существование данных элементов невозможно представить в отрыве друг от друга. Модернизация в Китае с европейской точки зрения означала бы безвозвратную потерю цивилизации Китая. Это могло бы повергнуть в хаос пятую часть человечества и поставить вопрос о его существовании.

Демократия представляет собой идентификационный и компенсаторный механизм, который берет на себя функции архаического обряда социального рождения и объединяет «рассыпавшееся» западное общество в единое целое. В Китае политическая модернизация, понимаемая как демократизация, не имеет смысла потому, что народ не чувствует себя отчужденным от власти. Данный факт объясняется неискоренимым коллективизмом китайского народа, реальной демонстрацией властью собственного присутствия на постоянной основе. Здесь все население вплоть до высших чиновников является легко заменимым элементом системы, которая существует в едином этико-символическом пространстве. А для китайского менталитета западную демократию трудно понять: поскольку «государство – семья, народ – хозяин, все мы живем в большой семье», а как можно отца выбирать?

Известный современный исследователь неоконфуцианства Ду Вэймин уже с конца 70-х гг. XX в. пытается «посредством идентичности понять современные превращения Китая» [3]. Он считает, что «даже если рыночная экономика и важна для развития государства, если страна стала рыночной и семейные ценности, и общественные идеи расцениваются критериями функционирования в рыночной экономике, этого не достаточно для здорового развития идентичности. В

данном смысле конфуцианство может стать полезным для понимания того, что означает быть китайцем» [4].

В настоящее время в рамках общего курса строительства «социалистической духовной цивилизации» руководство КНР настойчиво пытается использовать творческие подходы в решении современных проблем развития китайского общества, а также некоторые кардинально важные принципы старой китайской культуры. К тому же стараются органично интегрировать их в некоторые области современного внутривнутриполитического курса, что, как полагают, поможет обеспечить стабильность и консолидацию всего китайского общества. Конечно, в современных условиях эти ценности не могут использоваться в своем изначальном виде. Как уже не раз бывало в истории конфуцианского учения, они под влиянием политической практики вновь испытывают на себе вызовы современности и меняют свое содержание. При всех изменениях, важным остается то обстоятельство, что современное руководство Китая пытается именно на конфуцианской основе обновить и обогатить свою идеологическую платформу, обеспечив нормальное функционирование всей государственной доктрины в настоящем и будущем. В глазах политического руководства страны это формирует предпосылки для длительного существования традиционной культурной доктрины, демонстрирует ее преемственность, что всегда было важно в истории политической власти Китая [5].

В марте 2006 года генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Ху Цзиньтао изложил «социалистический взгляд на то, что следует уважать и прославлять, и на то, что следует отвергать и считать позором». Он сформулировал восемь правил нравственного поведения, согласно которым определяются понятия славы или почета и позора или стыда. Он произнес речь о том, чем следует гордиться, что следует считать для себя честью и что следует рассматривать как позор.

В этих восьми правилах находит свое проявление разрыв и даже распад традиционных семейных коллективистских поведенческих моделей, а также резкое усиление индивидуализма и эгоизма. Конфуций применительно к семье ратовал за уважение к родителям, к старшим, учителям, за любовь между людьми. Все это за последние десятилетия сменилось в Китае поклонением единственному чаду (одному ребенку) в семье (речь идет о материально обеспеченных, главным образом, городских семьях). Духовная сущность конфуцианства представляет собой своеобразный акт отрицания или возвращения на новом уровне к старому укладу, учитывающему социальную подоплеку общества для определения духовной сущности [4]. Поэтому, по существу, в по-

литическом мышлении Ху Цзиньтао отражаются традиции конфуцианства.

В середине октября 2007 года в Пекине состоялся XVII Съезд компартии Китая, который подвел итоги первых пяти лет правления нынешнего руководства во главе с председателем КНР Ху Цзиньтао. В отчетный доклад ЦК КПК вошли новые лозунги, в том числе, призывы к созданию «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами [6]. Всего за два года лозунг «гармонии» вошел в официальную идеологию и стал одним из символов правления Ху Цзиньтао. На XVII Съезде этот концепт не только прозвучал в докладе, но и был закреплён в обновленной редакции устава партии. Это гарантирует новому лозунгу устойчивое место среди программных целей КПК и после 2012 года, когда Ху Цзиньтао должен будет уступить партийное руководство преемнику.

Новый лозунг «гармонии» позволил китайским властям увязать внутривластную программу строительства «гармоничного общества» с внешнеполитической стратегией создания «гармоничного мира» [7].

Сегодня концепция «гармоничного мира» – основная внешнеполитическая установка китайского государства. Курс на «мир, развитие, сотрудничество» был определен Пекином как ведущий.

Китайский ученый Фэн Кэли описывает принципы конфуцианской идеологии следующим образом: «В классическом китайском конфуцианстве и его производных формах в Корее, Вьетнаме, Сингапуре, Тайване и (менее ярко и однозначно) в Японии интересы коллектива ставятся выше интересов личности, власть имеет приоритет перед свободой, а обязанности считаются более важными, чем личного права. (...) Самое важное, конфуцианство осуществило слияние общества и государства и поставило вне закона автономные общественные институты на общегосударственном уровне» [8]. В конфуцианской идеологии, таким образом, главной остается центральная идея единства индивидуального и общественного на основе ограничения личностного начала и подчинения его потребностям социального целого.

Исследовав внешнеполитическую доктрину «гармоничного развития», группа китайских ученых-политологов пришла к следующим трем выводам. Во-первых, стратегия КНР состоит в обеспечении условий для мирного развития страны посредством самостоятельного следования по пути социализма с китайской спецификой, участвуя в экономической глобализации, а не самоотстраняясь от нее. Во-вторых, несмотря на стремление опираться прежде всего на собственные силы, Китай нуждается в мирном международном окружении. В-третьих, как

считают аналитики, подъем, к которому стремится КНР, будет исключительно мирным: Пекин отвергает путь агрессии и внешней экспансии [7].

22 января 2010 года в Китае вышел фильм «Конфуций». Он повествует о жизни великого китайского мудреца, охватывая период его жизни с 51 до 73 лет. В свое время фильм был показан на больших экранах Гонконга, Макао, Тайваня, Японии и стран Юго-Восточной Азии и Европы. Ряд специалистов подчеркивают, что фильм «Конфуций» в некоторой степени способствует увеличению популярности китайской культуры за рубежом [9].

Что касается возрождения конфуцианских идей в Китае, одни исследователи напрямую рассматривают это как способ сохранения культурной идентичности, другие также уделяют внимание важной роли традиций в становлении современного общества, но в большей степени склонны расценивать реанимацию конфуцианства как политический шаг смягчения и решения социальных и политических проблем, а также как способ строительства духовного и нравственного фундамента жизни китайцев.

Руководство Китая чтит свои древние, духовные традиции. Оно понимает, что уважение к прошлому создает предпосылки для дальнейшего развития общества, поэтому учение конфуцианства, на наш взгляд, внесет неоценимый вклад в будущее развитие Китая.

Литература

1. Хаймурзина М.А. Конфуцианство как основа культурной идентичности китайцев: обзор китайских и западных исследователей // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции / под ред. А.П. Забияко. Вып. 8. Благовещенск, 2009. С. 278–279.
2. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М., 2003
3. Моу Цзунсань. Интуиция разума и китайская философия. Тайвань, 1971. С. 99–101.
4. Се Сяодун. Современное неоконфуцианство и либерализм. Пекин, 2008.
5. Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX – начало XXI века). М., 2008.
6. Ху Цзиньтао. Доклад XVII Съезда КПК // Жэньминь жибао. 2007. 16 октября.

7. Бояркина А.В. «Гармоничный имидж» Китая в концепции построения устойчивого мира // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции / под ред. А.П. Забияко. Вып. 8. Благовещенск, 2009. С. 22–35.

8. Фан Кэли. Современное неоконфуцианство и модернизация Китая. Чанчунь, 2008.

9. Впечатления зрителей о фильме «Конфуций». URL: <http://www.ifeng.com>

Обсуждение в Интернете

Комментарий от Анатолия Сметанникова

27 июня 2013 г., 9:04 УМТ

Очень интересно. Вопрос: насколько верно существующее мнение, что китайский режим на протяжении веков духовно определялся по большей части не столько собственно конфуцианством, сколько легизмом в конфуцианской обертке?

А.В. Девятков, А.Р. Залевина

«Де-факто государства»

**и их участие в продуцировании российской идентичности
(на примере Приднестровья)**

Изучая российскую внешнеполитическую субъектность, зачастую обращают внимание в основном на внутренние изменения (прежде всего, касающиеся эволюции политического режима) и макротенденции в международных отношениях (глобальный финансовый кризис, «арабская весна» и т.д.). Действительно, это ключевые факторы для становления российского внешнеполитического дискурса. Однако вопрос состоит в том, можно ли при учете вышеназванных факторов ожидать цельности и относительной замкнутости российской идентичности в ее внешнеполитическом измерении.

Наш тезис заключается в том, что даже в ситуации, когда российская субъектность кажется ведущим элементом существующей системы отношений, на нее могут оказывать существенное влияние те части этой системы, которые ранее представлялись подчиненными. В нашем случае речь идет о Приднестровье и его влиянии на политику России в целом.

В современной науке сложилось несколько предпосылок для того, чтобы более активно заниматься малыми субъектами международной

системы, в том числе так называемыми непризнанными государствами. Для их обозначения возникли разные понятия – «квази-государства», «де-факто государства», «фантомные государства» и т.д., что, помимо прочего, отражает факт активного научного и политического поиска, ведущегося вокруг этого международно-политического феномена.

Итак, во-первых, непризнанные государства с середины 2000-х гг. заметно начали преодолевать свой имидж простых протекторатов внешних держав (Россия, Армения, Турция и т.д.). Прежде всего, они привлекли внимание своими автономными внутривнутриполитическими процессами. В 2004 г. в Абхазии и в 2011 г. в Южной Осетии и Приднестровье выборы руководства этих непризнанных республик очевидно вышли из-под контроля Кремля. Многие исследователи, в том числе Н. Касперсен, увидели в этой тенденции признак того, что де-факто государства имеют свою собственную повестку дня, которая зачастую может даже вступать в конфликт с приоритетами поддерживающих их держав [1, с. 58]. Некоторые в своих изысканиях пришли даже к выводу о том, что непризнанное государство может быть более успешным в национально-государственном строительстве, чем то государство, от которого оно стремится отделиться, в том числе в вопросе построения демократии [2].

В теоретической плоскости также существуют работы, которые способны предложить альтернативную методологию рассмотрения категории «маргинальность». Так, Н. Паркер в постмодернистском духе писал, что маргинальная периферия способна не только быть независимой от Центра, но и в значительной степени менять его [3, с. 3]. Следуя этому подходу, К. Браунинг и Дж. Кристоу изучали «конституирующее влияние» восточных соседей Евросоюза, прежде всего, Украины и Беларуси, на его «политику соседства» [4]. В контексте такой методологической перспективы можно совершенно иначе взглянуть на роль Приднестровья в регионе Юго-Восточной Европы. Это не просто объект или инструмент российской политики, а серьезный фактор ее формирования.

Какие же механизмы влияния есть у небольшого небогатого Приднестровья, даже не имеющего общей границы с Россией? Во-первых, необходимо отметить, что Приднестровье имеет свои довольно-таки устоявшиеся взгляды на то, как должен выглядеть «проект Россия», особенно в его внешнеполитической части. «Приднестровская идея» основана на тезисе о том, что регион является форпостом России в ее стратегическом противостоянии с Западом, который поддерживает Молдову и хочет оторвать ее от российской сферы влияния (что Ти-

располь на самом деле приветствовал бы). Особенная роль приписывается Румынии, которая якобы стремится поглотить Молдову, исходя из контекста румынского национального проекта с середины XIX века. Таким образом, Приднестровье активно поддерживает выделение России в самостоятельный «геополитический полюс» и, в итоге, российский «цивилизационный» партикуляризм, особенно в его нынешней версии. Причем в своих заявлениях Тирасполь более радикален и последователен, чем Москва: так, экс-президент Приднестровья И. Смирнов в контексте конфликта вокруг американской ПРО и возможности ее размещения в Румынии предложил России разместить на левом берегу Днестра российские ракеты, на что Москва никак не отреагировала. Если зачастую российские угрозы в сторону Запада являются не более, чем риторикой, «бумажным тигром», то Приднестровье видит себя в центре реального геополитического противостояния. Также в Тирасполе очень силен пафос, связанный с евразийской интеграцией. В новой «Концепции внешней политики» Приднестровья 2012 года она утверждена как приоритет для внешней политики региона.

Встраивать себя в российский геополитический проект Приднестровью проще в связи с тем, что регион может позиционировать себя как этнически родственный «титulary нации» России. Несмотря на декларируемую полиэтничную сущность «приднестровского народа», на практике он рассматривается как элемент русского (нео)имперского проекта.

Конечно же, приднестровская позиция не является абсолютной константой. Так, после президентских выборов в конце 2011 г. к власти в Тирасполе пришел Е. Шевчук, говоривший на сухом технократическом языке и обращавшийся при этом к простым, «насушным» проблемам региона (инфраструктура, здравоохранение и т.д.). Во внешней политике новое руководство отошло от политики обструкции диалога с Молдовой. Однако такая стратегия оказалась политически слишком опасной для новых властей вследствие давления со стороны России, со стороны собственной оппозиции, а также в связи с внутривластным кризисом в самой Молдове. Поэтому сегодня команда Е. Шевчука возвращается к политике статус-кво.

Во-вторых, имея относительно ясные представления о том, какая политика должна быть у России, Приднестровье проводит обструкцию, а иногда и оппонирует России, если ее шаги Тирасполю кажутся слишком «прозападными», «промолдавскими» и т.д. Особенно это просматривается в реакции Приднестровья на вопрос о выводе российских войск и вооружений бывшей 14-й армии. Когда в начале 2000-х

гг. Москва стремилась выполнить так называемые Стамбульские обязательства и активно выводила войска и вооружения из Приднестровья, Тирасполь пытался всеми способами заблокировать этот процесс, организуя «общественные протесты», а также протестуя против этого на дипломатическом уровне. В связи с этим В. Путин заявлял, что «к сожалению, руководство Приднестровья — это люди, с которыми сложно решать вопросы подобного рода. У них свои интересы, свои представления об этих национальных интересах. Я думаю, что эти представления ошибочны» [5]. Роль Приднестровья особенно видна также в случае, когда Россия пытается занять более конструктивную позицию в процессе приднестровского урегулирования (в том числе, в 1997 г., 2001–2002 гг., 2009–2010 гг.). Тирасполь использовал всегда в этой связи тактику затягивания переговоров, пережидания, пока внутривластный мятник в Москве снова не качнется в нужную сторону. Приднестровье готово даже выдерживать давление России, если ему это кажется неизбежным. Так, если в 2006 г. речь шла об «экономической блокаде» Тирасполя со стороны Молдовы, то в 2001–2002 гг. такая «блокада» проводилась уже Россией. Показательным был и факт того, что И. Смирнов решил все-таки идти на выборы в 2011 г., несмотря на ясную позицию Москвы, озвученную С. Нарышкиным, и поток компромата, организованный в отношении его семьи околокремлевскими PR- и медиа-структурами.

Результатом таких действий является то, что ориентированные на Европу инициативы Москвы проваливаются, не используются возникающие «окна возможностей». Россия самоизолируется, находя виноватых, как правило, на Западе. Так, в повороте политики России в 2003 г. оказался повинен Запад, не ратифицировавший Договор об обычных вооруженных силах в Европе, предложивший западноцентричный вариант интернационализации приднестровского урегулирования и т.д. Хотя Приднестровье было здесь не менее значимым актором.

В-третьих, Приднестровье поддерживает активные сетевые контакты с различными представителями российских национал-патриотических сил. Речь идет прежде всего о различных консервативных СМИ (в особенности, агентства Regnum и Новый регион и др.), аналитических организациях (Институт стран СНГ, Российский институт стратегических исследований и др.), фондах («Русский мир», «Признание» и др.), Русской православной церкви, представителях Государственной Думы РФ. Благодаря этим контактам Приднестровье принимает активное участие в продуцировании для российского дискурса национал-патриотического контента, сюжетов о противостоянии Румынии, «румынизаторам» и про-европеистам в Молдове, о борьбе с

деятельностью НАТО в регионе и т.д. А, оказываясь на трибуне Государственной Думы или на встречах в Москве с лицами, принимающими решения, руководители Приднестровья фактически на дискурсивном уровне делают запрос на «патриотичность» Москвы. Если вы говорите о национальных интересах и поддержке соотечественников, докажите это практической поддержкой Приднестровья, – таков приднестровский месседж.

Тем не менее, возникает вопрос, насколько в долгосрочной перспективе окажется разумной такая автономная повестка дня у Приднестровья. Россия, несмотря на противоречия в отношениях с Западом, не стремится отказываться от политики балансирования между «европейским» и «евразийским» проектами, а также выходить за пределы тех символических шагов и поддержки, которая уже оказывается Тирасполю. Пока не очень понятно, в чем будет заключаться «теплое дыхание» Москвы, которое Тирасполю обещал вице-премьер, спецпредставитель президента России по Приднестровью Д. Рогозин. Одно из немногих обещаний – открыть консульство России в Тирасполе – оказалось, несмотря на заявления Рогозина, не решаемой пока задачей вследствие отказа Кишинева. Россия не спешит инкорпорировать Приднестровье, использовать его как имперский форпост. Речь идет скорее о поддержании влияния во всей Молдове. В этих условиях Приднестровье зажато в тисках и не может ни до конца реализовать свою внешнеполитическую программу (признание независимости, вхождение в состав России или близкие к этому варианты), ни осуществлять политику, ориентированную на развитие. А Приднестровью как региону, стремительно теряющему свой промышленный и человеческий потенциал, это остро необходимо.

Литература

1. Caspersen N. Playing the Recognition Game: External Actors and De Facto States // *The International Spectator*. 2009. Vol. 44, No 4. P. 47–60.
2. Kolsto P., Blakkisrud H. De facto States and Democracy: The Case of Nagorno-Karabakh // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. P. 141–151.
3. Parker N.A Theoretical Introduction: Spaces, Centers, and Margins // *The Geopolitics of Europe's Identity: Centers, Boundaries, and Margins* / Ed. by N. Parker. Palgrave Macmillan, 2008. P. 3–24.
4. Browning C., Christou G. The Constitutive Power of Outsiders: the European Neighbourhood Policy and the Eastern Dimension // *Political Geography*. 2010. Vol.29. No.2. P. 109–118.

5. Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании саммита Россия-ЕС, 11 ноября 2002 г. URL: <http://2004.kremlin.ru/text/appears/2002/11/29553.shtml>

Л.В. Дериглазова
Деятельность Европейского Союза по формированию
европейской идентичности

Прежде чем обратиться к заявленной теме, необходимо сказать о том, что сама постановка проблемы основана на конструктивистском подходе в понимании европейской идентичности. Этот тезис отражает тот факт, что институты ЕС рассматривают процесс формирования европейской идентичности как важное направление современной политики ЕС для успешного решения вопросов интеграции. Осознанное отношение к созданию европейского единства отражено в одном из наиболее часто цитируемых документов, речи Роберта Шумана 9 мая 1950 г., в которой было сказано, что «единая Европа не может быть создана внезапно, в один момент, или согласно какому-либо единственному плану. Она будет построена благодаря конкретным достижениям, которые впервые создадут фактическое единство».

Европейская идентичность носит по определению наднациональный характер и включает в себя самые разнообразные проявления принадлежности к Европе. Понятие европейской идентичности лежит в основе целого ряда региональных объединений – Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейского Союза, которые образуют политическую архитектуру Европы. Европейская идентичность в контексте европейских региональных организаций – это не только то, кем осознают себя жители стран, входящих географически в Европу, а также и то, кем бы они хотели себя ощущать и к какому сообществу хотели бы принадлежать. Чувство принадлежности к Европе не только отражает реально существующее соответствие внутреннего пространства разных стран некому общему «европейскому образцу», но и является стремлением различных стран к сближению с «идеальной Европой» в результате вхождения в организационные европейские структуры. Эта закономерность особенно ясно проявилась в период расширения этих организаций после окончания холодной войны.

Европейская идентичность, как и другие виды идентичностей, включает в себя представления о своеобразии собственного внутреннего пространства, а также о тех существенных различиях, которые отличают Европу от остального мира. Рассматривая проблему евро-

пейской идентичности, неизбежно возникает вопрос: «Можно ли выделить какое-либо отличие идентичности Европейского Союза по сравнению с просто «европейской идентичностью»?

Как отмечают многие исследователи, европейская идентичность является сплавом двух противоречивым подходов – культурно-социального и политического и, следовательно, отличие европейской идентичности от идентичности ЕС сопоставимо с отличием культурной и гражданской идентичностей и заключается в различии культурно-социологического и политико-правового понимания принадлежности и проистекающей из нее идентичности. Эта противоречивость проявляется в деятельности институтов ЕС по формированию чувства европейской идентичности, во взглядах граждан ЕС и населения стран-кандидатов в ЕС на то, что значит «быть европейцем».

Концептуально трудно найти различия между декларируемыми ценностями, которые провозглашают Европейский Союз и другие европейские организации. Важными составляющими европейской идентичности и ЕС-идентичности являются определенные представления о политическом устройстве (демократия и защита прав человека); экономическом (рыночная экономика и свобода предпринимательства); в области социальных отношений (принципы социальной солидарности и сплоченности), во внешней политике (отсутствие вооруженных конфликтов между европейскими странами).

Главное различие между принадлежностью к Европе и принадлежностью к ЕС заключается в возможности формализовать последнюю. Принадлежность к ЕС является более узким признаком, который определяется не посредством чувствования, а посредством вхождения конкретных стран в эту организацию и теми правовыми и практическими последствиями, которые вытекают из этой принадлежности.

Развитие Европейского Союза довольно долго строилось в соответствии с логикой экономического и политического целеполагания, и европейская идентичность воспринималась как некая данность, которая существует и способствует достижению поставленных политических и экономических задач. Существование такого представления облегчалось наличием «железного занавеса» и возможностью формировать идентичность на противопоставлении. Однако политические изменения в Европе заставили по-новому взглянуть на содержание общеевропейского проекта, его цели, задачи и принципы объединения.

Именно после подписания Маастрихтского договора в 1992 г. и принятия принципиального решения о возможности вхождения стран Центральной и Восточной Европы в Европейский Союз на Копенгагенском саммите в июне 1993 г. намечается изменение в сторону более

осмысленной и целенаправленной деятельности ЕС по формированию европейской идентичности, как важного элемента единого политического и ценностного пространства. Главным мотивом такой деятельности явилось изменение внешней среды ЕС и растущая гетерогенность внутреннего пространства.

Целью деятельности институтов ЕС в данном направлении является стремление создать единую политическую общность и, таким образом, легитимировать существование такой политической сущности, как ЕС. Это также стремление получить одобрение действий высших органов власти со стороны жителей стран ЕС и решить таким образом проблему демократического дефицита.

Формирование идентичности ЕС является попыткой совместить без противопоставления и соподчинения национальную и наднациональную идентичность граждан ЕС, выделяя важные объединяющие элементы идентичностей. Наряду с идеей минимального вмешательства институтов ЕС в деятельность национальных правительств, развивается правовая база формирования общего гражданства ЕС. Так, в 2000 г. в рамках саммита в Ницце была принята Хартия основополагающих прав граждан ЕС, которая вошла в Лиссабонский договор 2007 г. Попытки ЕС создать единую наднациональную правовую базу взаимоотношений между гражданами стран-членов ЕС и институтами ЕС можно интерпретировать как действия, направленные на формирование гражданской нации и соответствующей ей идентичности ЕС.

Как полагают специалисты, идентичность формируется как результат социального взаимодействия, которое часто отсутствует в случае ЕС. Взаимодействие европейцев происходит в большей степени в рамках национального государства, что и определяет характер их самоидентификации. Как показывают исследования, большую лояльность ЕС демонстрируют так называемые евробюрократы, то есть люди, находящиеся на службе в институтах ЕС, а также более молодые европейцы, на которых направлено особое внимание институтов ЕС.

Деятельность институтов ЕС в 1990-е и 2000-е гг. была направлена на создание активного поля символического взаимодействия между гражданами европейских стран, популяризацию и распространение знаний о конкретных положительных действиях ЕС, которые оказывают влияние на жизнь европейцев. Одним из примеров является популяризация общеевропейских символов: флага, гимна, дня Европы. Объединяющим символом, которым ежедневно пользуются европейцы, стало введение в оборот единой европейской валюты – евро – в 2002 г. К конкретным формам символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС можно относить действие Шенгенской зоны

безвизового передвижения, введение единого образца медицинской карты, водительского удостоверения, Болонский процесс и специальные программы, финансируемые ЕС для сохранения объектов культурного наследия, музеев, студенческой мобильности, развития науки. Особое место занимает развитие курсов по истории и современному положению ЕС, реализуемые через программы Темпус, Жана Монне.

В 1993 г. был создан общеевропейский канал «Евроньюс», который вещает в разных форматах на 11 языках. Целью канала был ответ на «потребность упрочения новой наднациональной самоидентификации народов континента с ростом влияния Европейского Союза»[1]. В рамках канала есть несколько специальных программ, которые предоставляют возможность прямого обращения европейцев для обсуждения спорных вопросов европейской интеграции: «Ты говоришь» (Utalk), «Я говорю» (Italk), «Ты вправе» (Righton) и «Поколение Y» (Generation Y).

Хотелось бы привести две цитаты из программы «Utalk», посвященные вопросу о европейской идентичности и деятельности ЕС, которые отражают позицию исследователей и официальных лиц и подтверждают тезисы, высказанные ранее в статье.

В программе от 15 августа 2012 г. молодая француженка задала следующий вопрос: «Сейчас много говорят о европейском самосознании. Нам предлагается чувствовать себя сначала европейцем, а уже потом, к примеру, французом. Так вот, что понимается под европейским самосознанием?» Отвечая на этот вопрос, профессор Паскаль Делвит из Свободного университета Брюсселя сказал, что в ЕС «немало поклонников идеи формирования европейского самосознания, эта идея пропагандируется как на общесоюзном уровне, так и на уровне отдельных стран», однако это не означает, что «принадлежность к Большой Европе должна затмить национальный паспорт». Делвит отметил, что должно существовать параллельное восприятие себя европейцем и гражданином отдельной страны, отдельного региона, подобно США, и подчеркнул важность статуса европейского гражданина. Он также сослался на примеры общеевропейской символики, которые закрепляют идею принадлежности к ЕС, этому многокомпонентному образованию (флаг, гимн, евро, шенгенское пространство, попытка создать некую социальную модель европейского гражданина) [2].

На вопрос греческого студента: «Как можно мотивировать молодых, с тем чтобы они встали на позиции европейской солидарности, единого европейского взгляда?» – ответила Вивьен Рединг, вице-президент Европейской комиссии. По мнению В. Рединг, расширению знаний о Европе среди молодых европейцев должна помочь программа

студенческого обмена «Эразмус», которая формирует эмоциональное, положительное восприятие европейского единства. Она также привела пример проекта «культурная столица Европы», которой станет город Салоники в Греции в 2014 г. По словам Рединг, это «станет прекрасным стимулом для тех, кто следит за культурной жизнью Европы, приехать в Салоники, познакомиться с этим прекрасным древним городом. Еще раз ощутить, что такое Европа во всем ее культурном, языковом многообразии» [3].

Таким образом, в основе идентичности ЕС лежит идея «размытой государственности» с опорой на гражданство ЕС, а культурные, этнические и языковые особенности народов, населяющих Европу, должны создать «этническую и культурную мозаику» или «единство в разнообразии». Деятельность ЕС по формированию идентичности ЕС направлена на сочетание элементов культурно-социальной и политической, гражданской идентичности для расширения поля символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС и повышения его «присутствия» в повседневной жизни европейцев.

Литература

1. Euronews. URL: <http://www.euronews.com>
2. Европа солидарной молодежи: что может помочь? / Utalk. 31.05.2013. URL: <http://ru.euronews.com/2013/05/31/building-a-common-european-vision>
3. Европейское самосознание сродни американскому / Utalk. 15.08.2012. URL: <http://ru.euronews.com/2012/08/15/european-citizenship-the-death-of-nations>.

Е.М. Карагеоргий EU – Russia Relations in the Field of Nuclear Security and Non-Proliferation

After the end of the cold war, nuclear and non-proliferation-related issues have not only continued to be on international agenda, obviously, they have gained ever greater importance in terms of ensuring security given the developments in and challenges of a post bipolar world. In this respect, Russia, having at its disposal a vast nuclear industry both military and civilian, was and still is a key actor in international security system on the whole and in European security issues, in particular, along with the EU being a strategic partner of Russia, and the cooperation of the two in the field of nuclear safety and security acquired over the period in question and beyond

is substantial and is seen to be a requisite condition for stability in the European region in the long-run.

The EU-Russia relations appear to be of interest as the latter became one of the first and the main recipients of EU nuclear-related assistance since its very start in the early 1990s. Moreover, as was stressed in the EU documents, “Russia is the only state of the former Soviet Union involved in all aspects of nuclear power, from uranium mining to plant design, power generation and spent fuel reprocessing” [1]. Furthermore, “Russia (along with Ukraine) is in possession of most of the nuclear material from the former Soviet Union” [2]. In between the years of 1991 and 2006, within the TACIS framework, the total of €1.3 billion was invested by the EU in nuclear safety projects, with over € 500 million of that sum allocated for Russia [3].

The focused attention of the European Communities (EC) paid to nuclear safety and security on the Soviet territory was accounted for by several factors, among which were the ever-increasing economic and political destabilization in the USSR at the turn of the 1980s-1990s and the high risk of possible nuclear-related incidents that could potentially affect some European countries’ territory. This urged the EC to take immediate actions at the time.

On July 15, 1991, following the proposal of the Commission, the EC Council adopted the Regulation № 2157/91 concerning the provision of technical assistance to economic reform and recovery in the Union of Soviet Socialist Republics in five main fields, including energy. Nuclear-related support was not yet explicitly referred to in the text of the Regulation. However, this legal document was a point of departure for Community assistance to the USSR totaling ECU 400 million for the financial year 1991 [4].

The consequent dissolution of the USSR and the emergence of new independent, politically and economically unstable, states (NIS), unable to fully guarantee safety and security of their nuclear sites and installations, further reinforced the EC common will to proceed in this direction, whereas the conclusion of the Treaty on European Union in 1992 provided the necessary political and conceptual foundation for future development of European non-proliferation dimension introducing the Common Foreign and Security Policy pillar (CFSP).

Another document constituting the TACIS legal basis was the EU Council Regulation No 2053/93 of 19 July 1993 concerning the technical assistance to economic reform and recovery in the independent States of the former Soviet Union and Mongolia [5]. Here, nuclear safety was outwardly stated as one of the indicative areas to be given priority under the Programme.

The next basic TACIS-related document was the Council Regulation (EEC, Euratom) No 1279/96 of 25 June 1996 concerning the provision of assistance to economic reform and recovery in the New Independent States (NIS) and Mongolia, stating that “such assistance has already generated significant impact on reform in the NIS and Mongolia” [6] and should be continued to ensure sustainability. It covered the period from 1996 to 1999. Notably, the term “beneficiary states” was replaced by “partner states” thus indicating a shift toward a more balanced EU approach to those countries. In the case of Russia, this change had already been reflected before - in the Partnership Cooperation Agreement signed by the EU and Russia in 1994 [7]. Nuclear safety was referred to as one of the priority areas.

An important element of the EU-Russia relationship in the area of, more specifically, non-proliferation was the Joint Action adopted by the Council on December 17, 1999, № 1999/878/CFSP establishing the European Union Cooperation Programme for Non-proliferation and Disarmament in the Russian Federation. The objective was “to support the Russian Federation in its efforts towards arms control and disarmament and to that end to cooperate with the Russian Federation in the latter's pursuit of a safe, secure and environmentally sound dismantlement and/or reconversion of infrastructure and equipment linked to its WMD” [8].

On December 29, 1999, the EU Council adopted the Regulation № 99/2000, concerning assistance to the partner states in Eastern Europe and Central Asia [9], which became the fourth TACIS principle document and constituted the legal basis of the TACIS programme for 2000–2006. This document marked the beginning of a new phase in the cooperation between the EU and the TACIS participant countries. There was an understanding reflected in it that the cooperation should be based on the principle of mutuality, and not to be any longer perceived in the categories of «donor-beneficiary», there was also a need indicated for the TACIS countries to take on more responsibility as to allocation of necessary resources and funding. Before that, the EU itself used to choose initiatives and prioritize actions based on its counterparts' needs, now, due to some domestic changes in the countries and, first and foremost, in Russia, this new approach was brought to the fore presuming an equitable dialogue and active engagement of all the participants.

The EU Common Strategy for Russia [10] targeted at strengthening the strategic partnership with Russia on the basis of the PCA was adopted in 1999. It referred to nuclear safety as an “essential issue” in the bilateral relations and a “common challenge on the European continent” for the two partners. On December 27, 2001, the European Commission adopted the Country Strategy Paper 2002–2006 for the Russian Federation [11]. The

document, among others, contained an overview of the EU-Russia previous and on-going cooperation, including that in the nuclear field, and presented country analysis as well as policy agenda with regard to Russia after the 2000 presidential elections. These and a number of other documents added to a more strategic EU approach toward Russia in the nuclear field.

From 1991 to 1999, the content of the TACIS Nuclear Safety Programme – concrete projects and technical assistance to Russia and other NIS – was “rather demand-driven” [12]. The relations were confined to the format «EU-funder – Russia-recipient». Since the beginning of the 2000s, though, as a result of multiple changes, i.e. a certain political and economic stabilization in Russia, as well as international developments and an increased world terrorist threat, the EU embarked on a strategic cooperation with Russia in the field of nuclear security on a “dialogue-driven” basis [12]. Aimed, mostly, at ensuring nuclear safety and professional redirection of former weapon scientists (through ISTC in Moscow), there was also a number of TACIS-financed projects run to support non-proliferation and disarmament efforts in Russia, among them – ENVRUS 9705, ENVRUS 9903, ENVRUS 9802 – all being chemical weapons-related projects – and other [13].

To conclude, TACIS contributed significantly to Russian nuclear security, but despite the funding allocated for Russia under the programme, its impact has been considered to be low because the cumbersome bureaucratic procedures on both sides caused delays in and hampering of project implementation [13]. In 2007, it was finally replaced by another EU instrument – the European Neighbourhood Partnership Instrument (ENPI).

References

Nuclear Safety Strategy Paper 2002-2006 adopted by the EU Commission on 17 January 2002. URL: http://eu-directory.ru/index.php?act=show&doc_id=6&id=130

2. Ramon Pacheco Pardo (2012): Normal Power Europe: Non-Proliferation and the Normalization of EU's Foreign Policy, *Journal of European Integration*, 34:1, 1-18. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/07036337.2011.566334>

3. Commission Staff Working Document Accompanying Document to the Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the Implementation of the Instrument for Nuclear Safety Cooperation First Report – Action Programmes for 2007, 2008 and 2009. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52011SC0284:EN:NOT>

4. Council Regulation (EEC, Euratom) No 2157/91 of 15 July 1991 concerning the provision of technical assistance to economic reform and recovery in the Union of Soviet Socialist Republics. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1991:201:0002:0004:EN:PDF>

5. Council Regulation (EEC, Euratom) No 2053/93 of 19 July 1993 concerning the provision of technical assistance to economic reform and recovery in the independent States of the former Soviet Union and Mongolia. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1993:187:0001:0005:EN:PDF>

6. Council Regulation (EEC, Euratom) No 1279/96 of 25 June 1996 concerning the provision of assistance to economic reform and recovery in the New Independent and Mongolia. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1996:165:0001:0011:EN:PDF>

7. Agreement on Partnership and Cooperation Establishing a Partnership between the European Communities and Their Members, of the One Part, and the Russian Federation, of the Other Part. URL: http://russianmission.eu/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_english.pdf

8. Council Joint Action 1999/878/CFSP of 17 December 1999 establishing a European Union Cooperation Programme for Non-proliferation and Disarmament in the Russian Federation. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1999:331:0011:0016:EN:PDF>

9. Council Regulation (EC, Euratom) No 99/2000 of 29 December 1999 concerning the provision of assistance to the partner states in Eastern Europe and Central Asia. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:012:0001:0009:EN:PDF>

10. Common Strategy of the European Union of June 4, 1999, on Russia (1999/414/CFSP). URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/november/tradoc_114137.pdf

11. Country Strategy Paper 2002-2006, National Indicative Programme 2002-2003. Russian Federation. URL: http://eeas.europa.eu/russia/docs/02-06_en.pdf

12. Frenz, Alexander. The European Commission's Tacis programme – a story of success, 1991-2006. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-east/documents/annual_programmes/tacis_success_story_final_en.pdf

13. Ian Anthony, Vitaly Fedchenko and Anna Wetter (October 2005): The Delivery of EU Non-Proliferation and Disarmament Assistance in Rus-

sia. Stockholm International Peace Research Institute. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0CC8QFjAB&url=http%3A%2F%2Farchives.sipri.org%2Fcontents%2Fexpcn%2FBP9.pdf%2Fdownload&ei=0841UvvPGNLT4QTanIGgBw&usg=AFQjCNEilbvgr1161NnFYej_bJacbJZnTQ&bvm=bv.52164340,d.bGE&ad=rjt

Е.В. Клевакина

***Миротворческий потенциал организации договора
о коллективной безопасности в оценках
международных аналитиков***

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляет собой многофункциональную организацию, нацеленную на борьбу с широким спектром угроз и, что более важно, снабженную необходимыми для этого инструментами. В частности, учитывая особенности нынешней международной обстановки как в регионе, так и в мире, особо актуальным направлением деятельности организации является миротворчество. Анализ оценки миротворческой деятельности ОДКБ является важным в связи с неоднозначностью его интерпретации как отечественных, так и зарубежных авторов, речь о которых пойдет в данной статье.

Миротворчество в рамках ОДКБ берет свое начало 6 октября 2007 г., когда президенты государств-членов подписали Соглашение о миротворческой деятельности, вступившее в силу 15 января 2009 г. По данному Соглашению, государства-члены для участия в миротворческих операциях создают на постоянной основе Миротворческие силы. Для их комплектования государства-члены в соответствии со своим национальным законодательством выделяют на постоянной основе миротворческие контингенты. Для участия в конкретной миротворческой операции из состава Миротворческих сил создаются Коллективные миротворческие силы (КМС), в состав которых включен военный, милицейский (полицейский) и гражданский персонал [1].

Актуальность развития данного направления связана с тем, что для государств-участников ОДКБ характерна проблема территориальной раздробленности. Кризисы, подобные российско-грузинскому августа 2008 г. опасны помимо прочего тем, что могут повлечь за собой ряд аналогичных, так как большинство членов ОДКБ многонациональны и имеют ряд неразрешенных, замороженных конфликтов.

Как было сказано выше, большинство государств-членов ОДКБ имеют достаточно средств и опыта для участия в миротворческих опе-

рациях, в частности, активными участниками миротворческих миссий под эгидой ООН и НАТО являются Армения и Казахстан. Для России – государства, обладающего наибольшими силами и средствами для формирования миротворческого контингента среди государств постсоветского пространства – характерно осуществление миротворческих операций скорее независимо, чем в команде, о чем свидетельствует тот факт, что она не спешит отдавать свои войска под руководство многосторонних организаций. В этом отношении исключением служит ОДКБ – организация, в рамках которой Россия готова активно участвовать в миротворческой деятельности.

Ряд исследователей связывают сложившуюся позицию России с тем, что ОДКБ стратегически важна для нее, кроме того, лидирующая роль Москвы в организации подразумевает, что осуществление операций будет подконтрольно руководству РФ. Инициирование миротворческих операций под эгидой многосторонней организации выглядит гораздо легитимней, нежели одностороннее вмешательство государства. К тому же, ООН в современном мире в лице региональных организаций видит достойных помощников в миротворчестве [2, с. 21].

Другая причина, по которой Россия активно выступает за миротворчество в рамках ОДКБ, – возможный противовес НАТО. В случае конфликта в регионе, который потребует вмешательства третьих лиц, велика вероятность, что НАТО привлечет свои силы. В этом случае миротворческие операции ОДКБ, под руководством РФ, с контингентом, обученным в России, ограничат действия западных государств.

Однако, несмотря на желание ОДКБ проводить миротворческую деятельность, на пути к успеху она должна преодолеть ряд трудностей. Миротворческие операции XXI века отличаются повышенным уровнем жестокости и имеют много общего с современной обычной войной. Современные армии вынуждены бороться в условиях ассиметричных конфликтов, поэтому они должны соответствовать следующим характеристикам: действовать под объединенным командованием, иметь подвижные силовые структуры, высоко мобильные силы и войска, готовые к разнообразным типам операций. Вооруженные силы государств-участников ОДКБ, также как и армии западных государств, были созданы для предотвращения прямых территориальных угроз, а не для участия в ассиметричных конфликтах, что говорит о необходимости пересмотра основ стратегии и тактики их миротворческих контингентов [2, с. 17].

Некоторые авторы в качестве организационной помехи эффективной миротворческой деятельности ОДКБ отмечают низкий уровень коллективной безопасности в организации. По факту она состоит из

трех армий: Российско-Белорусской на Западе, Российско-Армянской на Кавказе и Российско-Казахско-Киргизско-Таджикской в Центральной Азии, каждая из которых имеет различный уровень заинтересованности в участии в миротворческих операциях [3, с. 205].

Сложность заключается в том, что, в случае формирования миротворческих сил для участия в конфликте, к примеру, в центральноазиатском регионе, который традиционно является наиболее конфликтогенным на подмандатной организации территории, два государства отпадают сразу по причине удаленности от Центральной Азии и отсутствия прямых интересов в регионе, а именно Армения и Беларусь. Другие два государства-участника организации – Киргизия и Таджикистан – несмотря на прямую зависимость от ситуации в регионе, страдают от нехватки высококвалифицированного контингента и материальных средств, необходимых для осуществления отнюдь недешевых миротворческих операций. Таким образом, основным «инвестором» коалиционных войск является Москва и частично Казахстан, при условии его заинтересованности в той или иной операции [4, с. 41].

Исследователи также отмечают, что ряд государств ОДКБ прямо зависят от военной поддержки России, в частности Таджикистан и Кыргызстан, на территории которых расположены российские воинские контингенты. Помимо прочего, Россия имеет преимущество, выступая инициатором и координатором всех программ в рамках Анти-террористического комитета, а Коллективные силы быстрого реагирования – ключевой военный инструмент в Центральной Азии, который состоит из войск государств-членов, обученных российскими военными, – оснащен российским вооружением, а также проводит финансируемые РФ учения. Проект создания совместной системы противовоздушной обороны, инициированный Россией, также свидетельствует о перспективах военной интеграции ОДКБ [5, с. 88].

Согласно документам о миротворчестве, ОДКБ самостоятельно определяет мандат на операции в регионе при наличии официального обращения государства, на территории которого должна проводиться операция (резолюция ООН необходима лишь в случае проведения ОПМ за пределами юрисдикции ОДКБ). Это весьма выгодно для РФ, так как нет вероятности, что США или Китай используют право вето на операцию ОДКБ.

По мнению международных аналитиков, Киргизский кризис 2010 г. – наиболее яркий пример того, что организация не готова обеспечить комплексную безопасность в регионе. В условиях Киргизского кризиса 2010 г. ОДКБ направила своего представителя (точнее представителя РФ – председательствующей в том году), где он выступал наряду с

другими представителями международных организаций и правительств. Государства-участники ограничились заявлением, в котором описали происходящие события, призвали народ Киргизии к восстановлению стабильности. РФ в этой ситуации передала свою роль Казахстану, который председательствовал в ОБСЕ [6].

По мнению зарубежных специалистов, подобное бездействие России неожиданно, так как именно РФ выступала в роли лидирующего актора региона, отвечающего за его безопасность. Вслед за лаврами лидера непременно приходит ответственность: в случае киргизского конфликта Россия не смогла обеспечить стабильность в регионе. Основная причина в том, что Россия ориентирована на недопущение Запада в регион, тогда как должна больше фокусироваться на внутренних проблемах постсоветского пространства. Однако именно Киргизский кризис дал определенный импульс для пересмотра некоторых позиций ОДКБ, что, возможно, скажется на ее будущей эффективности [7].

В целом, миротворческий потенциал ОДКБ иностранные исследователи характеризуют как перспективно эффективный инструмент сохранения безопасности в регионе, однако есть много «но». Миротворческий контингент ОДКБ, который на сегодняшний день наполовину состоит из российских представителей, финансируется и обучается в России, имеет все шансы быть эффективным. Тем более что РФ предпочитает «региональное миротворчество» традиционному и отдаленному. Однако такие инициативы РФ не имеют достаточного отклика со стороны союзников по организации, так как другим государствам выгодно решать свои проблемы традиционно руками России.

Несмотря на готовность КМС ОДКБ, а также ежегодные учения, проводимые с 2011 г., до сих пор практического применения они не получили, что сразу относит все прогнозы к категории домыслов. Многие исследователи в этом отношении рассматривают Киргизский кризис июня 2010 г. как переломный, обвиняя ОДКБ в бездействии, что не совсем справедливо, так как говорить о возможности вмешательства организации в киргизский внутригосударственный этнический конфликт неправомерно, по причине отсутствия в нормативной базе ОДКБ полномочий на подобные действия. Именно этот «юридический вакуум» является ответом стран-участниц структуры на все многочисленные выпады в ее сторону по данной проблеме.

Кроме того, настороженность западного сообщества относительно миротворчества в рамках ОДКБ, вызвана тем, что оно выгодно и в качестве возможного противовеса НАТО. В случае конфликта в регионе, с привлечением НАТО, миротворческие операции ОДКБ, под руковод-

ством РФ, с контингентом, обученным в России, ограничат действия западных государств.

Литература

1. Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ. Законодательство Казахстана on-line. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=04191&all=all>
2. Ven Bruusgaard K. Peacekeeping and the Modernized Russian Armed Forces. Norwegian Defence Research Establishment, 2007.
3. Møller K.J. International Organisations: Their Role in Conflict Management. Copenhagen, 2009.
4. Erkomaishvili D. Collective Security and Unilateral Decisions – Security Prospects for the Post-Soviet Space // Central European Journal of International & Security Studies. 2008. Vol. 2.
5. Frost A. The Collective Security Treaty Organization, the Shanghai Cooperation Organization, and Russia's Strategic Goals in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly. 2009. Vol. 7. №3.
6. Weitz R. Why is the CSTO Absent in the Kyrgyz Crisis? URL: www.cacianalyst.org.
7. Melvin N. Eurasian Security Arrangements Face Reality Check after Kyrgyzstan Crisis. URL: <http://www.sipri.org>

О.Ю. Курныкин

Мусульмане-иммигранты и европейская идентичность

Сама постановка вопроса обусловлена глубокими, качественными подвижками в мировом историческом процессе, связанными с преодолением западоцентристской парадигмы и выходом на авансцену новых акторов, что делает более разнообразной и многоцветной социокультурную палитру мировой цивилизации. Как представляется, преждевременно списывать со счетов западную цивилизацию, продемонстрировавшую способность гибко реагировать на меняющиеся реалии. Кроме того, выработанные ею базовые принципы и институты в политической и социальной сфере, в организации производства и банковского дела, в международных отношениях имеют универсальный характер, и в силу этого западная цивилизация является мощным преобразующим фактором для всего мира. Вместе с тем, очевидно, что в наступившем XXI веке Запад столкнулся с новыми вызовами, которые поставили под вопрос сохранение базовых основ западного общества.

Помимо ускорившихся и приобретающих подчас драматический характер процессов перераспределения политического, финансово-

экономического, военно-стратегического потенциала на рубеже XX–XXI вв., далеко идущие последствия могут иметь и изменения в демографическом балансе современного человечества. По оценкам демографов, население Земли к концу XXI века стабилизируется на уровне 10 млрд человек, однако на протяжении нынешнего столетия будут происходить существенные подвижки в соотношении численности населения между отдельными регионами, странами и расовыми группами. Особенно быстрый прирост населения ожидается в странах Африки.

Очевидно, Европа будет испытывать растущее демографическое давление со стороны других регионов мира, прежде всего со стороны географически примыкающих, а, возможно, и более отдаленных стран Азии и, особенно, Африки. Таким образом, проблема иммиграции будет оставаться для европейского сообщества одной из наиболее значимых и животрепещущих на обозримую перспективу. Причем наибольшее миграционное давление страны Европы испытывают, по крайней мере, сейчас, со стороны мусульманского Востока.

Исторический опыт свидетельствует о том, что процессы самоидентификации активизируются в периоды исторического подъема тех или иных народов и государств, что находит свое отражение в мессианских представлениях о собственном предназначении, либо приобретают особую остроту в кризисных условиях исторического вызова.

Современный этап во взаимоотношениях европейцев и народов мусульманского Востока следует рассматривать в контексте многовековой истории контактов европейских народов с самобытными цивилизациями Востока. Основные концепты европейского Просвещения в немалой степени складывались как противостоящие косному, отсталому, нецивилизованному Востоку. На место религиозному мессианству, свойственному начальному этапу экспансии европейских держав на Востоке, приходит «культурно-просветительская» мотивация, ставшая несущей конструкцией идеи о «цивилизаторской миссии» европейских держав на Востоке, характерной для XIX столетия, когда окончательно складывается колониальный миропорядок. Противопоставление «цивилизированного мира» и нецивилизованной периферии стало одним из основополагающих для европейского самосознания в эпоху расцвета колониальных империй.

Нынешнюю волну иммигрантов в страны Европы, преимущественно из бывших колониальных владений, можно рассматривать как некую историческую расплату за бывшее колониальное величие. История учит тому, что за все надо платить, в том числе за прежнее обладание колониями. Прежняя колониальная периферия ответила бывшим

метрополиям все более значительными миграционными потоками. Колониальными империи ушли в прошлое, но постимперское наследие еще дает о себе знать в разных проявлениях: в попытках сохранить привилегированные отношения с бывшими колониями (что, помимо прочего, предполагает предоставление неких «бонусов» для мигрантов из соответствующих стран), в комплексах массового сознания, в рефлексии политических элит и т. д.

Отметим, что с подобными проблемами, хотя и в ином историческом и политико-культурном контексте, гораздо раньше столкнулась Российская империя. Вбирание в российский имперский комплекс обширных территорий, населенных мусульманскими народами, стало испытанием для российской государственности, поставив перед имперским центром так называемый «мусульманский вопрос». Попытки его решения за счет обращения мусульман в православие, распространения российской системы образования среди инородцев с целью их русификации, включения части мусульманской элиты в имперские государственные структуры при условии политической лояльности с их стороны – все это дало ограниченные результаты. Думается, значение «мусульманского фактора» в истории российского государства еще в полной мере не осмыслено. Он не был столь политически значимым в российской истории как польский, прибалтийский или финляндский вопросы; на протяжении нескольких столетий российскому государству удавалось сохранять лояльность мусульманских народов. Вместе с тем России раньше многих других европейских стран суждено было на практике столкнуться с прочностью мусульманских социальных структур, мусульманского вероисповедания и образа жизни. Есть основания утверждать, что найти решение «мусульманского вопроса» не удалось ни в имперский, ни в советский периоды российской истории.

Разумеется, российский опыт сосуществования с мусульманскими народами своеобразен и не может быть напрямую заимствован в современных европейских реалиях. Вместе с тем сравнительный анализ методов и способов решения «мусульманского вопроса» может быть полезен для выявления преград на пути интеграции мусульман в европейский социум.

Вопрос об иммиграции стал одним из наиболее обсуждаемых и дискуссионных на европейском политическом пространстве, он выходит на ведущие позиции в период предвыборных кампаний. Возрастающая «чувствительность» европейских избирателей к проблеме миграции на руку националистическим и правоконсервативным силам,

педалирующим иммиграционную тему и собирающим благодаря этому дополнительные голоса на выборах.

Во Франции пятая часть населения страны поддерживает требования лидеров Национального фронта о выдворении иммигрантов. Подобные процессы разворачиваются и в ряде других европейских стран. Пока радикальные антииммигрантские настроения остаются маргинальными в европейском политическом дискурсе. Да и сами эти лозунги вряд ли реализуемы в силу экономических, социальных и, что немаловажно, идеологических причин.

Столь наглядно проявляющийся исторический вызов со стороны Востока, с которым столкнулось на рубеже XX–XXI вв. европейское общество, вновь обострил вопрос о европейской идентичности, о ее содержательном наполнении, а также путях и способах ее отстаивания. Поток нелегальных иммигрантов, особенно возросший в связи с событиями «арабской весны» 2011 года, стал вызовом для либеральных ценностей европейского сообщества. Ислам уже занял положение второй по количеству приверженцев религии Европы.

Ужесточение миграционной политики неизбежно и в конечном итоге, видимо, позволит приостановить неконтролируемый наплыв иммигрантов. Вряд ли доля мигрантов в численности населения европейских стран превысит некий критический порог, за которым произойдет утрата социумом своей национальной идентичности. Гораздо более трудноразрешимая проблема заключается в том, как включить иммигрантские общины в социально-культурную среду европейского общества.

Печальная для европейской самоуверенности констатация: политика ассимиляции иммигрантов, прежде всего из стран мусульманского ареала, не увенчалась успехом.

Стратегия в отношении решения «иммигрантского вопроса» в западноевропейских странах эволюционировала от первоначальных установок на ассимиляцию приезжающих в страну, что предполагало восприятие последними образа жизни, ментальных и поведенческих норм, выработанных европейским обществом, в том числе посредством межрасовых браков, к политике интеграции, что означало признание за иммигрантскими общинами права на сохранение некой особенности, прежде всего в сфере культуры, быта, вероисповедания – при сохранении стратегического курса на их интеграцию в европейское общество. Отказ от попыток ассимиляции и признание права на культурную автономию общин мигрантов сделали логичным переход к политике мультикультурализма, ставшей, при некоторой ее инвариантности в тех или иных странах, едва ли не официальным курсом ев-

ропейского сообщества в миграционной политике. Основопологающим принципом мультикультурализма стала толерантность в межкультурных взаимодействиях; в практической деятельности это нашло отражение в содействии со стороны государственных структур в создании культурных и религиозных центров для мигрантов. Тем самым среди мигрантов закреплялась этно-конфессиональная идентичность. Парадоксально, но ответной реакцией на мультикультурализм стала радикализация части мусульманских общин в странах Европы. Радикальные мусульманские проповедники подчеркивают несовместимость западных ценностей и ислама. Попытки ограничения деятельности таких проповедников наталкиваются на священный для европейского общества принцип свободы слова. Обособленности иммигрантских общин в немалой степени содействует их концентрация в определенных городских кварталах, откуда постепенно уезжают коренные жители.

Таким образом, прежние подходы к решению проблемы интеграции иммигрантов из стран Востока на основе политики мультикультурализма продемонстрировали свою неэффективность, о чем не без некоторого драматизма заявили лидеры ведущих стран Европейского Союза. Практика выявила некоторые пределы готовности к межкультурному диалогу как со стороны принимающей стороны, так и «новых граждан». Причем, вопреки первоначальным ожиданиям, проблемы социализации обострились и обернулись новыми гранями, когда в среде иммигрантов подросло второе и третье поколение – молодые люди, по факту рождения и по готовности воспользоваться социальными гарантиями ассоциировавшие себя с коренными жителями соответствующих стран, но в силу расовых и культурно-религиозных отличий ощущавшие свой маргинальный социальный статус. В мусульманских общинах Европы культивируется комплекс дискриминируемого меньшинства, оказавшегося во враждебном окружении и подвергающегося унижениям со стороны христианского большинства. Известные события в пригородах Парижа, террористические акты в Мадриде и Лондоне в новом ракурсе высветили проблему обеспечения национальной безопасности, способствовали усилению исламофобии в массовом сознании в странах Европы.

Возникла необходимость поиска новых средств и путей решения «иммигрантского вопроса». И здесь возникает коллизия между стремлением европейского общества сохранить свое лицо как в цивилизационном, так и в буквальном смысле этих слов и призывами к все более жесткой регламентации въезда в страну мигрантов и закрепления для них норм жизни, соответствующих принципам либерального, правового

го и светского государства. К иммигрантам предъявляются требования знания языка и основ культуры страны пребывания. Акцент был перенесен на укрепление национальной идентичности и недопущение опасной для стабильности общества культурного обособления, прежде всего, мусульманских общин.

Вместе с тем, введение законодательных и административных ограничений иммиграции идет вразрез с фундаментальным правом на свободу передвижения – одним из основополагающих прав человека в либеральной системе координат. Таким образом, перед европейским обществом, если под ним понимать совокупность стран-членов ЕС, встала трудноразрешимая проблема – выработать стратегию и тактические меры решения «мусульманского вопроса» в либеральной системе координат, избегая скатывания к системе «двойных стандартов», обращенных «вовнутрь» и «вовне» (как это уже было в истории взаимоотношений Запада и Востока).

А.В. Лешков
***Проблема цивилизационного выбора
в предвыборных программах 2012 г.
ведущих политических партий Украины***

В 1991 году Советский Союз прекратил свое существование. На территории бывшего СССР образовались новые суверенные государства, в том числе Украина.

Постсоветские страны столкнулись с множеством различных проблем, включая проблему цивилизационного выбора. Специфика Украины заключается в том, что страна находится на межкультурном разломе между западно-христианской и русско-православной цивилизациями, а также между христианским и исламским миром (Крым).

28 октября 2012 г. в Украине состоялись очередные парламентские выборы. По их результатам пять политических партий смогли создать свои парламентские фракции – Партия регионов (ПР), Всеукраинское объединение «Батьковщина» (ранее известное как Блок Юлии Тимошенко или БЮТ), Политическая партия «Удар» (Украинский демократический альянс за реформы), Коммунистическая партия Украины (КПУ) и Всеукраинское объединение «Свобода». В прежнем составе парламента, который избирался в 2007 г., были представлены три из пяти названных политических сил – ПР, БЮТ и КПУ. Следует отметить, что уже на протяжении десяти лет ПР и «Батьковщина» являются одними из наиболее влиятельных политических сил страны. Еще одна из ведущих политических партий 2002–2009 гг. «Наша Украина» ли-

шилась представительства в парламенте, набрав около 1% голосов избирателей. Она сравнивалась по уровню электоральной поддержки с такими политическими партиями как «Украина – Вперед!» и Радикальная партия. В настоящее время Партия регионов является правящей политической партией. Главный оппонент «Регионов» – БЮТ, который располагает самой многочисленной оппозиционной фракцией в парламенте страны.

Анализ предвыборных программ политических партий позволяет выяснить политическую повестку, наличие в ней актуальных проблем и путей их решения. С предвыборными программами украинских политических партий можно ознакомиться на сайте Центральной избирательной комиссии.

Проблема цивилизационного выбора содержится в той или иной степени в программах практически всех ведущих политических партий Украины: Партии регионов [1], «Батьковщины» [2], КПУ [3], «Нашей Украины» [4], «Удара» [5], «Свободы» [6], Радикальной партии [7], политической партии «Украина – Вперед!» [8]. Наиболее отчетливо эта проблема проявляется во внешнеполитических целях и задачах, а также в вопросах национально-культурной политики.

Большинство политических партий Украины, за исключением КПУ и «Свободы», в качестве образца общественных преобразований указывают западную (европейскую) модель экономического и политического устройства общества. Поэтому в предвыборных программах упоминаются «европейские стандарты», «европейские ценности», «европейский выбор», «европейская страна» и т.п.

Вместе с тем, по вопросу евроинтеграции только половина ведущих политических партий Украины высказывают свою позицию. Крайние точки зрения демонстрируют «Наша Украина» и КПУ. «Наша Украина» выступает за вступление в Евросоюз, а коммунисты предлагают как альтернативу ей евразийскую интеграцию. Центристскую позицию в данном вопросе занимают ПР и БЮТ, которые предлагают соглашение об ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС. В то же время еще четыре политические партии («Удар», «Украина – Вперед!», «Свобода» и Радикальная партия) не высказываются по данной проблеме.

По вопросу о евразийской интеграции в украинском политикуме наблюдаются три точки зрения. Крайние позиции занимают «Наша Украина», «Свобода» и КПУ. «Наша Украина» и «Свобода» предлагают денонсировать Харьковские соглашения, а «Наша Украина» – даже вступить в НАТО. Следует отметить, что «Наша Украина» – единственная из ведущих политических партий Украины, выступающая

фактически за отказ от нейтралитета и внеблокового статуса страны. КПУ в свою очередь декларирует необходимость вступления в Таможенный союз, единое экономическое пространство и ЕвразЭС. При этом коммунисты не предлагают создания военно-политического блока в рамках евразийского интеграционного проекта. Позиции ПР и БЮТ характеризуются центризмом и в вопросе евразийской интеграции. «Регионы» выступают за развитие экономического сотрудничества в зоне свободной торговли СНГ, а «бютовцы» придерживаются еще более низкого уровня интеграции, что выражается достаточно неопределенной фразой «сотрудничество с Россией». «Удар», «Украина – Вперед!» и Радикальная партия не затрагивают вопроса о евразийской интеграции в своих предвыборных программах.

По вопросу о государственном языке предвыборные программы можно разделить на все те же три группы. Политические партии «Удар», «Украина – Вперед!» и Радикальная партия избегают языкового вопроса. Сторонниками придания русскому языку статуса второго государственного языка является Партия регионов и КПУ. Их противники – «Свобода», «Наша Украина» и БЮТ – выступают за сохранение украинского языка как единственного государственного языка в стране. При этом не стоит говорить о единой позиции трех названных политических сил в языковом вопросе. Наиболее крайнюю точку зрения из них декларирует «Свобода», предлагая принять Закон «О защите украинского языка», создать Государственный комитет языковой политики, обязать государственных служащих выступать на украинском языке и т.д. «Наша Украина», кроме мер по защите украинского языка, допускает возможность государственной поддержки языков национальных меньшинств. «БЮТ» занимает еще более либеральную позицию в данном вопросе, т.к. декларирует стремление создать условия для свободного развития языков национальных меньшинств в соответствии с европейскими стандартами.

Только две из восьми ведущих политических партий Украины затрагивают проблемы государственной конфессиональной политики – «Наша Украина» и КПУ. Они занимают прямо противоположные позиции в данном вопросе. «Наша Украина» стремится к созданию единой Украинской Православной Поместной церкви. Коммунисты декларируют поддержку «канонической» Православной церкви. Иные украинские политические силы не ставят данный вопрос в политическую повестку дня.

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы. Проблема цивилизационного выбора в определенной степени артикулирована в предвыборных программах ведущих политических

партий України. При цьому український політичний клас вироботав три проекта цивілізаційного розвитку, назовем их условно: європейський, євразійський и український. Першого придержується «Наша Україна», второго – КПУ, третього – «Свобода». Совокупность внешних и внутренних факторов заставляє українських політиків продовжувати пошук оптимального проекта цивілізаційного розвитку. По этой причине в существующие проекты цивілізаційного розвитку вносяться изменения и дополнения, а ведущие политические силы стремятся не занимать догматических позиций. Это ярко проявляется в предвыборных программах Партии регионов и БЮТ, и даже в парламентской деятельности «Свободы».

Литература

1. Партія регіонів. Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіційний веб-сервер] [2012]. Систем. требования: Microsoft Word. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=50&PID409=27>
2. Політична партія Всеукраїнське об'єднання "Батьківщина". Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіційний веб-сервер] [2012]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=52&PID409=27>
3. Комуністична партія України. Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіційний веб-сервер] [2012]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=11&PID409=27>
4. Політична партія «Наша Україна». Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіційний веб-сервер] [2012]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=109&PID409=27>
5. Політична партія «УДАР (Український Демократичний Альянс за Реформи) Віталія Кличка». Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіційний веб-сервер] [2012]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=55&PID409=27>
6. Політична партія Всеукраїнське об'єднання «Свобода». Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіційний веб-сервер] [2012]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=71&PID409=27>
7. Радикальна Партія Олега Ляшка. Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіцій-

ний веб-сервер] [2012]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=114&PID409=27>

8. Партія Наталії Королевської «Україна – Вперед!» Передвиборна програма // Центральна виборча комісія. Вибори до Верховної Ради 2012 [Офіційний веб-сервер] [2012]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/showdoc2?PF7171=93&PID409=27>

С.В. Передерий, Л.А. Сергеева
Россия и русский народ в системе
межцивилизационных взаимодействий

Как известно, человеческое общество в процессе глобализации становится все более единым: каждый человек оказывается все глубже вовлечен и зависим от общемировых процессов. С другой стороны, как следствие, это порождает и глобальные конфликты, связанные с различиями этнических менталитетов. Сегодня очевидно, что унификация культур, внешней жизни не приводит к разрушению внутренней границы между «мы» и «они». В ходе глобализации в особенности усиливается религиозная и этническая самоидентификация человека. Общество, становясь идентичным, одновременно становится все более раздробленным.

В этих условиях обеспечение мирного и бесконфликтного сосуществования представителей различных национальностей является приоритетной задачей современного мирового сообщества и отдельных государств, в том числе и России. От проводимой властными структурами политики по отношению к традициям, обычаям различных этнических сообществ зависит достижение компромисса между интересами большинства и меньшинства, бесконфликтная интеграция каждого в единое политическое и правовое пространство.

В своих многочисленных произведениях известный российский социальный философ А.А. Зиновьев прозорливо указывал на всю опасность глобализационных процессов, развернувшихся во второй половине XX в., для судьбы России и русского народа. Более того, он прямо заявлял о наличии в ведущих странах Запада некоего «антирусского проекта». Напомним, что видный ученый и общественный деятель А.А. Зиновьев заметно выделяется в когорте российских обществоведов. Участник Великой Отечественной войны, офицер штурмовой авиации, он был заслуженно награжден многими боевыми орденами и медалями. После окончания войны поступил в МГУ им. М.В. Ломоносова, где прошел все ступени от студента, аспиранта до доктора наук, профессора, заведующего кафедрой логики. Им опубликовано

более 100 работ по логике, методологии науки, социологии и политологии. Значительная часть работ переведена и издана на западных и восточных языках. Читал лекции в университетах Европы, США, Латинской Америки, принимал участие в бесчисленных международных встречах, исследовал и дал оригинальное понимание сущности, причин и последствий переворота в Советском Союзе, который произошел в 1985–1993 гг., а также социальной организации постсоветской России и процесса глобализации.

Осуществление этого проекта придает событиям, происходящим в России, характер масштабной социальной трагедии. В качестве подтверждения своего тезиса А.А. Зиновьев обращается к событиям в Сербии, агрессия в отношении которой со стороны вооруженных сил США и НАТО ставила целью разрушение сербского народа, лишение его именно качеств народа [1, с. 187–188].

А.А. Зиновьев не без оснований продолжает, что еще более масштабная и значимая трагедия уже спроектирована «глобальным сверхобществом» для России. То, что стало происходить в России начиная с 1985 г., пишет этот исследователь, есть ничто иное, как растянувшаяся по времени гибель России как целостного социального организма и гибель русского народа, проявившаяся в его деградации и вымирании [1, с. 189]. Ощущение неотвратимости исторической гибели России уже овладело многими русскими людьми, — справедливо отмечает А.А. Зиновьев.

Нельзя не согласиться с этим ученым, когда он пишет, что утверждение, будто Россия и не такое видела, да выжила, — годится только для самооправдания и самообмана. «Неумолимая и жестокая истина — продолжает А.А. Зиновьев — состоит в том, что ничего подобного в истории русского народа не было» [1, с. 187–188].

В настоящее время Европа переживает воплощение печального пророчества немецкого философа Освальда Шпенглера, сделанного им еще в 1918 году. В своем фундаментальном труде «Закат Европы» исследователь предрекал постепенную, но неминуемую гибель западной культуры, в частности, под натиском культуры арабского мира, гораздо менее склонной к депрессии и упадочности, зато более стойкой и напористой. Возвращаясь к А.А. Зиновьеву, можно сказать, что и он провидчески предсказал нарастание гибельных для русского народа и, соответственно, российской государственности вызовов и угроз. И это на фоне многочисленного сообщества советских обществоведов, которые не смогли предвидеть катастрофического системного кризиса конца XX в. Что касается постсоветского обществоведения, то оно, как справедливо отмечают некоторые авторы, находится в еще худшем

состоянии и уже даже не претендует на объяснение социальной реальности [2].

Говоря о достижениях западных стран, мы зачастую забываем, что в значительной степени Запад возвысился над прочим человечеством за счет завоеваний, ограблений и колонизации других народов, за счет эксплуатации всей доступной ему части планеты. И Л.В. Давыдова справедливо выделяет данную оценку А.А. Зиновьева, отмечая, что действие вышеназванных факторов усиливается и становится доминирующим в настоящее время [3, с. 60]. И действительно, он убедителен в своих выводах, когда пишет о противоречивом воздействии Запада на эволюцию человечества. С одной стороны, оно было могучим источником прогресса, с другой – не менее могучим источником несчастий и бед. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые «горячие» и «холодную» мировую войну.

«Сегодня покорение планеты стало необходимым условием выживания Запада – продолжает раскрытие взглядов ученого Л.В. Давыдова, – как мы увидим далее, обстановка в мире способствует превращению Запада в инициатора новых трагедий человечества» [3, с. 62]. И, говоря о том, что ждет человечество в XXI в., А.А. Зиновьев не без оснований указывает, что его история в XXI в. «будет историей, которая намного превзойдет по своей трагичности все падения и катастрофы прошлого» [3, с. 255].

Декларируемая А.А. Зиновьевым позиция беспристрастного исследователя требует от него признания правды, какой бы она ни была. И он признает, что в падении реального «коммунизма» определенную роль сыграл сам марксизм. Он мешал научному пониманию советского и западного обществ, а также происходивших в мире перемен [4, с. 45]. Выделяя положительные, на его взгляд, стороны в коммунистической организации общества, А.А. Зиновьев вместе с тем пишет, что «...система высших духовных и моральных ценностей, которую советская идеология стремилась привить советским людям, оказалась несоответствующей реальным качествам людей и условиям их жизни» [4, с. 201].

Систематизируя научное наследие А.А. Зиновьева, Л.В. Давыдова обоснованно выделяет оценочные суждения, имеющие особое значение для понимания современной российской действительности. Так, ею правомерно приводится важный тезис ученого о том, что «...продолжателями дела великих основателей коммунистической идеологии стала огромная армия беспринципных прохвостов» [4, с. 201]. Читателю, несомненно, будет интересно узнать многие оценки А.А. Зиновьева о «перестройке» в Советском Союзе и о будущем рус-

ского народа. В частности, когда он говорит о неспособности десятков тысяч профессионально подготовленных представителей Советского Союза на Западе (в лице дипломатов, журналистов, ученых и т.п.) противостоять западной пропаганде и возлагает в том числе и на них вину за идеологический провал, называя их в основной массе «...сбродом халтурщиков, невежд и хапуг» [4, с. 201]. И слова ученого: «Увы, наиболее вероятный вариант – нас, русских, вообще вычеркнут из истории. Все сделанное нами разворуют, присвоят, припишут другим и исказят до неузнаваемости», – сказанные им с горечью и болью [4, с. 289], к сожалению, действительно имеют высокую вероятность осуществления.

Каковы же причины подобного явления?

Конечно же, важнейшей из них является то, что русский этнос в настоящее время ослаблен до предела. Ослабление русского народа, всех его ресурсов (духовно-нравственных, экономических, культурных, демографических и т.д.) настолько очевидно, что не требует дополнительных доказательств. Русские сегодня находятся, по существу, в состоянии многолетней прогрессирующей деградации. С позиции теории этногенеза Л.Н. Гумилева, русские как этнос проходят в настоящее время фазу надлома и поэтому крайне уязвимы, а их этническое будущее вообще проблематично. Совокупность разнообразных этносоциальных и иных индикаторов состояния русского этноса, как справедливо отмечают А.М. Бойков и И.А. Бойков [5, с. 15], показывает, что русские находятся сегодня в самой опасной стадии надлома – пассивной депрессии. Наиболее заметно это на бытовом уровне. Количество людей пассивного склада, способных к коллективным действиям и жертвенности во имя общей идеальной цели, в составе русского этноса слишком мало. На территории огромной страны они вряд ли окажутся в силах уберечь Россию от полного упадка и распада, хотя надежда не потеряна.

В своей практической политике правящий режим нарушил по отношению к русскому народу одну из базисных ценностей – принцип этнического равенства. Это демонстрирует сознательную избирательность режима в применении этого принципа в условиях полиэтнического социума России, что обернулось на практике этносоциальным неравенством русских. Подавляющая часть русского социума оказалась оттесненной на нижнюю ступеньку социальной лестницы, оставшись наиболее эксплуатируемой его частью. Именно вследствие этого русские стали этносом России, вошедшим в состояние демографической катастрофы. Русскую молодежь государство активно использует во всех локальных войнах и конфликтах, на всех чужих границах в стра-

нах СНГ, а во внутренней социально-экономической политике откровенно игнорирует особенности русской национальной традиции и этносоциокультуры. И это при том, что русские по сей день составляют этническое большинство в России.

Литература

1. Зиновьев А.А. Распутье. М., 2005.
2. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Ч. 1. М., 2011.
3. Давыдова Л.В. Социология А.А.Зиновьева – путь к пониманию современности. М., 2006.
4. Давыдова Л.В. А.А. Зиновьев о вкладе Советского Союза в социальную эволюцию человечества. М.–Воронеж, 2011.
5. Бойков А.М., Бойков И.А. «Российскость» и «русскость» с позиции современного состояния русского этноса // Национальный интерес. 2009. С. 15–16.

Л.В. Столярова ***Политико-правовые основы*** ***приграничного сотрудничества*** ***в ракурсе партнерства цивилизаций***

В своей работе «Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул, что наступает время перехода «от парадигмы глобальной конкуренции к парадигме глобальной ответственности» [1, с 252]. Действительно, время разбегания, эйфории от парада суверенитетов прошло. Движение вперед, эффективное решение возникающих проблем в условиях все большей глобализации возможно лишь на принципах партнерства через объединение и взаимную ответственность. Вполне естественно, что данная тенденция мирового развития начинает формироваться и проявляться прежде всего на уровне приграничного сотрудничества.

Для Республики Казахстан в рамках приграничного сотрудничества можно выделить три основных вектора: прежде всего это сотрудничество с Россией, как стратегическим партнером. 76 из 89 регионов Российской Федерации имеют торгово-экономические связи с Казахстаном, а 7 областей Республики Казахстан непосредственно граничат с 12 регионами России. На них приходится 70% объема казахстано-российской торговли, а в самой приграничной зоне созданы и эффективно действуют 340 совместных предприятий. Первое соглашение о приграничном сотрудничестве было подписано 26 января 1995 г. Затем

были разработаны и приняты Программы приграничного сотрудничества на 1999–2007 и далее на 2008–2011 гг. Логическим завершением развития и укрепления этих связей было подписание документов о создании Таможенного союза 27 ноября 2009 г.

Второй вектор – сотрудничество с государствами Центральной Азии, особенно в рамках Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), в которое вошли 8 государств, в том числе Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и др. Роль секретаря этой организации выполняет Азиатский банк развития. Здесь интеграция особенно необходима в области энергетики, водных запасов, экологии, совместной разработки природных ресурсов.

Третий вектор – сотрудничество с Китаем и Монголией. Мировой опыт подтвердил, что наиболее эффективно торгово-экономическое сотрудничество осуществляется через созданные специальные экономические зоны. Так, в 2006 г. была разработана и принята Концепция о создании Международного центра сотрудничества «ХарГос» на территории Панфиловского района Алматинской области.

Это были практические шаги в реализации договоренностей в сфере экономики в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Еще одним шагом стало создание Координационного Совета «Наш общий дом Алтай». Он позволяет координировать решение проблем на большой территории, объединяющей 4 государства: Алтайский край и Республику Алтай (Россия), Восточно-Казахстанскую область (Казахстан), Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китай), Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки (Монголия). Торгово-экономические, культурные, этнические, политические, миграционные связи на этой территории имеют глубокие исторические корни.

Современный этап приграничного сотрудничества потребовал перехода к системным совместным действиям, которые координируются созданными специальными органами на основе совместно определенных целей и задач развития. Причем развитие связей идет и через законодательные и исполнительные органы, и через широкое взаимодействие общественных объединений, прежде всего научного сообщества. С 1998 года проводятся международные конференции по проблемам региона. В том числе, на базе Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева ежегодно проводятся международные научно-практические конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В декабре 2009 г. конференция в г. Усть-Каменогорске неслучайно была проведена под названием «Межкультурный диалог в условиях приграничного сотрудничества: опыт Ассамблеи народов Казахстана и пер-

спективы развития». Всего проведено 11 таких конференций, материалы которых находятся в библиотеке Конгресса США и используются в ряде государств Европы. С 2003 года проведено 8 форумов приграничных областей, где решались конкретные практические задачи.

Наиболее глубокое организационное и юридическое оформление имеет партнерство в рамках Евроазиатского экономического сотрудничества (ЕврАзЭС). Еще в 1994 году Н.А. Назарбаев высказал идею о создании Евразийского Союза. Но потребовалось почти 6 лет, чтобы эта идея была осознана и получила практическую реализацию. В 2000 году в г. Алматы главы пяти государств подписали необходимые документы (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан). Армения имеет в Евразийском Союзе статус наблюдателя.

Рассмотрим динамику процесса развития сотрудничества на примере данного Союза. Прежде всего, были определены основные направления развития многосторонних связей и цели. Основными направлениями стали:

- образование необходимых совместных органов;
- разработка общей законодательной базы;
- формирование единого экономического пространства;
- активизация участия всех секторов социума в интеграционных процессах;
- роль и вклад Республики Казахстан в реализацию стратегии интеграционного диалога.

Главными целями Евразийского Союза были определены:

- формирование общих внешних таможенных границ стран-участниц;
- выработка единой внешнеэкономической политики;
- унификация тарифов, цен и других составляющих общего рынка.

Совместные органы формировались по мере подготовки необходимых условий. Так были созданы:

- Межгосударственный Совет ЕврАзЭС;
- Межпарламентская ассамблея;
- Евразийский банк развития;
- Центр высоких технологий;
- Антикризисный фонд и др.

И, наконец, в ноябре 2009 г. Белоруссия, Казахстан и Россия подписали пакет документов о Таможенном Союзе. В июне 2013 г. в качестве наблюдателя к ним присоединились Украина и Кыргызстан.

В рамках второго направления были подготовлены и приняты ряд модельных законов и других нормативных актов:

- Экологический Кодекс;

- Концепция основ таможенного законодательства;
- Концепция Основ бюджетного законодательства;
- Соглашение об основополагающих принципах валютной политики;
- о государственных социальных стандартах;
- о миграции;
- о прожиточном минимуме и др.

Настоящим прорывом в интеграционном процессе стали документы, подписанные в рамках Таможенного Союза. Что они дают странам участницам, и какие открывают перспективы?

Таможенный Союз становится «локомотивом дальнейшей интеграции» по образному выражению премьер-министра Республики Казахстан, так как часть функций национальных государств передаются наднациональному органу [2]. Согласно подписанным документам, создается объединенный рынок, что дает огромные преимущества:

- человеческий потенциал данного объединения составляет более 170 млн. человек;
- промышленный капитал – 600 млрд. американских долларов;
- совокупные запасы нефти 90 млрд. баррелей;
- общий объем сельскохозяйственного производства – 112 млрд. долларов (это 12 % мирового производства и 17 % мирового экспорта пшеницы);
- совокупный товарооборот – 900 млрд. долларов;
- общий объем ВВП составляет 2 триллиона американских долларов [3].

Следует отметить, что именно таким путем начиналась экономическая интеграция Европейского Союза.

По мнению экспертов, Таможенный Союз дает трем странам в перспективе ускоренное формирование Единого экономического пространства, что позволяет создавать новые совместные производства, защитить страны Союза от внешней товарной экспансии, сделает более привлекательными для внешних инвестиций. По прогнозу к 2015 г. страны получают прирост ВВП свыше 15% [3].

Особая роль Республики Казахстан в развитии этих многосторонних связей определяется рядом факторов. Во-первых, геополитическим положением Республики, которое требует многовекторной внешней политики вообще и в приграничном сотрудничестве в том числе. Во-вторых, наличием огромных природных ресурсов, которыми располагает Республика и которые делают ее привлекательной для внешних инвестиций. В-третьих, глубокими историческими традициями, связавшими нашу страну с приграничными государствами. И, наконец,

разработкой и четкой реализацией Стратегии развития Казахстана как миролюбивого, демократического, стабильного государства, позволившей создать уникальную казахстанскую модель межэтнического и межконфессионального согласия. Характерные черты ее Президент Н.А. Назарбаев определил в своем выступлении на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана в октябре 2008 г. [4]

Все это определило не только лидирующую роль Казахстана в регионе, но и большой интерес мирового сообщества к нашему опыту. Именно это стало основой того, что Республике Казахстан было доверено выполнение обязанностей Председателя ОБСЕ в 2010 году, и позволило Казахстану выиграть право на проведение «ЭКСПО–2017».

Литература

1. Назарбаев Н.А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. М., 2008.
2. Казахстанская правда. 12 декабря 2009 г.
3. Казахстанская правда. 1 декабря 2009 г.
4. Назарбаев Н.А. Сила страны – в единстве народа. Выступление на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана // Казахстанская правда. 24 октября 2008 г.

Г.В. Торопчин

Interaction of Europe and Asia-Pacific Region in the Global Nuclear Non-Proliferation Regime

To begin with, it is necessary to dwell upon the relevance of the issue for the global regime of nuclear non-proliferation. Involvement of these two regions, namely Europe and Asia-Pacific region (understood in a broad sense), in the system of non-proliferation of nuclear weapons is crucial for retaining security and stability in the world. According to Russian scholars Alexei Arbatov and Vladimir Dvorkin, regional dimension of nuclear non-proliferation regime displays particular, most acute problems that are intrinsic to the modern state of affairs [1, p. 82].

Then, it is vital to understand the mechanisms of functioning of the nuclear non-proliferation regime in these two regions. In Europe, there are three countries with nuclear weapons, in accordance with the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: the United Kingdom, France and Russian Federation. In the APR, there are also three actors that are defined as nuclear-weapons states: again, Russian Federation, the People's Republic of China and the United States. Besides, the situation in the APR is aggravated with the existence of the three states with nuclear weapons that are

not signatories to the NPT (India, Pakistan and the DPRK). One can observe more peculiarities typical for the Asia-Pacific region in this regard. For instance, rapidly growing demand for energy in the countries of Southeast Asia makes certain states opt for nuclear power for generating electricity and other purposes, whereas in Europe, there is another, completely opposite trend, to refuse from nuclear power, gradually decreasing its share in the energy mix. As far as Asia-Pacific region is concerned, the Treaties of Rarotonga, Bangkok and, to some extent, Tlatelolco, under which nuclear-weapon-free zones were established in certain sub-regions (South Pacific, Southeast Asia and South America), can be regarded as a solid achievement in terms of nuclear non-proliferation. At the same time, NATO's policy of nuclear sharing led to the deployment of tactical nuclear weapons on the territory of some European (both EU and non-EU) states, to be more precise, Belgium, Germany, Italy, the Netherlands and Turkey. There is one more interesting distinction: generally, a higher level of integration within the European Communities allowed to build a whole system of bodies (i.e. Euratom) and organizations (such as European Organization for Nuclear Research, or CERN), while Asia Pacific remains somewhat disengaged in this relation.

Some authors argue that both Europe and Asia-Pacific interact in the sphere of non-proliferation and disarmament for several reasons [2]. Firstly, it is the problem of so-called «Soviet legacy» (namely, proliferation-sensitive situation after the collapse of the USSR). Then, one cannot underestimate common threats and challenges in Eurasia, spread of nuclear technologies and the will of many states (i.e. in Southeast Asia) to join the nuclear energy club. At the same time, with the process of globalization, these issues inevitably become more and more pressing, both for European states and countries of the APR. It goes without saying that various activities such as uranium trade or exchange of the corresponding technologies that happens between the actors belonging to these two regions is subject to the international legislation. Even regardless of the Fukushima Dai-ichi accident, both regions need to interact with each other in terms of the market of ideas, technologies and nuclear raw materials. Such interdependence is stipulated by the objective trends in the global economy, meaning that different events or tendencies in one part of the world can seriously influence situation in another (which has happened with the nuclear feedwater heater market [3]).

Talking about the interregional co-operation, one can admit that numerous international organizations, conferences and fora form the core of the interaction between the Asia-Pacific region and Europe in the nuclear field. The interaction range includes both non-proliferation and disarmament, peaceful use of nuclear energy and scientific developments in the nuclear

field. It is quite symptomatic that regional efforts can be expanded globally: in 2008, during his official visit to Tokyo, Australian Prime Minister Kevin Rudd proposed to establish a special body, International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament, whereas his Japanese counterpart Yasuo Fukuda supported this initiative. However, this undertaking went further than Asia Pacific: it was also backed by German Chancellor Angela Merkel at the G8 summit [4]. This example shows that separate states, such as Australia and Japan in the APR and Germany in Europe respectively, can boost the collaboration between the regions at such high-profile meetings. Similar multilateral efforts that have been undertaken in 2013 by premiers of Japan and several Eastern European countries in the form of a joint statement represent yet another instance of such co-operation that might help ensure security in the problematic regions and designate points of the nuclear agenda on the whole [5].

The exchange of experiences and ideas between the aforementioned regions in the nuclear sphere can also be held at a high level. Business negotiations and diplomatic consultations of all kinds are conducted at multiple multilateral summits, fora and meetings of the international and intergovernmental organizations: beginning with the United Nations with its numerous bodies and committees (IAEA itself was formed within the framework of this organization) and ending with ad hoc bilateral commissions. This proposition can also be proven by the fact that the principles of the organization of the European Atomic Energy Community, or Euratom, were taken into consideration when elaborating the concept and structure of the Asia-Pacific Nuclear Energy Community. It was analyzed in the expert community (for example, by Tatsujiro Suzuki [6, pp. 11-29]) in the 1990s and is scrutinized today at the official level.

One more important part of such interaction is the co-operation of scholars and scientists, researching both technical and political aspects of nuclear non-proliferation and atomic energy. It can be implemented through scientific exchange, collaboration of the researchers, educational programs. E.g. emerging nuclear specialists from the states of Southeast Asia can go to Russia or Germany in order to get their degrees and then can keep their careers going in their home countries, working for the nuclear industry enterprises. When it comes to the networking of the professionals, it is often organized through the interaction of agencies and NGOs, such as European Nuclear Society and similar organizations based in the countries of the APR, namely Chinese Nuclear Society or Australian Nuclear Association. Institutes and universities of the European and Asian countries have an opportunity to enhance their international co-operation with the help of partnership agreements. However, international collaboration of this nature also

takes place within global non-profit organizations (like World Nuclear Association).

Under all circumstances, in spite of the regional differences, one can make a conclusion that long-standing co-operation between Asia Pacific and Europe is substantial for the global regime of nuclear non-proliferation, development of the nuclear energy sector and manifold R&D projects as well as other activities in the nuclear field. The cases of co-operation between the leading states of these regions (such as Australia, Japan and the Federal Republic of Germany), as well as intergovernmental and non-governmental organizations described above, show how these regions can interact in order to facilitate the implementation of the laws and regulations that form the basis of the contemporary regime of nuclear non-proliferation. Besides, the role of the Russian Federation cannot be neglected on that occasion: due to its geographical and geopolitical position, it belongs to both Europe and Asia-Pacific region, therefore playing a special role in nuclear non-proliferation regime in general.

References

1. Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М., 2005.
2. Europe and the Asia-Pacific / Ed. by H. Maull, G. Segal, J. Wanandi. N.Y., 1998.
3. Research and Markets: Asia's Energy Need Driving Global Nuclear Feedwater Heater Market – Global Market Size, Competitive Landscape and Key Country Analysis to 2020 / Reuters.com. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/05/15/research-and-markets-idUSnBw156409a+100+BSW20130515>
4. Curtis L. Japan on Board for Rudd's Nuclear Battle / ABC.net.au. URL: <http://www.abc.net.au/news/2008-07-09/japan-on-board-for-rudds-nuclear-battle/2499682>
5. Abe E. Europe Leaders Agree to Deepen Nuclear Cooperation / GlobalPost. URL: <http://www.globalpost.com/dispatch/news/kyodo-news-international/130616/abe-e-europe-leaders-agree-deepen-nuclear-cooperation>
6. Asia Pacific Multilateral Nuclear Safety and Non-Proliferation: Exploring the Possibilities / Ed. by Ralph A. Cossa. Honolulu, 1996. URL: http://nuctrans.org/Nuc_Trans/CSCAP/cscap-links/Title_pg.htm

Так называемый «цивилизационный выбор» России в условиях глобализации предполагает прояснение контекста такого самоопределения.

Два монотеизма и массовое информационное общество

Всплеск активизации ислама оказался неожиданным для большинства политиков и экспертов, ожидавших после крушения «империи зла» торжества демократии, политкорректности, мультикультурализма и толерантности в рамках единых экономических, информационных, культурных и политических «пространств». Однако сейчас приходится говорить о прямом вызове, брошенном оказавшимся достаточно единым исламским миром – миру иудео-христианскому, оказавшемуся не готовым к выработке единой позиции перед лицом этого вызова.

Для уяснения смысла противостояния можно воспользоваться моделью, предложенной Э. Геллнером в связи с выявлением источников и перспектив гражданского общества [1]. Для Э. Геллнера главным было различие между христианством и исламом в плане поляризации «энтузиазма» (порывов духовного опыта к трансцендентному, к внебытийным и добытийным началам бытия) и «предрассудков» (бытовой ритуализации). С этой точки зрения, различие состоит в том, что, если в христианстве носителем «энтузиазма» выступала «периферия» (секты, ордена, раскольники), своеобразный культуральный «низ», тогда как «верх», «центр» (папство, патриаршество) выступал носителем терпимой ритуальной консолидации, то в исламе обратная ситуация. Там всегда носительницей «энтузиазма» выступала «умма» образованных книжников, тогда как ритуальное бытовое разнообразие накапливалось и довольно мирно существовало на «низовой периферии».

Секуляризация христианской цивилизации породила такие социальные институты как гражданское общество, демократия, правовое государство, обеспечивающие довольно мирное сосуществование носителей различных взглядов. Исламская культура в таких институтах просто не нуждалась.

Ситуация радикально изменилась в результате индустриализации исламских стран, формирования в них урбанистического образа жизни, массового общества, освоения современных информационных технологий. «Прорывы в иное» духовных лидеров, дающие объяснение и утешение обездоленным, слились в едином надгосударственном мощном порыве «энтузиазма». Получилось что-то вроде накачки лазера, за которой последовал импульс мощного излучения. И средством

«накачки» этого лазера оказались плоды европейской цивилизации (наука, техника, СМИ и т.д.).

Структурные синхронические различия двух монотеизмов, двух мировых религий, определяющих «осевое время» мировой истории, перешли в параметры синхронические, характеризующие различные стадии развития. Иудео-христианская цивилизация оказалась в статично-оборонительной позиции, тогда как исламская приобрела качественно новую энергетику развития, перейдя в фазу «горячего» общества. Причем общества надэтнического, глобального. Или претендующего на глобализм.

Как бы то ни было, но несколько неожиданно «плодами цивилизации», результатами реализации проекта гуманистического Просвещения воспользовались другие. Европейская цивилизация своими руками, в результате собственной экспансии, стоившей ей много сил и жизней, создала себе «преемника». Дело, однако, не ограничивается «исламским вызовом». Это внутренние «разборки» в рамках монотеистической традиции.

Третья сила: постчеловечность и бессубъектность

Новые репродуктивные технологии, эвтаназия, генная инженерия, использование стволовых клеток и т.п. резко расширили личную автономию и свободу. Люди утрачивают универсальную общность своей природы:

- Они лишены общности происхождения, т.к. могут появляться на свет в результате коитального зачатия, *in vitro*, в результате клонирования.

- Они лишены естественного характера – в результате успехов фармакологии можно существенно, если не радикально менять характер личности.

- Они лишены общности телесности (смена пола, трансплантации, косметическая хирургия, киборгизация).

- Они лишены универсальной ситуации смерти или продолжения жизни: генная инженерия и современная медицина радикально страдифицируют человечество.

В принципе, можно обозначить две крайние позиции в качестве своеобразных «полюсов» подходов решения возникающих проблем, между которыми размещаются все прочие. Наиболее жесткую этическую и правовую позицию занимает большинство стран континентальной части Западной Европы, которая является родиной наиболее сильных организованных экологических движений, а в некоторых странах, особенно в Германии («зеленые»), они давно уже входят в политический истеблишмент. И осторожность, даже враждебность по

отношению к биотехнологиям является одним из их программных принципов. Другой конец спектра составляют многочисленные азиатские страны. Эти общества, в силу религиозных, культурных обстоятельств куда менее озабочены этической стороной биотехнологий. Такие великие религии Азии, как конфуцианство и буддизм не знают идеи трансцендентного Бога, и, по типологии В.В. Можаровского [2], бессубъектны. Столь же бессубъектны индуизм, даосизм, синто и бон, которые включают человека в универсальное мировое целое, и наделяют духовными качествами животных и предметы, неодушевленные для европейца.

А если сюда добавить еще и монотеистический, но также бессубъектный ислам, то становятся ясными масштабы «нравственного вызова» европейской цивилизации. Наверное, к этой же альтернативе можно отнести и экваториальную Африку, где чрезвычайно распространены языческие культы. Всем этим культурам свойственно намного большее сочувствие животным и растениям и существенно меньшая значимость человеческой жизни. В некоторых регионах Азии широко распространены аборт и даже инфантицид, особенно по отношению к младенцам женского пола. Правительство КНР проводило официальную политику ограничения рождаемости, а в 1995 году приняло евгенические законы. В том же Китае официально разрешено изъятие органов у казнимых заключенных и использование их тел для самых различных целей, включая «художественные» (вроде «пластинатов» немецкого «скульптора» Г. фон Хагеса).

Промежуточную позицию между Европой и Азией занимают англоязычные страны, Латинская Америка, страны Восточной Европы. США и Великобритания, в силу либеральных традиций, всегда скептически относились к государственному регулированию, в том числе — науки. Но и в США активизировались сторонники ограничений биотехнологий, вплоть до запретов на аборт.

Мир все более поляризуется. Огромный азиатский регион, переживающий бурный экономический рост, не испытывает никаких правовых и нравственных ограничений на определенные технологии. Некоторые из этих стран (Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Сингапур) обладают необходимой научной и технической инфраструктурой. Кроме того, у них имеются мощные экономические стимулы завоевать свою долю рынка биотехнологии. Ужесточение европейского и американского законодательства по ограничению биотехнологий уже активизировало отток соответствующих научных, технических и финансовых ресурсов в азиатский регион. Поэтому в будущем биотехнология может стать важной линией раздела в международной политике.

Россия между жерновами цивилизаций

По мере того, как численность носителей бессубъектных культур, а значит и население соответствующих государств, стремительно возрастает, тогда как население субъектно-ориентированных общностей сокращается, эта проблема приобретает настолько рельефную форму, что уже проглядывает возможное расслоение человечества по религиозно-ментальному принципу. Перед таким расслоением, перспектива которого, похоже, будет определять политическую ситуацию ближайших десятилетий, описанный С. Хантингтоном «конфликт культур» будет выглядеть спором модниц о своих нарядах на представительном приеме.

Россия традиционно – в силу своего географического положения, состава населения, особенностей истории – занимала некую промежуточную позицию между культурами Запада и Востока, индустриальным Севером и аграрным Югом. В наше время мир стремительно меняется. Дело не ограничивается противостоянием ислама и христианства, очередным витком подъема Китая – глобалистского проекта, связанного с единственной империей, которая, однажды возникнув, из истории не уходила никогда. Экономически развитый иудео-христианский Запад переходит к обороне перед экономической, технологической и демографической экспансией бессубъектных цивилизаций. Возможна ли в этом стремительно разделяющемся мире для России игра в «свой путь» или претензии на некий «синтез»? Может ли Россия предложить новый глобалистский проект?

Как представляется, у России, находящейся сейчас в достаточно благоприятной для нее экономической и политической ситуации (обеспеченной, помимо прочего, именно процессом глобализации), появляются особые перспективы, «окна возможностей». Во-первых, российская культура всегда развивалась за счет рецепции и взаимодействия с другими культурами, впитывая и развивая достижения культуры и искусства других народов. Во-вторых, культурно-историческое наследие, достижения культуры и искусства современной России в условиях глобализации получают возможности интеграции в глобальное культурное и информационное пространство. Наконец, в-третьих, особый интерес представляет культурное наследие великой империи. Речь идет об апелляции не к империи как таковой – претензии эти будут безосновательны и ведут в тупик, а об апелляции к конструктивному содержанию имперской культуры, способной объединять людей вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности.

Поэтому проблема России видится не столько в «цивилизационном выборе», сколько в способности воспользоваться имеющимися историческими возможностями. А уж чего-чего, а креативного потенциала, оригинальности, неповторимого творческого драйва, российской культуре не занимать.

Литература

1. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.

2. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб, 2002.

Х.М. Турьинская

Организация непредставленных наций и народов: федерализм и сепаратизм в Африке

Федерализм как форма территориально-политического устройства государства представлял собой динамичный процесс на протяжении своей истории в Африке. Страны и территории африканского континента демонстрировали различные варианты внутри- и межгосударственных федераций, проходили через сложные процессы создания, функционирования и упразднения федеративных систем, борьбы унитаристских и федералистских течений. Африканский федерализм – органичная часть региональных и мировых политических, экономических и социальных процессов. Невозможно рассматривать его прошлое и настоящее, строить прогнозы без учета разнообразных факторов глобального порядка, а также вне контекста развития системы международных отношений, деятельности международных организаций и активности социально-политических движений.

В настоящее время в среде ученых и политиков оживилось обсуждение самого феномена «федерализм», много говорится о кризисе «национального государства», ведутся дискуссии вокруг концептов «нация» и «национализм». В политическом и обществоведческом дискурсе существует многозначное понимание и употребление терминов «народ» и «нация», что выражается в различных подходах к теории и практике социальных отношений и нередко используется в качестве идеологического инструмента. Так, нация понимается как совокупность граждан одного государства, гражданская нация, коллектив индивидов, как народ – территориально-политическое сообщество; или нацию определяют в качестве «коллективного индивида», «этноса», народа в этническом смысле. Отсюда и разное понимание и политиче-

ское использование национализма – государственного (гражданского) и культурного («этнического»).

Не уходит с мировой сцены и актуальна для Африки проблема сепаратизма, возникающего на регионалистской, трайбалистской, культурной или религиозной основе, угрожающего демократии, стабильности, гражданскому миру, единству и территориальной целостности существующих государств, как федеративных, так и унитарных. И это на фоне растущего скептицизма в отношении всей современной системы государств, споров между приверженцами либеральных и коммунитаристских идей о человеке и обществе, дискуссий о суверенитете, демократии, «притязаниях культуры», об индивидуальных и групповых правах.

В связи с концепцией «права на самоопределение» и деятельностью сепаратистских движений в Африке специальный интерес представляет проблема использования националистических идей и этнической мобилизации «этническими элитами» отдельных групп населения в федеративных государствах. Необходимо учитывать присущие этим странам особенности территориально-политического устройства, включая статус и принципы выделения субъектов федерации, а также право выхода из состава федерации.

Одной из трибун для борцов за особые права групп и территорий является Организация непредставленных наций и народов (ОННН) – Unrepresented nations and peoples organization (UNPO). Эта международная неправительственная организация основана в 1991 г., секретариат располагается в Гааге. Следует отметить, что работает она при поддержке Госдепартамента США. Среди членов организации (их около 50 по всему миру, подавляющее большинство – в Евразии и Африке), как провозглашается в официальных документах ОННН, – «коренные народы, меньшинства, непризнанные и оккупированные территории», целью которых является защита «человеческих и культурных прав», сохранение окружающей среды, а также поиск ненасильственных путей разрешения конфликтов, в которые вовлечены эти «народы и территории».

Членов ОННН объединяет то, что они не имеют «собственных государств» и, соответственно, лишены представительства на крупнейших международных форумах, таких как Организация объединенных наций. Эти обстоятельства, по мнению участников ОННН, мешают им выходить на мировую арену, а именно это они считают необходимым для отстаивания своих интересов. Ибо решить проблемы «своего народа/своей нации» или «своей территории» в системе уже суще-

ствующего государства члены ООНН, выступающие от имени соответствующих «наций и народов» и территорий, не видят возможным.

Таким образом, данная организация объединяет представителей отдельных групп, недовольных системами государственного устройства, политическими режимами, социальной и культурной политикой в своих странах. В ООНН действуют силы, в том числе националистические и сепаратистские, желающие быть услышанными на уровне «международного сообщества» и претендующие на то, чтобы на мировой сцене «занять нишу» рядом с ООН, «заполнив разрыв» между «непредставленными» и «представленными» народами [1].

Необходимо учитывать следующий принципиальный момент. В основании деятельности ООН лежит понятие о нации/народе как о согражданстве, территориально-политическом сообществе в рамках одного государства. Активисты же ООНН руководствуются онтологизирующими трактовками нации/народа, понимая их в этническом смысле и видя в них реально существующие, исторически возникшие на определенной территории устойчивые общности людей с едиными языком, культурой, психологией, самосознанием, волей. Именно с подобной версией нации/народа связаны понятия «культурная нация», «этнонация», «этнос», «этническое меньшинство». Однако этнический смысл понятия «нация» не признается международно-правовыми нормами и нормами большинства государств мира [2, с. 9, 12].

Этой принципиальной разницей в понимании нации объясняется существование противоборствующих доктрин, устремлений и тенденций в социально-политической практике современной Африки: централизм и сепаратизм, принцип самоопределения народов и принцип территориальной целостности суверенного государства [3, с. 104], демократия и этнократия, равные права индивида/гражданина и особые права меньшинства – группы, воспринимаемой как «коллективная личность» [4, с. 98, 133]. ООНН отстаивает право «наций и народов» на самоопределение, причем в уставных документах организации декларируется широкое и всестороннее понимание этого права, воплощаемого в «автономии, деволюции, разделении властей и в федерализме во всех его формах». С помощью подобных формулировок активисты ООНН пытаются отвести от себя обвинения в поддержке сепсессионизма и при помощи федералистской идеи легитимировать свои требования. Симптоматично, что именно сепаратисты пользуются этой публичной площадкой для давления на мировое сообщество. Если и можно согласиться с мнением, что ООНН является «потенциальным конкурентом» ООН, то только имея в виду тот вклад, который вносит

ОННН в разжигание национализма, развал государств и деструкцию существующей системы международных отношений.

Среди африканских членов ОННН отметим группы и территории, представляющие федеративные государства: огони (Федеративная Республика Нигерия), Занзибар (Объединенная Республика Танзания), оромо и Огаден (Федеративная Демократическая Республика Эфиопия). В организации участвуют также «Южный Камерун» (Республика Камерун, в прошлом – Федеративная), африканеры и бавенда (ЮАР), Сомалиленд (Сомали), маасаи (Танзания, Кения), батва (Руанда), рехоботеры (Намибия), харатины (Мавритания). Эти отличительные по культуре, языку, социальному статусу группы и территории представляют не только федеративные, но и унитарные государства, а также такие политические системы, как «региональное государство» ЮАР, являющееся «переходной формой» от унитаризма к федерализму.

Отдельные участники организации служат наглядной иллюстрацией динамики федерализма в Африке. Примером может служить проблема «Южного Камеруна», территория которого соответствует современным Северо-западному и Юго-западному регионам в составе Республики Камерун (1/10 территории и 1/5 населения страны). «Южный Камерун» позиционируется в ОННН как «оккупированная и непризнанная территория». История вопроса связана с разделом бывшей германской колонии Камерун между Францией и Великобританией. В 1961 г. при получении независимости по итогам референдума северная часть британского Камеруна присоединилась к федеративной Нигерии, а южная (“Southern Cameroons”) на федеративных началах воссоединилась с унитарным французским Камеруном. Во вновь образованной Федеративной Республике Камерун было введено двуязычие – французский и английский как официальные языки. В 1972 г., также после проведения референдума, федерация была упразднена. Унитаризация воспринималась как естественное продолжение централизаторской политики Яунде.

В настоящее время многие англофоны относят себя к меньшинству, дискриминируемому франкофонным большинством, и выступают за возврат к федерализму. Но теперь речь идет о «равном союзе» и «подлинном» федерализме, принципиально ином по сравнению с прежним, рассматриваемым в качестве института формального и временного. Наиболее радикально настроенные англоязычные камерунцы, включая деятелей из участвующего в ОННН и выступающего от лица англофонов Национального совета Южного Камеруна, требуют признания независимости региона [5].

Заложенные в основополагающие установки ООНН принципы ненасилия фактически соблюдаются не всеми ее участниками в борьбе за свои интересы. Столь же очевидны и сепаратистские устремления многих членов организации, использующих ООНН и СМИ в «информационной войне» против правительств своих стран. Все это, подрывая суверенитет и саму государственность, дестабилизирует внутривнутриполитическую ситуацию в африканских странах и оказывает влияние на всю систему международных отношений в регионе и мире.

Литература

1. 1. Unrepresented Nations and Peoples Organization (официальный сайт). About UNPO. URL: <http://www.unpo.org/section/2>
2. Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5.
3. Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М., 2003.
4. Малахов В.С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М., 2001.
5. Турьинская Х.М. Англоязычные камерунцы: риторика и стратегия идентичности // Проблема идентичности: кросс-культурный диалог // Сборник материалов международной научной конференции. 21–22 июня 2012 г. Ярославль, 2012. С. 140–143.

I. Matonyte

Baltic Sea Region Elites' and Masses' Perceptions of Major Constituents of the European Identity

From the legal point of view, the European citizenship is derived from national citizenships: a citizen of one EU member-state has citizenship rights in all EU member-states. However, a conceptual difference between the citizenship and the identity should be underlined. *Europeanness* might be understood not as a mere collection of civic and political rights and obligations of a certain person or a group, but as a definite feeling and recognition of an identity, transmitted and articulated through belongingness to the same (shared) system of cultural codes and values as well as through participation in the same environment of social and political behavior.

This paper investigates perceptions of *Europeanness* in this wider (socio-political and cultural) sense. In particular, we focus on perceptions of elites and masses from the Baltic Sea Region (further, BSR), which bypasses the narrow geo-political term of the “Baltic states” (three small post-communist EU member-states, in the East bordering Russia and Belarus). Formally, the BSR includes 9 countries, which border the Baltic Sea: Den-

mark, Estonia, Finland, Germany, Latvia, Lithuania, Poland, Russia, and Sweden [1, p. 66]. Since 2004 out of these 9 countries only Russia is not a member of the EU. This leads us to claim that the European frame as a reference of the socio-political and cultural identity is very relevant to the study of transformation of regional identities in early XXI century. The empirical research shows that the European and national identities in the countries of the BSR (minus Russia) might nurture anti-Russian stances [2, c. 24–28].

The paper dwells on empirical data from three big-scale surveys (INTUNE Project, financed by the European Commission), conducted in 2007 and 2009 in 18 EU member-states. We examine attitudes of elites (leaders in national political, economic, media and trade-union segments) and of population (public opinion) from Estonia, Denmark, Germany, Lithuania, and Poland (these 5 countries are considered as a sub-sample of the BSR).

Table 1. Description of the Baltic Sea Region elites' and populations' sample

Group Country	Political elite (2007)	Political elite (2009)	Economic elite (2007)	Media elite (2009)	Trade union elite (2009)	Total elites	Population (2009)
Denmark	60	44	40	4	3	151	1002
Estonia	72	--	40	--	--	112	1000
Germany	80	79	43	35	24	261	1000
Lithuania	80	70	40	35	18	243	--
Poland	80	85	42	35	15	257	1000

Previous research shows that in respect to the individual identification with Europe and actual patterns of *Europeanness* the elites from the EU member-states do not diverge much along the lines of their segments (political, economic, media or trade-union) [3, p. 44]. Therefore, further we treat elites from the five EU member-state countries as compositing five relatively coherent groups.

Also, prior research, based on factor analysis method, indicates that elites' and masses' understandings of what normative and behavioral characteristics of a person are the most important in order to turn one into a "true" national (for instance, Lithuanian) and/ or a "true" European might

be reasonably well grouped into two frames: *ethnic* (ethnic-Christian) and *civic* [4, p. 100–102].

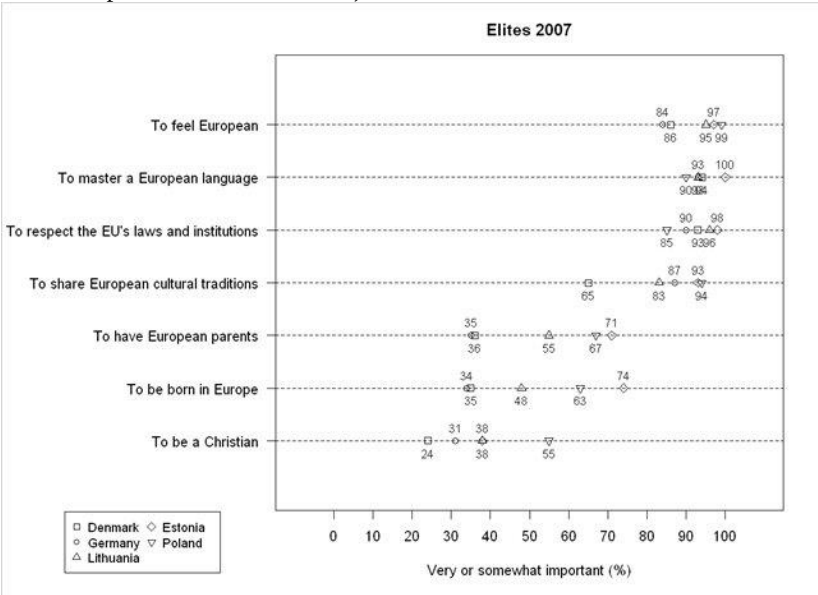
Our research focuses on the BSR elites' and population's attitudes towards the main normative and behavioral characteristics of a "true" European (see Figures 1, 2 and 3) and it also reveals the dichotomy of *civic* and *ethnic* frames. The proponents of the *civic* frame emphasize "achieved" attributes of the collective identity (to respect European laws and institutions, to master a non-native European language, to feel European). Numerically, the proponents of the *civic* frame of the European identity dominate among the BSR elites and masses (75–100 % of elites and masses of the BSR adhere to the *civic* frame of the European identity definition). The *ethnic* (ethnic-Christian) frame underlines "ascribed" attributes of the collective identity (to be born in Europe, to have European parents, to be Christian). Dependent on the country and on the particular criterion of a "true" European, the size of the group of the proponents of the *ethnic* (ethnic-Christian) frame varies from 8 to 75%. The survey data elegantly indicate that the two understandings of a "true" European might co-exist. They might parallel each other and compose two "matrioshkas": a bigger *civic* and a smaller *ethnic* in the imaginary of representatives of elites and masses. A "pure" *civic* frame (instances of respondents, for whom only *civic* indicators would be somewhat or very important) is not very widely spread; even less is spread a "pure" *ethnic* (ethnic-Christian) frame.

Figure 1. BSR elites in 2007: perception of major attributes of the European identity

(based on the answers to the question: "What is important in order to be a good (true) European", a 4-point scale: 1 – very important, 2 – somewhat important, 3 – a little bit important, 4 – not important at all).

The comparative data of the elites' perceptions in 2007 and 2009 (Figure 1 and 2) allow observing variations in the scope of a smaller (*ethnic*, ethnic-Christian) frame in determining a "true" European. The factor of Christianity as a major constituent of the European identity raised fervent debates concerning the EU Constitutional Treaty. Yet, in late 2007 much less assertive Lisbon Treaty was adopted. Subsequently, as 2009 elite survey data show, "being a Christian" lost its importance in the eyes of the elites in the BSR as a whole. In Denmark the share of elites, sensitive to the Christian origins and values of the European identity decreased from 24 to 8 %, in Poland this share also went down by several percentage points. Yet, in Lithuania and Germany this share increased, respectively from 38 to 48 % and from 31 to 35 %. These particular shifts in elites' perceptions reflect not only changes in the EU-level discourse and agenda, but also changes in the structure of the elites in EU member-states (for instance, in late 2008 par-

liamentary elections brought into power overtly conservative-Christian democrat politicians in Lithuania).

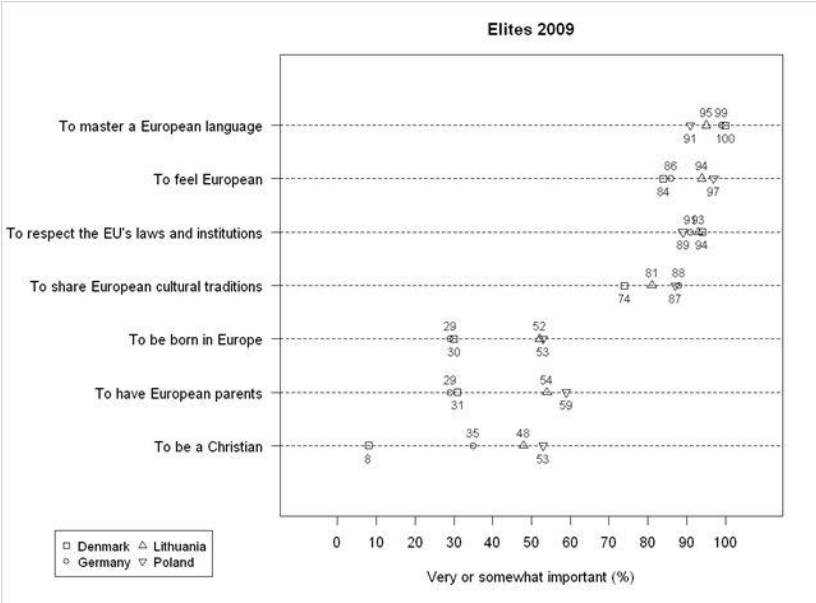

Over last years, the BSR elites’ perceptions have also changed on two other dimensions of the *ethnic* frame of the European identity. The general trend is towards shrinking of the *ethnic* “matrioshka”. If in 2007 the share of elites who thought that in order to qualify as a “true” European it is important to be born in Europe was 34–63 % (74 % in Estonia), in 2009 it decreased to 30–53 %. Similarly, the range of elites thinking that in order to be a “true” European one must have European parents was from 35 to 67 % (71 % in Estonia), but in 2009 this share decrease to 29–59 %. Slight changes in the national samples of elites are observed, with no clear-cut systemic pattern.

The 2009 survey demonstrates that with an economic crisis looming around the importance of the *civic* frame of identity increases among the BSR elites. During 2007–2009 in Denmark elites’ support for sharing European cultural traditions moved up from 65 to 74%, in Poland “respect EU laws and institutions” increased from 85 to 89 %, etc.

Figure 2. BSR elites in 2009: perception of major attributes of the European identity

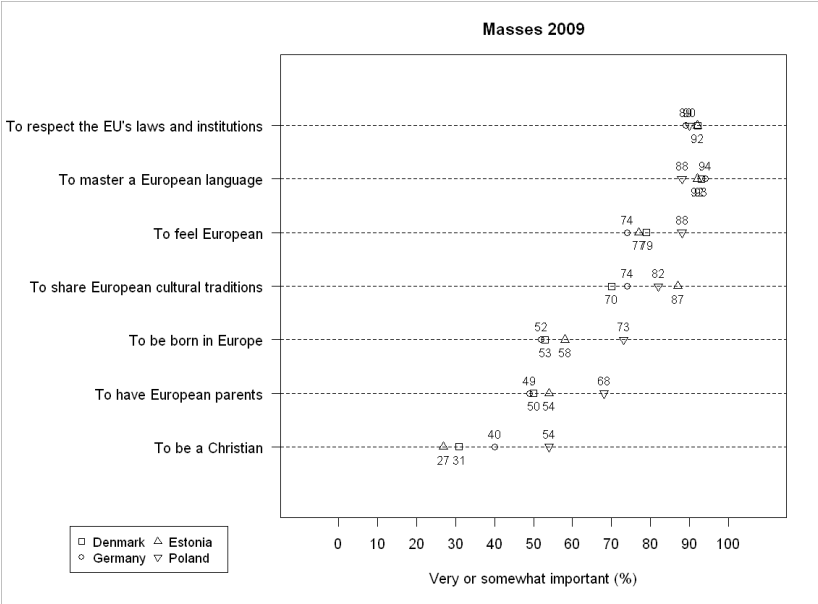
(based on the answers to the question: “What is important in order to be a good (true) European”, a 4-point scale: 1 – very important, 2 – somewhat important, 3 – a little bit important, 4 – not important at all).

As to the divide elites *versus* masses (Figures 1 and 2 *versus* Figure 3), first thing to be underlined is the following: the discrepancy (range, amplitude) in perceptions of what values and behavioral characteristics make a “true” European among masses of the BSR countries is smaller than among respective elites. The populations of the BSR countries are the most divided on the issue of Christianity (difference by 25% points) and other two *ethnic* frames (15–20% points). Yet, even on these three *ethnic* (ethnic-Christian) dimensions the scope of the disagreement among the BSR masses is smaller than among respective elites (the BSR elites in their perception of the importance of the three *ethnic* criteria differ by 45–30% points). Another landmark feature of the BSR masses’ perceptions of a “true” European is detected in a relatively bigger size of the *ethnic* “matrioshka” and a relatively smaller size of the civic “matrioshka” than they are in the case of the BSR elites.

Last but not least, there is a very strong consensus among the BSR populations meaning that the utmost important attribute of a “true” European is to respect the EU laws and institutions (variation by mere 1–2% points), while among the BSR elites respect for the EU laws and institutions breeds some internal disagreement (variation by around 10 % points) and among elites this criterion is not the most important of a “true” European (for a “true” European, according to the elites, it is much more important to feel European and to master a non-native European language). Thus, a provocative generalization entails: the Habermasian “constitutional patriotism” [5] is stronger among the BSR masses than among its elites.

Figure 3. BSR population in 2009: perception of major attributes of the European identity (based on the answers to the question: “What is important in order to be a good (true) European”, a 4-point scale: 1 – very important, 2 – somewhat important, 3 – a little bit important, 4 – not important at all).

By all means, according to the BSR elites and masses, the factor “to be a Christian” is the least important for a “true” European (even among Polish masses and elites it is ranked lowest). The benchmark of a “true” European being a Christian is more important for masses than for elites in the BSR. Yet, the Estonian data provide a caveat: here 38 % elites *versus* 27 % masses think that in order to be a “true” European one needs to be a Christian. In

the whole BSR, the Estonian population appears having the most secularized outlook of the European identity. The biggest gap between elites and masses in this respect is observed in Denmark (8% elites and 31% masses think that the Christian frame is important in the European identity). The Polish and German elites and masses are rather coherent and consensual in their views of the relevance of the Christian frame of *Europeanness*.

In general, German and Danish elites and masses exhibit the most salient *civic* frames of the European identity. The Estonian elites are the champions of the *ethnic* framing of the European identity (not only among the BSR elites, but also among the elites in the whole EU [6, p. 59]. In the BSR the Polish population provides the strongest support for the *ethnic* (ethnic-Christian) framing of the European identity. In the BSR, the Lithuanians (elites) usually occupy “centrist” positions and place themselves between, on one hand, the *civic* Germans and Danes and, on the other hand, the *ethnic* Estonians and *ethnic-Christian* Poles.

Conclusions

The BSR is a fitting sample of the whole EU: it includes founding and old-time members of the EU (Germany, Denmark) along with post-socialist countries (Poland, Estonia and Lithuania), it exhibits the Nordic dimension (Estonia, Denmark) as well as embraces big and small countries. The scope and eventual specificities of the BSR “regional stamp” of the European identity framing might be deeper explored comparing the data from the elites’ and masses’ surveys of the BSR with the data from the southern Europe.

Several theoretical implications from the research, focused on the BSR, might be drawn. First of all, the social constructivist insights are very pertinent in shaping the social understanding (and practices) of the European identity. As to the elite approach, claiming that elites (fully) control the social processes, the evidence is pretty inconclusive: at least, in terms of the definition of the European identity elites do not have an upper hand over masses. For instance, the Estonian elites, in response to the Estonian public opinion, might well reconsider their claim that a “true” European should be Christian. Finally, the study of the European identity framing in the BSR might be enriched by considerations from geopolitics. As mentioned at the outset of the article, the BSR includes Russia. The Russian factor (perceptions of the European identity by Russian elites and population – in any case, at least from the Russian regions neighboring the Baltic sea – and perceptions of the BSR elites and masses from the EU-member states concerning positive (or negative) roles, played by Russia *vis-à-vis* the EU might shed additional light on intricate processes of the European identity articulation in early XXI century.

References

1. Simanavičius M. „Baltijos regiono“ terminas ir jo transformacija (The transition of ‘Baltic region’ definition) // Politikos mokslų almanachas. 2010. Nr. 10. Kaunas, 2010. P. 65–90.
2. Мартинович В., Матоните И. Россия, Турция и США как внешняя угроза единству Европы: сравнительный анализ взглядов элиты // Палітычная сфера. 2010. № 2. Минск, 2010. С. 15–31.
3. Matonyte I., Morkevicius V., Best H. Elitų Europa: ES valstybių narių politinio ir ekonominio elito europietiskumo mastai (Europe of elites: the scope of Europeanness of political and economic elites in the EU member-states) // Politologija. 2009. Nr. 2. Vilnius, 2009. P. 12–46.
4. Velickaitė K., Matonyte I., Morkevicius V. Europinės ir tautinės tapatybės kriterijai elito narių požiūriu (Criteria of national and European identity according to elites) // Sociologija. Mintis ir veiksmas. 2009. Nr. 2. Vilnius, 2009. P. 92–104.
5. Habermas J. The Postnational Constellation: Political Essays. Cambridge, 2001.
6. Best H. The Elite-Population Gap in the Formation of Political Identities. A Cross-Cultural investigation // Политические элиты в старых и новых демократиях / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград, 2012. P. 57–71.

S. Mäkinen

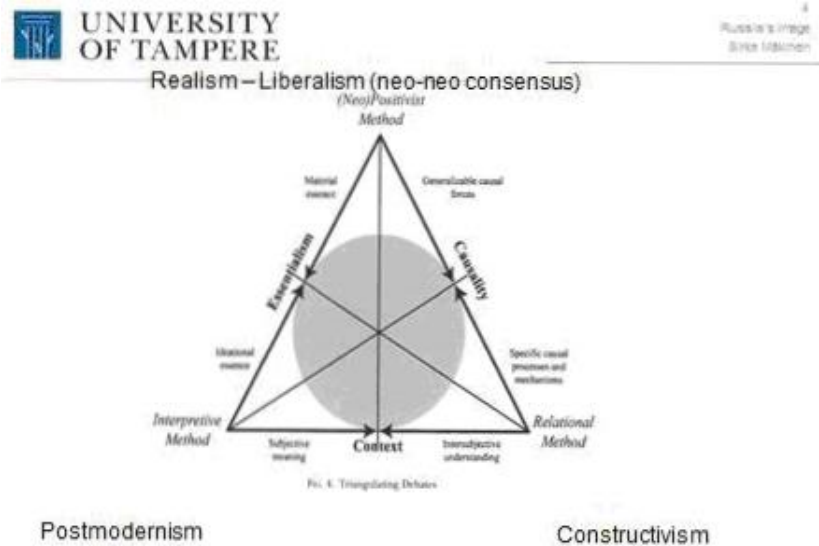
European Perceptions of Russia's Image and Identity

Introduction: a constructivist approach to the studies of identities and international relations

The lecture started with the positioning of the teacher within the field of IR metatheories/paradigms and methodologies. The teacher employs a constructivist approach (see e.g. [1; 2]) and methodology of anti-positivism (see [3] & Picture 1). From that position follows that it is important to study identities and images of states/nations and other political entities when studying international relations. In previous studies it has been argued that “images that ascribe an identity to a nation have now become a mainstream component of international relations research [4]. The power of images in international relations has been emphasised: “After the cold war ended – identity – not ideology – and reciprocal state images and perception of each other – not strategic nuclear balance – became the pivotal factors promising a better understanding of international relations” [5]. The emphasis on the importance of studies of identities and images is based on the very ‘core’ of constructivism, according to which the most important aspect of interna-

tional relations is social, not material [6, cit ex 5]. The focus of study is on “the social construction of reality which takes place when ideas, thought processes, and norms become the primary explanatory variables in place of material phenomena. Images, perceptions, self-images and misperceptions form integral parts of constructions of reality” [5]. According to the social constructionist approach, identities are not considered as permanent essences, they are not given, but they are socially constructed. Identities for their part have effect on how we understand our interests, or how the identity of a nation or of a state is constructed has impact on how the interests of that nation or state are perceived. Finally, these interests, or perceived interests, have impact on what kind of actions a state takes, what kind of foreign policy decisions it makes and implements. This was the approach which guided the lecture and the literature which had been chosen for this lecture.

Picture 1. Methodological and theoretical positions in IR (reproduced from [3, p. 405]).

Studies on Russian and European identity construction

If we then think about Europe and Russia, the relationship between European and Russian identity formation, we can see that Western scholars have usually focused on how identity has been constructed in Russia, in the past and in the present, that is, how Russians themselves have constructed Russian identity in different temporal periods and by different actors. Russian identity formation has been studied In particular in relation to Eu-

rope/the West and the question has been what has been the role Europe or the West has played in the identity construction of Russians. As Iver B. Neumann has argued, Europe has been the main other in Russian identity formation [7]. There are fewer studies on how Europeans perceive Russia's identity or Russia's image, or the role which Russia has played in the construction of identity of Europeans.

Neumann has argued Russia has been one of the others in European identity formation, for example in the past the Turkish other has been more significant [4].

European representations of Russia from the 16th century until 19th century

If we follow Neumann's analysis we can see that there have been at least three factors/frames which have had impact on how Russians, Russian identity has been perceived and represented in Europe from the times of the Muscovy until the October Revolution in 1917 [2]. These three factors have driven Russia further away from Europe – in the European representations of Russia and Russia's identity: the question of Christianity, civility and regime type. Throughout this long period – with variations which will be referred to during the lecture – Russia has been represented somehow different from 'us'. At the beginning of this period – 16th and 17th centuries – the religious factor was more significant than at the end of this period: questions were raised as to whether Russians represented true Christians. Those who had had contact with Russians/Russian priests were astonished by their 'lack of scholarship and heretical teachings and practices' as well as with Russians' close ties with non-Christian people [ibid.]. Russian cultural habits were also interpreted somehow barbarian and closer to Asiatic than European ones, and further evidence was also found in the cruelty of government [2; see also 8]. In the 18th century a strategic discourse entered the field too: now Russia was also taken as an actor in the European states system and potentially a valuable ally against the Turk [2]. In the 19th century Russia was truly taken as a part of Europe – it represented a legitimate player in the Concert of Europe. However, despite giving Russia a role in Europe, the discourse of Russia as barbarian and Asiatic remained and there was also a fear of Russification of Europe: Barbarian Russians could conquest the civilized Europe [ibid.].

European representations of the Soviet Union

During the Soviet period and the Cold War there were two main discourses: a military and political threat and a political model to follow. What should be mentioned, according to Neumann, was that the social construction of the Soviet Union was integral to Europeans' social construction of political identity as such and so it also constituted a part of everyday politics

[ibid.]. In the so called authorized discourse the Soviet Union – its political system and culture were represented as barbarian and authoritarian and the Soviet Union as an actual military and political threat. In the alternative discourse – Soviet Union as a model to follow, it was actually the political and economic model in abstracto which was admired, not necessarily the empirical reality of the Soviet Union, Russia as ‘the land of the future’ as Neumann argues [ibid.].

European representations of the Russian Federation

Neumann referred to two different representations of Russia in the 1990s [2]. The first one of them was Russia as a learner – a learner of market economy and liberal democracy. Russia was perceived as a country becoming more like ‘us’ thanks to the change of its economic and political system. Another representation – Russia as a potential threat – could materialize if ‘aggressive nationalists’ came to power.

In the 2000s many scholars have referred to the ‘problem of great power’ when discussing the image of Russia in the West and Russo-Western relations in general. The continuing dimension in Russia’s international politics has been the search for the recognition as great power and this has constituted one of the main problems in Russia’s relations with the West [9; 10]. Moreover, Russia’s search has not been successful. The reasons for the failure to be recognized as a great power have been identified mainly as different kind of attributes or characteristics of a great power status. That is, the main reason, according to Neumann [9, p. 35] is the rationality of governing or using the Foucauldian term – governmentality. If in the West the question has been “how the state can govern less” [ibid.], in Russia the state has chosen the direct rule – for example, civil society has not been allowed the freedom to act independently and thus to form a resource on which the state could rely. In Western perceptions this kind of rationality appears ‘backward’.

Richard Sakwa refers to the choice of the Russian political elite as dual or partial adaptation – that is, the emphasis has been on sovereignty in international affairs and a distinctive developmental path [10, p. 97]. Russia has not adopted the modernization path chosen by the West but has claimed to adapt it to its political culture and traditions.

Discrepancy of the projected and perceived images

The discrepancy between the images which are being constructed by the Russian elite and the images that are perceived abroad has been recognized in previous studies [11]. As mentioned above, Russia’s main projected image is that of great power but not as an empire. Even though the political elite argues that it has legitimate interests in the post-Soviet space, the priority of economic interests rather than geopolitical ones are emphasized

(ibid.) However, the image of Russia in the West focuses on human rights and military issues, and not on economic issues. The main problem according to the scholars has been that the reality of Russian domestic and foreign policy does not correspond to the image which has been projected by the state [ibid.; 12]. Whatever image or brand building campaigns are launched, they cannot get to their goal if the words do not match the deeds.

Image of Russia/Russians in Finland

The image of Russia and Russians varies from country to country and this is true also within the European Union. Accordingly, EU countries have implemented different policy approaches to Russia. Finland, which became a member of the European Union in 1995, has been identified as one of the 'friendly pragmatists' in relation to the Russian Federation [13]. During the lecture we looked more closely at the Finnish public opinion on Russia and Russians. The image of Russia in Finland has been influenced by the factors mentioned also by Neumann [2] when discussing European representations of Russia and Russia's role in European identity formation. That is, cultural questions including religious 'Otherness', different political periods and current politics have impact on how Russia is perceived in Finland [v. 14]. There are three different frames within which Finns perceive Russia and Russians: the frame of threat, the frame of possibility and the frame of Otherness [ibid.]. Russians as individuals, in particular Russian immigrants in Finland are usually seen through the frame of possibility.

Discussion: Russophobia and Finnish-Russian relations

The Master and doctoral students were asked to read the two articles mentioned below for the lecture. The pedagogical approach of the lecture was interactive; students should have participated by contributing to group discussions based on the lecture content and two articles.

Dr. Valentina Feklyunina is based at the University of Newcastle, UK, and has her PhD from the University of Glasgow, UK. Feklyunina's article discusses the concept of Russophobia as used by the Russian political elite. She contributes to the constructivist discussions of Russia's identity and thus supplements the lecture's constructivist approach. Moreover, her article reinforces the analysis put forward by Neumann on some of the problems in Russo-Western relations. As for Dr. Anni Kangas (University of Tampere, Finland), she makes a theoretical contribution to the practice turn in International Relations and thus moves away from the constructivism per se and the thesis of identity questions being at the centre of focus and having the most important impact on how relations of a state to another or foreign policies are formed. The analysis part of the article deepens our understanding of the Finnish-Russian relations, the image of Russia in Finland, by studying political cartoons and documents of the interwar period and thus, gives

historical perspective to the contemporary Finnish public opinion on Russia introduced during the lecture.

The students were asked to reflect on the lecture and the two articles and discuss in groups what thoughts these two articles provoked. In particular students may have discussed the following questions:

- How Russophobia was understood in these articles/what was the approach employed?
- How Russophobia had been constructed by Russian political elites and media, what were the key elements of this narrative?
- What was the connection between Russophobia and competing identity discourses in Russia?
- What had been the key positions in Finland towards Russia/the Soviet Union (the inter-war period)? [15; 16]

To conclude

The purpose of the lecture was to show the change and continuity in the perceptions of Russia in Europe. The continuous factor has been the representation of Russia as the Other in European identity formation. The otherness has been related to the political practices and political system and cultural practices including religion. However, the recognition of Russia as part of Europe has also been part of the perception, and by some groups Russia might have also been taken as a model to follow (e.g. as a representative of ancient regime or an alternative political system). The main argument of the lecture was that images, perceptions and identities were socially constructed and thus, changeable by human action. In addition, the teacher pointed out that there was no one European image of Russia or one Russian image of Europe, as well as there was no one Russian identity or one European identity. Accordingly, there is e.g. no inherent, permanent Russophobia in European identity formation and Russo-Western relations, but Russophobia may materialize/may have materialized in a given temporal and spatial context and as an outcome of political motives of a given political group. Occasionally, the concept of Russophobia might have also served some purposes of the Russia's ruling elite/given political groups.

References

1. Burchill S., Devetak R., Linklater A., Paterson M., Reus-Smith C., True J. Theories of International Relations. Palgrave, 2001.
2. Brown C. Understanding International Relations. Palgrave, 2001.
3. Howard P. Triangulating Debates Within the Field: Teaching International Relations Research Methodology // International Studies Perspectives 11. (2010). P. 393–408.

4. Neumann I.B. *Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation*. Minneapolis, 1998.
5. Taras R. *The Power of Images and the Image of Power: Past and Present Identity in Russia's International Relations* // *Russia's Identity in International Relations. Images, perceptions, misperceptions* / ed. by R. Taras, Ray. Abingdon, 2013. P. 1–23.
6. Jackson R., Sørensen G. *Introduction to International Relations: Theories and Approaches*. 4th ed. Oxford, 2010.
7. Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. L., 1996.
8. Golubev A. *Russian and European Mutual Perceptions. Foreign Policy Stereotypes in Historical Perspective* // *Russia's Identity in International Relations. Images, Perceptions, Misperceptions* / ed. by R. Taras. Abingdon, 2013. P. 53–72.
9. Neumann I. B. *Russia in International Society over the Longue Durée. Lessons from Early Rus' and Early Post-Soviet State Formation* // *Russia's Identity in International Relations. Images, Perceptions, Misperceptions* / ed. by R. Taras. Abingdon, 2013. P. 24–41.
10. Sakwa R. *Russia's Identity: Between the 'Domestic' and the 'International'* // *Europe- Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 6. P. 957–975.
11. Feklyunina V. *Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. June 2008. No. 4. P. 605–629.
12. Соловьев Э.Г., Смирнов А.Н. *Международный имидж современной России: дефицит привлекательности или дефицит идей?* // *Политика*. 2008. № 5. С. 19–33.
13. Leonard M. and Popescu N. *A Power Audit of EU-Russia Relations*. L., 2007.
14. Raittila P. *Venäjä kansalaismielipiteissä* // *Näin naapurista. Median ja kansalaisten Venäjä-kuvat* / ed. L. Lounasmeri. Jyväskylä, 2011.
15. Feklyunina V. *Constructing Russophobia* // *Russia's Identity in International Relations. Images, Perceptions, Misperceptions* / ed. by R. Taras. Abingdon, 2013. P. 91–109.
16. Kangas A. *Beyond Russophobia: A Practice-Based Interpretation of Finnish–Russian/Soviet Relations* // *Cooperation and Conflict*. 2011. Vol. 46. P. 40–59.

Приложение СТАТЬИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ О ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.А. Вервекина
Французский регион в рамках ЕС

Европейский Союз как политическое и территориальное образование сегодня испытывает некоторые трудности. Многие проблемы не только влекут за собой негативные последствия, но и дают мощный импульс к развитию новых явлений. Кризис внутри союза, экономический и политический, создает все условия для проявления тенденций к большему обособлению стран-участников. Это обособление принимает новые формы, а зачастую является простым стремлением к самостоятельности. Особенно сильно проявляется желание более независимо осуществлять международную политику. В связи с этим возникает некое противоречие между основополагающей идеей европейской идентичности и желанием быть более самостоятельным участником ЕС. В целом, политика Евросоюза направлена на то, чтобы разноуровневые идентичности были совместимыми, а европейская политическая интеграция не угрожала растворением национальных идентичностей. В ней речь идет о Европе в ее разнообразии (этнокультурном, лингво-конфессиональном, политико-экономическом) [1]. На примере одного французского региона мы рассмотрим его место в ЕС, степень его правосубъектности, а также современное значение идеи европейской идентичности для региона.

Страны-члены ЕС, являясь в большинстве сторонниками глубокой интеграции, налаживают и международные связи. Будучи субъектом международного публичного права, Европейский Союз, в целом, имеет полномочия на участие в международных отношениях и заключение международных договоров [2]. По всему миру учреждены постоянные дипломатические миссии ЕС, действуют представительства в Организации Объединенных Наций, ВТО, Большой восьмерке и Группе двадцати. Также и страны-члены ЕС активно развивают свою международную деятельность, представители местных и региональных образований стремятся пополнить число новых акторов дипломатии и добиться статуса субъекта международных отношений. Сейчас данное явление вызывает множество дискуссий, так как долгое время функция обеспечения международных связей принадлежала центральным правительствам. Инициатива отдельных регионов ставит вопрос о право-

мочности их деятельности. Более того, важно проанализировать, будет ли эта инициатива противопоставляться идее европейской идентичности? Могут ли гармонично сосуществовать общность культуры, исторического прошлого, экономическая взаимосвязь, как элементы европейской идентичности, с идеей большей самостоятельности?

Рассмотрим общие положения, а также французский регион Франш-Конте, как субъект международного права и международной деятельности. В 2007 г. Европейская комиссия подготовила Белую книгу [3] о надлежащем управлении. Ее положения предусматривают проведение консультаций с регионами по поводу ряда инициатив, подразумевающих заключение трехсторонних соглашений (государство – ЕС – регионы), когда регионы участвуют в этих соглашениях на равных правах с государством. Законодательно оформлена возможность для региональных и местных властей самостоятельно или путем уведомления входить в прямой контакт с регионами других стран для установления межрегиональных отношений (и не только трансграничных).

Деятельности территориальных общин во Франции посвящена глава 12 Конституции, в которой отмечается, что к территориальным общинам Франции относятся такие территориальные образования, как коммуны, департаменты и регионы, а также общины с особым статусом и общины «*d'outre-mer*», т.е. такие, которые находятся за пределами страны [4]. Полномочия региона во Франции, как территориального образования, были определены в 1980 г. в законе о децентрализации территориального управления. В целом же, сфера деятельности региона широка, но в то же время она четко очерчена и определена рядом нормативных актов, в частности, законами от 1982 и 1995 гг. Так, в статье 59 закона от 1982 г. отмечается, что «региональный совет имеет полномочия относительно экономического, социального, медицинского, научного и культурного развития региона и планирования территорий» [5].

Французский регион Франш-Конте, в рамках данных полномочий, осуществляет международную и межрегиональную деятельность. Франш-Конте – историческая область Франции. Территория охватывает департаменты Ду, Юра, Верхнюю Сона, территорию Бельфор. Главный город – Безансон [6]. Активно развиваются отношения с Россией, а особенно с одним из его территориальных образований – Алтайским краем. Экономическое и природное сходство двух регионов, значительные совместные вложения в сотрудничество, активное участие делегаций в крупных мероприятиях создает прочный фундамент для реализации взаимовыгодных проектов. Проявление международ-

ной правосубъектности проявляется в подписании ряда соглашений: в 2005 г. состоялось подписание первого Протокола намерений о сотрудничестве в молочной отрасли. В 2007 г. между Администрацией Алтайского края и Региональным советом Франш-Конте было подписано Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Традиционным стало участие региона Франш-Конте в Международном фестивале «Праздник сыра», специализированном конгрессе «Молочная промышленность Сибири» и крупнейшей агропромышленной выставке «Алтайская Нива» [7].

Мы можем заметить, что наличие прочных связей французского региона с Алтайским краем характеризует его как активного субъекта международной деятельности. По факту заключения договоров, соглашений мы можем констатировать, что французский регион в рамках ЕС имеет достаточные полномочия для осуществления своей международной деятельности. Также можно отметить, что сотрудничество не затрагивает вопросов безопасности или территорий, требующих больших полномочий, принадлежащих главам правительств. Диалог идет преимущественно по вопросам взаимодействия культур, обмена опытом, экономических инноваций. Таким образом, французский регион в рамках своих полномочий вправе осуществлять свою международную деятельность, развивать ее, действуя гармонично и с пользой для всего Европейского Союза в целом и для внутреннего развития.

Активность региона на международной арене никаким образом не противоречит идее европейской идентичности. Скорее наоборот, регион, налаживая свои международные связи, позиционирует себя как член ЕС. Это придает ему дополнительный вес, улучшает имидж, а также не мешает существовать в рамках ЕС.

Литература

1. Полтораков А.Ю. «Европейская идентичность» как фактор региональной безопасности. URL: [http://image of-russia.livejournal.com/69697.html](http://image-of-russia.livejournal.com/69697.html)

2. Sari A. The Conclusion of International Agreements by the European Union in the Context of the ESDP // International and Comparative Law Quarterly. Social Science Electronic Publishing, 2008. Vol. 57. P. 53–86.

3. Глоссарий терминов Европейского Союза. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/documents/more_info/glossary.pdf

4. Constitution de la France du 4 octobre 1958. Memento des institutions politiques françaises. Emmanuel Vital-Durand; 5e édition, Hachette Livre, 2007. P. 134–156.

5. Code général des collectivités territoriales (Общий Кодекс территориальных общин). URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070633&dateTexte=20100318>

6. Франш-Конте // Электронный словарь АКАДЕМИК. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/145878/Франш-Конте>

7. Сотрудничество Алтайского края с Французской Республикой. URL: http://www.altairegion22.ru/territory/foreign_ec/franc.php

Д.В. Гаврилов

***Свободная демократическая партия Германии:
взгляд на европейскую идентичность в современном мире***

Свободная демократическая партия Германии (СвДП) (FDP, Freie Demokratische Partei), основанная 11 декабря 1948 г., является третьей по значению (после СДПГ и ХДС/ХСС) партией страны. Поскольку СвДП придерживается либеральных взглядов (уменьшение влияния государства на экономическую политику, поощрение крупного и мелкого предпринимательства, уменьшение налогов), то основную поддержку она находит среди предпринимателей и менеджеров крупных компаний.

С 1969 г. по 1982 г. СвДП была в правящей коалиции с СДПГ, однако в 1982 г. вышла из коалиции и примкнула к блоку ХДС/ХСС. Поддержка со стороны СвДП обеспечила ХДС/ХСС победу на выборах, и с 1982 г. по 1998 г. СвДП была в правящей коалиции с ХДС/ХСС. Таким образом, благодаря смене партнера по коалиции, СвДП участвовала в правительстве ФРГ на протяжении почти тридцати лет с 1969 г. по 1998 г.: примыкая то к одной, то к другой партии, и обеспечивая им, таким образом, победу на выборах, СвДП заслужила репутацию «делателя королей» [1].

В результате воссоединения Германии в 1990 г. в состав СвДП были приняты две партии бывшей ГДР: Либерально-демократическая и Национально-демократическая. Это межпартийное объединение произошло в форме структурно-организационного приспособления, без кадрового обновления руководства бывших восточногерманских партий и внутрипартийной дискуссии о прошлом ЛДПГ и НДПГ.

После появления на политической арене партии «Зеленых» роль СвДП как «делателя королей» существенно уменьшилась. В 1998 г. в ФРГ прошли очередные выборы в Бундестаг, на которых победу одержала коалиция СДПГ/ «Зеленые» во главе с Г. Шредером, оставшаяся у власти до 2005 г. [2]. На выборах 2005 г. СвДП набрала

11% голосов. Заметим, что СвДП стала единственной из четырёх лидирующих партий, показавшей прирост голосов избирателей. Однако, поскольку коалиция ХДС/ХСС/СвДП не набрала более половины голосов, необходимых для формирования правительства, ХДС/ХСС расторгла коалицию с СвДП и сформировала правительство так называемой «Большой коалиции»: ХДС/ХСС/СДПГ. Между тем, на уровне федеральных земель позиции СвДП достаточно сильны, а в ряде земель СвДП входит в правящие коалиции.

В основе первой официально принятой и разработанной в основном К.Х. Флахом программы СвДП от 1957 г. («Берлинская программа») лежала концепция «третьей силы» наряду с ХДС/ХСС и СДПГ. Согласно данной программе, «Свободная демократическая партия стремится во всех областях жизни обеспечить для каждого человека свободу ответственных действий. По соображениям социальной ответственности она отвергает марксизм и социалистические эксперименты, а по соображениям христианской ответственности - «неправомерное использование религии в повседневной политической борьбе» [3]. В качестве основных элементов либеральной политики программа называла либеральное правовое государство, свободную рыночную экономику и мирное воссоединение Германии. В целом СвДП считает себя партией нового немецкого среднего класса с высоким образовательным цензом и с сильным стремлением к успеху, представители которого желают найти в партии больше политического индивидуализма, чем в других крупных партиях [4].

Либералы имеют собственное видение европейской интеграции и политику ФРГ в Европейском Союзе. В частности, в середине 2000-х гг., во время кампании в поддержку Лиссабонского договора, партия выступила за его подписание, призывая к существенному усилению полномочий Европейского парламента и более активному участию бундестага в обсуждении европейской тематики.

Свободные демократы допускают реализацию различных европейских проектов по принципу разносторонней интеграции, т.е. с начальным участием лишь отдельных членов ЕС с перспективой привлечения остальных в будущем. Тем не менее, конечной целью интеграции, по их мнению, должны стать создание федеративной Европы и принятие европейской конституции путем всеобщего голосования. Такую процедуру необходимо зафиксировать в законодательстве ЕС для вопросов, имеющих основополагающее значение для будущего [5].

Данные тезисы подтвердил и прошедший в мае 2011 г. 62-й съезд СвДП, центральной темой которого стало положение Германии в Европейском Союзе, которое в условиях двойного кризиса (экономики и

ЕС как организации) подвергается критической интерпретации германским общественным мнением. Либералы поддерживали европейское будущее Германии. Они считают, что ФРГ в одиночку не сможет справиться с вызовами современности - только ЕС дает европейцам шанс быть успешными в условиях глобальной конкуренции благодаря высокому уровню образования, хорошей инфраструктура, первой в мире по величине ВВП экономике.

По мнению либералов, Европа всегда становится сильнее, когда говорит одним голосом. Именно поэтому Европа все более нуждается в единой внешней политике. Европейцы должны сообща защищать общеевропейские интересы и ценности свободы, демократии и правового государства [6]. Важным инструментом при этом должно стать Общеввропейское внешнеполитическое ведомство. Европейский Союз должен объединять свои усилия, распределять задачи и разрешать кризисные ситуации.

К тому же, главным ценностным ориентиром внутриевропейской политики должна оставаться защита прав человека, и европейцы должны защищать полученные права. СвДП признает право человека на свободу передвижения и высказывается против любого посягательства на этот важнейший элемент европейской интеграции. ЕС и государства-члены должны следовать духу Шенгенских соглашений, но при этом более эффективно защищать внешние границы Союза [7].

Послевоенное примирение принесло Европе мир и благосостояние. Сегодня задачей нового поколения является общественно-политическая интеграция государств ЦВЕ. СвДП считает, что, если какая-либо европейская страна без определенных политических скидок выполнит все условия для вступления в Союз, она должна быть принята в ЕС.

Литература

1. FDP – Freie Demokratische Partei// BPB – Bundeszentrale für politische Bildung, 11.08.2010. URL: http://www.bpb.de/wissen/02466772136331421088157554186901,1,0,FDP_Freie_Demokratische_Partei.html

2. Die Grünen haben erstmals in ihrer Geschichte mehr Parteimitglieder als die FDP// SPIEGEL-ONLINE, 24.02.2013. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/vorab/gruene-erstmal-mehr-partemitglieder-als-die-fdp-a-885152.html>

3. Шаталин В. СвДП — либералы// DEUTSCHE WELLE.DE. URL: <http://www.dw.de/%D1%81%D0%B2%D0%B4%D0%BF->

%D0%BB%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8B/a-1157290

4. Политические партии Федеративной Республики Германия: Свободная демократическая партия (СвДП) // Медиа-спрут. URL: <http://www.mediasprut.ru/germ/parteien/fdp.shtml>

5. Die Mitte stärken. Deutschlandprogramm der Freien Demokratischen Partei. Beschluss des 60. Ord. Bundesparteitags der FDP, Hannover, 15—17 Mai 2009// Wahlprogramm der FDP — Deutschlandprogramm 2009. URL: <http://www.deutschlandprogramm.de/files/653/FDP-Bundestagswahlprogramm2009.pdf>

6. Europapolitik // WWW.FDP.DE URL: <http://www.fdp.de/Europapolitik/384b140/index.html>

7. Europa ist Deutschlands Zukunft // Beschluss des 62. Ord. Bundesparteitages der FDP, Rostock, 13.-15. Mai 2011.

Е.А. Горбелева
Между Европой и Россией:
дискуссии о белорусской идентичности

В последнее время в информационном поле Белоруссии можно наблюдать столкновение двух противоположных проектов, направленных на формирование белорусской идентичности. С одной стороны, существует официальная идеология построения белорусской идентичности, акцент в которой делается на славянское происхождение белорусов, общность истории и культуры русских и белорусов. С другой стороны, все большую популярность в среде оппозиции приобретает национально-демократический проект с определением белорусов как части общеевропейской нации.

В то же время, вопрос о белорусской идентичности является особенно актуальным для государства в настоящее время, поскольку именно от формирования национальных интересов Белоруссии зависит ее внешнеполитический курс, ее ориентация в мире. Геополитический выбор в пользу Европы или России предопределил дальнейшее развитие государства как в экономическом, так и в политическом плане.

Попытки отыскать истоки современной белорусской идентичности в истории Белоруссии представляются малорезультативными ввиду своей противоречивости и неоднозначности. В современной исторической науке выделяются два направления, трактующие происхождение белорусов как этнической общности. Последователи советской школы (например, В. Носевич, М. Пилипенко) определяют происхождение

белорусов исходя из принадлежности их к ветви восточного славянства, полагая, что основными протогосударствообразующими племенами явились кривичи, радимичи и дреговичи. В то же время А. Крацевич, Г. Саганович, Н. Ермолович и другие сторонники балтского происхождения белорусов указывают на значительную роль инокультурного, пришлого элемента в формировании белорусского народа и его государственности, а именно, балтского субстрата [1]. Тем не менее, в последнее время появляется ряд работ, авторы которых подходят к вопросу этнического происхождения белорусов с компромиссных позиций. Отмечается, что присутствие балтского компонента в формировании белорусского народа имело место, однако не являлось принципиально значимым фактором: развитие белорусского этноса шло в контексте развития древнерусских земель и носило общерусские черты, обеспечивавшие культурную монолитность восточнославянско-го, «русского мира» на всей территории от Карпат до Белого моря [1, с. 224; 2, с. 46].

Однако проблема конструирования белорусской идентичности не ограничивается обращением к собственной истории. Немаловажным компонентом в формировании национального самосознания у народа является государственная идеология. С приходом к власти в 1994 г. А.Г. Лукашенко наметилась тенденция к национализации истории, разработке уникального национального белорусского компонента в социо-культурной жизни. «Белорусскость», «тутэйшасць» становятся ключевыми моментами формирования белорусской национальной идеи и белорусской идентичности. Попытка героизации собственной истории, установление новых национальных праздников, запуск государственного социального проекта «Мы – беларусы» в 2008 г., – все эти события наглядно свидетельствуют об участии государства в процессе самоопределения народа. В то же время, данные усилия можно охарактеризовать как стремление выработать региональную идентичность Белоруссии, поскольку государственный проект «Программа комплексной модернизации Белоруссии до 2030 года» все же предполагает движение в русле общеевропейского развития: «достигнуть национальной самоидентификации белорусского народа как полноправной европейской нации, преодолеть «местечковость» и провинциализм» [3]. Кроме того, можно говорить об эволюции государственной политики в отношении разработки белорусской идентичности: долгое время сама Белоруссия позиционировалась как бывшая советская республика, частично сохранившая социалистический уклад и советские традиции. В настоящее время, несмотря на значительный сегмент советского прошлого в историческом сознании белорусов (около 50%

материала в белорусских учебниках по истории для высших учебных заведений отводится на советский период) [4], официальные власти Белоруссии выстраивают образ Белоруссии как европейской страны, а сами белорусы относят себя к европейцам [5].

Тем не менее, необходимо отметить, что феномен белорусской идентичности во многом определяют глубинные исторические и геополитические причины. Геополитическое положение Белоруссии, находящейся на пересечении двух миров – западного и восточного – обусловило специфику белорусской культуры и белорусского менталитета, способного усваивать отдельные черты европейской и российской культур. Отсутствие титульной нации на территории Белоруссии, на землях которой существовало полиэтническое население, состоящее из представителей евреев, русских, поляков, литовцев, татар и других народов, а также длительное противостояние двух государств в борьбе за белорусские территории – Русского и Литовского, – все это способствовало формированию у белорусов амбивалентности этнического самосознания. Так, например, можно говорить о том, что в период с XIV в. до 90-х гг. XVIII в. по отношению к православным белорусам роль «врага» исполняло Великое княжество Литовское. В следующий период, когда белорусские земли вошли в состав Российской Империи, таковым стало царское правительство России. Политика царского правительства, проводившаяся в отношении Белоруссии в период с 90-х гг. XIX в. до 1917 г., вызывала недовольство белорусских крестьян, надеявшихся на улучшение своего положения, и воспринималась ими лишь как «перемена хозяина». Национальные волнения в Западно-Русском крае и Польше в 1830–1831 гг., в 1863 г. спровоцировали реакционную политику в отношении этих территорий, в результате чего была существенно ограничена их автономия. В российском обществе национальные волнения расценивались как сепаратистские тенденции, государственная измена.

Необходимость консолидации и общность единой исторической судьбы белорусского народа были осознаны сравнительно поздно, лишь в середине XIX в. В то же время, новый этап в развитии белорусской идентичности связан с осознанием необходимости построения собственного независимого государственного образования. Это происходило на фоне революционных событий в России, гражданской и Первой мировой войны.

Таким образом, опустошение и разорение белорусских земель в результате военных действий на территориях современной Белоруссии на протяжении длительного времени (монголо-татарское нашествие, русско-польские войны, Первая мировая война и т.д.), отсутствие тер-

риториальной целостности, необходимой для формирования и развития цивилизационной общности, процессы ассимиляции, – все эти факторы не способствовали складыванию у белорусов национального самосознания, представлений о своей цивилизационной идентичности.

Подводя итог, отметим, что белорусская идентичность в настоящее время находится на стадии формирования. В то же время, существование феномена амбивалентности этнического самосознания белорусов (ощущение причастности к процессам, происходящим в Европе, ориентирование на них с одной стороны, но восприятие себя через общую историческую память с Россией, определение себя через традиционную славянскую культуру с другой стороны), дает возможность для формирования особого варианта белорусской идентичности, отвечающего национальным интересам государства и сохранению своей самобытности и уникальности, сочетающего в себе локальную и региональную идентичности.

Литература

1. Козляков В. Основные тенденции историографии в постсоветский период // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 4 / редколл.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск, 2009. С. 221–232.
2. Павлючук В. Этногенез белорусов и белорусская идеология: социологический взгляд // Социальные исследования. 2008. № 4. С. 45–50.
3. Павловец Ю. Белорусская национальная идея: миф или реальность? URL: <http://rusedin.ru/2012/11/09/beloruskaya-nacionalnaya-ideya---mif-ili-realnost>
4. Горбелева Е.А. Восприятие советского периода в современном белорусском обществе // Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции (18–20 апреля 2012 г.) / науч.ред. В.П. Румянцев. Томск, 2012. Вып.8. С. 187–191.
5. Багашов Е. Белорусы как этнос: национальный вопрос в свете суверенитета страны // Беларуская думка. 2013. № 3. URL: http://beldumka.belta.by/ru/issues?num_ID=70.

А.В. Граубергер Идея единой Европы в XXI веке

Последние годы отмечены падением интереса европейцев к политическим институтам единой Европы, что заставляет задуматься о

проблеме интеграционных процессов на континенте. Важным представляется вопрос о масштабах и перспективах укоренения в сознании европейцев представлений о включенности в единую наднациональную общность, а также культурная безопасность в контексте процессов глобализации и интеграции.

Идея Единой Европы имеет глубокую историю. Уже в древности из общего числа известных земель был выделен т.н. «континент Европа». Позже делались попытки определения данного понятия. Так были созданы концепты «Континента свободы», «Христианской Европы», «Соединенных Штатов Европы» и «Социальной Европы» [1].

В середине XX века были созданы правовые и политические институты, объединяющие континент. ЕС является наиболее ярким воплощением сближения и унификации политической, экономической и социально-культурной жизни европейских государств. Национальные правовые порядки также претерпели серьезные изменения. Все это заставило говорить о формировании особой европейской идентичности с едиными правовыми, экономическими и культурно-ценностными стандартами.

Но ожидания сторонников интеграции остаются далекими от воплощения. Значительная часть населения ЕС испытывает лишь чувство национальной идентичности. «Идея некой «европейской идентичности» пребывает в тумане», констатирует Р. Дарендорф [2]. Он, как и ряд других специалистов, считает, что, несмотря на существование евроэнтузиастов, среди граждан ЕС превалирует безразличие, и даже враждебность по отношению к идее европейской общности. По данным социологических исследований, лишь около 5% населения ощущает себя европейцами [3]. Поддержка ЕС в Европе также остается слабой, и, самое главное, продолжает снижаться [4]. По данным социологического опроса, проведенного немецким фондом Bartelsmann, 49% немцев считает, что было бы лучше, если бы Евросоюза не существовало, 65% заявили, что их «личная ситуация» оказалась бы лучше, если в Германии сохранилась марка. Подобное отношение к проекту наблюдается и в других государствах-членах ЕС [4].

Современный финансово-экономический кризис обостряет ситуацию в регионе. По данным Rider's Digest, 62% жителей ЕС сомневаются в том, что в ближайшие годы в Евросоюзе сохранится стабильность [5]. В условиях кризиса, когда государства имеют собственные валюты, граждане готовы жертвовать своими интересами ради общего блага. Но ЕС не является национальным государством, а единый европейский народ так и не создан. Богатые немцы или голландцы не хотят платить за экономический беспорядок, в котором находятся греки или испанцы, что ставит под угрозу дальнейшее существование проекта.

Как признает один из ведущих британских политологов Марк Леонард, Евросоюз не пользуется доверием граждан в плане его способности решать заботящие их проблемы. Он считает, что ЕС уже потерял свою легитимность, главной причиной чего является тот факт, что лидеры Союза не в состоянии действовать. В то же время парадокс состоит в том, что невозможность действовать обусловлена именно недостатком легитимности. М. Леонард замечает, что большая часть попыток привлечения внимания избирателей связана с процедурными вопросами, такими как изменения договоров, а не с политическими решениями, которые приходится принимать Евросоюзу [6]. «Справедливо это или нет, — отмечает он, — но Евросоюз воспринимается как элитарный проект, реализующийся без согласия граждан» [2].

Снижение доверия к ЕС наблюдается не только со стороны простого народа, но и со стороны самих европейских лидеров. Яркий пример — Дэвид Кэмерон, выступающий за большую автономию Британии от ЕС. Как отмечает президент Европарламента Мартин Шульц, попытки пересмотра законов ЕС, которого требуют британцы, «может привести к дроблению законодательства, дезинтеграции и потенциальному распаду Союза» [7].

Подобные настроения заставляют задуматься о вопросе, насколько удачно выбрана стратегия развития Евросоюза, особенно в вопросе выстраивания единой идентичности. «Думаю, люди чувствуют, что необходимы перемены и что мы должны объединяться. Они чувствуют, что нам необходима сильная Европа для того, чтобы сохранить позиции в глобализованном мире. В этом смысле граждане зачастую проявляют больше понимания, чем политические деятели», — так говорит еврокомиссар В. Рединг [8]. По ее словам, именно в интересах простых людей Евросоюз объявил 2013-й год «Годом граждан».

Однако еврокомиссар признает, что европейцы, в отличие от американцев, ощущают в большей степени национальную идентичность, чем общеевропейскую. Для преодоления такой ситуации Рединг предлагает покончить с распространением пессимизма и поверить в общее будущее. Политики же, по ее мнению, должны вести разъяснительную работу, рассказывая о достижениях ЕС.

В этих условиях все более заметными становятся и другие проблемы формирования единой Европы. Остаются нерешенными вопросы определения понятий «Европа» и «европеец». Неясными оказываются принципы, на которых должна строиться идентичность. Туманными представляются возможности выстраивания ее на основе формальных признаков, общей культуры, религии. Напряженность в культурное пространство современной Европы вносит иммиграция из западных стран, вкупе с проведением в странах-членах ЕС политики мульти-

культурализма, что трансформирует культурно-религиозный облик континента. Растут настроения антиисламизма и антиамериканизма [2]. Усиление значимости «негативной составляющей» европейской идентичности по-разному расценивается политологами. Одни считают эту тенденцию положительным явлением, другие обращают внимание на ее разрушительный потенциал. Так, Дарендорф и Эш полагают, что попытки противопоставления Европы Америке приведут не к объединению Европы, а к ее расколу [9].

Проблемы идентичности, мультикультурализма и идеи единой Европы серьезно заботят умы европейских мыслителей. Так, немецкий ученый Курт Хюбнер полагает, что нация и Европа должны дополнять друг друга. Сознание европейской нации должно впитать в себя сознание наций, в нее входящих. «Лишь во взаимодействии, плодотворном обмене, конкуренции нация может прийти к своему полному раскрытию. Лучшим основанием для этого является мир и регулируемая, упорядоченная кооперация при одновременном сохранении собственной сущности. Единая и объединенная Европа, следовательно, необходима уже именно потому, что она является интегральной составной частью самой национальной идентичности и гарантом ее сохранения», — пишет исследователь [10].

Напротив, Урс Альтерматт предлагает Европе полностью отказаться от этничности, нации и государства: «Культурное и историческое многообразие создает предпосылки для того, чтобы Европейский Союз опирался не на некую этническую общность по происхождению и даже не на общие мифы и воспоминания, а на политическую культуру прав человека, правового государства и демократии» [10]. Но возникает закономерный вопрос: а возможно ли построить идентичность на основе подобных признаков? В какой культурной среде окажутся европейцы, отказавшиеся от национальной идентичности?

Сказанное выше не дает оснований для оптимизма по поводу перспектив формирования общеевропейской идентичности. Становится более заметным не поступательное развитие процесса, а исчерпание его потенциала. Сегодня трудно понять, что могло бы придать этому новый импульс. ЕС, сделавший ставку на построение мультикультурного общества, основанного на идеях свободы, демократии и толерантности, так и не смог предложить ни одного по-настоящему масштабного проекта, способного возжечь сердца европейцев. Падение роли христианства, как фактора, способного объединить Европу, языковая разобщенность народов, культурное, политическое и экономическое влияние США, массовый приток мигрантов из стран с другим историко-культурным ядром и многие другие факторы не способствуют объединению Европы.

Литература

Браницкий А. Erit una Europa? История объединения Европы: проекты, противоречия, перспективы. Нижний Новгород, 2006.

2. Вайнштейн Г. Европейская идентичность. Возникающая реальность или фантом? URL: <http://www.politcom.ru/8315.html>

3. Непростые поиски европейской идентичности. URL: <http://rus.europe.newsru.ua/article/16511067>

4. ЕС-Плюс. Новости ЕвроСоюза по-Русски. 65% немцев считают, что им жилось бы лучше без евро. URL: <http://euplus.info/2012-09-17/65-nemtsev-schitayut-cto-im-zhilos-by-luchshe-bez-evro>

5. Жуков Е. Опрос: Европейцы теряют доверие к ЕС и евро. URL: <http://www.dw.de/опрос-европейцы-теряют-доверие-к-ес-и-евро/a-15841934-1?maca=rus-rss-ru-top-1051-xml-mrss>

6. Leonard M. Four scenarios for the reinvention of Europe. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR43_REINVENTION_OF_EUROPE_ESSAY_AW1.pdf

7. Carroll D. Britain's hostility could 'break up the EU' – says EP president. URL: <http://www.publicserviceeurope.com/article/3279/britains-hostility-could-break-up-the-eu-says-ep-president>

8. Косяков С. Комиссар ЕС Вивиан Рединг призвала европейцев проявлять больше оптимизма. URL: <http://dw.de/p/17GW0>

9. Дарендорф Р., Эш Г. В Европе возрождается голлизм. URL: <http://www.politizdat.ru/article/8>

10. Савельев А.Н. Мультикультурализм – угроза Европе и России. URL: http://www.zlev.ru/25_10.htm#_ednref1

А.В. Ильин

Барселонский процесс

и формирование средиземноморской идентичности

Успехи, достигнутые в ходе европейской интеграции, значительно увеличили привлекательность европейских ценностных ориентиров за пределами границ Евросоюза. Бывшие страны социалистического лагеря стали членами ЕС, и большинство населения этих стран несколько не жалеет о переходе к европейскому образу жизни и к европейским методам ведения бизнеса и политики. Поскольку процесс перехода от автократии к социал-демократии брюссельского образца подходит к своему логическому завершению в континентальной Европе, он распространяется на неевропейские страны Северной Африки и Ближнего Востока. Его базой являются Евро-Средиземноморские институты: Барселонский процесс, стартовавший в 1995 г., и Союз для Средиземноморья, учрежденный в 2008 г. Как следствие, возрастает доля жите-

лей Средиземноморского региона, приверженных европейским ценностям. Известный политолог Параг Ханна в одном из своих выступлений заявил: «Путешествуя по Северной Африке, все чаще и чаще встречаешь жителей, которые не считают свой регион Средним Востоком. Иными словами, я верю словам экс-президента Франции Саркози о Средиземноморском союзе государств» [1].

Заметим, что принадлежность человека, социальной группы или народа к тому или иному региону может являться не только географической, но и психологической. Из приведенного примера очевидно, что все жители Северной Африки географически принадлежат к региону Арабского Востока, однако некоторые из них по своему мировоззрению тяготеют к Европе. Здесь мы имеем дело с проблемой определения идентичности. В социально-экономическом аспекте идентичность – это возможность человека определять и выражать свою принадлежность к социальным, национальным, политическим, культурным, цивилизационным и другим группам и общностям. Значительную роль в формировании идентичности и мировоззрения играют ценностные установки в сознании человека. Именно привлекательность европейских ценностей приводит к распространению европейской идентичности. К самым значимым среди них можно отнести демократию, рыночную экономику, образование и просвещение, свободу слова, совести, передвижения и выбора профессии. Ценностный подход к определению европейской идентичности превалирует и в основополагающем документе ЕС в данной области – Декларации европейской идентичности, принятой в Копенгагене в 1973 г [2]. Следовательно, европейская идентичность может распространяться и среди жителей неевропейских стран, если для этого есть соответствующие предпосылки.

Абсолютно ясно, что европейский менталитет и образ жизни пока еще не достаточно крепко укоренились на почве Южного Средиземноморья. Следовательно, новое понятие средиземноморской идентичности мы можем определить так: средиземноморская идентичность – это феномен наложения идентичности, основанной на европейских ценностях, на социокультурные и политические традиции стран и обществ Южного Средиземноморья.

Определим социально-экономические и политические факторы, которые способствуют утверждению европейской идентичности среди населения Южного Средиземноморья. Исследователи М. Эмерсон и Г. Ноучева используют для этого социологический подход. По их мнению, «социализация» происходит под влиянием международного взаимодействия на одном или сразу нескольких уровнях: правительств,

бизнеса, гражданского общества, студентов и др. [3, р. 13]. Рассмотрим эти факторы по порядку. Во-первых, это укрепление торговых и экономических связей с Европой в рамках Барселонского процесса, координирующего взаимодействие правительств и частично – бизнеса и НКО. Во-вторых, это развитие миграции как объективного явления. Все больше выходцев из Северной Африки прибывают в Европу, что способствует усвоению европейского образа жизни в их сообществе.

В-третьих, программы Евро-Средиземноморского партнерства способствуют развитию высшего образования европейских стандартов. Например, талантливые и амбициозные молодые люди из Туниса и Алжира сейчас могут получить высшее образование на французском языке. В год основания Союза для Средиземноморья (2008) в Словении был открыт Евро-Средиземноморский университет, призванный готовить кадры для научной и экспертной поддержки осуществляемых Союзом проектов. Второй университет планируется открыть в Марокко в городе Фес в 2014 г [4]. Несмотря на успехи в развитии образования, возможности трудоустройства выпускников-североафриканцев остаются ограниченными. По этой причине многие молодые интеллектуалы ступили на путь борьбы против авторитарной власти в ходе событий Арабской весны. Очевидно, что качественное образование меняет менталитет, и заставляет человека требовать от правительства более высокого уровня жизни, а также добросовестного управления государством, руководствуясь принципами прозрачности и верховенства закона.

В-четвертых, само верховенство закона также становится более ощутимым явлением реальности. Евро-Средиземноморский диалог способствует модернизации и гармонизации правовых систем в соответствии с принципами демократии, равенства и уважения к правам человека. В частности, так называемый Стамбульский процесс включает в себя деятельность по эмансипации женщин, и способствует всеобщей ратификации основных международных договоров по проблеме (в первую очередь – Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин) [5]. Эти мероприятия приближают южно-средиземноморское общество к соответствию Копенгагенским критериям.

Наряду с положительными тенденциями существуют и такие локальные явления, которые препятствуют европеизации Средиземноморья. Во-первых, это правовые стандарты ислама и другие традиции, которые сохраняют дискриминационные практики по признакам пола, происхождения или социального статуса. Наиболее неблагоприятным

является фактор женской дискриминации, который держит на обочине общественной жизни значительную часть населения.

Во-вторых, это слабость и малочисленность среднего класса. Законстелая элита – самая верная опора диктатуры, а нищие неграмотные массы обычно поддерживают исламских фундаменталистов. Единственное явное преимущество последних – то, что они приходят к власти, опираясь на недавно учрежденные механизмы демократии. Однако уважать демократические ценности оказалось не в правилах исламистов. Осознав свою победу, египетское правительство президента Мохаммеда Мурси стало проводить авторитарную политику подавления меньшинства при поддержке большинства, что впоследствии привело к крушению надежд египетских еврооптимистов и непрекращающимся гражданским беспорядкам в стране [6].

Третье негативное явление кроется в самой европейской политике. В последние пять лет кризис расширения Евросоюза чувствуется особенно остро. Экономическое неравенство среди членов ЕС-27 не позволяет принимать новых кандидатов. Более того, евро-бюрократы не верят в то, что Марокко или Турция могут быть европейскими странами, хотя последние настойчиво к этому стремятся [7]. Как следствие, жители этих стран начинают сомневаться в лояльности Евросоюза, и чувствуют к себе отношение в духе неокOLONиализма. Такое положение дел способствует усилению национализма и политического ислама, враждебного европейским ценностям.

В целом, становление общей идентичности не только является следствием интенсификации международного сотрудничества в регионе, но и определяет его успехи или неудачи. Так, исследователь Ф. Илиевска, оценивая результаты Барселонского процесса как недостаточно удовлетворительные, полагает, что причиной тому является недостаток общесредиземноморской идентичности, которая на данный момент не сформировалась [8].

В заключение следует отметить, что в постмодернистском мире обществу и отдельным личностям все чаще становится свойственна множественность идентичностей. Во-первых, это означает, что европейская идентичность в странах Магриба – это свойство скорее отдельных людей, а не общества или его части. Во-вторых, множественность идентичностей влечет за собой внутренний конфликт, наиболее острую форму которого мы можем наблюдать в Египте. Если определенные личности могут комфортно чувствовать себя в европейской интеллектуальной среде, то широкие массы южно-средиземноморских стран пока не в полной мере готовы к либерализации и европеизации. Процесс трансформации идентичности протекает сложно и медленно,

не всегда успевая следовать за изменениями политического вектора, как в отдельных странах, так и в целом регионе.

Литература

1. Ханна П. Будущее границ: как будет выглядеть планета в XXI веке [Расшифровка выступления] // Theory and Practice. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/6458-budushchee-granits-kak-budet-vyglyadet-planeta-v-xxi-veke>.

2. Document on The European Identity Published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen. URL: http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf.

3. Emerson M., Noutcheva G. From Barcelona Process to Neighbourhood Policy: Accessments and Open Issues. CEPS Working Document, No.220, March 2005.

4. Bousmina M. Euro-Mediterranean University of Fez, Morocco. URL: http://www.ub.edu/aecche/docs/presentacions/AECHE_thirdday_Bousmina.pdf.

5. Ильин А.В. Программы Союза для Средиземноморья в отношении прав женщин // Гендерные аспекты социогуманитарного знания – II: материалы Второй Всероссийской (с междунар. участием) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь, 2013. С. 96–102.

6. Барбашин А., Ирисова О. Египет: революция не для всех // World Economic Journal. Июнь 2013. URL: http://world-economic.com/ru/articles_wej-302.html.

7. Morocco's Dream of EU Membership // The View From Fez. 01.10.2006. URL: <http://riadzany.blogspot.ru/2006/10/moroccos-dream-of-eu-membership.html>.

8. Ilievska F. Restarting the Mediterranean Union?! // Analytical Journal. URL: <http://www.analyticalmk.com/files/2012/01/01.pdf>

В.Б. Калашникова ***Концепт «Центральной Европы»:*** ***модель интеграции или дезинтеграции?***

Стагнация и последовавший за ней распад Советского Союза способствовали усилению научной и общественной риторики относительно дальнейшего политического и национального самоопределения в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы.

В силу экономических (в том числе зависимость производства от спроса и финансовой поддержки со стороны СССР и слабых связей между отдельными государствами региона, и сопутствующие проблемы адаптации рыночных отношений, несмотря на более мягкую в определенном смысле экономическую систему стран, представлявших пример рыночного социализма) и политических причин (определение дальнейшего курса внешней и внутренней политики, адаптация существующих систем к требованиям демократического политического устройства с учетом особенностей самопозиционирования и восприятия другими акторами международных отношений) складывалась необходимость в выработке модели наиболее безболезненного встраивания в европейское пространство с учетом всех указанных особенностей региона. Помимо сказанного выше следует также отметить, что наиболее характерными проблемами встраивания и переориентации не только внешне- и внутривосточных курсов, но и образного восприятия государств являются не сформировавшееся до настоящего времени определенное понимание количественного наполнения понятия ЦЕ (постоянными считаются страны Вишеградской группы, иные соседние государства включаются в регион в рамках разнообразных форм концепта, в зависимости от целей, преследуемых сторонниками концепции), противоречивый характер внутривосточной интеграции и отличная от традиций Западной Европы модель образования национального государства [1]. Последнее не следует рассматривать в прямом значении, понимая именно процесс или технологию складывания и формирования государства, но как паттерн транзита западных демократических ценностей на почву усиливавшихся идей национализма, как ответной реакции на несостоятельность «мягкого» социализма, разочарования от фактической несостоятельности как самих государств, испытывающих психологический дискомфорт от утраты положения сателлита, и характерного для периодов общественных трансформаций ревизионизма исторического прошлого и усиления значения культурного наследия, предшествовавшего советскому периоду. В этом отношении вслед за Г. Коном, Э. Смитом и М. Игнатиевым отнесем Центральную Европу к восточной (этнической) модели национальной идентичности, с характерной значимостью языка, традиций и опорой на идею народа, а не на понятие гражданина [2]. Культурная и историческая общность получает идеализированную интерпретацию, понятийную мистификацию, связанную со стремлением достижения более высокого статуса и облагораживания исторического наследия. Однако не ведет к устранению существующих противоречий в ходе адаптации демократических ценностей или региональной интеграции.

Современный концепт «Центральной Европы», ставший симбиозом вышедшей из-под пера Фридриха Науманна теории Срединной Европы и возникшей еще в XIX в. анти-германской, а позднее анти-русской и анти-советской традиции рассуждения о месте и роли Центральной Европы в общеевропейском геополитическом дискурсе [3], носит политический характер, отражающий дуализм государственных и культурных процессов самоопределения и положения геополитически определяемого в качестве условного, по сути, субрегиона. Периферийное положение ЦЕ определило особенность отражения общеевропейских интеграционных процессов на внутри и внешнеполитическом курсе отдельных стран субрегиона. Следует понимать, что периферийность государств Центральной Европы определяется, как непосредственно в контексте модели евроинтеграции (где отношения «центр-периферия» рассматриваются в качестве объективного и во многом позитивного процесса постепенного присоединения экономически более слабых государств к государствам, составляющим ядро интеграции), так и в контексте модели международных отношений, предложенной Й. Галтунгом (придающей негативную окраску понятию «периферия», как объекту влияния, доминирования экономически и политически более сильных государств центра [2]). Само понятие «Центральная Европа» стало попыткой дистанцироваться от периферийного статуса, подчеркнуть положение «между» [4]: на пересечении различных культурных, экономических и политических типов. Еще в 1920-е гг. О. Халецки, польский историк, делал попытки обосновать существование цивилизационных различий между странами западной и восточной частей региона Восточная Европа [3].

Что же представляет собой политический концепт «Центральная Европа» сегодня в отрыве от идей обоснования расширения на восток жизненного пространства Германии или попыток конфедеративного единения стран региона в качестве защитной стратегии перед угрозой потери политической, экономической независимости или территориальной целостности? Представляется возможным выделить следующие характеристики, определяющие особенности концепта:

1. Трансформация идей региональной интеграции в формате конфедерации с равноправным членством государств в идею объединения стран вокруг единого центра (гегемония государства на основании исторического наследия), при фактическом отсутствии объединяющих стимулов (например, общий враг). Однако данный процесс имеет и обратную тенденцию – происходит дистанцирование от реальных процессов интеграции в силу существующего негативного отношения к возможности повторения советской модели взаимоотношений [3, 4];

2. Отсутствие единой, согласованной линии восприятия и позиционирования западных и восточных соседей, потеря «центрального» положения вследствие отхода от восточной опоры.

3. Стремление интегрироваться в общее европейское пространство при значительном сохранении национальной и даже националистской риторики некоторых правящих элит. Наблюдается некоторая внутренняя дезинтеграция региона, основанная на отсутствии ощущения культурной целостности, связанной с различиями в подходах оценки исторического прошлого, методологии выработки единого исторического.

На сегодняшний день идею существования субрегиона «Центральная Европа» целесообразнее рассматривать в качестве попыток обоснования причин необходимости участия стран, причисляемых к региону, в общих европейских интеграционных процессах, нежели чем концепт самостоятельного единения государств (к примеру, малая эффективность организации ЦЕИ показывает низкую степень понимания необходимости субрегиональной интеграции в отрыве от общеевропейских процессов). Однако следует отметить, что стремление укрепить позиции в рамках ЕС сопровождаются также и попытками создания определенных структур сотрудничеству в рамках субрегиона на основании периодически возникающих разочарований, вызванных позицией стран ЕС по вопросам экономического и политического сотрудничества с Россией, все еще представляемой странами региона в качестве угрозы их самостоятельности. Существует, по меньшей мере, две наиболее характерные проблемы для полной и эффективной интеграции: усиление национальных идей (этническая идентичность), способных привести к негативным последствиям в условиях кризисных ситуаций, и частичная потеря роли моста, соединявшего Восточную Европу и Западную [4, 5].

По своей сути «Центральная Европа» может рассматриваться в качестве политического понятия, призванного когнитивно сформировать восприятие региона в отрыве от его недавнего исторического прошлого, устранить существующее ассоциирование стран региона с периферийной зоной влияния, санитарным кордоном, разделяющим противоборствующих акторов. На сегодняшний день встречается также мнение об историческом анахронизме и несостоятельности в современных условиях глобализации понятия Центральная Европа, как существенного фактора международной политики, сфокусированной более на общемировых проблемах устранения последствий экономического кризиса, борьбой с терроризмом и т.п., нежели чем на вопросах самопозиционирования уже признанных демократическими государств.

Следует отметить, что, несмотря на несостоятельность интеграционной модели в рамках субрегиона Центральная Европа, вызванного необходимостью присутствия экономической поддержки более сильных государств, говорить о незначительности данного вопроса рано. Поскольку регион и в настоящее время является ареной конкурентного соперничества за зоны влияния. Несмотря на то, что сама идея Центральной Европы изначально носит характер именно интеграционный, объединяя страны в рамках региона, однако в настоящее время регион можно рассматривать скорее как модель самоопределения и совместного, наиболее выгодного включения в общую европейскую интеграцию с приобретением более сильных политически позиций за счет совместных согласованных действий.

Литература

1. Nationalists in the Balkans and Central Europe: ideologues or populists? // Political diary. URL: <http://www.pehe.cz/prednasky/2005/nationalists-in-the-balkans-and-central-europe>

2. Бунаков М.Ю., Лукин В.Н. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации // Теоретический журнал Credo NEW. – 2007. URL: <http://credonew.ru/content/view/553/58>

3. Коппитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // Vrije Universiteit Brussel. 2004–2005. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/coppieters1.htm>

4. Миллер А. И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html>

5. Bufon M. Nationalism and globalization: a Central European perspective // theSlovenian.com. URL: <http://www.theslovenian.com/articles/bufon.pdf>

А.С. Кирилина

Европейская идентичность немцев

В 1973 г. тогда еще девять стран-членов Европейского сообщества впервые заговорили о «европейской идентичности». Европейской идентичностью можно считать коллективное сознание Европы, состоящей из многих народов, переплетенных между собой культурно и исторически. Общая цель в момент создания ЕС – не допустить повторения ужасов Второй мировой войны – очень сильно повлияла на признание многими странами европейской идентичности в той или иной

степени. Структура нации, которая очень сильно укоренилась в подсознании, на самом деле почти устарела. Многие считают, что необходимо развивать, наряду или вместо национальной идентичности, также европейскую идентичность. Все европейские страны имеют тесные связи с Европой. Вместе они строят сильное европейское общество с общими ценностями. Мирное совместное сосуществование европейских стран также является важнейшим экспортным продуктом, который Европа предлагает в глобальном мире [1].

За пределами Европы, особенно в Америке, жителей любой страны Европы называют европейцами. Но есть мнение, что в самом Европейском Союзе гражданам отдельных стран гораздо важнее их национальная идентичность. Даже сегодня многие немцы, итальянцы или французы не осознают, что они одно целое – европейцы [2]. Я бы хотела остановиться на немцах и разобраться, считают ли они себя уже европейцами или же национальная идентичность для них главнее.

Немцы легко могут ответить на вопрос о своей национальной идентичности, но при этом долго раздумывают, когда их спрашивают о том, осознают ли они себя европейцами. В Германии, в отличие от Великобритании, готовы принять европейскую идентичность, но считают при этом, что континентальная Европа должна быть максимально германской. За последние десятилетия после объединения Германии произошло смещение акцентов в национальном самосознании. С одной стороны, правительство культивирует чувства национальной идентичности. Так, например, суть знаменитой кампании «Ты – Германия», реализованной на федеральном уровне, заключалась в том, чтобы донести до немцев следующую мысль: каждый житель страны – есть представитель ценностей западной демократии. Каждый немец – это не только часть Германии, это и есть Германия. С другой стороны, происходит усиление регионализма. Регионализм можно считать неотъемлемой частью политической культуры Германии, долгое время существовавшей в виде множества отдельных княжеств. Сегодня федеральные земли являются важнейшими факторами немецкой внутренней политики. Национальная идентичность зачастую ограничивается региональной идентичностью. Немцы любят свое отечество, уважают традиции, чтут культуру и историю, но многие немцы не считают себя немцами, а скорее европейцами. Подобный кризис национального единства можно объяснять на основании исторических факторов: позднее объединение немецких княжеств в единое государство, послевоенная денацификация, а также существование одной нации в рамках двух государств.

Современная Германия до сих пор борется с устранением последствий разделения на два государства. Несмотря на политическое объединение страны, за период раздельного существования у ФРГ и ГДР появились свои культурные особенности: так, можно говорить о различной политической культуре, о различиях духовных ценностей. Различия в понимании сущности культуры и восприятии германской истории между объединившимися в 1990 г. частями Германии являются одним из наиболее значимых факторов, препятствующих созданию однородной культурно-цивилизационной среды на всей территории современной ФРГ. Формально-юридическое единство не означает автоматически культурного и цивилизационного единства даже среди тех, кто одинаково называет себя немцами [1].

Стоит также отметить, что слово «национализм» имеет негативный оттенок в Германии. С трудом можно найти какого-либо политика на федеральном уровне в Германии, который боролся бы за национальную идентичность или в целом за немецкую культуру. Из-за мрачного прошлого Третьего рейха, Второй мировой войны и холокоста, ориентация на национализм – как бы под табу. Поэтому в Германии нет министра культуры, как в России, в Германии существует только государственный министр, который рассматривает вопросы культуры. На федеральном уровне нет настолько «патриотичной» защиты культуры, как, например, во Франции, США. Немецкие консерваторы часто призывают к более национальному подходу, но на федеральном уровне нет четкой позиции по этому вопросу. Конечно, есть немецкие песни, стихи, книги и другие ценные для культуры вещи, но нет абсолютно никакой официальной политики по поддержанию и сохранению культуры. Скорее гражданское общество, газеты, отдельные люди хотят самостоятельно сохранить так называемую «немецкую идентичность», но различными способами [2].

Также на идентичность людей влияет иммиграция. В Германии проблема иммиграции особенно острая: поколения турок и вьетнамцев, бывших гастарбайтеров, формируют общество в Германии. Таким образом, Германия превращается в открытое общество во всем, во многих вопросах немцы, конечно, все еще консервативны (экономически и политически), но их консервативность исчезла в культурных и общественных вопросах за последние два десятилетия. Конечно, мнения различаются, но даже политики недавно признали, что ислам – это часть Германии.

Есть ситуации, в которых немцы думают и чувствуют себя больше немцами, чем европейцами, но такие ситуации связаны, например, со спортом, скажем, с футболом, национальными катастрофами, как до-

пустим, затопление некоторых районов Германии. Идею однородной культуры «немцев» широко распространяют в школах и в университетах. Однако во многих политических вопросах немцы предпочитают думать как европейцы, по крайней мере, по трем причинам: первая – глобальное культурное направление идет на Запад, и среди молодежи такие моральные и культурные ценности, как глобальная дружба и путешествия, являются «обычными вещами». Таким образом, национальная точка зрения слишком узка, ограничена и провинциальна. Во-вторых, сейчас очень популярно глобальное распространение демократии и нового способа легитимности парламента. Одна из основных проблем внутри ЕС это то, что у Европейского парламента нет легитимной репутации, как у национального парламента, но получив более общее европейское гражданство, сильный европейский парламента необходим и неизбежен в будущем. Поэтому немцы все еще верят немецкому Бундестагу, так как голосуют прямо за него, но они также и за европейский парламента. То есть в политике немцы думают по-европейски. В-третьих, немцы считают себя европейцами на 99%, с точки зрения геополитики и международных отношений, так как они считают, что только объединенная, сильная Европа займет важную позицию среди глобальных сил США и Китая и других появляющихся сил, таких как Бразилия, Индия, Россия. Для успешной реализации политики по энергоресурсам, политики безопасности и экономики только у европейского игрока есть возможности и ресурсы для того, чтобы стать конкурентом мировым силам [3].

Вопрос формирования немецкой национальной идентичности является острой внутривластической проблемой для современного немецкого общества. Немцы гордятся тем, что они европейцы, демократы, что они принадлежат к тому или иному кружку, союзу и т.д. Но принадлежность к немецкой нации вызывает смятение, они чувствуют привязанность к Родине, но речь идет о патриотизме не в национальном масштабе, а в масштабах конкретной федеративной земли, в масштабе всей страны; они считают себя немцами только когда болеют за сборную по футболу. Надо отметить, что сегодня принимаются осторожные усилия по культивированию немецкой идентичности [1].

Очень важно, рассматривая вопрос об идентичности, понять, к какой идентичности относит себя молодежь, поскольку молодые люди – это будущее страны, и от их мнения оно зависит. Было проведено исследование «Молодежь и европейская идентичность» среди Германии, Великобритании, Австрии, Испании и Словакии. По результатам этого опроса немецкая молодежь считает:

1. В Германии существует тесная связь с Европой.

В отличие от молодежи в Великобритании, Австрии, Испании и Словакии молодежь Германии ассоциирует себя с Европой больше всего. Примерно две трети немцев чувствуют, что сильно связаны с Европой.

2. Национальная и европейская идентичность в Германии сосуществуют. Национальное сознание молодых немцев выражено лишь немного больше, чем европейская идентичность.

3. Европа = ЕС.

Европейский Союз для половины немцев – это самое важное, с чем у них ассоциируется Европа. Явно меньше молодежь ассоциирует с Европой ценности и традиции или географическое положение. Только 13% немцев считают общую валюту евро более важной ассоциацией с Европой по сравнению с ЕС.

4. Европейская идентичность способствует толерантности.

Чем сильнее связь с Европой, тем больше люди разного происхождения становятся терпимы и дружелюбнее друг к другу.

5. Большинство немцев считают, что членство Германии в ЕС имеет положительное влияние, как на страну, так и на отдельные регионы, а также на жизнь людей. Лишь 10% немцев уверены в обратном.

6. Европа предлагает большой карьерный рост и развитие в профессиональном плане. 22% молодежи в Германии хотели бы жить и работать за границей в Европе.

7. Заинтересованность в объединении Европы относительно мала. Хотя молодежь в Германии позитивно относится к Европе, однако конкретные политические интересы молодежи в Европе незначительны. Например, когда разговор идет о темах образования, работы, равноправия, бедности, терроризма и т.д., европейская интеграция – на последнем месте.

8. Согласие на участие в европейских выборах.

9. Молодые немцы участвуют как в выборах в федеральный парламент, так и европейский парламент.

10. Для европейской идентичности образование играет не последнюю роль. В школах тема ЕС в Германии является второстепенной, только 20% немцев изучают институты, законы и политику ЕС в школе в большом объеме. Образование – важный фактор в развитии европейской идентичности: те, кто знают иностранные языки, имеют высшее образование с международной направленностью, чаще общаются с друзьями на политические темы, больше чувствует себя европейцем, нежели просто немцем.

11. Международный опыт способствует европейской идентичности. Немцы, которые жили долгое время за границей или имеют там

хороших друзей другой национальности, ассоциируют себя больше с Европой, чем с Германией [5].

В ZEIT-ONLINE был проведен интересный опрос о том, что думают европейцы об идее объединенных штатов Европы. Идею объединенных штатов Европы 35% немцев считают хорошей, 43% – ее отрицают. Министр по вопросам труда Урсула фон дер Лейерн в интервью «Spiegel» сказала: «Моя цель – объединенные штаты Европы – по примеру федеральных земель Швейцарии, Германии или США». На эту же тему опросили жителей Великобритании и Франции. Модель объединенных штатов Европы отрицают 64% опрошенных в Великобритании. Во Франции большинство выступает за эту модель: 44% – за модель объединенных штатов в Европе, и 35% сказали нет этой модели будущего.

Однако жители трех стран согласились в вопросе о том, что вопросы финансовой, налоговой и экономической политики останутся в компетенции стран-членов. В Германии половина опрошенных считает необходимым сохранить независимость в вопросах финансов, налогов и экономики, в Великобритании так считают около 80% опрошенных. Даже во Франции больше половины опрошенных хотели бы оставить эти вопросы в национальном ведомстве [4].

Таким образом, мы считаем, что европейская идентичность становится все более и более характерной для немцев, они чувствуют себя европейцами, которые имеют историческую связь со всеми странами ЕС и не имеют желания национально отделяться от остального европейского мира, так как они не все признают национальную идентичность в масштабах всей страны, а только в рамках своей земли. Хотя правительство и предпринимает шаги для сохранения национальной идентичности, ссылаясь на то, что национальная идентичность – ядро имиджа государства, и что она позволяет стране приобрести конкурентные преимущества, а значит, занять более выгодные позиции на мировой арене, все понимают, что объединенная Европа – гораздо сильнее, а эти меры всего лишь условны [3].

Литература

1. Немецкий вопрос и проблема формирования национальной идентичности// Мир и политика. URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html>
2. Die Idee der Nation ist veraltet// Zeit Online. URL: <http://www.zeit.de/politik/2011-10/leserartikel-nation-identitaet>

3. Was macht die Identität Europas aus? // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/was-macht-die-identit%C3%A4t-europas-aus/a-6487653>

4. Vereinigte Staaten von Europa? Deutsche gespalten // Zeit Online. URL: <http://www.zeit.de/politik/2011-09/umfrage-vereinigte-staaten-von-europa>

5. Junge Deutsche zwischen nationaler und europäischer Identität // idw – Informationdienst Wissenschaft. URL: <http://idw-online.de/de/news67634>

А.В. Лачкова

***Европейская идентичность и проблема безопасности
(на примере событий 11 сентября 2001 г.)***

На современном этапе развития политико-политологической мысли вопросы международной безопасности рассматриваются с учетом их сложных «структур идентичности». Идентичность же означает основные и стойкие черты, которые составляют своеобразие личности или группы, а также социально-психологическое чувство принадлежности к группе, основанное на географической, лингвистической, культурной общности [1, с. 53]. Осознание общности служит основой для решения социально-экономических и социально-политических проблем. Поэтому в современных процессах европейской интеграции фактор идентичности играет огромную роль консолидации. Европейская идея базируется на геокультурном (цивилизационном) единстве, проходит сквозь всю историю развития европейских народов, так как, несмотря на многочисленные расхождения, их объединяет глубоко укорененное чувство «европейской идентичности», базирующееся на общих историко-культурных и социально-политических ценностях [2, с. 26].

В условиях глобализации и возрастания значимости проблем безопасности все большее значение приобретает место идентичности в различных концепциях безопасности. Вопросы обороны и безопасности являются важнейшим этапом в деле европейского строительства.

В контексте «трендов» мирового развития, «аккумулированных» терактами 2001 г., проблематика европейской идентичности обретает особое «измерение безопасности», в котором переплетаются и взаимодополняются геополитические и «геокультурные» аспекты.

В настоящее время Европа находится в поисках новой системы безопасности, цель которой – разработка ответов на вызовы в военно-политической области, в сфере экономики, экологии, демократии, культуры, информации и т.д. Окончание Холодной войны, распад Ор-

ганизации Варшавского Договора и СССР, углубление политической, экономической и военной интеграции в Европе создали ситуацию, при которой страны Европейского Союза получили возможность выступить с единых позиций на международной арене, претендовать на роль «нового военно-политического центра силы». Активно идет формирование оборонной идентичности на основе многосторонних институтов, которые играют большую роль в европейской системе безопасности.

Трагические события 11 сентября 2001 года подчеркнули значимость проблем безопасности в деле европейского строительства, а также продемонстрировали особенности и проблемы европейской идентичности в контексте современных проблем безопасности. По данным международных организаций, таких как The Gallup Poll, Nation Brands Index, Pew Global Attitudes Project, в европейских странах была зафиксирована отличная от остального мира позиция относительно событий 11 сентября 2001 года.

Для выявления особенностей восприятия событий 11 сентября европейскими странами, мы провели контент-анализ периодических изданий разных европейских стран. Для системного анализа мы обратились к печатным изданиям «The Times», «The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Independent», «Le Monde», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «La Libre Belgique».

В процессе исследования мы выделили особенности освещения событий 11 сентября в Европе.

Общий тон, который тогда сложился в мировых СМИ, – это ужас от произошедшего, абсолютное осуждение терактов и терроризма в целом, а также соболезнования американскому народу и, вследствие этого, глубокая симпатия к США и их гражданам, как жертвам случившейся трагедии.

В отношении к США после событий 11 сентября преобладали следующие выражения: «мы – все американцы», «мы находимся рядом с Вами», «мы должны вместе бороться с этой проблемой».

При этом существенно, что довольно значительную роль в формировании такой позиции сыграла не только масштабность произошедшего в США, но также и тот факт, что во время терактов в США погибло большое количество иностранных граждан, в том числе и европейцев. Это обстоятельство «интернационализировало» события 11 сентября 2001 г., придав им дополнительный, еще больший трагический оттенок, а также превратило их в исключительное событие, носящее в действительности глобальный характер. Именно этот «интернациональный фактор» в значительной степени объясняет консолидацию европейских стран. Европейцы выражали поддержку США не

только на словах, но и реальными действиями, такими как вступление в антитеррористическую коалицию, а также оказание экономической и военной помощи. Европейские страны оказали самую значительную военную и экономическую помощь США после событий 11 сентября 2001 г. [3, с. 145]

Более того, события 11 сентября 2001 года продемонстрировали механизм обеспечения безопасности европейских стран, обозначив его особенности и проблемы.

Во-первых, НАТО как международную военно-политическую организацию можно считать структурным олицетворением системы, на которую возложены функции военно-политического сотрудничества в общецивилизационном измерении, тогда как ЕС выполняет функции ключевого органа всестороннего сотрудничества в рамках европейской составляющей «западной» цивилизации».

Во вторых, меры, которые были предприняты в рамках европейского механизма обеспечения безопасности относительно терактов 11 сентября 2001 г. свидетельствуют о его эффективности, масштабности и своевременности. Активное международное сотрудничество по линии спецслужб способствовало быстрому предоставлению информации об инфраструктуре, местах пребывания международных террористов и базах подготовки боевиков [4, с. 153].

В рамках ЕС были созданы специализированные органы, призванные противодействовать террористическим угрозам: Европол, Евроюст, полицейская рабочая группа по терроризму, пост координатора Евросоюза по антитеррористической деятельности. Вместе с тем, ЕС стимулировал антитеррористическую деятельность, выпуская акты, имеющие политическую и правовую характеристику – план действий по борьбе с терроризмом 2001 г. После трагических событий 11 сентября в США и терактов в Европе для исполнения положений документов ОБСЕ стремится к формированию институциональной структуры, призванной помочь в деле борьбы с терроризмом. Было создано Антитеррористическое подразделение, главной функцией которого стала поддержка государств-членов в деле борьбы с терроризмом и ликвидация условий, порождающих и подпитывающих его [5, с. 80].

Таким образом, европейская идентичность служит фундаментальным механизмом обеспечения безопасности глобального характера. Более того, мы отметили взаимосвязь социальной и институциональной основ в рамках противодействия новым глобальным угрозам и обеспечения безопасности.

Литература

1. Кузнецов В.Н. Геокультура. М., 2003.
2. Залевски М., Энло С. Вопросы идентичности в международных отношениях // Теория международных отношений на рубеже столетий. М., 2002.
3. Кузнецов Д.В. Взаимодействие внешней политики и общественного мнения в М., 2010.
4. Меняйлов, В.С. Терроризм: новый фактор или старый метод внешней политики США? М., 2003.
5. Сборник документов по борьбе с международным терроризмом / сост. К.А. Бекашев, М.Р. Авясов. М., 2003.

В.В. Овсянникова

Об этнической идентичности российских немцев

По теме идентичности российских немцев проводится множество исследований. Однако при анализе публикаций и монографий, посвященных данному вопросу, выявляется неравноценная степень изученности различных сторон процесса этноидентификации. К примеру, вопросы истории и религии различных групп немецкого населения в России подробно описаны в работах Я. Дитца [1, с. 120], Л. Малиновского [2] и др. Анализ образцов традиционной национальной культуры немцев Поволжья посвящены многочисленные исследования Е.А. Арндт [3], в то время как В.Г. Диц [4], Г.Г. Вормсбехер [5] и В.Ф. Баумгертнер [6] большее внимание уделяют проблемам поиска путей внутриэтнической консолидации, объединения усилий общественных организаций российских немцев с целью национального возрождения. С другой стороны, несмотря на то, что только по уже опубликованным в Германии и России работам пишутся отдельные библиографические исследования, большой интерес, как правило, вызывает положение российских немцев по приезду в Германию. В то же время проблеме идентичности российских немцев, оставшихся в России, уделяется, по нашему мнению, недостаточное внимание, а уже проведенные исследования (таких авторов, как, например, А.В. Громыко [7], В.Ф. Дизендорф [8]) носят историографический характер.

Цель исследования – выявление специфических черт процесса самоидентификации российских немцев, проживающих на территории РФ дисперсно, в контексте типов этнической идентичности, существующих в теории.

Выбор «целевой группы» практической части исследования, в свою очередь, обусловлен тем, что наиболее детально изучены иден-

тификационные механизмы немцев в местах компактного поселения. Положение части этноса, составляющей население обычных городов и сел, изучается не так широко. В связи с этим предпримем попытку объединить современные тенденции процесса этноидентификации (как в теории, так и на практике) и отношение к этому вопросу обозначенной части общности российских немцев.

Итак, определяя этническую идентичность российских немцев, обратимся к типам идентичности, предлагаемым современными авторами:

1. Немецкая – тип мигранта, отсутствие этноса как такового – позиция В.Н. Шайдурова [9].

2. Русская и немецкая одновременно – концепция «промежуточно-го» этноса В.Г. Дица.

3. Российско-немецкая – концепция самостоятельного этноса В.Ф. Баумгертнера.

4. Русская, немецкая и российско-немецкая – учитывая случаи возвращения российских немцев в Германию – позиция Г.Г. Вормсбехера.

Не отрицая мнения исследователей, утверждающих, что в Российской Империи/СССР/СНГ российские немцы представляют собой не единую этническую общность, а группу из разных религиозных, территориальных, культурных групп, мы считаем, что при рассмотрении и сравнении российских немцев с другими этническими общностями – русскими, немцами и т.д., можно утверждать, что существует такая единая этническая общность, как российские немцы.

О самостоятельности этноса, во-первых, можно судить по фактам его истории: признание центральных властей, создание Республики Немцев Поволжья, национальных районов, округов, школ. И это не только реверанс в сторону Германии: это, действительно, признание их особых потребностей, и особых заслуг. Российские немцы переехали в Россию еще до того, как появилась собственно Германия как единое государство. Их предки переселялись как гессенцы, пруссаки, саксонцы, лотарингцы и баварцы, а не как немцы, и уже в России они слились в единую общность, точнее их выковала в одну общность история, и, в первую очередь, депортация.

Действительно, в течение двух с половиной веков из небольшой национальной группы, приглашенной из различных германских земель, на территории России сложился новый народ. Безусловно, этот народ бережно сохранял в себе то, что привезли его предки с собой в Россию – диалекты немецкого языка того времени, веру, обычаи и традиции, уклад жизни, – притом, что в самой Германии все это изменя-

лось либо утрачивалось. Однако российские немцы, включенные в масштабные исторические процессы, проходившие в Российском государстве, приобрели и много нового в своей национальной идентичности, – того, что сделало их гораздо более близкими русскому народу, чем народу Германии. Поэтому вряд ли можно считать российских немцев диаспорой германского народа или же некоренным народом Российской Федерации.

Таким образом, наиболее обоснованной, на наш взгляд, является идентичность русско-немецкая, которую обосновывают В.Ф. Баумгертнер и Г.Г. Вормсбехер: они признают российских немцев отдельным молодым этносом, отличным от близкородственной старонемецкой нации и имеющим специфические особенности по сравнению с нацией русской. «Мы – немцы, мы граждане России» [10] – лозунг, на наш взгляд, как нельзя лучше подтверждающий особую этническую историю российских немцев. Таким образом, можно сделать вывод, что данная точка зрения присуща «авангардной» части русских немцев, которая и составляет население районов компактного проживания.

Как уже говорилось, мы попытались проанализировать механизмы самоидентификации той части общности российских немцев, которая находится за пределами территорий компактного проживания, имея при этом те же этнические корни. Как показал опыт, сложность состоит в том, что значительная часть потенциальных респондентов не задумывается ни о собственной национальной идентичности, ни о проблеме сохранения российскими немцами своей этнической индивидуальности.

Эмпирической частью исследования является ряд стандартизированных интервью, результаты которых послужили основой для выводов. Были опрошены представители в общей сложности около 70 семей потомков немецких колонистов в возрасте от 14 до 76 лет, проживающих на территории Мамонтовского района Алтайского края. Основными вопросами в беседе с респондентами были следующие:

- Задумываетесь ли Вы над определением своей национальной идентичности?
- Как Вы считаете, кто такие «российские немцы»: представители немецкой нации, представители русской нации, самостоятельный этнос?
- Собираетесь ли Вы (или собирались в прошлом) переезжать в Германию? Каково знание немецкого языка?
- Каково будущее российских немцев (Ваш прогноз)? Связано оно с Германией или с Россией/странами СНГ?

Проанализировав полученные материалы, мы пришли к ряду выводов.

Во-первых, большая часть российских немцев, проживающих дисперсно в сельской местности, относит себя либо к русской, либо к немецкой нации, причем тот или иной выбор зависит от возраста респондента. Так, молодое поколение, имеющее немецкие корни, причисляет себя к русским: аргументируется это тем, что родились они и живут на территории России, говорят по-русски и Россия – это их Родина. Объяснить это можно, в том числе, и негативными этническими стереотипами, влияния которых не избежали и российские немцы. Пожилые люди, напротив, относят себя преимущественно к немецкой нации. Аргументами являются: немецкая речь в семье, немецкие обычаи и традиции, которые живут в памяти, но, правда, не всегда соблюдаются. Именно старшие члены семьи являются обычно инициаторами «возвращения на родину». Однако, на наш взгляд, такая самоидентификация обусловлена чаще всего надеждами на более стабильную и благополучную, чем в России, жизнь в Германии, которые, как известно, оправдываются не всегда. Успешная интеграция возможна лишь при наличии ряда условий. И панацеей от проблем, связанных с этим процессом, субъективное самовосприятие переселенцев как немцев не является.

Во-вторых, несмотря на активность организаций российских немцев, значительная часть этноса, а именно сельское население за пределами немецких национальных районов, в эти процессы не вовлечена. Без сомнения, эти организации охватывают своей информационной и организационной сетью очень большую часть российских немцев и могут претендовать на формирование того или иного типа идентичности у представителей этого этноса. Таким образом, вовлечение в них способствовало бы повышению уровня и этнического самосознания российских немцев, столь необходимого для сохранения этносом своей индивидуальности, и национального самосознания российских немцев как граждан нашего многонационального государства.

Основной причиной выявленного нами «конфликта» самоидентификации разных групп российских немцев, на наш взгляд, является отсутствие целостного, единообразного видения проблемы этничности, официального определения идентичности и возможностей ее культивирования широкими массами «немецко-русского» населения. Усилия интеллектуальной элиты российских немцев в этом направлении не дали пока существенных результатов.

В заключение хотелось бы отметить, что национальная идентичность российских немцев еще долго будет оставаться предметом

оживленных дискуссий, и аргументированное нами мнение по данному вопросу может оспариваться на основе столь же весомых аргументов.

Литература

1. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000.
2. Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Популярно-исторические очерки. Барнаул, 1995.
3. Арндт Е. А. Национальный костюм немцев Поволжья (Конец 19 – начало 20 вв.): пособие с методическими рекомендациями. Пермь, 1998.
4. Диц В.Г. Кто мы, российские немцы? URL: http://www.rdinfo.ru/soc_rd/article.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=14127
5. Доклад Баумгертнера В.Ф. на Внеочередном (объединительном) съезде ФНКА РН. URL: <http://www.astrastar.ru/eiprd/articleview.aspx?id=173>
6. Вормсбехер Г.Г. Поволжская республика немцев благодаря Путину? URL: <http://www.inosmi.ru/print/226182.html>
7. Громыко А.В. Эволюция социально-политического движения российских немцев за сохранение этноса и национальной культуры : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
8. Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / Сост.: В.Ф. Дизендорф. М., 2006.
9. Шайдуров В.Н. Российские немцы: сто лет в условиях национального конфликта. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>
10. Манифест «Мы – немцы, мы – граждане России», опубликованный от лица Немецкого молодежного объединения и Международного союза немецкой культуры. URL: <http://www.rusdeutsch.ru>

А.В. Речкова

Евразия или европейское сообщество дружбы народов?

*Все умные люди исповедуют одну и ту же религию.
Какую?*

Умные люди никогда об этом не говорят.

Бенджамин Дизраэли

Так сложилось, что каждый период жизни человечества исторически определяется какой-либо идеологией, системой международных отношений, доминированием определенного государства и т.д. На се-

годняшний день сложилась такая ситуация, что мир определяется понятием «глобализация».

Глобализация является экономической, культурной и политической интеграций народов, поэтому не случаен процесс перемещения людей из одной точки мира в другую, с Востока на Запад.

Одной из многочисленных волн подобного перемещения является мусульманская миграция в Европу. На настоящий момент численность мусульман в Европе составляет 15-20 млн. Трудность подсчета состоит в том, что европейская статистика не учитывает религиозный фактор.

Несмотря на процессы глобализации, такая статистика вносит дезинтеграционный элемент в европейское общество. Происходит рост исламофобии и появление политического клише «Еврабия», что мешает налаживанию полноценного диалога между мусульманским и европейским населением стран.

Но что препятствует сближению и интеграции, так это даже не якобы девиантное поведение мусульман, а те самые люди, которые настроены категорично против них и каждый раз выступают с нападениями на мусульман. Рост радикально настроенных слоев тормозит развитие диалога между двумя культурами.

Одним из таких радикалов является всем известный норвежский террорист Андерс Брейвик, от рук которого летом 2011 года пострадало более 120 человек, 77 из которых были убиты. Накануне теракта он выложил 12-минутный видеоролик, в котором осуждал политику мультикультурализма, состоящую, по его мнению, из трёх компонентов: марксизм, суицидальный гуманизм и глобальный капитализм. Брейвик напоминает о судьбах Косово и Ливана, где христианское большинство превратилось в меньшинство. Также, характеризуя современную Европу, он использует обозначения «Eurabia» и EUSSR.

Кроме того, ролик сопровождает 1518-страничный манифест под названием «2083: A European Declaration of Independence». В нём Брейвик рассуждает об исламизации Европы и призывает к национализму.

Случай Андерса Брейвика не единичен. В рамках европейской политики мультикультурализма подобное поведение неприемлемо, как, в общем, оно неприемлемо и в рамках любой другой политики.

Вследствие этого, проблема интеграции мусульман жестко встала перед Европой. И Европейский Союз, и страны в отдельности не прекращают попыток ее решить. Так, например, в январе 2008 года в Брюсселе 400 мусульманских организаций, представляющих 28 стран Европы, подписали Европейскую исламскую хартию из 26 пунктов. Хартия призывает найти компромисс между европейцами и мусульма-

нами, содействовать миру и процветанию их европейской родины, уважать равенство между мужчинами и женщинами, стремиться к политической умеренности.

Европейские страны уделяют большое внимание знанию языка и истории принимающего мусульман государства, широкое распространение получают образовательные курсы, национальные программы по обучению имамов. Ведется контроль над проповедями имамов в целях исключить какой-либо призыв к агрессии. Применяются ограничительные меры по борьбе с незаконной миграцией, за нарушение закона лишают гражданства. Вносятся изменения и дополнения в действующее законодательство с целью сохранения историко-культурных традиций.

Таким образом, несмотря на трудности процесса интеграции мусульман в европейское общество, можно отметить рост положительных тенденции, которые в ближайшем будущем принесут свои плоды. Следует надеяться, что со временем исчезнут такие явления и термины как «исламофобия» и «Еврабия» и т.д. Следует верить, что произойдет не «столкновение цивилизаций», а сближение, и «прохладность и враждебность» сменится на дружбу народов и взаимный диалог, и религия станет не барьером, а способом примирения сторон, ведь как говорил Махатма Ганди «У Бога нет религии».

Литература

1. Berwick A. 2083 – A European Declaration of Independence. URL: <http://warechaos.com/get/berwick1>
2. Бат Й. «Зимми»: христиане и евреи под властью ислама. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/ijeor_bat/ijeor_bat_zimmi_hristiane_i_evrei_pod_vlastyu_islama
3. Кортунов С.В. Глобализация и национальная идентичность. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-229144.html>
4. Мирошникова Е. Религиозный фактор в иммиграционной политике ЕС// Современная Европа. 2006. №1. – 61-73 с.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
6. Более 400 организаций подписали Хартию европейских мусульман. URL: <http://islam.com.ua/news/4575/>
7. Сколько мусульман в мире? URL: <http://www.imam.ru/articles/stati.html>

Т.С. Роженко

***Интеграция турецких мигрантов в немецкое общество
через систему образования Германии***

В условиях процесса глобализации мир находится в постоянном межкультурном взаимодействии. Современный человек является свидетелем и субъектом непрерывного диалога культур. Особенно ярко этот процесс проявляется в европейских странах, где взаимодействуют культуры многих народов по всему миру.

Уже более полувека современная Германия знакома с проблемой привлечения иностранной рабочей силы. Каждый день в стране происходит взаимодействие турецкой диаспоры с коренным населением. И не всегда это взаимодействие дает положительный результат. Поэтому проблема интеграции очень актуальна в ФРГ.

Сегодня на территории Германии проживают свыше 4 миллионов лиц турецкого происхождения, из них более полутора миллионов являются подданными Турции [1].

Одним из важнейших факторов, влияющих на интеграцию мигрантов, является система образования, благодаря которой можно повысить уровень жизни и степень взаимодействия с коренным населением.

Турецкая диаспора преодолела множество препятствий на пути к получению образования: непризнание принимающим обществом, языковой барьер, отказ в помощи иностранцам со стороны государственных органов и др.

Безусловно, одной из главных целей системы образования является обучение турецких мигрантов немецкому языку. «Образование – это ключ к успешной интеграции, – убеждена правительственная уполномоченная по делам мигрантов Мария Бёмер (Maria Böhmer). – А ведь первоклассник, не владеющий в достаточной степени немецким языком, не понимает, что говорит учительница»[2].

Для решения проблемы еще прежнее правительство Германии разработало общенациональный интеграционный план, поставив во главу угла именно образование.

Стоит отметить, что посещение школы в Германии обязательно, а детского сада – по желанию родителей. А такое желание в семьях с мигрантским фоном выражено вдвое слабее, чем в коренных немецких. Только шесть процентов малышей из мигрантских семей в возрасте от года до трех ходят в детский сад. Чуть больше их доля в возрасте от трех до шести, но все равно это намного меньше, чем настоящих немецких малышей. На это обращает внимание и Мария Бёмер. Ее беспокоит, что когда речь идет о дошкольных учреждениях, то

«наблюдается такой существенный разрыв в их посещении детьми немецких родителей и из семей мигрантов»[2]. Учитывая это обстоятельство, в Берлине, например, были введены обязательные «вступительные» языковые экзамены не только для детсадовских, но и вообще для всех детей.

На наш взгляд, эта проблема существует из-за жизненного уклада и религии турецких мигрантов. Для Турции характерен традиционный уклад семьи, основанный на вероисповедании. Так, старшие следят за младшими, и дошкольное образование ребенок может получить в семье, где ему также объяснят основы ислама. А так как чаще всего жены, сестры и матери турецких мигрантов были привезены в Германию из Турции, и сами не знают ни слова по-немецки, то навряд ли они смогут научить языку младшее поколение.

Не все дети иммигрантов получили и школьное образование, хотя национальное законодательство ФРГ дает такую возможность. К примеру, в середине 1980-х гг. в ФРГ 20% детей школьного возраста не посещали школу [3, с. 36].

По словам Марии Бёмер, подростки-выходцы из семей мигрантов оказываются в менее выгодном положении в системе среднего образования. Они гораздо чаще, чем дети из немецких семей оказываются в основной школе (Hauptschule), лишаясь тем самым возможности получить высшее образование. Кроме того, дети мигрантов в два раза чаще покидают школу, не получив аттестата, чем их сверстники-немцы [4].

Шансы турецких детей добиться успеха в жизни, карьерного роста значительно ниже, чем у коренного населения. Сегодня в Германии активно развивается турецкая элита, но путь ее представителей к тем высотам, которых многие достигли, был тернист. Биография Сефика Альпа Бахадира служит тому ярким примером.

Положительным примером может служить Кенан Онен. Выходец из малообразованной турецкой семьи, ныне 44-летний кандидат наук и политолог Кенан Онен, возглавляет начатый во Франкфурте-на Майне при одном из крупных немецких частных фондов Hertie проект «Старт» по поддержке молодых иммигрантов. Его школьная жизнь типична для многих детей иностранцев: помощи ждать не от кого, предметы даются труднее, чем одноклассникам-немцам. Даже в гимназию Кенан записался без ведома родителей, которые понятия не имели о том, как устроена немецкая школьная система. Сегодняшние подопечные Онена – стипендиаты программы «Старт» – метят выше: они хотят стать известными врачами, менеджерами, учеными. Проект «Старт» открывает иностранным школьникам дорогу в мир высшего образования, академической карьеры и руководящих должностей. По-

ощряются талантливые и трудолюбивые, с хорошими оценками и активные в общественной жизни учащиеся: 100 евро в месяц, компьютер с выходом в Интернет и различные семинары [5].

С турецкой стороны по этой проблеме активно дискутирует Реджеп Тайип Эрдоган, премьер-министр Турции. В 2011 году он выступил с предвыборной речью перед гражданами Турции, проживающими в Германии, в которой заявил: «Я хочу, чтобы каждый из вас знал немецкий язык, получал хорошее образование, был представлен на всех уровнях в Германии – в администрации, политике, гражданском обществе». Ранее, в 2008 году, выступая в Кёльне перед двумя десятками тысяч этнических турок, на встрече с немецкими политиками заявил о необходимости открывать в Германии турецкие школы и университеты, преподавательский состав которых был бы из Турции. Немецкие политики расценили высказывания Р.Т. Эрдогана как прямое вмешательство во внутренние дела ФРГ [6].

Важным аспектом в системе образования турецкой диаспоры в Германии является влияние конфессионального фактора на обучение. Безусловно, религиозные ценности в жизни переселенцев из Турции играют значительную роль. В противовес существовавшей в странах Западной Европы системе школьного образования с середины 1970-х гг. стали создаваться так называемые школы (или курсы) Корана для турецких детей. В ФРГ они получили наибольшее распространение. Финансовая поддержка школ осуществлялась, в частности, некоторыми нефтедобывающими странами, в первую очередь Саудовской Аравией. Курсы были в полном ведении имамов, которые выступали скорее духовными наставниками, чем педагогами. Дети изучали исламские традиции, заучивали наизусть отрывки из Корана. Часто представления о мире, система культурных и духовных ценностей, приобретенных в этих школах, противоречили не только знаниям, полученным в европейской школе, но и имели реакционную направленность [7, с. 36].

Школы Корана существуют в Германии и сегодня. И дети родителей, не добившихся высокого положения в немецком обществе, часто идут в эти заведения искать там взаимопонимания. Представители третьего поколения мигрантов особо ярко исповедуют ислам, часто попадая под влияние консервативных сил. Немецкие учителя жалуются, что даже ученики начальных школ стали поститься в рамадан. 97% мусульманских родителей изъявляют желание введения предмета «религия» и преподавания основ ислама в учебный план, причем 86% из них предпочитают, чтобы в разработке планов участвовали представители мечетей и исламских культурных объединений [8].

Касаясь данной проблемы, следует отметить, что есть и другая сторона медали. В последние годы в некоторых немецких школах появился моббинг – форма психологического насилия, которой подвергаются дети из коренных немецких семей своими сверстниками мусульманского происхождения. Особенно часто это происходит в классах, в которых немцы остались в меньшинстве.

Средства массовой информации цитируют и высказывание министра по делам семьи ФРГ Кристины Шрёдер (Kristina Schröder) о том, что школьники подвергаются оскорбительным словесным атакам за свое немецкое происхождение, а это, по словам министра, – проявление одной из форм расизма. Шрёдер добавила, что такие сцены нередко можно наблюдать не только в школах, но и в общественном транспорте. Газета «Bild» и телеканал ARD сообщили о фактах издевательств над немецкими детьми и их избиениях в некоторых школах Германии, где коренные немцы оказались в меньшинстве [4].

Подводя итог, следует отметить, что определенные успехи все же были достигнуты. Те турки, которые достигли высокого положения в немецком обществе, смогли ассимилироваться и интегрироваться в новую культуру. Но все же сегодня многие турки стремятся воспитывать своих детей в религиозных традициях, оберегать их от неприемлемых с точки зрения религии особенностей учебного процесса в местных школах или от несогласуемых с культурно-религиозной идентичностью ребенка моментов местной светской культуры. Это, безусловно, влияет на систему образования, ведь при работе с иностранцами необходимо учитывать их национальные особенности и не забывать о культурных традициях страны пребывания.

С другой стороны, те турки, которые смогли добиться успехов и получить высшее образование, в последнее время остаются невостребованными на рынке труда в Германии, и некоторые из них возвращаются на родину.

Литература

1. Статистические данные по миграции. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/MigrationIntegration.html>
2. Жолквер Н. Выучить немецкий, не забыв родной язык. URL: <http://www.dw.de/выучить-немецкий-не-забыв-родной-язык/a-4852194-1>
3. The Social Situation of Migrant Workers and Their Families // Migrant Workers. NY, 1986. № 2.

4. Ровольт А. Моббинг в школах Германии: повод – отсутствие акцента. URL: <http://www.dw.de/моббинг-в-школах-германии-повод-отсутствие-акцента/a-6126009-1>

5. Германии нужна иностранная элита // Deutsche Welle. 24.10.2004. URL: <http://www.dw.de/германии-нужна-иностранная-элита/a-1374271>

6. Жолквер Н. Турецкий премьер вел в Германии предвыборную агитацию. URL: <http://www.dw.de/турецкий-премьер-вел-в-германии-предвыборную-агитацию/a-14879481-1>

7. Ксендзык Н. Н. Турецкая трудовая иммиграция в странах Западной Европы (70–80-е гг.) // АН УССР. Ин-т социальных и экономических проблем зарубежных стран. Киев, 1991.

8. Aus dem Islamarchiv. URL: <http://www.islamarchiw.de>

А.Г. Ромашова
Миграционная политика Франции
как следствие социальных противоречий

Международные миграции стали сегодня вызовом для идентичности многих национальных государств. Они превратились в настоящее время в важный фактор современного мирового процесса, миграции оказывают огромное влияние на состояние не только международных отношений, но и на внутренний климат самих государств.

Трудовая миграция является сейчас одной из самых распространенных форм миграции. Развитые страны привлекают рабочую силу возможностью повысить свой уровень жизни и накопить капиталы, другие же, от избытка этой силы на внутреннем рынке, поставляют ее на внешний рынок. В настоящее время наиболее крупными потребителями дешевой иностранной рабочей силы являются Канада, Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Федеративная республика Германия и страны Скандинавии; ее поставщиками – страны Азии, Латинской Америки и Северной Африки [1].

Несомненно, благодаря возможности хорошего заработка в другом государстве люди готовы покидать свои страны. Но рады ли жители принимающих стран новым соседям? В первую очередь необходимо разобраться с историей иммиграции: когда и откуда начал поступать поток рабочей силы. Рассмотрим данный вопрос на примере Франции.

Начало миграционного потока во Францию приходится на рубеж XIX – XX вв. Причиной этого явления стали демографические и экономические обстоятельства, с которыми столкнулась страна [2, с. 17]. В начале XX в. политические иммигранты стали сменяться трудовыми.

Особенно велик их приток был в 1920-е годы, когда Франции потребовалось большое количество рабочей силы для восстановления экономики после Первой мировой войны. Вторая волна трудовой иммиграции, продолжающаяся до сих пор, началась в 1950-е годы, доля европейцев была гораздо меньше, чем в прошлый раз, преобладали иммигранты с других континентов, в основном из бывших французских колоний, прежде всего, стран Северной Африки [3]. Это объясняется кризисом колониальной системы в середине XX в. Народы взяли курс на самоопределение, но не все страны сразу же смогли из колоний превратиться в успешные самостоятельные государства. Так, из Алжира после длительной кровопролитной войны с Францией 1954–1962 гг. эмигрировали харки (алжирцы, принимавшие участие в боевых действиях на стороне Франции) и другие недовольные новой политикой и идеологией граждане.

С середины 1970-х гг. французские власти взяли курс на сокращение числа иностранцев в стране. Возобновление «вида на жительство» было поставлено в зависимость от состояния занятости иммигранта. Был введен запрет на въезд во Францию членам семей рабочих, нанимающихся сроком до 3-х лет [4, с. 47]. Усложнились условия поступления выходцев из бывших колоний Франции в ВУЗы бывшей метрополии. Франция, у которой на Африку тогда было ориентировано свыше 20% внешней торговли, и которая имела на континенте как минимум 12 млрд. долл. прямых капиталовложений и более 1400 филиалов национальных компаний, стремилась не допустить ослабления своих позиций в Африке, но уменьшить количество иммигрантов из этого региона. Распределение иммигрантов по стране рождения по данным 2009 г. представлено в табл. 1.

Таблица 1. Распределение иммигрантов по стране рождения, 2009 г. [5]

Место рождения	Количество иммигрантов	
	в %	тыс. чел.
Европа	37,7	2050
Европейский Союз	33,5	1818
Испания	4,6	252
Италия	5,7	311
Португалия	10,8	585
Великобритания	2,8	151
Другие страны Европейского Союза	9,5	518
Другие страны Европы	4,3	232
Африка	42,7	2317
Алжир	13,3	722

Марокко	12,2	664
Тунис	4,4	236
Другие страны Африки	12,8	695
Азия	14,2	773
Турция	4,5	242
Камбоджа, Лаос, Вьетнам	3,0	162
Другие страны Азии	6,8	369
Америка и Океания	5,4	292
Итого	100	5433

Несмотря на желание властей сократить приток иммигрантов, к настоящему времени доля мигрантов от общей численности населения Франции составляет 8,7%. При этом согласно исследованиям Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) местом рождения преобладающего числа иммигрантов во Франции является Африка – 42,7% на 2009 г. 13,3% населения Франции – выходцы из Алжира, 12,2% – из Марокко.

Наличие столь значительного количества иммигрантов оказало серьезное влияние на французское общество. Рост расистских настроений, проявление ксенофобии вошли в обыденную жизнь еще в период экономического кризиса 1960–70-х гг. [2, с. 35; 6, с. 56]. Антииммигрантские настроения во французском обществе заметно усилились в 1990–2000-е гг. В первую очередь это связано со снижением уровня жизни в стране в связи с уменьшением фонда социальной защиты для самих французов за счет выдачи пособий безработным иммигрантам. Также у французов вызывает беспокойство рост преступности среди мигрантов из стран Африки – рэкет, грабежи и другие криминальные действия, переросшие в массовые поджоги в 2005–2007 гг., определяют этнический состав тюремных заключенных, среди которых 70% – арабы [7, с. 13]. Контроль над мигрантами осложняется их проживанием в пригородных гетто, где преобладает молодежная безработица среди общей, уровень которой достигает 20–30% [8, с. 3]. У жителей Франции с каждым годом растет этническое недовольство распространением ислама, который вышел на позиции второй религии по числу приверженцев, хотя и не является исторически сложившимся религиозным меньшинством Франции. В то же время прослеживается тенденция увеличения количества межконфессиональных браков с мусульманами [1].

Мнение народа разделилось. По мнению Французской коммунистической партии «иммиграция является фантастической возможностью для принимающей страны, поскольку это доказательство того, что страна еще является привлекательной». А Народный фронт, напро-

тив, утверждает, что иммиграция во Францию – это часть «глобального движения бедного Юга на Север», и ее необходимо регламентировать. Они предлагают отменить двойное гражданство, восстановить пограничный контроль в Шенгенской зоне, установить более жесткие ограничения на иммиграцию [9].

Последние годы в миграционной политике Франции происходит много изменений. Остановимся на итогах заседания национального управления по иммиграции и интеграции конца 2012 г. Глава МВД Франции Мануэль Вальс по итогам заседания заявил о существенных изменениях в миграционной политике страны. Государство значительно сокращает финансовую помощь иммигрантам. Так, с 1 марта 2013 г. пособия французским иммигрантам уменьшаются на 83%. Сокращаются суммы возмещения иммигрантам, которые добровольно хотят вернуться на родину. Если раньше государство выдавало на эти цели каждому совершеннолетнему 300 евро, а несовершеннолетнему – 100, то с марта 2013 г. эти суммы уменьшаются соответственно до 50 и 30 евро [10].

Одним из основных положений новых миграционных правил Франции является сокращение пособий по безработице. Новые правила существенно ударят по мигрантам, которые не желают приносить реальную помощь, а лишь существуют за счет налогоплательщиков Франции. В настоящее время иммигранты из стран Европейского Союза получают пособие в размере 2000 евро на взрослого и 1000 евро – на ребенка. Согласно изменениям, по словам Вальс, эти выплаты сокращаются до 500 и 200 евро соответственно. В противном случае траты французской казны на содержание мигрантов будут и далее больно бить по экономике Франции [10].

Для регулирования миграционных процессов во Франции была создана многоступенчатая система государственных учреждений и органов. В настоящее время основными правительственными органами, которые занимаются вопросами международной миграции, являются [11]:

- Министерство по социальным делам, труду и солидарности включает в себя следующие организации и службы, занимающиеся проблемами мигрантов: ADRI, FASILD, OFII, SSAE, ASSFAM, DPM;
- Министерство внутренних дел, включающее в себя Управление по гражданским свободам и Центральное управление пограничной полиции, которое входит в структуру Генерального управления Национальной полиции. Управление пограничной полиции контролирует миграционные потоки и борется с нелегальной миграцией;

- Министерство иностранных дел, отстаивающее интересы французских граждан за границей и иностранных граждан во Франции. В нем разрабатывается государственная политика в сфере визового режима и передвижения иностранных граждан на территории Франции;

- Министерство юстиции включает в себя Управление по гражданским делам и печати, которое наряду с другими Министерствами разделяет ответственность по вопросам предоставления гражданства.

В ходе написания данной работы удалось выяснить, что во многом благодаря французским захватническим устремлениям XVI–XX вв., огромному желанию обладать крупной колониальной империей Франция столкнулась с переизбытком иммигрантов во второй половине XX в. Именно во Францию направился большой поток жителей приобретших независимость колоний, по причине нестабильного политического режима и слабой экономики в своих странах. С ростом количества мигрантов страна столкнулась с обострением внутренних проблем, таких как рост безработицы, повышение уровня преступности, столкновения на почве конфессиональных споров, утечка государственных средств на помощь мигрантам, что губительно сказывается на экономике страны. Власти Франции предпринимали множество попыток изменения миграционной ситуации без применения радикальных средств, но по истечении времени их эффективность значительно уменьшалась. Новые миграционные правила Франции существенно изменят ситуацию в стране, а когда и каким образом, будет ясно несколько позже

Литература

1. Морозов Д.Ю. Североафриканская иммиграция во Франции. URL: <http://www.etnograf.ru/node/168>

2. Синяткин И.В. Североафриканская иммиграция во Франции: Социокультурный и конфессиональный аспекты: дис... канд. ист. наук. М., 2002.

3. Боргулев М. Иммиграционная политика Франции: выводы и уроки для России // Русский архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/geocultwold/resume1

4. Кукушкин П.В. Положение эмигрантов из стран Магриба во Франции: социально-политические проблемы в человеческом измерении // Гуманитарные аспекты международных отношений стран Африки. М., 1992.

5. Répartition des immigrés par pays de naissance / Institut national de la statistique et des études économiques. URL:

http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=immigrespaysna

6. Павлуцкая Э.Ф. Формирование североафриканской трудовой миграции // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. 1997. Вып. 4. С. 51–59.

7. Зотов Г. Увидеть Париж и сгореть // Аргументы и факты. 2006. № 44. С. 13.

8. Савицкий Д. Население, вынесенное за скобки городов // Новая газета. 2005. №83. С. 3.

9. Immigration en France / Wikipédia, l'encyclopédie libre. URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Immigration_en_France#Avant_la_Seconde_Guerre_mondiale

10. Василенков С. Франция снимет со своей шеи мигрантов / Правда.Ру: Аналитика и новости. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/27-12-2012/1140302-france-1>

11. Денисенко М. Франция. Организационное устройство миграционной политики / М. Денисенко, О. Хараева, О. Чудиновских / Русский архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/org_ustroistvo/France

Ю.С. Сапрыкина

Соотношение европейской и национальной идентичности на примере Финляндии

Проблема формирования европейской идентичности в странах-участницах ЕС является одной из актуальных проблем сегодняшнего дня. При единстве экономических, политических, транспортных, валютных, культурных и других систем внутри Сообщества, на сегодняшний день попытки создать единый межнациональный социум, политика мультикультурализма не приносят ожидаемых результатов. В этом Финляндия может служить достаточно интересным примером.

В 1993 г. Финляндия подала заявку на вступление в ЕС, в 1995 г. она стала полноправным членом Сообщества. Это довольно значимое событие в жизни государства.

Финляндия по определению европейское государство. В XIV–XVIII вв. она имела возможность приобщиться к европейской культуре через свою метрополию – Швецию. В составе Российской империи Финляндия считалась если не самой европейской из провинций, то точно самой самостоятельной. А после обретения независимости стала активно налаживать контакты с Германией. На протяжении XX в. в процессе поиска своего места на мировой арене Финляндия искала поддержки у европейских государств – у Швеции, Германии, стран

Прибалтики. В ряде случаев такие связи трансформировались в военно-политические союзы.

После Второй мировой войны финляндская дипломатия активно участвовала в общемировых и общеевропейских процессах. Несмотря на тесное сотрудничество с СССР, Финляндия укрепляла как экономические, так и политические связи в Европе. Так, она была участником ЕАСТ, активно участвовала в создании ОБСЕ (личная заслуга У.К. Кекконена).

Однако следует отметить, что в период XIX–XX вв. (до 1990-х гг.) финляндское общество в большей степени занималось построением собственной национальной идентичности: восстановлением и изучением истории, культуры, распространением и популяризацией родного языка, просвещением широких масс населения; а позже – поиском своего места в мировом сообществе. Наконец, во второй половине XX в. – построением современного высокоразвитого государства.

Сложился комплекс черт финской национальной идентичности на основании особого уважения к своей истории и гордости за нее, ценности национальной культуры, традиций образа жизни, национального характера.

Молодое поколение было более связано с европейским обществом в социально-политическом и культурном отношениях. Финляндское студенчество наряду с европейским и общемировым студенчеством выходило на политические акции, например, за прекращение войны во Вьетнаме.

Молодежь в Финляндии также следовала мировым и европейским тенденциям в музыке, литературе, кинематографе. Например, распространение американской массовой культуры во второй половине XX в. шло на тот момент параллельно и в странах ЕС, и в Финляндии.

К проекту вступления Финляндии в ЕС большинство (и не только молодые люди) отнеслись в основном положительно. Были также и противники этой идеи, которые заявляли, что политическая интеграция в Евросоюз приведет к потере Финляндией национального суверенитета и втягиванию страны в лагерь НАТО. Однако значительная часть финнов поддерживала идею вступления в ЕС: ожидалось, что это укрепит внешнюю безопасность страны, а также ее связи с Центральной Европой. По результатам референдума 1994 г. за вступление в ЕС проголосовали 56,9% населения, против – 43,1% [1, с. 361].

Финская дипломатия и общество стремились к сближению с Европой, старались подробнее изучить суть вопросов и быть готовыми к будущим трудностям [2, с. 5]. В принципе, население не отрицало желания и возможности стать частью единой Европы, в том числе и как культурного пространства.

В какой степени в Финляндии прижилась идея общеевропейской идентичности? Идентичность в самом общем смысле – всегда искусственно конструируемая, развивающаяся, нестабильная и восприимчивая к изменениям категория [3]. Концепт европейской идентичности, который помимо вышеназванного подразумевает систему самосознания национальных групп как часть единого социума, не всегда находил отклик в Финляндии.

В основном отрицательное отношение относительно вступления в ЕС в целом и относительно принятия европейского образа мысли в частности выражали политические силы консервативного и националистического толка, а также сельские жители [4].

На фоне экономического спада и после усиления миграционных процессов, отчасти инициированных ЕС, финляндское общество более обратилось к национальной системе идентичности – это было проявление защитной реакции на привнесение чужеродного элемента. В частности, проявился так называемый бытовой национализм, предполагающий недопущение или ограничение иммиграции каких-либо определенных или всех иностранцев, или отказ в предоставлении гражданства им или их потомкам. Так возникли предпосылки к созданию в стране всевозможных праворадикальных и националистических организаций и движений, особенно в молодежной среде. Стала прямой пропаганда национальной обособленности и исключительности финского народа [5, с.127].

Кроме того, играет не последнюю роль фактор сохранения независимости. Финляндия как независимое государство насчитывает 95 лет. Поэтому и сознательно, и подсознательно финляндское общество стремится к поддержанию своей особенности, отличий от других стран ЕС.

Сегодня внутри Финляндии можно проследить тенденцию к большому ограждению себя от втягивания в общеевропейские процессы. Вывод об этом можно сделать на основании того факта, что все более популярной становится политическая партия «Истинные финны» (на парламентских выборах 2011 г. партия набрала 19,1% голосов) [6]. Одна из основных идей партии – изменение политики в отношении Европейского Союза. Они критически относятся в ЕС, считая, что Финляндия должна в минимальной степени зависеть от влияния извне. Они отвергают членство Финляндии в НАТО и намерены сократить поток мигрантов [7].

На сегодняшний день из всех стран Европы Финляндия является одной из самых лояльных к идее европейского культурного единства. Однако, несмотря на это, финны не теряют чувства собственной национальной идентичности, даже наоборот. В связи с уже указанными

выше проблемами экономики и миграционных процессов, финляндское общество более придерживается национальных особенностей.

На 2010 г. по результатам опроса финны показали свою вовлеченность и интерес к европейским делам, значительная часть считает себя европейцами, однако финнами они себя считают больше.

Очень сильно связанными (very strongly) с Европой себя сочли 29% опрошенных, с Финляндией – 71%.

О сильной связи (strongly) с Европой сказали 29% опрошенных, с Финляндией – 24%.

Для 18% финнов очень важно (very important) гражданство Европы, для 77% – гражданство Финляндии [6].

На май 2012 г. среди стран 33% населения Финляндии считают себя тесно связанными с Европой [7].

По результатам социологических опросов осени 2012 г. чувство принадлежности к Европе испытывает большинство жителей европейских стран. В процентном соотношении Финляндия находится на втором месте (78% считают себя европейцами), уступая лишь Люксембургу (87%) [8].

Как можно видеть, несмотря на достаточно сильное чувство принадлежности к Европе как к единому экономическому, политическому, социально-культурному сообществу, тем не менее, число лояльных опрошенных далеко от 100%. Это говорит о том, что категория национальной идентичности не изжила себя и занимает значительное место в жизни рядовых граждан.

На соотношение общеевропейской и национальной идентичности оказывают влияние ряд факторов, самые значимые из которых – фактор государственного суверенитета, культурно-исторической традиции и экономической и миграционной политики Европейского Союза.

Таким образом, перспективы развития общеевропейской идентичности выглядят очень туманными. Как мы видим, даже наиболее лояльные страны не теряют чувства своей национальной традиции. На наш взгляд, страны-участницы ЕС не скоро будут готовы отказаться от традиционного образа мысли.

Литература

1. Юссилла, О., Хентия, С., Невакиви, Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998.
2. Neumann, Iver B. European Identity and Its Changing Others. Oslo, 2006.

3. The EU and the World: New Challenges and Trends. Finland. URL: <http://www.unifi.it/relazioni-internazionali-studi-europei/upload/sub/Finland.pdf>.
4. Ниуканнен Е. Дискуссии о Европейском Союзе в Финляндии (2007–2011). URL: <http://office.sir.edu/img/up/files/File/Niukkanen.pdf>.
5. Лайдинен Эйнар. Националистическое движение в современной Финляндии // Север. 1999. №2.
6. General Elections 2011 in Finland. Result by Party. URL: <http://yle.fi/vaalit/tulospalvelu/2011/parties.html>.
7. Партийное собрание. Инфо-Финляндия. URL: <http://www.infofinlandia.ru/Public/default.aspx?contentid=217674&nodeid=40675&culture=ru-RU>.
8. Questionnaire. Formative Assessment European Identity Survey. URL: <http://www.ourcontinent-ourculture.eu/surveyfin.pdf/>.
9. Standard Eurobarometer 77/Spring 2012. European Citizenship. Report. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf.
10. Standard Eurobarometer 78/Autumn 2012. European Citizenship. Report. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb78/eb78_citizen_en.pdf

В.А. Сдельников
Роль ультраправых сил в формировании
европейской идентичности

«Крайне правые» или «ультраправые» – термин, который используется для обозначения политической группы, разделяющей крайне правые взгляды. Крайне правые политики обычно поддерживают принцип супремасизма – убеждения, что превосходство одних индивидов и групп и неполноценность других являются врождённой и объективной реальностью, что ведёт за собой полный отказ от концепции социального равенства как нормы. Также ультраправые движения характеризуются отрицанием Холокоста, оправданием фашистского режима в Германии [1, с. 29–43]. Причина, по которой нами было решено рассмотреть проблему роли ультраправых сил в формировании европейской идентичности, заключается в том, что на данный момент ультраправые партии стали во многих ведущих европейских государствах той силой, с которой стоит считаться, и в долгосрочной перспективе могут начать играть более важную роль в европейском политическом дискурсе.

После Второй мировой войны различные попытки возрождения праворадикальных партий пресекались на корню, но уже в начале 50-х

– первой половине 60-х гг. стали формироваться зачатки ныне существующих европейских праворадикальных сил. 1970-е – начало 90-х гг. были периодом политических партий националистического толка в привычном нам виде [2, с. 7–8]. Последний период, с конца 1990-х по наше время, ознаменовался полной легализацией праворадикальных партий в таких влиятельных европейских державах, как Австрия, Италия, Голландия, где радикалы смогли посредством честных выборов войти в состав правительства и имеют устойчивый электорат. «Триумф» европейских праворадикальных движений пришелся на 1999 год, когда Австрийская Партия Свободы (АПС) победила на парламентских выборах 1999 г. – она смогла достичь результата в 27,22 % (52 места), тем самым заняв второе место и опередив одного из фаворитов политической арены Австрии – АНП [3]. Главы правительств остальных 14 стран ЕС приняли решение прекратить сотрудничество с правительством Австрии – впервые после 1945 г. в Западной Европе был нарушен негласный запрет на вступление в правительственные коалиции с партиями, имеющими имидж правоэкстремистских [4]. Через несколько месяцев главы европейских стран решили, что дальнейший бойкот непродуктивен и не выгоден для них. И де-факто согласились с тем, что праворадикальные партии могут напрямую участвовать во внешней и внутривнутриполитической жизни страны.

Важным является и то, что после данной победы праворадикалы смогли выйти на наднациональный уровень, для них стало возможным отстаивание своих взглядов в Европарламенте, особенно – на проблему европейской идентичности. Для ЕС вопрос «европейской идентичности» в данный момент является стержневым. «Европейская идентичность важна для Европейского Союза, чтобы избежать фрагментации, хаоса, военных, экономических, социальных и политических конфликтов, содействовать достижению единства, солидарности, субсидиарности, согласия и сотрудничества» [5, с. 71].

Социально-политические и экономические преобразования и интеграционные процессы, которые имели место во второй половине XX в., создали ту Европу, которую мы сейчас можем видеть. Но помимо положительных «моментов» национальный интеграционный процесс объективно привел к таким проблемам, как нелегальная иммиграция, внутренняя интеграция и, главное, привел к размыванию политических границ и изменению статуса, соответствующего этнокультурному социуму. В условиях наднациональной интеграции и перехода к постиндустриальному информационному обществу происходит массовая потеря ориентиров и ставится под вопрос национальная идентичность, привязанная к традиционному государственному суверенитету, в свою

очередь данная интеграция не предлагает что-либо четкого взамен [6, с. 64].

Ультраправые в данной ситуации начали предлагать свою идею европейской идентичности. Они видели определение будущей европейской идентичности как идентичности этнокультурной, цивилизационной и отчасти религиозной. Фактически это ведет к воспроизведению традиционной структуры националистической мотивации, только на более высоком, наднациональном уровне. Фактором успеха также является и то, что ультраправые заимствовали ряд понятий из либерально-демократического дискурса, которые в сочетании с использованием рафинированных тезисов «новых правых» (таких как рыночная экономика, уважение наследия западной цивилизации и человеческой личности; свобода слова; самоопределение; социальная справедливость) позволили им освободиться от маргинального клейма. Они создали образ силы, которая была готова вести дискуссию на болезненные и часто неpolitкорректные темы и предлагала кардинальные и «простые» решения сложных задач. Брюссель, по их представлениям, предлагает только размытое понятие идентичности, базируемой на политико-культурной и гражданской общности. Ультраправые четко указывают на действия, которые должны быть предприняты для достижения европейского единства. Фракция «Самобытность, традиция, суверенитет», которая существовала в 2007 г., была создана (по словам участников) для того, чтобы встать на защиту «христианских ценностей», «сохранять европейскую идентичность» и «национальные особенности» государств, состоящих в ЕС [2]. Но дело в том, что программные положения и политические принципы этой фракции далеко не способствуют утверждению толерантности и демократии в Европе. К счастью, фракция просуществовала всего 10 месяцев.

Также важно указать на успехи, которых добились ультраправые на национальном уровне. В Восточной Европе наиболее показательными примерами стали Венгрия и Греция. Занявшие третье место на венгерских парламентских выборах неонацисты из партии «Йоббик» (лидер – Габор Вона) пропагандируют ненависть к евреям, цыганам и вообще ко всем иностранцам и считают невозможным создать единую Европу с данными социальными группами [7; 8]. В Греции на прошедших недавно выборах неонацистская партия «Золотая заря» получила 21 мандат и впервые прошла в парламент. Партия выступает за тотальное изгнание из страны всех мигрантов, аргументируя это тем, что мигранты уничтожают греческую и общеевропейскую культуру и крадут рабочие места. Лидер этой партии Никос Михалолиакос не стесняется демонстрировать нацистские приветствия [9].

На последних выборах в Швеции антииммиграционное, правоконсервативное движение «Шведские демократы» получило 5,7 % голосов и прошло в парламент. В Финляндии на выборах весной 2010 г. ультраправые «Истинные финны» получили 19% голосов, в четыре раза увеличив размер своей фракции. Депутат парламента от данной националистической партии Хелена Эронен даже предложила ввести для иностранцев и представителей сексуальных меньшинств нарукавные повязки с опознавательными знаками [10]. В Дании ультраправые не только вошли в правительство, но и стали проводить свои законопроекты. С их подачи Дания ввела таможенный контроль на границе с Германией и приняла одно из наиболее жестких в Европе законодательств по приему мигрантов [9].

Однако наиболее опасным аналитики считают укрепление правых радикалов в странах Западной Европы. В начале мая «Партия независимости» Соединенного Королевства набрала на местных выборах в среднем 14%. В Нидерландах ультраправую нишу занимает «Партия свободы» Гирта Вилдерса [10], данная партия пропагандирует крайнюю степень исламофобии [11]. Самой же громкой победы радикалы добились во Франции. В первом туре парламентских выборов 2012 г. за радикальных кандидатов отдало голоса почти 15% проголосовавших (в 2007 г. – всего 4,5).

Сейчас ни у кого не вызывает сомнения закономерность того, что в ряде ведущих стран Европы праворадикалы стали неотъемлемым элементом политической жизни, а общая политическая дискуссия по таким злободневным вопросам, как контроль иммиграции, сместилась вправо. Праворадикальные силы смогли переродиться из подпольных, маргинальных обществ в новые уважаемые партии со стабильным электоратом. На данный момент они разобщены и представлены в Европейской партии лишь малой группой, но нельзя не заметить тенденции к их усилению, ведь экономические и социальные потрясения, с которыми сейчас столкнулась Европа, являются для данных сил катализатором роста. При сохранении данной тенденции в будущем ультраправые могут стать силой, которая, если не затормозит формирование европейской идентичности, то предложит свою конструкцию пути ее реализации на деле. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что ультраправые силы играют важную роль в формировании общеевропейской идентичности, вне зависимости от того, согласны ли другие силы с этим или нет. Теперь Европа должна решить, является ли ЕС союзом идентичностей или идентичным союзом.

Литература

1. Афанасьев М.Н. Типология идей. Правая идея // Общественные науки и современность. 2011. №4.
2. Гончаров И.И. Фактор праворадикальных партий в современной европейской политике: дисс ... канд. полит. наук. Краснодар, 2009.
3. Результаты парламентских выборов в Австрии. URL: http://www.bmi.gv.at/info.asp?aspxerrorpath=/cms/BMI_wahlen/nationalrat/1999/End_Gesamt.aspx
4. Успех ультраправых в центре Европы грозит взорвать континент // Правда. 29.09.2008. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/29-09-2008/285133-austria-0>
5. Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. №6. С.70–82.
6. Шубина М.В. Современные праворадикальные националистические партии в Западной Европе: дис... канд. полит. наук. М., 2006.
7. Глобальный еврейский он-лайн центр. Венгрия выбрала «Йоббик». URL: <http://www.jewish.ru/theme/world/2010/04/news994284274.php>
8. Сайт партии Йоббик. URL: <http://www.jobbik.com/russian.html>
9. Пограничники возвращаются в «Шенген» // Газета.ru. 11.05.2011. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/05/11_a_3613697.shtml
10. Мирзаян Г. Коричневая заря над Европой // Журнал «Эксперт». URL: <http://expert.ru/expert/2012/20/korichnevaya-zarya-nad-evropoj>
11. Люлько Л. Фашисты наступают на Евросоюз // Правда.ru. 10.05.2012. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/10-05-2012/1114567-neonac-0>
12. В Финляндии предлагают ввести нарукавные знаки для иностранцев и вживлять им микрочипы // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/news.asp?id=240602>

О.Ю. Смоленчук

Голландское общество:

за или против в вопросах миротворчества?

В 2007 году выступление принцессы Максимы, имеющей аргентинские корни, на презентации доклада «Идентификация с Нидерландами» [1], сделанного в Научном Совете по государственной политике, вызвало очень широкую дискуссию. Она высказала мысль о том, что как таковой голландской идентичности не существует [2]. Сразу же в

голландских СМИ появилось мнение о том, как член королевской семьи может рассуждать о таких спорных политических вопросах [3]. Максима упустила тот факт, что «национальная идентичность существует. Королевская семья сама является наглядным примером» [4, р. 46, 3]. В целом, вопрос голландской идентичности для самих голландцев достаточно спорный, и в настоящее время широко обсуждаемый. Поэтому стоит задача – выяснить, что представляет голландская идентичность сегодня. Возможно ли говорить о ней, как таковой? И как она проявляется в таком вопросе внешней политике Нидерландов, как миротворчество?

Рассмотрение национальной идентичности невозможно без рассмотрения социальной структуры страны, ее истории. Говоря в целом о голландском обществе, отметим, что с XIX века его деление ведется по принципу «расслоения, размежевания» (*verzuiling*). В англоязычной литературе встречается значение «пилларизация» (*pillarization*) – «устойчивое вертикальное деление общества, властных структур, политических, профсоюзных и иных общественных организаций в стране по религиозному или национальному признаку» [5]. Российский исследователь-нидерландист Г.А. Шатохина дает свою характеристику данному определению, а именно: «расслоение общества по группам, внутренняя связь в которых обусловлена общим мировоззрением» [6, с. 280]. Родоначальником данной концепции социальной структуры Нидерландов явился Абрахам Кёйпер (1837–1920), премьер-министр, глава коалиционного кабинета протестантов и католиков в 1901–1905 гг. Во многом, благодаря такому строению общества по «разделению мировоззрений» различные социальные институты, политические партии, религиозные конфессии находили диалог друг с другом, беря за основу принцип консенсуса [6, с. 280]. На рубеже XX–XXI веков актуальность приобретает новый тип деления в голландской социальной структуре: концепция «не отсюда, не из Нидерландов» («иммигрант» с нид. *allochtoon*) и «из Нидерландов» («коренной» с нид. *autochtoon*) [7, р. 3; 1]. В первую очередь это связано с усилением антиисламских настроений даже в таком толерантном обществе, как голландское, особенно после терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Резонансом для самих голландцев стали два события: в 2002 году убийство политика правого толка Пима Фортейна, который придерживался строгих антиисламистских взглядов; в 2004 году трагическая смерть известного голландского режиссера Тео ван Гога. Его фильм «Покорность», описывающий жизнь женщин исламского вероисповедования, вызвал неоднозначную реакцию у мусульманского населения Нидерландов [8].

Понятие идентичности также связано с понятием иммиграции, хотя Нидерланды никогда не считали себя страной, куда стремятся переехать люди [4, р. 32]. Но голландская «история началась» именно с «массовой миграции», «когда германские предки спустились к Рейну, а романы строили форты вдоль рек, чтобы защитить границы своей широкой империи» [9, с. 1]. Спустя столетия, уже в XX веке после Второй мировой войны, государство серьезно столкнулось с этим вопросом. Тогда страна, «знаменитая своим толерантным подходом, где социальное и культурное разнообразие признавалось и ценилось [4, р. 28]», оккупированная Германией, стала свидетелем массовых расправ над еврейским населением, колоссальной разрухи, экономического и политического коллапса. Голландское общество оказалось разобщенным. Начиная с конца 1940-х гг. и заканчивая 1990-ми, можно наблюдать три волны иммиграции в Нидерланды: иммиграция населения в результате приобретения независимости бывших колоний Индонезии (1949 г.) и Суринама (1975 г.); трудовая иммиграция в 1960–70-х гг. из Турции, Марокко, Испании, Италии. Третий тип характерен для 1980–90-е гг., когда в Нидерландах происходит рост политических беженцев из Средиземноморья, Африки, Антильских островов [4, р. 33–34].

Понятие миграции и идентичности переплетено с понятием мультикультурности. Авторы доклада «Идентификация с Нидерландами» говорят о миграции как форме «внутренней глобализации», которая происходит в границах голландского национального государства [1, р. 28]. Трудность заключается в том, что отдельные группы мигрантов не интегрируются в голландское общество и не разделяют его ценностей и чаще всего остаются «заложниками» своей культуры и религии. В связи с этим, страх самих голландцев потерять свою собственную идентичность как страну, нацию вызвал сильное желание проверить лояльность тех людей, чьи родители не являются коренными голландцами. Это относится почти к 20% от общего числа населения [9]. Ощущение естественной принадлежности к голландской культуре самих граждан Нидерландов было естественным, но в 1990-е гг. оказалось под угрозой из-за роста мигрантских потоков [10].

Кроме мультикультурности необходимо выделить процессы глобализации, европеизации и индивидуализации (или обособления) как еще три широких социальных феномена, где вопрос национальной идентичности рассматривается как центральный.

Глобализация с одной стороны видится как угроза национальному государству в связи с возможностью потерять часть суверенитета, с другой стороны успешные национальные государства, которые действуют на международной арене, требуют и международно-

ориентированных граждан. До определенного момента в Нидерландах ориентация на международные связи и глобальное гражданство (особенно в 1970-е гг.) имела позитивный характер. С другой стороны, под воздействием глобализации постепенно начинает формироваться так называемая транснациональная идентичность – это когда мигранты развивают свою идентичность по принадлежности своей культуры, религии, страны происхождения, но не отождествляют себя со страной, куда они иммигрировали [1, р. 24].

Вторым фактором при определении национальной голландской идентичности является европеизация. Королевство Нидерландов явилось одним из инициаторов создания будущего Европейского Союза как гаранта мира и безопасности в Европе. Но, с другой стороны, граждане Нидерландов в первую идентифицируют себя как голландцы, а потом уже считают европейцами [1, р. 26]. Голосование за принятие Европейской Конституции в 2005 г. еще больше подтвердило этот аргумент, когда большинство голландского населения высказалось против нее.

Наконец, последним фактором остается индивидуализация (или обособление). Нидерланды – страна, где всегда существовало много культур, стилей жизни, различий между группами. Каждый житель мог соотнести себя с одной группой, при этом являясь представителем другого пиллара. «Индивидуализм в своей позитивной форме ассоциируется с автономностью, свободные граждане, несмотря на свою принадлежность к социальному объединению, сами делают и берут ответственность [1, р. 27]». Но вопросы: с чем и как личность/человек может себя отождествлять, какой общий знаменатель для этого существует – ставят процесс индивидуализации под сомнение. Как отмечают авторы доклада «Идентификация с Нидерландами», «персонализация в экстремальных случаях может вести к разделению общества» [1, р. 27].

На настоящий момент определение «быть голландцем» и принадлежность к голландскому обществу базируется на четырех категориях: расе/этничности, корнях, культуре и правилах поведения [7, р. 11]. Чтобы избежать строгого разделения на «своих» и «чужих», ученые предлагают рассматривать идентификацию в трех определениях: как эмоциональную идентификацию, нормативную идентификацию и функциональную идентификацию [1; 4].

Эмоциональная идентификация подразумевает собой чувство принадлежности и связи не только с другими людьми, но и со страной, другими словами, «чувствовать себя как дома» и «быть гордым за свою страну». Исследователи считают, что «эмоциональная идентифи-

кация имеет больше шансов на успех, если бы люди не должны были оставлять принадлежность страны происхождения» [7, р. 11].

Нормативная идентификация означает, что граждане имеют возможность следовать важным для них нормам, делать это открыто и решать вопросы, возникающие по этим нормам, на демократичной основе. Нормативная идентификация содержит два элемента: приведение в соответствие с нормами (процесс, благодаря которому приезжие адаптируются с существующими культурными особенностями), согласование норм (процесс, благодаря которому культурные особенности меняются мигрантами или этническими меньшинствами явно или скрыто). Что касается первого элемента, то он вполне естественен: мигранты в Нидерландах с течением времени развивают те же нормы, что и коренные голландцы (при этом сохраняя, например, свое вероисповедание) [7, р. 12]. Второй элемент вызывает больше споров. «Социолог Роберт Мертон говорит, что существуют проблемы, когда значительная группа людей не может больше придерживаться норм или не способна жить в них [7, р. 12]». Тогда возникает реакция восстания или реакция ухода (когда люди не отождествляют себя с Нидерландами). Реакция управляемого восстания более предпочтительна, при условии, что голландское общество должно разрешить обсуждения и управление обратной связи, направленной на существующие нормы. Реакция управляемого восстания имела место в 1960-е гг. в Нидерландах, когда люди требовали демократизации институтов, сексуальной свободы и женской эмансипации. Для нормативной идентификации с Нидерландами очень важно, что люди видят реализацию своих мнений и взглядов, представленных в обществе. Как результат, общественное и политическое внимание должно быть отдано тем, кто желает согласование норм [7, р. 12].

Функциональная идентификация имеет место быть, когда человек/личность не относится к какой-то определенной (этнической группе), но как индивид имеет множество функциональных связей, принадлежа политической партии или состоя в спортивном клубе и т. д. Общие интересы являются основанием для идентификации, как противопоставление этнической составляющей. Взаимосвязи между людьми важны для существования такого типа идентификации, но при этом должен выполняться ряд условий: наличие одинакового социального статуса, взаимозависимость и сотрудничество на благо общих целей, взаимодействие должно повторяться и становиться более близким, а затем получить институциональную поддержку от властей. Если эти условия не выполняются, то тогда контакт между членами различных групп будет больше опасным, чем продуктивным [7, р. 13]. Ярким

примером функциональной идентификации являются интеграционные курсы голландской культуры и голландского языка для приезжающих, или средние школы. Но наблюдается и нехватка взаимосвязи между различными этническими группами и коренными голландцами: во-первых, из-за недостаточного уровня образования, во-вторых, низкого уровня рынка труда мигрантов [7, p. 14].

Таким образом, мы видим, что идентификация в Нидерландах имеет три измерения, и каждое из которых дополняет друг друга.

Изучая вопрос о национальной идентичности и проводя анализ различных источников, можно прийти к выводу, что национальная идентичность голландцев состоит не только в том, «кто они есть, но и кем они хотят быть» [11]. Нередко в литературе говорится о голландском характере. Он, как и национальные интересы, формирует и внешнюю политику. В своей статье ученый из Нидерландов П. Хубинк рассматривает национальную идентичность и внешнюю политику на основе определений национализма, и приходит к выводу о том, Нидерланды принадлежат к «государствам» средней мощи наряду с Данией и Швецией, внешняя политика которых ориентируется на принцип определения национальных интересов через консенсус, многосторонний, правовой и моралистический подход [12, p. 192]. Исследователь также выделяет четыре категории источников «определения голландской идентичности». К ним относятся: 1) доклады зарубежных гостей, 2) статьи колумнистов и комментаторов, 3) мнение иностранцев, долго живущих в Нидерландах, 4) исследования историков и антропологов [12]. На основе анализа их точек зрения, профессор П. Хубинк дает свой ответ на вопрос: кто же такие голландцы (учитывая временной промежуток):

1. Иногда больше священники, чем торговцы.
2. В редких случаях философы, но больше прагматики.
3. Редко большие любители потратить деньги, но, в основном, расчетливые бухгалтера.
4. Приверженцы споров, но либералы в подходах.
5. Сначала идут на конфронтацию, но в конце ищут компромисс [12, p. 197].

Нидерланды, как страна, известная своими глубокими традициями в международно-правовом аспекте, не могла остаться в стороне от вопросов миротворчества в 1990-е гг. Но, как отмечают исследователи Ян ван дер Мелен и Марийке де Конинк, уверенность и интерес голландского общества в вооруженных силах с 43% в 1981 г. снизились до 32% в 1990 [13, p. 117]. Это не было каким-либо вакуумом в отношении населения к вооруженным силам, в тот момент происходила

переоценка взглядов, придание веса в общественном сознании такому явлению, как миротворчество. В данном эпизоде голландцы предстают перед нами больше священниками, чем торговцами.

В начале 1990-х гг. Нидерландам нужно было утвердиться на европейской сцене. Их пугало объединение Германии, как одного крупного игрока на международной арене, т.к. «ось Франция–Германия вполне могла подмять под себя другие страны и снизить влияние в Европе Великобритании, которую исторически поддерживала Голландия» [14, с. 163]. Нидерланды, несмотря на свои идеалистические принципы во внешней политике, попытались взять на себя роль «первого миротворца и переговорщика» на Балканах. Государство поддерживали и обычные граждане. Между 1992 г. и 1995 г. в среднем 66% голландского населения высказывались за военное участие в Боснии, а против было 17% [13, р. 118]. Согласно подсчету голосов, наивысший уровень достиг летом 1992 г. (около 90%). Тогда голландцы (не только жители, но и политическая верхушка) не представляли реальной ситуации на Балканах. Падение зоны безопасности в Сребренице в июле 1995 г. и неспособность голландского миротворческого контингента своевременно реагировать на события привело к снижению числа выступающих «за» присутствие голландских сил в БиГ, оно составило 33% [13, р. 118]. Вмешательство сил НАТО и включение Нидерландов в миссию Североатлантического Альянса, подписание мирного договора по Боснии и Герцеговине в декабре 1995 г. получили широкое одобрение голландского общества (71%) [13, р. 118].

Таким образом, мы видим, что вопросы национальной идентичности и внешней политики Нидерландов тесно переплетены и взаимосвязаны. Такие голландские общественные ценности, как консенсус, умение договариваться и вести переговоры, переносятся во внешнеполитическую область и развиваются в традициях миротворчества. При этом «голландская национальная идентичность должна занять свое место среди локальной, региональной и транснациональной идентичности. Ее необходимо рассматривать, не отделяя ее от истории европейской цивилизации» [11].

Примечания

1. Identificatie met Nederland. WRR rapport nr. 79. Den Haag/Amsterdam, 2007. URL: http://www.wrr.nl/fileadmin/nl/publicaties/PDF-Rapporten/Identificatie_met_Nederland.pdf
2. Maxima. 'The Dutchman does not exist' / 'De Nederlander' bestaat niet. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zt0pHmZuDz0>

3. Maxima: "Nederlandse identiteit nog niet ontdekt". NRC Handelsblad. 25-09-2007. URL: <http://vorige.nrc.nl/article1846825.ece>
4. Veldhuis T.M., Van der Maas T. Immigration and Integration in the Netherlands: From Multiculturalism to Assimilation? // M. Emerson & T. Choudhury (eds.) Interculturalism. Emerging Societal Models for Europe and Its Muslims. Brussels, 2011. P. 28–54.
5. Толковый словарь обществоведческих терминов / под ред. Яценко Н.Е. 1999. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/p/pillarizaci8.html
6. Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М., 2007.
7. Kremer M. The Netherlands: From National Identity to Plural Identities. Washington, DC, 2013.
8. Известного голландского режиссера Тео Ван Гога убили из-за снятого им фильма. 2.11.2004. URL: <http://newsru.com/cinema/02nov2004/teo.html>
9. Schnabel P. «Immigration and the Question of Dutch Identity». 2008. Van Tilburg Lecture. URL: <http://dutchstudies.ucla.edu/schnabel.pdf>
10. Van Bruggen A. The Rise of Dutch Neo-Nationalism: Three Explanations for the Recent Upsurge in Nationalist Mobilization // The Yale Review of International Studies. 2012, February. URL: <http://yris.yira.org/essays/311>
11. Verhoef J. Wie zijn wij? Drie keer de Nederlandse identiteit. URL: <http://www.spilplaats.nl/content/images/stories/archiefdebat/jaargang21/editie2/jelleverhoef.pdf>
12. Hoebink P. A World from the Polder: Thoughts on the Netherlands' Identity and Dutch Development Cooperation // The Netherlands Yearbook on International Cooperation 2009–2010. Assen: Van Gorcum. P. 187–207
13. Van der Meulen J., de Konink M. Risky Missions. Dutch Public Opinion on Peacekeeping in the Balkans. // Philip Everts and Pierangelo Isernia. Public Opinion and the International Use of Force. L., 2001.
14. Смоленчук О.Ю. Основные проблемы внешней политики Нидерландов в июне – декабре 1991 г. в решении Югославского кризиса // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность): сб. научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2011. С. 162–166.

М.В. Степанова

Problems of “European Identity” in the European Union

We are all aware from reading the daily newspapers, the EU is undergoing a life-threatening crisis. And it is not just an economic crisis, the matter concerns the identity crisis.

At the moment of creation, the European Union was intended to be just an economic organization. But a deep cultural foundation is essential for economic cooperation. Therefore, in the course of time, under the sway of process of globalization various spheres of life such as political, social and cultural came to the fore. Now the European Union has become not only the common economic space but it is also now the space of historical coexistence of various civilizations and cultures, which feature is national diversity.

The European political project cannot ignore this plurality of cultures in which each national culture expresses and imposes itself differently.

“Europeans”- that is how people around the world call inhabitants of Europe. As a rule, they consider Europeans as a unity. But what does the notion “Europeans” mean? Is it just people lived on the certain geographical area or it is a certain cultural and historical community [1]?

It is generally agreed today that Europe has its own centuries-old history. There is an understanding that Europe is united by Christian values. And a great number of religious holidays prove this fact. “European identity” exists complying with these characteristics. And having declared 2013 “European Year of Citizens”, Brussels sets the goal to increase the European self-consciousness thus to remember their European history.

But in the European Union the national identity is more important than “European identity” for its citizens. Italians want to be Italians, Germans – to remain Germans, not to mention Britons, who due to their insularity and adherence to the long tradition have not the feeling of belonging to the united Europe. Down through the ages each nation has been aspiring to self-determination. Often it causes the interethnic, international conflicts, wars which contradict the principles both of international law and the European Union.

The process of consolidation, integration always goes together with the process of disintegration. Nations which don't participate in the process of integration, automatically become the supporters of disintegration, in other words they aspire to separate for preserving their identity.

Perhaps one should speak about “dual” identity, which would be an extranational one, included in many identities which are linked by common history and cultural traditions. Thus, citizens would have the sense of belonging both to their country and Europe [2].

How can we create such identity, a sense of common belonging? It is not the first time (and it will not be the last one either) that this question is asked.

Explaining is vital, because how do you want to belong to something you do not understand? Two kinds of protagonists are particularly important: the media and the education system. Indeed, both have the ideal mission of contributing to reflection and to the forming of a critical and informed mind. Regarding the media, their role is especially important due to the extremely wide public they reach. For a long time, media have been criticized for not talking enough about Europe. Today, there is a new, not less important problem: mass media talk too much about what is going wrong in Europe and not enough about its successes. As for the second protagonist, the education system doesn't do away with the national (or regional) identity; it adds a European component to the identity of each child, of each future citizen. This would go through subjects such as literature, philosophy, history and geography: reading not only Shakespeare, Locke and Bacon, but also Voltaire, Dante and Kant, learning not only the important dates of British History, but also those of European and other countries' History – and that would not be too difficult, as European History has been made of interstate wars for centuries. As for learning about the European integration and the functioning of European institutions, it is a fundamental knowledge that would be an ideal common ground to all young people across the EU. Also, let us underline the importance of learning foreign languages. Indeed, how do you want to exchange if you do not understand the other one and if person does not understand you? It is therefore vital that the education system promotes the progressive learning of several languages, so that each pupil speaks and understands well at least two foreign languages [3].

A certain common value regarded by the vast majority of Europeans is necessary for creation of "European identity". Among values supported by Brussels there are human rights, democracy, rule of law, esteem for other cultures. But they have become universal, human and don't necessarily associate with the European Union.

Another component for creation of "European identity" is active participation of the generation which is grown in the years of European organization in social sphere. A long staying in European Community exerts influence upon increasing the European self-consciousness of the citizens of EU countries [4].

Then, the EU also has symbols, whose spreading seems important in order to create a sense of common belonging, as they are easy to remember. The European symbols are notably the European flag, the European Anthem ("Ode to Joy", coming from Beethoven's 9th symphony), Europe Day (on 9

May, a day that should become free in the whole EU, so that citizen would be more aware of this day) and the motto (“United in diversity”).

In Europe there will always live people of different cultures and nationalities. If the European Union wants to exist in contemporary world, it has to become the union of different cultures. Now, attempts of Brussels “to treat all alike” just provoke displeasure of the citizens of EU countries.

Everybody who is going through the Euro crisis realizes that there are many flaws in the Maastricht Treaty and in the whole process of creating Europe. A lot of this discussion is dominated by people in finance and by economists.

We should not minimize these problems at all, but in a sense, there is a deeper failure at the European level – a failure in European identity. That is to say, there was never a successful attempt to create a European sense of identity, and a European sense of citizenship that would define the obligations, responsibilities, duties and rights that Europeans have to one another beyond simply the wording of the different treaties that were signed. What we can see now is that economic and post-national values are not enough to really unite this community together. So, wealthy Germans feel that they have got a sense of noblesse oblige towards poorer Germans; this social solidarity is the basis of the German welfare state. But they do not feel similar obligations towards the Greeks, whom they regard as being ill-disciplined, very non-German in their general approach to fiscal matters – and therefore, they feel no obligation to take care of them. So there is no solidarity in that broader European sense. We should remember that any form of deepening at this point is not a viable project unless someone pays more attention and is able to answer the question of what it means to be a European. In many respects, this identity problem is one that we all need to think about very deeply; it is one that will be coming back into the political debate in the near future.

References

1. Кребс Б. Непростые поиски европейской идентичности // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/непростые-поиски-европейской-идентичности/a-16511067>
2. Большова Н. Мультикультурализм: провал или кризис? // 2008–2013 МГИМО-Университет МИД России. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document215823.phtml>
3. Pierre-Antoine Klethi. How Can We Create a European Identity? // Webzine of the Young European Federalists. URL: <http://www.thenewfederalist.eu/How-can-we-create-a-European-identity,04835>

4. Семененко И.С. Метаморфозы европейской идентичности // Журнал «ПОЛИС» («Политические Исследования»). URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/3/8.pdf>

А.Ю. Тамарович

К вопросу о региональных противоречиях в Бельгии

Общеизвестно, что усиление интеграционных процессов в Европейском Союзе повлекло за собой увеличение числа манифестаций регионализма на его территории. Прежде всего, это коснулось тех регионов, где почва для регионализма формировалась на протяжении многих лет. Это такие регионы, как Шотландия, Бавария, Фландрия, Страна Басков, Каталония, Северные регионы Италии и другие.

В своей работе я хочу рассмотреть ситуацию противостояния, сложившуюся вокруг регионов бельгийского государства – Фландрии и Валлонии, которые проявляют большой интерес к своей регионализации. Сепаратизм в стране достиг критического уровня, уже десятилетия вызывающий внутригосударственный дискурс, подкрепляемый действиями, о целесообразности существования государства, что и обуславливает актуальность исследуемой темы.

Регионализм же в данной статье понимается как политический курс, направленный на достижение регионального интереса. Регионализация при этом представляет собой конкретный процесс воплощения данного курса, включающий в себя совокупность средств для его реализации.

Небольшая по площади Бельгия – в какой-то степени парадоксальное государство. «Зажатая» между такими европейскими гигантами, как Франция, Германия и Великобритания, она представляет собой, с одной стороны, своеобразный центр современной Западной Европы (Брюссель как административная столица ЕС тому подтверждение), а с другой же – зону стыка различных этнолингвистических общностей.

Бельгия – страна федеративной парламентской демократии в условиях конституционной монархии. В настоящее время на ее территории действует конституция, принятая 7 февраля 1831 года. Последние изменения в нее вносились 14 июля 1993 г., когда парламентом был одобрен пакет законов, завершивший переход от унитарного государства к федеративному государству. Данный переход был обусловлен накалившейся внутривнутриполитической ситуацией, которую планировалось урегулировать уже на федеративных началах. Однако изменения в конституции принесли новые сложные проблемы, которые имели

исторические корни и не могли быть решены лишь сменой территориального устройства страны.

О конфликте между жителями северной части Бельгии – фламандцами, и южной – валлонами, знают многие, но в чем его суть, разобраться не так просто. Так, уже при создании независимого Бельгийского государства в стране были заложены серьезные причины для сепаратизма. Ведь унитарным и единым строили государство, которое составляют этнически разнородные территории и сообщества – валлоны (франкофоны), фламандцы (нидерландофоны) и немцы [1, с. 88]. Это было государство, ставшее результатом исторического компромисса первой половины XIX века, и все те проблемы, которые при унитарном устройстве страны удерживались под контролем, вырвались уже после перехода к федеративному устройству и в данный момент почти не поддаются контролю.

Уже при основании государства, Валлонский регион стал преобладающим в стране, так как имел более развитую экономику и культуру, а также говорил на французском языке, на языке развитого и успешно соседа, что также явилось определенным преимуществом. Ввиду социально-экономического положения регионов, до середины XX века Валлония была вынуждена фактически содержать Фландрию с помощью дотаций, обеспечивая львиную долю национального продукта страны [2]. Также с течением времени сложилась ассиметричная система управления, при которой нидерландоязычная Фландрия была вынуждена изучать помимо своего языка еще и французский, однако доминировавшие франкоязычные валлоны вполне ограничивались своим языком. Так языковое, а также экономическое и политическое неравенство регионов стало раздражающим элементом, заложившим основание современному региональному противостоянию в Бельгии.

Приход новой волны индустриализации во второй половине XX века стал поворотным моментом в бельгийской истории, так как он ознаменовал смену акцента развития государства на Фландрию, что впоследствии вывело ее на главенствующее положение в стране, и дотируемой уже стала Валлония. Так как период преобладания франкоязычной Валлонии в государстве стал временем формирования у нидерландоязычного населения неприязни к унитарным рамкам государства, а также стремлению к отделению именно “от валлонцев”, то, став решающим регионом в стране, Фландрия пошла по пути отмежевания, используя различные лозунги, которые изменялись в зависимости от конъюнктуры. Такая позиция смогла стать консолидирующей идеей для фламандцев, что позволило ей четко отстаивать свои интересы.

Смена главенствующего актора стала новым этапом в соперничестве между двумя регионами, в котором каждый имеет свои интересы. Так, требования Фландрии имеют серьезный экономический и лингвистический оттенок. Фламандцев возмущает то, что их экономически мощный процветающий регион вынужден продолжать субсидировать экономически отсталую Валлонию. Большую популярность имеет лозунг «Фландрия – для фламандцев», который предполагает полную независимость региона от аудита федерального правительства, который к тому же располагается на франкоязычной территории [3]. Также присутствуют не очень популярные идеи о полном разрыве связей между регионами в рамках одного государства и образование уже двух независимых стран, которые вновь войдут в ЕС.

Валлония же имеет другие задачи в этом противостоянии. Ее региональный интерес, даже на первый взгляд, состоит не в крайней степени усиления автономии в отношениях с центром, вплоть до отделения от него, а в том, чтобы продолжать оставаться составной частью единого федеративного государства. Но для презентации своего интереса, придания ему конкурентоспособности наряду с интересами Фландрии, валлонские элиты ставят перед собой цели, связанные с реализацией регионализма. Последние могут реализовываться через усиление региональных полномочий, координацию действий региональных политических институтов и партийных структур. Особое место здесь будет занимать проведение соответствующей политики идентичности.

В реализации политики идентичности элиты Валлонии делают акцент на том, что валлонский регионализм не имеет под собой национальной основы, тем самым отвергая возможность политизации этнических/национальных особенностей.

Это подтверждают исследования идентичности жителей Валлонии, говорящие о невысоком, относительно соответствующего показателя у фламандцев, уровне региональной идентификации. Так, по результатам работы испанского исследователя Л. Морено, в 2004 г. к валлонам себя причисляют только 13,8 % опрошенных [4, с. 143]. Однако еще 30% опрошенных в равной степени ощущают себя валлонами и бельгийцами. Но, в условиях роста антибельгийских настроений во Фландрии, валлоны, имеющие бельгийскую идентификацию, становятся сторонниками процесса регионализации [5, с. 63].

Можно предположить, что создание гражданского сообщества без опоры на национализм было обусловлено непринятием фламандской модели регионализма, основанной на сильном национализме. Такую модель регионализации бельгийский историк П. Нора назвал «основанием нации без национализма» [6].

В связи с наличием негативной идентичности валлонов особое влияние имеет та часть политики идентичности, которая связана с формированием образа другого. В качестве «другого», бесспорно, выступает Фландрия/Фламандское сообщество, что подтверждает опрос Морено, по которому существует значительный процент тех жителей Валлонии, которые отмечают, что между валлонами и фламандцами существуют большие различия в менталитете и образе жизни – 61,2 % (2004 г.) [4]. Фландрия характеризуется как сообщество, строящее заградительные барьеры, а ее действия в отношении остальных бельгийцев характеризуются, например, как дискриминация [4, 5]. Фландрии приписывается основная вина за неумение решить лингвистические и межнациональные проблемы страны [5, с. 65]. В целом, относительно идентичности можно заметить, что для валлонов сильна так называемая негативная идентичность, т.е. большинство из них точно знают, кем они не являются.

Большой виток в противостояние внесло создание ЕС с продвигаемым проектом «Европы регионов», который начал воплощаться в жизнь в различных странах, в частности, в Бельгии. Бельгия превратилась в своеобразную «тестовую площадку» «европейского федерализма», реализовав на практике модель децентрализованного и «регионализированного» государства, основанного на принципе этнического и лингвистического плюрализма. Бельгийский опыт территориального реформирования выглядел достаточно привлекательно и перспективно — пока идея регионализма, подкрепленная идеологией национализма, не поставило под сомнение само существование национального государства Бельгия [8]. Хорошей иллюстрацией противоречивости проекта “Европы регионов” служит созданная осенью 1989 года по инициативе баварского Христианско-социального союза первая тематическая конференция «Европа регионов». Многие участники конференции высказались в пользу прямого участия Еврорегионов в процессе европейской интеграции, заявив, что «регионы – это древний краеугольный камень Европы, ибо каждый истинный европеец в первую очередь каталонец или валлонец и только затем – испанец или бельгиец» [9, р. 32], что весьма показательно для Бельгии, в которой субгосударственный уровень постоянно соперничает с самим государством как структурой осмысления проблем и основой политической мобилизации [10, с. 100].

Суммируя вышесказанное, можно заметить, что бельгийское государство уже с момента своего создания было обречено на трансформации из-за конкуренции между фламандской и франкоязычной общинами за доминирование в политической, экономической и этнокуль-

турной областях, которая постепенно преобразовалась в разное видение дальнейшего развития страны у региональных элит, а также в претензии на руководство страной.

Так, Фландрия, преодолев провинциальные и местные споры о своем реальном прошлом, обрела историческое единство, которое позволило ей выразить свои запросы в виде конкретных положений, которые она, став основным актором федеративной системы Бельгии, превращает в жизнь и ставит их как политическую повестку всего государства [10, с. 95]. Это же задавало импульс развитию региональных процессов в Валлонии, где регионализм носит вынужденный характер. Региональными элитами Валлонии необходимость воплощения в жизнь идей регионализма артикулируется как способ решения существующих региональных проблем и повышения собственного статуса [5, с. 59].

В заключение стоит сказать, что пример Бельгии свидетельствует, что экономическое благополучие не является гарантом межэтнического мира [11, с. 43], а так как Бельгия – «сердце» и столица объединенной Европы, то «бельгийская модель» очень важна для будущего ЕС. Именно поэтому перспектива распада Бельгии угрожает крахом надежд для всей Европы и ведет к замедлению интеграционных процессов. Вот почему такая «мирная» форма противостояния сил в стране может привести к гораздо более серьезным последствиям, чем многолетние вооруженные восстания, например, в Стране Басков [1, с. 90].

Стоит привести еще один опрос Морена, показывающий рост числа тех, кто причисляет себя исключительно к бельгийцам. Так, если в 1995 г. исключительно бельгийцами себя считали 19,1 %, то в 2003 г. таких уже насчитывалось 42,3% [4, 144]. Данный факт позволяет говорить о том, что региональные элиты Бельгии все же воспринимают себя как бельгийцев с поправкой на региональную принадлежность. Однако нарастание кризиса провоцирует фламандских крайне правых развивать идею полной дезинтеграции, что вкуче с большой продолжительностью кризиса вызывает у населения все больший отклик.

Литература

1. Катаев Д. Всплеск этнического национализма в Европе // Власть . 2010. №6. С. 88–91
2. Ормонбеков Ж. Бельгийская модель федерализма: особенности и перспективы // Казанский федералист. 2004. № 1 (9).
3. Иванова Е.В. Формирование крайне правого движения в Бельгии. URL: <http://www.politex.info/content/view/407/30>

4. De Winter L. Les identités territoriales: 25 ans d'évolution // Frog-nier A.-P., De Winter L., Baudewyns P. Elections: le reflux? Comportements et attitudes lors des elections en Belgique. Editions de Boech Université, 2007.
5. Шевцова И.К. Феномен вынужденного регионализма (случай бельгийской Валлонии) // Вестник Пермского университета Политология. 2009. Выпуск 2. С. 59–68.
6. Nora P. A propos de l'identite et de la nation francais // Les Rencontres de Petrarque. France–Culture. 9 août 1995.
7. Duruisson M. «Au bout du compt, c'est discrimination, oui...» // Le Soir. 2008. №150.
8. Бирюков С. Бельгийский кризис европейского федерализма. URL: <http://www.apn.ru/publications/article18331.htm>.-2007-11-12.
9. Sreibl M. Bayerns Stellung in Deutschland und Europa // Deutschland-Magazin. 1991. №9.
10. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. №6.
11. Нефёдова А.С. География этнических конфликтов в Бельгии // Региональные исследования . 2007. № 2. С. 39–43.

Г.Н. Хайдуков

Европейская идентичность как феномен Европы

Для того, чтобы понять, что представляет собой сегодня европейская идентичность, следует прежде всего определить само понятие «европейская идентичность». На первый взгляд, это представляется достаточно простым, ведь мало кто будет спорить, что основой данного понятия выступает не что иное, как чувство личной самоидентификации человека с Европой. Но возникает проблема: что мы называем Европой?

К слову сказать, существует огромное количество отличающихся друг от друга «Европ». Милан Кундера, например, в своем эссе «Трагедия Центральной Европы» различает центральную, восточную и западную Европы. Также он упоминает понятие «географической Европы», включающей в себя пространство от Атлантики до Урала [7, с. 1]. «Европа» знаменитого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра включала в себя США, которые, как известно, географически расположены в другой части света. А образ Европы Шарля де Голля включал в себя часть СССР, но исключал при этом Великобританию и США [1, с. 395]. Сегодня можно столкнуться с проблемами европейского статуса России и Турции, а также некоторых других стран географического пространства Европы, воспринимаемых многими членами общества, в том чис-

ле и внутри этих стран, как некие уникальные, неевропейские культуры.

Иными словами, возникает ситуация, когда люди начинают отождествлять себя с совершенно разными «Европами», используя для этого различные критерии. Но что действительно важно, так это то, что само понятие «Европа» при этом не перестает существовать, а значит, несмотря на всю абстрактность европейской идентичности, человек может считать себя европейцем. Нам же необходимо понять, как и почему происходит подобная идентификация?

Кто-то считает, что общеевропейская идентичность стала следствием ослабления суверенных государств после Второй мировой войны, когда европейское общество увидело в идее национального государства одну из причин своих страданий [3, с. 38]. Однако если оставить рассуждения в стороне и говорить о фактах, то выясняется, что понятие «европейская идентичность» впервые было документально закреплено в Копенгагенской декларации 1973 г. [2].

Именно тогда девять государств-членов Европейского Сообщества в качестве образующих особенностей европейской идентичности называли общие интересы, общие обязательства и общее наследие. Целью принятия декларации было создание условий для обеспечения экономического прогресса и уважения к правам человека [2].

Несмотря на то, что общее наследие упоминается в качестве первоочередной основы европейской идентичности, подробно о нем не говорится. А вот общие интересы и обязательства прослеживаются на протяжении всей декларации. Обеспечение экономического прогресса и уважения к правам человека – именно в такой последовательности – тоже кажется не случайным. Все дело в том, что данный акт интеграции Европы принимался в условиях падения Бреттон-Вудской валютной системы и энергетического кризиса 1973 г., когда Старый Свет вынужден был стимулировать собственное единство.

Показательно, что, как тогда, так и сейчас, экономическая интеграция осуществляется гораздо быстрее культурной [3, с. 40]. Данные замечания не случайны, поскольку благодаря им становится очевидным, что понятие «европейская идентичность», помимо всего прочего, является продуктом политического дискурса. Иными словами, европейская идентичность одновременно может формироваться как преднамеренно, так и непреднамеренно [6, с. 513]. Это, в свою очередь, свидетельствует о возможном наличии комплексных причин идентификации человеком себя как европейца. К тому же, нельзя забывать, что на протяжении следующих десятилетий понятие «европейская идентичность» постоянно изменялось и эволюционировало, что только подтверждает сложность природы рассматриваемого нами феномена.

В качестве основных элементов европейской идентичности в копенгагенской декларации называются: представительная демократия, верховенство закона, социальная справедливость, экономический прогресс и права человека [2]. Маастрихтский договор несколько отходит от этой концепции, в нем прежде всего обращено внимание на важность формирования общей внешней политики. Одна из статей договора провозглашает уважение союза к национальной самобытности своих государств-членов, тем самым подтверждая существование многообразия европейских культур [8]. Но что действительно важно, так это то, что оба этих документа говорят не о личной или индивидуальной идентичности, но о социальной или групповой, являющейся при этом неким качеством государства. Таким образом, если в начале данного исследования речь шла о европейской идентичности как таковой, то теперь можно говорить о личной и социальной идентичности. И если первая предполагает простое самоотождествление человека с каким-либо предметом, то вторая предполагает наличие легитимности по определенным критериям или со стороны какой-либо группы.

Однако весьма часто бывает так, что, рассуждая о процессе идентификации, мы подразумеваем сочетание личностных характеристик и одновременное отождествление индивида с какой-либо группой. Именно так, как кажется, рассуждал и Вацлав Гавел, когда в своем обращении к Европейскому парламенту 8 марта 1994 г. призывал вернуться к идее единой Европы, говоря об ответственности перед общими ценностями и культурой. Если говорить другими словами, то Гавел обращал внимание на то, что европеец – это человек, ощущающий свою принадлежность к европейской культуре и разделяющий европейские ценности. [5]. Во многом именно его речь можно считать главной точкой отсчета в формировании современного понятия европейской идентичности [3, с. 41]. И именно его речь как ничто другое связывает между собой понятие европейской идентичности и институт Евросоюза.

По мысли Гавела, идея Евросоюза – это идея, рожденная всем смыслом европейской истории, ходом ее событий. Евросоюз Гавела – это не просто конгломерат государств, но новая возможность более ответственного существования человека на европейском континенте, призванная исключить появление будущих конфликтов. Поэтому и общая европейская идентичность, для чешского мыслителя, есть не что иное, как результат всего исторического пути Европы. А это значит, что Европейский Союз, объединенный общей идентичностью, способен будет эффективней решать проблемы утверждения демократии, социальной справедливости и прав человека [5].

Но так ли это на самом деле? Неужели общая идентичность настолько необходима Евросоюзу? И еще интересней звучит вопрос: возможно ли вообще возникновение общей европейской идентичности?

Чтобы дать ответы на эти вопросы, необходимо понимать, что европейская идентичность является лишь одной из многих возможных идентичностей, которые вместе сосуществуют в одном и том же человеке. Так, например, человек может одновременно ощущать себя гасконцем, французом, католиком и европейцем. Он может придавать этим идентичностям только одному ему ведомое значение, но смысл их функций всегда будет неизменным – они будут позволять ему обнаруживать свои сходства и различия с другими людьми. Поэтому, являясь инструментом политического дискурса, европейская идентичность может быть средством, способным объединить общество и более эффективно решать возникающие перед ним проблемы.

Вопрос о необходимости существования европейской идентичности отпадает сам собой, поскольку она уже давно существует. Кто-то может принимать ее для себя, кто-то – нет, но она есть. Что же касается общей для всех европейцев идентичности, то сегодня не представляется возможным говорить о том, чтобы все европейцы воспринимали себя одинаково, да и вряд ли когда-нибудь это произойдет. Слишком велико для этого многообразие европейских культур, и в этом многообразии заключается величие Европы.

Литература

1. Bo Stråth. A European Identity: To the Historical Limits of a Concept // European Journal of Social Theory. URL: <http://est.sagepub.com/cgi/content/abstract/5/4/387>
2. Declaration on European Identity. URL: http://www.cvce.eu/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html
3. European Identity. Individual, Group and Society. / Ines M. Gomez-Chacon. URL: http://www.humanitariannet.deusto.es/publica/PUBLICACIONES_PDF/09%20European%20identity.pdf
4. Habermas J., Derrida J. What Binds Europeans Together: A Plea for a Common Foreign Policy, Beginning in the Core of Europe. / J. Habermas, J. Derrida. URL: http://platus1917.org/wp-content/uploads/archive/rgroups/2006-chicago/habermasderrida_europe.pdf
5. Havel V. Speech to European Parliament, Strasbourg, March 8, 1994. URL: http://www.vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=projevy&val=221_aj_projevy.html&typ=HTML

6. Kantner C. Collective Identity as Shared Ethical Self-Understanding: The Case of the Emerging European Identity. / European Journal of Social Theory. URL: <http://est.sagepub.com/content/9/4/501> (дата обращения: 24.03.2013).

7. Kundera M. The Tragedy of Central Europe. / Milan Kundera. URL: [http://www.euroculture.upol.cz/dokumenty/sylaby/Kundera_Tragedy_\(18\).pdf](http://www.euroculture.upol.cz/dokumenty/sylaby/Kundera_Tragedy_(18).pdf)

8. Treaty on European Union. URL: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html#0001000001>

Д.П. Царевская

***Европейская идентичность сквозь призму
помощи Европейского Союза региону Африканского рога***

Понятие европейской идентичности крайне широкое, и даже после его воплощения в образе Европейского Союза до сих пор сложно точно определить, что оно обозначает на практике. Но позиционирование Европейским Союзом самого себя как единого актора ярко проявляется на примере оказания помощи отсталым регионам, таким как Африканский рог (Бурунди, Джибути, Кения, Руанда, Сомали, Судан, Танзания, Уганда, Эритрея, Эфиопия, Южный Судан). Это позволяет выявить наиболее характерные черты, скрывающиеся за обозначением «европейский», что и является целью данной статьи.

Африканский рог по многим параметрам является одним из самых неблагополучных регионов в мире: постоянная угроза засухи, очаги опасных тропических заболеваний, дефицит чистой питьевой воды, а в Сомали и острая нестабильность политической ситуации. Улучшение положения в данном регионе непосредственно связано с интересами безопасности ЕС, поэтому ни у кого не возникает вопроса о том, почему Африканскому рогу нужно помогать. И, таким образом, реализуемая здесь политика помощи способна продемонстрировать нам целостность европейской идентичности в действии, ведь Европейский Союз является одним из крупнейших доноров в данном регионе. Аксиоматично то, что тот, кто помогает, всегда, так или иначе, старается продвинуть свои собственные ценности, которые, по его убеждению, и являются залогом его лидирующего положения. Проводя в Африканском роге политику, ключевым понятием которой является устойчивое развитие, Европейский Союз показывает, прежде всего, свое видение проблемы, что и является отражением его сущности. Под устойчивым развитием Европейский Союз понимает способность страны или региона с минимальными потерями переносить различные потрясения и быстро восстанавливаться после них [1]. Примечательно то, что

наиболее активная фаза развития европейской интеграции совпадает с новым этапом взаимодействия между Европой и странами Африки и все подписанные документы, начиная с 2000 г., содержат в себе все главные элементы европейской идентичности.

Помощь в целях развития заключается в укреплении мира, стабильности и процветания в регионе посредством строительства надежной и подотчетной политической структуры, через содействие разрешению конфликтов, превентивные меры, смягчающие угрозу безопасности, содействие экономическому росту и поддержку регионального экономического сотрудничества. Еще в начале 1990-х гг. Европейский Союз взял на себя обязательства по оказанию помощи неблагополучным странам, которая на данный момент по объему может быть сравнима только с помощью Организации Объединенных Наций. А в декабре 2005 г. Европейским советом была принята новая стратегия ЕС в отношении стран Африки [2], в которой Европейский Союз заявил даже о своей готовности взять на себя ведущую роль в реализации устойчивого социального, экономического и политического развития данного региона, что является «общей задачей и общим долгом» [3]. Так, летом 2011 г. ЕС незамедлительно отреагировал на гуманитарный кризис Африканского рога, выделив на его разрешение более 720 млн. евро, что составило примерно треть от общей международной помощи в этом регионе. При этом Организацией Объединенных Наций было выделено около 2,5 млрд. евро [4].

Прочная база для политического диалога была заложена еще на первом саммите ЕС и Африки, прошедшем в апреле 2000 г. в Каире, когда был разработан план действий в таких важных областях, как региональная интеграция в Африке, вовлечение Африки в мировую экономику, соблюдение прав человека и демократических принципов, миростроительство и устойчивое развитие [5]. Уже 23 июня 2000 г. в Котону между членами Европейского сообщества и странами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона (АКТ) было подписан договор, пришедший на смену устаревшей Четвертой Ломейской конвенции [6] и обозначивший новые цели и принципы сотрудничества. Главными принципами, на основе которых должно осуществляться сотрудничество между сторонами, согласно Соглашению Котону, стали равенство, основанное на взаимном уважении интересов, партнерство, заключающееся в развитии политического и экономического сотрудничества и уважение суверенности государств, не позволяющее навязывать решения извне. Принципиально важно то, что Соглашение было сосредоточено не столько на экономических отношениях, как это было ранее, сколько на устойчивом развитии региона в целом [7].

Обеспечение независимости внутривнутриполитической деятельности государств лежит в основе всех аспектов взаимоотношений между ЕС и странами Африки. Это означает поддержку существующих институтов и государственных инициатив, а не создание и финансирование Европейским сообществом собственных, независимых программ, осуществляемых вопреки местному правительству. Революционным можно считать изменение, касающееся статуса неправительственных акторов: впервые было признано, что гражданское общество тоже может играть существенную роль в развитии государств, в связи с чем его права и возможности в рамках сотрудничества были существенно расширены. Отступление от традиции взаимодействия исключительно между центральными органами власти полностью соответствует политике помощи в целях развития: соглашение Котону подразумевает всеобщее участие в построении лучшего будущего. Показательно то, что в рамках Европейской комиссии существуют программы финансирования, созданные именно для неправительственных организаций [7].

В Соглашении Котону делается значительный акцент на политической составляющей, в рамках которой должны обсуждаться вопросы торговли оружием, военных расходов, борьбы с торговлей наркотиками, противодействие различным формам дискриминации. Однако, несмотря на это, Союз говорит о намерении не вмешиваться непосредственно в социальную сферу, предполагая, что лучше помогать стране решать проблемы с бюджетом, что косвенно должно повлиять на улучшение и здравоохранения, и образования [8]. При этом регулярной оценке подлежит ситуация в сфере соблюдения прав человека, демократических принципов и качественного управления. Действует даже возможность санкций в случае нарушения ключевых положений, лежащих в основе Соглашения, например, прав человека, которые допускают возможность полностью приостановить действие Соглашения в отношении страны-нарушителя. Такие критерии, как разумность экономической политики, качество государственного управления и поддержка неправительственных организаций лежат в основе дифференцированного подхода в распределении помощи [7].

Подписание Соглашения Котону нашло свое отражение и в стратегических документах Европейского Союза в отношении стран Африканского рого. Так, что касается Эфиопии, в числе основных задач появилась необходимость повышения уровня финансовой транспарентности и ответственности правительства страны, хотя ранее Европейским Союзом по большей части обращалось внимание только на инфраструктуру Эфиопии и продовольственные проблемы [9].

Сотрудничество с Кенией, ранее сводившееся исключительно к продуктам сельского хозяйства, было переориентировано на помощь в

проведении институциональных реформ, а также в развитии и более эффективном использовании человеческих, экономических и природных ресурсов [10].

Стоит отметить, что Сомали, не являющееся государством, подписавшим и ратифицировавшим Соглашение Котону, также получает помощь от Европейского Союза на основании этого же документа. Дело в том, что в соответствии со статьей 93.6 настоящего Соглашения помощь может быть гарантирована государствам в условиях политической нестабильности и может касаться построения государственных институтов, а также экономической и социальной поддержки особо нуждающихся слоев населения. С начала 2000-х годов особое значение было решено придать роли гражданского общества, как основному фактору устойчивого институционального строительства и эффективного государственного управления в данной стране [11].

Таким образом, с точки зрения политической стратегии европейская идентичность подразумевает:

- поощрение интеграционных процессов, но при этом строгое уважение принципов суверенности даже в условиях единых действий и целей;
- ориентирование на безопасность, компонентом которой является минимизация опасности посредством мирного воздействия на ее источники посредством сотрудничества, в результате которого выгоду получают обе стороны;
- главенствующее положение демократических принципов и прав человека;
- стремление к равному партнерству вне зависимости от того, действительно ли равны партнеры в экономическом и политическом планах;
- активное вовлечение элементов гражданского общества в политические процессы;
- всеобъемлющее сотрудничество во всех сферах, даже если целевой является только одна, что объясняется ориентацией на долгосрочные результаты.

Литература

1. ECHO Factsheets – Horn of Africa // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/factsheets/hoa_en.pdf
2. The Joint Africa–EU Strategy // European union Website. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-351_en.htm
3. EU Strategy for Africa: Towards a Euro-African Pact to Accelerate African's Development// European Union Law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2005:0489:FIN:EN:PDF>

4. Provost C. Update: Aid for the Food Crisis in the Horn of Africa – Get the Data // The Guardian. 24.10.2011. URL: <http://www.guardian.co.uk/global-development/poverty-matters/2011/aug/01/drought-food-crisis-africa-data>
5. From a Strategy for Africa to an EU-Africa Strategic Partnership // EU website. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/development/african_caribbean_pacific_states/r13009_en.htm
6. Lome IV Convention 1990–2000. Background, Innovation, Improvements // Archive of European Integration. URL: <http://aei.pitt.edu/7561/1/31735055261238-1.pdf>
7. Cotonou Agreement // European Commission. Development and Cooperation – Europeaid. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/acp/overview/cotonou-agreement/index_en.htm
8. Cotonou Agreement // European Commission. Development and Cooperation – Europeaid. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/acp/overview/cotonou-agreement/index_en.htm
9. Ethiopia-European Community. Country Strategy Paper and Indicative Programme for the Period 2002–2007 // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/development/icenter/repository/print_et_csp_en.pdf
10. Cotonou Agreement // European Commission. Development and Cooperation – Europeaid. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/acp/overview/cotonou-agreement/index_en.htm
11. Appendix 2 to the Country Strategy Paper and National Indicative Programme. European Community and Ethiopia // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/development/icenter/repository/Add2_CSP_ET_en.pdf
12. Kenya-European Community. Country Strategy Paper for the Period 2002–2007 // European commission. URL: http://ec.europa.eu/development/icenter/repository/scanned_ke_csp_en.pdf
13. European Commission Strategy for the Implementation of Special Aid to Somalia 2002–2007 // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/development/icenter/repository/print_so_csp_en.pdf

Г.Р. Цулая
Грузинская идентичность:
Европа – «цель» или «средство»?

В 2003 году, в результате произошедшей «революции роз», и последовавших за ней президентских и парламентских выборов, к власти в Грузии пришли «молодые реформаторы» во главе с Михаилом Саакашвили. Для новой политической элиты было очевидно, что изменить

ситуацию в стране можно только проведя кардинальные реформы. Но необходимо было заново «отстраивать» не только государственные институты, но и нового гражданина – ответственного, законопослушного, политически грамотного и уважающего права других. За основу было решено взять европейскую систему ценностей. И здесь дело было не только в том, что деятели новой политической элиты получали образование на Западе, и не в их симпатии к Европе, а потому еще, что эта система ценностей представлялась наиболее приемлемой для нового государства.

К этому были и вполне очевидные предпосылки – из жестоких ошибок разгула национализма и власти криминала и последовавших за этим вооруженных конфликтов население Грузии вынесло урок – о том, что совместное проживание в границах одного государства должно строиться, как минимум, на уважении разных национальностей друг к другу.

Можно сказать, что вкупе с экономическими, политическими, правовыми реформами грузинская власть проводила реформу «сознания», ломая укоренившиеся стереотипы, мифы и легенды. При помощи СМИ они активно боролись с «ворами в законе», с коррупционерами, со всем тем, что должно было отойти в прошлое.

Кроме того, стояла еще одна немаловажная цель – сплочение общества не по узко-этническому признаку (грузины, мегрелы, осетины, абхазы и т.д.) а по принадлежности к одному государству. Расширялась этимология слова «грузин» до смысловой нагрузки – «любой житель Грузии» – любой национальности, вероисповедания, социального положения и т.д. Отныне никто не мог сказать, что человек, не являющийся грузином по этническому признаку, не является таковым по признаку гражданственности, признаку принадлежности к своему государству.

Правительство пошло и дальше – своеобразной «второй родиной», большим домом для грузин становилась теперь Европа. Были заново переосмыслены связи Грузии с европейским миром, начиная с самой древности. Национальным флагом стало знамя, под которым сражались грузинские крестоносцы, и под которым изображали Грузию почти все средневековые европейские летописцы и картографы. Уважение и соблюдение прав и свобод человека становились обязательными для грузина, а остальные системы ценностей – нежелательными.

Европейские лидеры, в целом, поддерживали и поддерживают стремление Грузии и грузин к европейским ценностям. Большое количество программ, направленных на развитие демократии, правовой системы финансируются из бюджета Европы и при участии европей-

ских специалистов. Но нельзя не отметить, что и до, и после войны 2008 года с Россией, европейские лидеры с особой осторожностью относились к наиболее одиозным заявлениям своего «сложного друга» М. Саакашвили.

Сложное отношение в восприятии новой идентичности есть и у самого грузинского населения. Многим риторика власти непонятна, многие истолковывают ее как желание «выслужиться» за финансирование. Грузины представляют себе Европу как символ, слабо понимая при этом устройство самой Европы.

В конце 2012 года, в ходе парламентских выборов, в стране сменилась правящая партия. Вполне возможно, что новое правительство будет осуществлять какие-то шаги в сторону изменения идентичности своих граждан. Однако уже сделанные заявления Б. Иванишвили о верности европейскому курсу развития страны дают возможность предполагать, что построение идентичности грузина на основе европейской продолжится, по крайней мере, в ближайшем будущем.

Для Европы Грузия, несмотря на противоречия, остается важным партнером, своего рода показателем, как демократические европейские ценности принимаются отдельно взятой страной без политического или иного давления. Кроме того, Грузия становится своеобразным плацдармом Европы на Кавказе в целом, и на Южном Кавказе, в частности.

Литература

1. Де Ваал Т. Выбор Грузии: какой курс избрать в период неопределенности? / Пер. с англ. М. Коробочкина. М., 2011.
2. Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз» / Под ред. Б. Каппитерса и Р. Легволда. Американская академия гуманитарных и точных наук, Кембридж, Массачусетс, 2005.
3. Буракова, Л.А. Почему у Грузии получилось. М., 2011.
4. Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Под ред. Б. Каппитерса. М., 2005.

Стенограмма обсуждения докладов

Вопросы Семененко И.С.

Шашкова Я.Ю.: У меня вопрос применительно к России. Можем ли мы говорить в плане идентичности о концепции «четырёх Россией» Зубаревич? Работает ли она в этих координатах? И второе. Какие основания размежевания идентичности Вы бы назвали в современной России?

Бетмакаев А.М.: Вы говорили о термине «модернити», но в литературе есть уже термин «постмодернити». В чем разница между ними?

Курныкин О.Ю.: Меня интересует проблема мультикультурализма в западноевропейских странах. Большие надежды возлагались на эту политику как на курс интеграции мигрантов, но результаты разочаровывающие. Почему, на Ваш взгляд?

Второй вопрос связан с Россией. В одном из Ваших слайдов, где речь шла о российской культурной матрице, указывалось на мирное сосуществование религий и конфессий как отличительной особенностью российского этноса. У меня есть некоторое сомнение по поводу этой характеристики. У меня такое ощущение, что это мирное сосуществование было обусловлено автономным существованием этих религий и конфессий, то есть, негласной договоренностью не вмешиваться в дела друг друга. И это может быть сломано, на мой взгляд, в случае нарушения демографического, межнационального баланса в России. Насколько, на Ваш взгляд, существует внутри России эта угроза обострения межнациональных отношений?

Аршинцева О.А.: У меня уточняющий вопрос. Ваша позиция по поводу самого концепта «четырёх Россией» Зубаревич. Ведь она связывает это с некими перспективами, тенденциями социальных изменений, широко пользуется термином «региональная идентичность». Как будет взаимосвязана социальная динамика, если, например, вектор внутренней миграции сохранится, условно говоря, второй России в первую, то как это повлияет на процесс идентификации? То есть, речь идет о корреляции самих процессов, не просто явлений как таковых.

Ответы

Семененко И.С.: Начну с постмодерна. Конечно, такой термин существует, существуют и другие, но это только временная часть реальности. Здесь речь идет не об этом. Здесь речь идет о качественном изменении. Вообще, любые термины с приставкой «пост», с времен-

ными приставками предполагают, что этап пройден, наступает новый и т.д. Использование таких приставок предполагает, что есть согласие с тем, что эта страница перевернута. Представляется, что это не так. Представляется, что «модернити» во многих странах не пройденный этап, они находятся на разных временных отрезках своего существования. Здесь идея в том, чтобы показать, что есть надстройка над пространственно-временными процессами. Как построить модель, которая выйдет за временные рамки? Если коротко отвечать, то так. Опять же, коллеги, я не хочу сказать, что это какой-то безусловный концепт. Он пришел некоторое время назад, и мы только начали его прописывать в ответ на неудовлетворенность сведением развития к чисто временным категориям.

Что касается размежевания идентичности и «четырех России». Концепция Зубаревич, безусловно, очень интересная, получила широкое признание, но применительно к нашему цивилизационному подходу представляется, что территориальная категория является недостаточной. Это не значит, что концепция плохая или хорошая. Она работает, безусловно. Но как построить объемную категорию? Объемный подход к категории идентичности дает возможность построить более объемную модель развития. Действительно, речь идет о перемещении потоков людей из второй России в первую и, соответственно, об изменении их идентичности, о приращении первой России. Можно прогнозировать, например, отталкиваясь от реалий Зубаревич, что первая Россия будет наращивать свой потенциал. Вполне вероятно, что четвертая Россия будет в определенной части изолироваться от первой и второй России. Будет все большее размежевание между включенными и исключенными. Это размежевание в России становится все более заметным. Мне представляется так.

Есть и другие размежевания. Об этом много пишет мой учитель и коллега Кирилл Георгиевич Холодковский. Одно из размежеваний, например, которое обозначилось в последнее время, это размежевание между религиозным и светским сознаниями. Это одно из размежеваний, которое порождает конфликты. Это одно из важнейших размежеваний сегодня, его ещё 15-20 лет назад представить себе было сложно, но оно стало реальностью.

К вопросу о возможном религиозном конфликте. Не хотелось бы прогнозировать в таком ключе. Я думаю, что, во-первых, есть пути для преодоления этих конфликтных противоречий. Действительно, если мы посмотрим на религиозную карту России начала XX в., то увидим, что другие конфессии имели сугубо территориальную привязку. Сейчас ситуация несколько меняется. Ислам получает большее распро-

странение и, соответственно, эта территориальная привязка становится не такой уж безусловной, как раньше. То есть, речь не идет о вкраплениях отдельных конфессий в православное конфессиональное пространство, а речь идет об их более глубоком проникновении. Вопрос заключается в том, можно ли и как выстраивать этот диалог. Этот вопрос пытаются решать европейцы, и, как вы знаете, не очень им это удается. Этой проблемой я занималась специально и много лет.

Честно говоря, если бы меня пригласили с темой мультикультурализма, была бы другая презентация, потому что есть много работ на эту тему. Если говорить очень коротко, то мультикультурализм потерял былую популярность в силу того, что, как государственная политика, он столкнулся с очень серьезными системными ограничениями и невозможностью выйти за рамки необходимости выстраивания пространственного межкультурного диалога. Почему? Потому что религиозное сознание, это один из ответов, у мусульман, которое у них связано с бытовой культурой и повседневностью, наталкивается на иное восприятие духовности, на постсекулярное общество. И это постсекулярное общество дает такой ответ людям, носителям религиозного сознания, который они не принимают. Вот откуда это происходит. Поэтому нынешние исследователи пишут о том, что постсекуляризм преодолен, и я возвращаюсь к вопросу о постмодернизме.

Само слово с приставкой «пост» не дает возможности признавать современное общество, оно переживает этот постсекулярный период. Идет возрождение, в том числе и на Западе, религиозного сознания. Я не хочу сказать, что эта тенденция захватывает весь Запад, но такой вектор есть. И он проявляется, в частности, в возрождении социальной работы, например, на религиозных основаниях, в поисках возможности говорить с исламом, с мусульманами на равных, потому что в ответ на повестку дня, связанную с решением духовных проблем, должна быть адекватная повестка дня. Мультикультурализм её не дает. Поэтому мультикультурализм как государственная политика находится в состоянии кризиса. Это не значит, что мультикультурализм на уровне повседневных практик находится в кризисном состоянии, он есть. В ведущих странах, где есть взаимодействие на низовом уровне, есть попытки выхода за рамки государственных программ. Эта тенденция имеет и серьезную контртенденцию. Поэтому вопрос в том, насколько может выстраиваться взаимодействие на уровне самоорганизующихся сообществ, это уже модели коммунитаризма, и насколько эти модели могут компенсировать ограничение государственной политики. А государственная политика в сфере образования, культуры, например,

наталкивается на серьезные ограничения, связанные с изменением структуры личности. И мы приходим к тому, от чего ушли.

Вопрос о размежеваниях внутри российского общества. Конечно, Россия отличается даже от такой страны, как Канада, которая сейчас достаточно модная и перспективная. В отличие от России, такого территориального неравенства в Канаде нет. Проблема «четырех России» заключается в том числе и в том, что у этих России есть серьезная территориальная привязка. Это значит, что противоречия и размежевания между регионами накладываются на другие уровни противоречий: между богатыми и бедными, включенными и исключенными, носителями религиозного сознания и светской культуры. Главное, на противостоянии двух конфликтующих между собой в рамках каждого из размежеваний идентичностей. Особенность российского сознания, в отличие от сознания канадцев, например, заключается в том, что там сызмальства людей приучают к тому, чтобы не просто уважать носителя иной культуры, но и видеть в этой культуре ценность для себя. Очень простой пример. Русские имена в документах записываются как русские для того, чтобы подчеркнуть, что человек – носитель другой культуры, которая ценна для всего общества. Здесь нам есть чему поучиться, потому что преодоление этих размежеваний связано с преодолением идеи противостояния и раскола, которая в каждом поколении у нас воспроизводится. Хотя я думаю, что это не главное. Главный раскол существует в морально-этической сфере.

Вопросы Аршинцевой О.А.

Морозов Н.М.: Интересное выступление. Был один спорный, на наш взгляд, тезис, что цивилизация не является самостоятельным актором.

Козулин В.Н.: В связи с тем, что сказал Николай Михайлович, у меня возникла идея напомнить, что существуют разные подходы к цивилизациям. Какой концепции цивилизации придерживаетесь Вы, Ольга Алексеевна? Вы считаете, что цивилизация одна или их много? Известно, что понятие «цивилизация» появилось изначально в единственном числе. В концепциях Моргана, Маркса, Энгельса цивилизация понималась как определенная стадия развития общества. То есть, существует всемирно-исторический или универсалистский подход к определению цивилизации и локально-исторический подход. Есть также интересная теория модернизации как компромисс между цивилизационным и формационным подходом, многолинейная эволюция, как её называют.

Кругова Н.И.: Когда мы говорим о цивилизациях, сразу попадаем в очень сложное пространство, где нужно сразу договариваться о выборе критериев, по которым мы будем цивилизацию определять. Именно договорившись о критериях, можно тогда разговаривать с позиций взаимопонимания. Цивилизации не могут быть едиными и всеобщими. Нельзя поставить такую задачу. Поэтому необходимо договориться, что мы понимаем под «цивилизацией».

Ответы

Аршинцева О.А.: Спасибо за вопросы. По поводу того, что модернизационный подход – это синтез формационного и цивилизационного подходов. Я не совсем согласна. Если их выстроить в триаду, то там можно найти некие пересечения, сложная достаточно схема. Если говорить о современной западной цивилизации, то Россия, например, попала в этот поток модернизации? Это современное государство? Североамериканская цивилизация – это дитя модерна? Безусловно. Это проекция европейской цивилизации или самостоятельная цивилизация? И так далее. Я бы воздержалась от такого категорического ответа.

По поводу термина «актор». Этот термин из категорий прикладного международного анализа. Одной из характеристик актора является наличие самостоятельных целей и интересов. В этом смысле, конечно, даже Китай ведет себя не цивилизационным образом, как актер современной мировой политики. Хотя цивилизационные особенности накладывают отпечаток на толкование, например, мягкой силы, в официальных концепциях это прописано и т.д. Хотя само это понятие относится к американской политической идеологии.

Вопросы Харину А.Н.

Гончаренко А.И.: Существует ли, на Ваш взгляд, конфликт глобализации и современных цивилизаций? Не способствует ли введение такого научного термина как «цивилизации» в повседневную международную политику усугублению межрелигиозных и межэтнических конфликтов?

Курныкин О.Ю.: Что дает концепт «геоцивилизация» для анализа современных международных отношений?

Семененко И.С.: Концепт идентичности в рамках цивилизационного анализа, о котором Вы говорите, не является ли он тем методологическим ключом, который откроет современное понимание цивилизации?

Ответы

Харин А.Н.: По поводу того, есть ли противоречия между глобализацией и цивилизацией. На мой взгляд, противоречий нет. Почему? Мир становится глобальным и, когда мы общаемся с представителями других наций, мы всегда показываем, кто мы есть. Глобализация так же, как цивилизация, пытается, в первую очередь, быть самой собой, показать свою систему ценностей и идеалов и, на основании этого, вести диалог. Противоречия могут возникать в ультраглобалистских теориях, в тех, которые отрицают цивилизации, считая, что есть единственная, европейская, и что Европа – это всё человечество. Но это одна из точек зрения.

По поводу второго вопроса. На мой взгляд, усугубления конфликтов нет. Здесь возможен диалог. Если мы поймем, кто мы, то можем понять и другого человека. Еще Хантингтона упрекали за то, что он рассуждал с позиции школы реализма, что государству надо отстаивать свои интересы, расталкивая и распикивая ближних. Этот реализм он перенес на международные отношения. Концепция цивилизационной парадигмы считает, что возможно именно взаимодействие.

Что касается вопроса о концепте гецивилизации, то, на мой взгляд, в современном мире происходит формирование больших пространств (АСЕАН, Евросоюз и др.). Встает вопрос, на основе чего объединяться? Например, применительно к России, этот концепт поможет осмыслению того, что же нам дальше делать. Пространство надо интегрировать, а на каких основах, дает понимание концепт гецивилизации, который предлагает искать какую-то систему ценностей.

Вопросы Морозову Н.М.

Аршинцева О.А.: Как Вам кажется, системный подход по сравнению с цивилизационным самостоятельный, или это просто включенный метод? С этой точки зрения, понятие «цивилизация» - это открытая или закрытая система?

Морозов Н.М.: На первую часть вопроса я отвечу, если Вы мне скажете, что такое системный подход. Но я думаю, Вы мне не ответите. Потому что я сказал, что все аналитические ресурсы являются теоретическим куполом. Томичи используют понятие полидисциплинарного синтеза в интердисциплинарном пространстве. Это можно назвать системным подходом. Обо всех остальных конфигурациях системного подхода можно спорить. Это дело вкуса каждого конкретно-

го исследователя. Но я думаю, что нет определения системного подхода, чтобы ответить мне на этот вопрос.

Курныкин О.Ю.: С чем связана неудача в попытке сформулировать российскую национальную идею?

Морозов Н.М.: В истории всех цивилизаций в те или иные периоды возникает идея, которая движет обществом и дает горизонты будущего. Достигая близкого состояния этого горизонта, идея трансформируется, и появляется её аналог в другой модификации. Так было с идеей Третьего Рима, которая родилась из библейских источников (Послание Апостола Павла о миссии удерживающего). Она трансформировалась в доктрину Ивана Грозного, что царь – сын Отечества, все подданные являются ответственными за выполнение своих служебных и других долгов. Плохо выполняешь свою работу, не разделяешь с царем миссию удерживающего, значит, ты вне общества. Далее эта идея трансформировалась в идею православия, самодержавия, народности. Она наложилась на идеи Третьего Рима, затем эта идея продуктивно наложилась на идею строительства коммунизма. По существу, это религиозная идея.

Существует ли сейчас у нас эта идея? Она существует, но ещё не сформулирована. Эта идея остается в прежней идее Третьего Рима, в идее державности, идее заботы государства о человеке и человека о государстве как взаимосвязанных двух сторон, и в этом заложен не материальный, а мистический смысл. Как бы ни ругали государство, мы всегда говорим, чтобы оно существовало.

Козулин В.Н.: Вы сказали, что только представители собственно цивилизации могут наиболее точно выразить её сущность. Я здесь хотел не согласиться, так как я занимаюсь таким научным направлением, как имагология. Оно возникло в литературоведении, и изучает образы народов в литературной традиции. Представители литературоведения выявляют очень точные характеристики великих писателей (Бальзака, Толстого, Достоевского и др.) других, чужих народов. Эти гениальные люди смогли вжиться в душу чужого народа. Описания фламандцев, немцев, например, у Достоевского, сколько угодно можно взять примеров. Поэтому тезис, что только представители собственно цивилизации могут наиболее точно её оценить, на мой взгляд, спорен.

По поводу национальной идеи, на мой взгляд, тоже неоднозначная проблема. Нельзя говорить о том, что у нас государственническая концепция существует до сих пор. На мой взгляд, сейчас обратная тенденция. Недавно Путин как раз говорил о роли личности в государстве, что нужно исходить из интересов отдельного человека, гражданина. Государство должно служить человеку, а не человек – государству.

Морозов Н.М.: Вы сейчас говорите с точки зрения интересов личности, сиюминутных интересов. Если смотреть в перспективе, то интересы личности тонули в интересах общества. Коллективизм был всегда.

Гончаренко А.И.: Вы сказали, что локальная цивилизация имеет достаточно большой исторический период. Скажите, пожалуйста, как, на Ваш взгляд, понятие российской цивилизации распространяется на Украину, Белоруссию, Литву и т.д.?

Морозов Н.М.: Российская цивилизация по возрасту не превышает полутора тысяч лет. Это выявили различные ученые (Гумилев и др.). Существуют определенные периоды или фазы. Формироваться наша цивилизация начинает примерно с XII в. Крещение Руси – это первый шаг к этому процессу. В этой исторической динамике были задействованы все три ветви славянства. Они и сформировали ядро нашей цивилизации. Затем к этой цивилизации были приобщены и другие этнические группы (кавказские, среднеазиатские, сибирские и др.). Почему они так мирно сосуществуют, хотя процесс присоединения носил не всегда мирный характер? Да потому, что, как писал В.О. Ключевский, «пейзаж русской души определяли равнины».

Этому содействовали и некоторые успешные внутреннеполитические действия. Например, Александр I на уровне официальной государственной политики объявил политику мультикультурализма или религиозной терпимости. Так что российская цивилизация имеет центр, который составляет титульный этнос – русские. Не будет титульного этноса, не будет и цивилизации, не только в духовном, но и в материальном планах.

Кругова Н.И.: Я хочу поддержать мнение Вячеслава Николаевича по поводу тезиса, что особенности народа лучше видны изнутри, что только сами представители народа могут выразить свою идентичность. Когда о нас пишут иностранцы, нам это не нравится, мы себя не узнаем. Может, мы заблуждаемся насчет себя? Мы слишком пристрастны, когда пишем сами о себе. Действительно, когда пишут зарубежные ученые о России, это всегда удивительно, но это не значит, что это неправда. Наоборот. Нужно поставить вопрос, а почему они так пишут? Мы о себе этого не знаем. Вероятно, мы ошибаемся.

Ещё у меня вопрос. Вы много говорили в своем докладе о ментальности, а закончили тем, что история России должна быть историей ценностей. Как Вы считаете, ценности формируются на основе ментальности и тогда они будут очень устойчивы, либо они идеологическими средствами поддаются корректировке?

Морозов Н.М.: Я вообще говорил об истории поколений и их ценностях. Психологами разработаны два уровня психики. Первый уровень логически осознаваемый, второй – неосознаваемый. Ценности относятся к первому уровню, они осознаваемы. В то же время, ценности имеют свойство быть в пограничной зоне между осознаваемым и неосознаваемым, в зоне установок, которая формируется в период детства, примерно до 10 лет, а дальше уже этими установками человек пользуется, через них пропускает те утилитарные интересы, которые встречаются в жизни, и эти интересы выражаются в каких-то осознаваемых ценностях.

Щеглов С.Г.: Как Вы соотносите этнический менталитет и менталитет ценностей?

Морозов Н.М.: Я постарался глубже разобраться, что такое менталитет, даже выработал определенную структуру менталитета. Менталитет заключен в определённые конфигурации архетипов. Архетип – это определенные формы бессознательного, их бесконечное множество. Механизм их образования в свое время описал К. Юнг. Это многовековые повторяющиеся события, как правило, не очень приятные. Они вытесняются в психике в подсознательное, а дальше начинают обратно выходить, но, либо мышление блокирует деструктивное действие архетипов, либо архетипы как-то корректируют действие текущих событий. Менталитет – это содержание архетипических форм. Я вывел 12 определяющих архетипических образов. Ценности – это то, что осознается человеком.

Семененко И.С.: В том, что касается методологического синтеза, нельзя не согласиться, а современная наука работает в рамках методологического синтеза.

То же самое касается и вопроса о роли государства, о критике государства. Здесь речь идет не об отношении к государству, а об отходе от государственно-личностного подхода.

Вопрос о современном понимании менталитета и его трансформации. Мы говорим о том, что меняется структура личности. Скажите, пожалуйста, как проблема менталитета соотносится с этими изменениями, и более оправдано методологически, с точки зрения междисциплинарного подхода, ориентироваться на категорию идентичности, которая, в отличие от менталитета, является открытой методологической категорией? Никто не спорит, что менталитет есть. Но вопрос в том, насколько менталитет может учесть те радикальные трансформации, которые происходят в структуре человека, группы, общества?

Морозов Н.М.: Какое бы ни было общество, менталитет был, есть и будет. Он всегда модифицирует все те новации, которые общество испытывает в связи с новыми технологиями.

А вот по поводу идентичности как открытой категории я бы высказал некоторые соображения. Понятие идентичности стало активно использоваться в социально-гуманитарных науках в конце 90-х гг. XX в. Вначале была концепция «Восток-Запад», затем исчерпалась тема, и её было решено возродить с помощью понятия идентичности. Дайте определение идентичности, тогда мы с Вами поспорим. До сих пор нет определения идентичности.

Вопросы Козулину В.Н.

Гончаренко А.И.: Мы знаем, что сейчас Россия проделывает огромную работу по изменению тех стереотипов, которые были в разных карикатурах, для улучшения своего имиджа. Есть Russia Today и др. Но есть практические вещи, когда иногда Россия делает какие-то шаги, которые вызывают недоумение. Что будет больше влиять на изменение стереотипов, на Ваш взгляд, пропаганда Russia Today или законодательные инициативы, например, наших соседей из Кемеровской области о запрете усыновления детей иностранцами?

Аршинцева О.А.: Способны ли современные технологии манипулирования массовым сознанием повлиять на процесс формирования стереотипов и на стереотипы, как сложившуюся данность?

Семененко И.С.: Стереотипы, коллеги, как выясняется, тоже можно изменить. Последние исследования иностранных фильмов с присутствием российской тематики показывают, например, что ушанка и водка сохраняются, а балалайка почему-то ушла. Я могу сказать почему. Это шутка, конечно. Не воспринимайте это всерьёз, но такие люди, как Гергиев, например, много делают для того, чтобы изменить в этом смысле образ российской культуры. Если говорить серьезно, то это вопрос о возможности изменений.

У меня есть ряд вопросов. Мы несколько лет в коллективе Института мировой экономики и международных отношений занимаемся изучением образа России в мире, но мы занимались этим с точки зрения механизмов формирования образа. То есть, изучали не конкретные инструменты, а то, каким образом формируются эти стереотипы, и каким образом формируются стратегии их изменений. В связи с этим первый вопрос. У нас есть стереотип Запада и есть стереотип того, что Вы называли Востоком. Мне кажется, что более правильным сейчас, в нынешних условиях глобализации, говорить о Западе и не-Западе. По-

тому что Восток представляется понятием не совсем ёмким для нынешней ситуации.

Второй вопрос об образе и имидже. Мне тоже приходилось немало об этом писать. Проводите ли Вы различие в Вашем исследовании между образом и имиджем?

Третий вопрос. Когда мы исследуем образы восприятия России в мире, то мы даем суммарный образ, представленный у американцев или французов, и он оказывается разным. В основном, сейчас мы ориентируемся на опросы общественного мнения, а в исторической ретроспективе мы ориентируемся на другие источники. Если говорить об исторической ретроспективе, о каком имидже здесь идет речь? Кто являлся носителем этого имиджа в России? Общеизвестно, что российское «общество» было очень немногочисленное. И это расширение восприятия образов сформировалось в советское время под влиянием соответствующей идеологии. Раньше носителями этого образа были определенные слои, в то время как у массового человека мы не можем себе даже представить, какой был образ, если он вообще был. Говорите ли Вы, когда проводите этот исторический ряд, о государстве, как зеркале этого образа, или Вы берете разные составляющие?

Ульянов П.В.: Вы говорили об эволюции восприятия европейцев в России, а в советское время было ли сближение с Западом? На карикатурах, и в советской историографии, действительно, изображался зажавшийся буржуй. А какой образ был на примере европейского рабочего класса? Были ли стереотипы, которые позволяли либо сближаться, либо по-другому смотреть на европейского рабочего?

Граубергер А.В.: Вы рассказали, как видят Россию в Европе, а имеется ли какая-то основа для такого восприятия России, вследствие чего могут возникать такие образы России, что у нас всё наоборот?

Ответы

Козулин В.Н.: Насчет того, что всё перевернуто, то мне кажется, что это потому, что мы не такие, как они, и всегда восприятие вызывает такую картинку, что если не такие, то всё наоборот.

Что касается вопроса об образе рабочего. В советское время образ Запада был не националистичен. Поэтому нельзя было критиковать Запад с точки зрения национализма. Нельзя было критиковать американцев за то, что они американцы, а можно - только за то, что они капиталисты. Рабочему классу можно было сочувствовать, так как это наши союзники, несчастные, задавленные капиталом люди. То есть, критиковали только определенную часть западного общества.

Что касается вопросов по поводу реальности этих стереотипов, и вообще, есть ли смысл заниматься такой тематикой. Со времен Липпмана считалось, что стереотип не заслуживает большого внимания, потому что это исключительно ложные картинки мира, ничего правдивого в них нет. Почему? Существуют стереотипы восприятия и стереотипы поведения. Стереотипы восприятия ложны уже потому, что нет стереотипов поведения. Отрицалось долгое время понятие национального или этнического менталитета. У нас в советской литературе считалась буржуазной наукой психология, этническая психология, поэтому никаких стереотипов не было. В послевоенные годы появилась другая тенденция, когда всё больше стали говорить о реальной подоплёке стереотипов, почему они возникают. Они базируются, конечно, на реальной основе, на том, что у каждого народа есть своя специфика, есть национальные стереотипы поведения и т.д. Если смотреть глубже и шире, то, конечно, есть специфика национального менталитета. Другое дело, что менталитет может меняться. Мне кажется, что не менталитет влияет на современные условия, а сам менталитет меняется в зависимости от условий. Мы становимся похожи на тех же европейцев и американцев под воздействием меняющихся условий.

По поводу вопроса Аршинцевой О.А. Мне кажется, что до бесконечности манипулировать невозможно. Поэтому реальность важнее, чем все новые технологии. Это моё личное мнение.

Что касается определений образа и имиджа. Я уже говорил, что здесь нужно иметь в виду каждый раз разные социальные группы, элиту. Я, прежде всего, исходил из литературного материала. У нас нет социологических опросов в средние века, в новое время, мы же не можем выяснить, какие были стереотипы тогда. Речь идет об элитарном образе. Я об этом говорил. Но в элите тоже существовали две тенденции – положительная и отрицательная. Конечно, современный этап – это очень сложный вопрос, поэтому я сосредоточил свое внимание на истории.

Понятия имидж и образ, конечно, различаются. Множество всяких определений существует, но большинство исследователей склоняются к мнению, что имидж – это целенаправленно формируемый образ, а образ – это естественно формируемое представление, встречающееся в литературной традиции, в искусстве. В современности эти понятия достаточно сложно различать. Понятие «имидж» дословно переводится с английского языка как «образ».

По поводу терминов «Запад» и «не Запад». «Восток», конечно, это традиционный термин. Если раньше это были географические понятия, то сейчас – цивилизационные, культурно-этические.

Чернышов Ю.Г.: Конечно, это дерзость - пытаться за 10-20 минут окинуть взглядом всю российскую историю, и заложить в таблицу основные мотивы. Но польза от этого есть. Действительно, появляется какое-то новое знание, когда смотришь, что получается в «сухом остатке», хотя это субъективно, конечно. Но если говорить о том, как такое исследование надо проводить серьёзно, то, конечно, надо подключать целый институт, специалистов по разным периодам, поднимать все источники и т.д. Действительно, первый вопрос, который возникает у историков, насколько мы обеспечены достоверными источниками. Чем дальше вглубь веков, тем их меньше.

Второе. Совершенно правильно было сказано то, что надо различать правительственную идеологию, мнения интеллектуального сообщества и мнения народных масс. На самом деле, надо делать ещё большее деление, потому что есть, например, национальные меньшинства внутри России и т.д. Надо также учитывать, что в разные периоды времени иногда преобладает какое-то более или менее консолидированное мнение. Скажем, преобладает негативное отношение к буржуазному Западу в Советском Союзе, но при этом хорошее отношение к социалистической Европе. Бывают периоды, когда наблюдается явный раскол между официальной пропагандой и массовыми настроениями (например, позднесоветский период).

Если смотреть с исторической точки зрения, то нам говорят о «православной цивилизации». А что такое православная цивилизация? Откуда взялось христианство? Христианство – это единое течение, православие и католицизм не возникли отдельно, как многие пытаются представить сейчас. Христианство возникло как синтез античных и восточных культур. В большей степени это, конечно, европейская религия. Хотелось бы подчеркнуть, что вместе с христианством, и в целом, с европейской культурой, идущей из античности, мы получили общую культурную базу с Европой. От этого никуда не денешься. Это цивилизационный код, если хотите. Мы друг друга понимаем, но разошлись на определенных этапах, в силу разных судеб, пошли своими путями, и смотрим друг на друга постоянно как на значимого Другого. То есть, мы не можем равнодушно смотреть на Европу, мы всё время сравниваем. Поэтому, тема эта огромная, сложная, надо её изучать. А доклад был попыткой выявить наиболее общие тенденции, которые, действительно, прослеживаются.

Вопросы Малышевой Н.С.

Аршинцева О.А.: Насколько подтверждается тезис о том, что, чем острее на пространстве Европейского Союза внутренние процессы и конфликты по поводу этнического самоопределения, тем больше, в ответ на это, лидеры Евросоюза апеллируют к углублению интеграции с идеей о том, что преодоление остатков национального позволит разрешить и эти назревающие конфликты, и выйти из кризиса мультикультурности? Интеграция – это ответ на новые вызовы, связанные с сепаратистскими сюжетами в странах Евросоюза и на кризис мультикультурности?

Малышева Н.С.: Интеграция – это, конечно, не ответ. Но на протяжении 50-ти с лишним лет вопрос, связанный с сепаратизмом и другими формами экстремизма, тем не менее, был сглажен. Углубление европейской интеграции идет по альтернативным путям. В частности, Европа регионов, попытки передачи части полномочий, даже автономизации части европейских регионов – это тоже ответ и попытка сохранить жизнеспособность европейских структур.

Ещё одна сторона вопроса. Может быть, не стоит так пессимистически воспринимать то, что сейчас происходит в Европе? Может, это просто кризис роста Европейского Союза, и последний всплеск националистических настроений? Есть такая точка зрения. И Европа это переживет.

Семененко И.С.: По поводу того, что итальянский национализм стал одним из двигателей европейской интеграции. Это, безусловно, так, потому что Италия должна была решать свои проблемы, в первую очередь, с помощью европейских интеграционных процессов. Этого итальянцы никогда не скрывали, и они очень гордятся тем, что не только Италия была учредителем, но и договор был подписан в Риме (Римский договор 1957 г.). Соответственно, Италия, таким образом, решала свои проблемы включения в европейский концерт наций после поражения в войне наряду с Германией. А для всего Европейского Союза мотивация была достаточно простой – выстраивание общего пространства взаимодействия и преодоление тех противоречий, которые всегда возникают между победителями и побежденными. И эти задачи они, безусловно, решили. Тем более, что такого негативного отношения к итальянскому фашизму, как к фашизму германскому, не было.

В том, что касается нынешнего этапа развития национализма, то я бы поставила вопрос так: идет ли возрождение национализма государственного, или речь идет о гражданском национализме? Ведь национа-

лизм бывает разный. Национализм бывает и в научном сообществе, но в бытовом сознании национализм всегда имел негативную коннотацию. То есть, национализм, и это связано с советской традицией, бывает гражданский и консолидирующий. Вопрос в том, как перевести один в другой. Национализм с этнической коннотацией обычно растет в другую сторону, в сторону сепаратизма, отрицания нынешней государственности и т.д. Мы имеем примеры попыток решения вопроса о создании новых национальных государств за счет экономического, в первую очередь, сепаратизма. Европейский Союз дает в большей части преодолеть эту национальную привязку и выходить от уровня региона прямо на наднациональный уровень. В этом смысле Италия таких примеров не дает. Итальянский случай, относительно его проекции в историческую реальность, дает нам очень интересный пример недостроенного национального государства.

Недавнее празднование 150-летнего юбилея Рисорджименто выстроилось вокруг дебатов о национальной идентичности. Захватывающий казус Италии для нас, россиян, заключается в том, что дебаты и дискуссии однотипны. Характер дискуссии, катастрофизм в отношении того, как формируется итальянская нация, что она недостроенная, что необходима соответствующая политика, что обращение только к прошлому культурному наследию и цивилизационному наследию недостаточно. Страна опять, как в XIX в. превращается в страну-музей, и нужно делать всё возможное для того, чтобы выйти из «ловушки неразвития». В этом смысле гражданский национализм дает очень серьезные возможности, и ему противостоят тенденции сепаратистские, и в Италии тоже. Все знают о Лиге Севера, но мало известно, что сепаратистские тенденции есть и в южных районах. Они не такие заметные, но они есть. Поэтому я призываю посмотреть на Италию более пристально, потому что процессы, идущие в этой стране, созвучны процессам в массовом сознании (в том, что касается выстраивания идентичности), которые происходят у нас с соответствующими проблемами, начиная от мультикультурализма и заканчивая национальной консолидацией.

Возвращаясь к проблеме Европейского Союза, вопрос. Согласитесь ли Вы с тем, что Италия использовала и продолжает использовать Европейский Союз как инструмент национальной консолидации?

Малышева Н.С.: Что касается использования Евросоюза для национальной консолидации, если честно, затрудняюсь на настоящий момент дать полноценный развернутый ответ. На мой взгляд, безусловно, изначально здесь речь шла об использовании Евросоюза с экономической точки зрения, и даже, наверное, с точки зрения, поли-

тической стабильности в том смысле, что, если национальное правительство не выполняет свои функции, то делегируем эти функции наднациональным структурам. Вопрос национального строительства, наверное, довольно сложный для того, чтобы сейчас его обсуждать.

Турьинская Х.М.: Как Вы считаете, Европа – это федерация?

Малышева Н.С.: С моей точки зрения, в перспективе Европа, как политическая модель, безусловно, федерация во главе с президентом, с министерствами, с другими наднациональными структурами.

Секция II

Вопросы Реуту О.Ч.

Аршинцева О.А.: Насколько вписывается в представленный Вами концепт империи различие между гегемонией и жестким доминированием?

Козулин В.Н.: Если говорить о современности, то какие государства Вы видите претендентами на роль империи, есть ли такие империи сейчас, на Ваш взгляд? Потому что формально, насколько я знаю, империя осталась одна, Великобритания.

Семененко И.С.: Скажите, пожалуйста, империя – это временная категория или надвременная? Как империя соотносится с имперской идентичностью? Имперская идентичность жива? Есть ли перспективы у империи?

Ульянов П.В.: Что такое империя в современной науке? Как её трактовать? Вы говорили, что империи противопоставляется суверенитет. Если посмотреть на восточные цивилизации, то, например, Османская империя по статусу империя, но она стала полуколонией, потому что туда начал проникать иностранный капитал и, фактически, вся экономическая жизнь была подчинена этому иностранному капиталу. Или, например, Маньчжурская династия Цинов в Китае. Практически то же самое, но там у народа стала возникать практически ксенофобия, то есть, восприятие каких-то новшеств как враждебное. То есть, империя противопоставляется Вами суверенитету, но ведь империя в какой-то степени должна иметь суверенитет, который я понимаю, как относительную свободу во внешней политике и верховенство во внутренней политике?

Морозов Н.М.: Понятие «империя». Мы знаем из истории океанический тип империи (Англия, Франция, Португалия) и сухопутный тип империи (Россия). Причем применительно к России понятие «империя» весьма условное. Петр I взял этот титул, чтобы подчеркнуть пре-

емственность от императора Августа. Любили тогда искать такие глубокие корни. Осталась форма правления монархия, но страна по-новому называлась империей.

На мой взгляд, выстраивая какие-то смысловые конструкции, Олег Чеславович вдруг подгружает их новыми смысловыми конструкциями совсем другого порядка. То есть, появляется какое-то понятие и ему придается ключевое значение, подгружается смысл этого понятия, в этом понятии новое понятие подгружается. Поэтому я не уловил теоретический каркас выступления. Судя по терминологии, я бы сказал, что всё это относится к миросистемной теории Коротаева, Валлерстайна. Мое мнение в том, что в 90-е гг. в связи с дефицитом аналитического материала и крушением марксизма-ленинизма наши обществоведы стали обращать внимание на наработанный зарубежной наукой социолого-исторический опыт. Оттуда вынимались различные теории, концепции, идеи, понятия, в том числе и понятие «империя». Наша отечественная наука стала подгружать его своими смыслами, мне кажется, не совсем продуктивными. По существу, это политическая риторика, которой придается наукообразный вид. Я не чувствую здесь какой-то научной новизны, с точки зрения модели объяснения, например, специфики общества и т.д.

Ответы

Реут О.Ч.: Мы знаем, что такое империя, но мы также знаем, чем все империи закончились. Это то, от чего я старался отойти в своем выступлении. То есть, придать некую нейтральность этому термину и постараться понять его, в том числе, пригружая какими-то смыслами, дискурсивно проникающими из нынешней политической риторики.

По поводу оттенков различий между гегемонией и жестким доминированием, мне кажется, что сам вопрос в поддержку моей позиции. Несколько лет назад появляется термин «soft power» - «мягкая власть», теперь он заменяется термином «smart power» - «умная власть». Мы можем говорить, что это та же самая система доминирования, построенная на военно-политическом желании одной страны, которая претендует, в нашем представлении, быть империей, но при этом хочет, чтобы ее поддерживала международная коалиция. На самом деле, между мягкой властью, умной властью огромное количество смыслов и огромная эволюция. Хотя эволюция пока только на уровне термина, не на уровне концептов и, тем более, теорий. В своем выступлении я постарался отойти от этих проблем концептуализации империи, и выделить то, что может претендовать на возможность использования в

имперских исследованиях международниками для тех теорий, о которых они говорят.

По поводу противопоставления имперского и суверенного. Методологический подход, который является, по крайней мере, любопытным, связан с наличием неких прилагательных. У меня в свое время в «Полисе» была работа, которая называлась «Прилагательные суверенитета и суверенитет как прилагательное». Смысл ее заключается в отсутствии каких-либо прилагательных при существительном «суверенитет». Суверенитет может быть только абсолютным. Любое движение, связанное с отходом от этого Абсолюта - движение по пути десуверенизации. В отличие от многих других категорий, которые существуют в теориях международных отношений, которые оперируют категориями спектра, когда у нас что-то помещается в центр и есть правый и левый спектры. Именно в методологическом приеме отхода от абсолютизации империи, о перемещении ее в традиционный спектр я и попытался найти возможность работы и не-работы.

Является ли империя временной категорией? Опять в продолжение вопроса о том, какие сегодня империи. Империи все были в прошлом и не вернутся сегодня. Это как раз дает возможность нейтрально посмотреть на то, что мы называем империей.

Вопросы Костелянцу С.В.

Козулин В.Н.: Чем объяснить такую притягательность африканской культуры, влияние ее на американскую и даже общемировую культуру? Я пытаюсь объяснить это тем, что это такая простая и непосредственная культура, очень темпераментная, стала тем, чего американцам и европейцам, вообще, «цивилизованным» людям, не хватало - естественности, открытости? Может, поэтому они восприняли эту культуру?

Костелянец С.В.: Пожалуй, в целом я с Вами соглашусь. Это пассивная культура и, в то же время, она не настолько чуждая. В Америке существует много разных культур, которые смешиваются в какой-то степени. В африканской культуре есть элемент шоу-бизнеса, она привлекает. В американскую культуру это органично вошло.

Малышева Н.С.: Почему в России африканская культура и африканская диаспора не получили широкого развития?

Костелянец С.В.: Во-первых, африканская культура в каких-то отношениях получила распространение в России, по крайней мере, в плане музыки довольно популярна.

А африканская диаспора в России не настолько многочисленна, чтобы создавать российскую версию африканской культуры. Сейчас в Америке африканская диаспора насчитывает 1 млн. человек. Афроамериканцев – 30 млн. человек. То есть, она производит, и она же потребляет продукты этой культуры.

Граубергер А.В.: Вы упомянули о том, что африканцы пытались переосмыслить некоторые религии, с которыми они соприкасались. Насколько сейчас популярны различные религиозные течения в Африке?

Костелянец С.В.: Я говорил именно про те течения, которые появились в Новом Свете. Это не то, что в Африке популярно, это диаспора, чем она занимается.

Данилов А.Ю. Вы упоминали, что в США присутствуют различные дискриминации черного населения. Насколько мне известно, до сих пор существует экстремистская группировка «Черная пантера». Чем сейчас подпитывается идеологическая составляющая данной группировки?

Костелянец С.В.: Я не соглашусь с тем, что дискриминация полностью исчезла. У меня есть практически десятилетний опыт проживания в США, и я могу сказать, что дискриминация вполне осязаема, причем, есть дискриминация не белыми черных, а наоборот, черными белых. Но есть и экономические предпосылки. Скажем, безработица среди черного населения гораздо выше, чем среди белого, примерно в 2-3 раза. Есть такие регионы как Детройт, о котором нам постоянно говорят по телевидению, как пример неудачного эксперимента в Америке. Есть у них причины не считать себя интегрированной частью общества. Хотя государство делает достаточно много, чтобы они интегрировались. Есть программы, по которым отдается приоритет чернокожим и индейцам, например, при поступлении в университет.

Морозов Н.М.: Конечно, правильно Вы заключили в кавычки слово «цивилизация». Считается, что Африка – это нарождающаяся цивилизация, хотя очень проблематично там и через 500 лет ожидать какой-то цивилизационной общности, потому что на язычестве цивилизации не рождаются. Они рождаются на объединяющих религиях. Если африканцы попали на американский континент и встретились там с более мощной духовной основой общества, то, естественно, у них вживание шло по пути ассимиляции, оставляя какие-то элементы своих ценностей. Поэтому ничего особенного, что люди африканского происхождения являются полноценными представителями европейско-американской цивилизации.

Курныкин О.Ю.: Возвращаясь к проблеме идентичности. Присуща ли черному населению Америки некая особая африканская идентичность, или они полностью растворились в североамериканской идентичности?

Костелянец С.В.: Конечно, она не настолько ярко выражена, как идентичность африканской диаспоры, которая есть в США. В первую очередь, они себя считают американцами. Разумеется, у них есть своя идентичность, потому что, как я говорил, дискриминация не исчезла, и вкусы у них отличаются. Они нередко проживают в местах компактно-го проживания.

Курныкин О.Ю.: А если говорить о Бразилии, вообще, латиноамериканских странах?

Костелянец С.В.: В Бразилии это в меньшей степени, но то, откуда твои предки, тоже во многом определяет их идентичность. Хотя Бразилия у них тоже на первом месте. В Бразилии, на мой взгляд, более успешно произошла интеграция.

Курныкин О.Ю.: Есть ли связь между тем, что самое африканское государство в Латинской Америке – Гаити – является несостоявшимся государством?

Костелянец С.В.: Это интересный вопрос. Количество несостоявшихся государств на африканском континенте очень велико, и проблемы в государстве, перевороты – это очень характерная черта для африканских режимов, что и в Латинской Америке было не редко. Я думаю, что какую-то зависимость можно из этого извлечь, хотя явную теорию по этому вопросу я бы не стал разрабатывать, потому что расовая разница не настолько велика. А вот отрезанность этого африканского государства от Африки и от Латинской Америки, в какой-то мере, наверное, тоже дестабилизировала ситуацию.

Вопросы Бетмакаеву А.М.

Курныкин О.Ю.: Речь шла о противостоянии двух политических блоков. Один блок был достаточно однороден в цивилизационном смысле (НАТО), если здесь не считать казуса Турции. Второй блок расширился за счет стран Азии (Китай, Вьетнам, Северной Кореи). Это придало ему некую, казалось бы, универсальность. Учитывая последующие события, у меня возник вопрос. Могут ли создаваться прочные эффективные военно-политические блоки на межкультурной основе?

Бетмакаев А.М.: Практика Холодной войны показала, что блок, который известен как западный блок, строился по принципу согласия.

Он оказался более прочным, несмотря на сложный характер взаимоотношений внутри него. Что касается второго участника, советского блока, то там, изначально, контроль Советского Союза над Восточной Европой позволил превратить эти страны в своих союзников. Но если бы этого контроля не было, вряд ли, я думаю, Польша, Чехословакия ориентировались бы на Москву.

Что касается Китая, то мы прекрасно понимаем, чем руководствовалось китайское руководство. Отношения связаны с целью, чтобы Китайская Народная Республика смогла утвердиться в противостоянии с США. С КНР, как раз, были особые отношения. Это страна, которую нельзя поставить в один ряд, например, с ГДР или Польшей.

Я думаю, что есть прагматичные союзы, союзы интересов. Они, наверное, работают. В данном случае, и западный союз был союзом интересов. В первую очередь, в интересах была безопасность, а затем другие сюжеты.

Вопросы Шишкину В.Г.

Аршинцева О.А.: Вопрос по поводу вьетнамского колониального наследия. Может быть, что-то особенное было во французской колониальной империи, что не предотвратило открытого военного конфликта в борьбе за расширение сфер влияния в отличие от других вариантов, где борьба за расширение влияния не приобрела выраженные силовые формы?

Шишкин В.Г.: В Юго-Восточной Азии возник такой парадокс после войны, что часто СССР и США выступали с единых позиций. Потом возникает другой парадокс. Сначала они коллегами являются, а потом уже, по мере развития, кто-то видит, что постепенно начинает уступать позиции, он начинает давить не с точки зрения идей, а вступать в военный конфликт, не давая разрастаться сфере влияния своего соперника. То есть, сначала вместе, потом порознь, и начинается военное противостояние.

Семененко И.С.: Скажите, пожалуйста, Вьетнаму удалось сформировать общую национальную идентичность, и насколько она рассматривается как ресурс развития?

Шишкин В.Г.: Я уже об этом сказал, что во Вьетнаме развивается довольно специфичная идентичность. С одной стороны, пытаются сохранить единство общества, которое было расколото в войну. С другой стороны, присутствует клановая специфика в политической системе Вьетнама. Есть руководители Севера, есть руководители Юга, они вместе руководят государством. Кто-то занимает пост президента, кто-

то – главы партии. Почему и существует одна партия – чтобы не было раскола. А устойчивый политический режим ведет к стабильности экономики.

Курныкин О.Ю.: Когда во Вьетнаме закончится постколониальный период?

Шишикин В.Г.: Судя по всему, он до сих пор продолжается.

Реут О.Ч.: Как Вьетнам относится к глобализации? Например, Китай, на одном из съездов компартии 2000-х гг., рассматривал этот вопрос, и было сформулировано, что Китай приветствует глобализацию, к ужасу всего мира. При этом очевидно, что Китай не привлекателен для мигрантов. Китай привлекателен для инвестиций, для использования разного рода ресурсов, но это не привлекательный проект. Вьетнам, мне кажется, тоже не привлекательный для мигрантов, и, очевидно, он является наблюдателем этих процессов.

Шишикин В.Г.: Глобализация идет одновременно с регионализацией. В данном случае как раз регионализацию использует Вьетнам, вступает в различные организации, выгодные экономически.

Вопросы Кузнецову А.К.

Курныкин О.Ю.: Насколько прочно вошел опыт нацистской пропаганды в арсенал современных политтехнологов?

Кузнецов А.К.: Те методы, которые я частично озвучивал, методы предоставления не комментируемой информации, которая прямо не служит созданию позитивного образа, пропаганде – они употребляются до сих пор. Например, метод информационного мусора, который с успехом используется, и у него большие перспективы. Можно ли считать это универсальным пропагандистским приемом, или считать националистов в этом смысле первооткрывателями? Мне кажется, это не совсем корректная постановка вопроса, вряд ли здесь должна прослеживаться национальная составляющая. Это просто приемы политических манипуляций, политических технологий.

Семененко И.С.: Изучение современной Италии приводит к выводу, что современные итальянцы очень слабо представляют себе наследие фашизма, они не понимают, что такое корпоративизм, как была выстроена итальянская политическая система, чем она грозила Италии, какой культурный горький след в жизни Италии этот опыт оставил. Нынешнее поколение, по сути дела, не воспринимает это как свою историю.

III секция

Вопросы Голунову С.В.

Курныкин О.Ю.: По поводу российской проблематики. После распада Советского Союза русские как этнос вошли в ряд разделенных народов. Меня интересует, почему среди русских так слабо представлено ирредентистское движение? Даже пример Крыма свидетельствует о том, что оно заглохло.

Второй вопрос. Существует ли внутри России пример ирредентистского движения? Можно ли считать таким движением заселение, допустим, чеченцев в южные районы Ставрополья?

Голунов С.В.: Первый вопрос слишком для меня сложен. Я должен прибегнуть к популярным, скорее, объяснениям. Говорят, что у русских недостаточно развито чувство коллективизма, вопреки распространённому стереотипу на Западе. Может, поэтому ничего не получается. Если доведут до крайности, я думаю, движение может возникнуть. С одной стороны, слабый коллективизм, с другой стороны, может быть, потенциал не созрел.

Внутри России может быть такой потенциал, но, говоря об ирредентизме, этот потенциал условен. Да, может, конечно, возникнуть потенциал в Южном Ставрополье, но очень многое будет зависеть от тех условий, которые сложатся в Ставрополье. То есть, если чеченцам там будет лучше, не думаю, что они захотят в Чечню, где к тому же и порядки довольно специфические. Возможно, они едут не от хорошей жизни.

Ещё один нюанс. В последние годы наблюдается тенденция репатриации чеченцев, если так можно выразиться. Например, в Волгоградской области вдвое сократилось после длительного роста чеченское население, по крайней мере, по переписи. Если на эти данные можно полагаться, к чему, впрочем, тоже есть большой вопрос.

Таких ситуаций, на самом деле, много, но это существует как потенциал (Татарстан, Башкортостан).

Сдельников В.А.: Возможно ли ирредентистское движение только на культурном базисе? Я читал статью, где пишется, что в Калининграде все больше населения считают себя скорее европейцами, чем русскими. Есть ли возможность там создать ирредентистское движение присоединения к Европе?

Голунов С.В.: Возможность всегда есть. В Калининграде ситуация не простая, но там речь, скорее, идет не об ирредентизме, а об ассоцианизме. Я не считаю, что в ближайшей перспективе есть большие шансы, что такое движение возникнет. Безусловно, есть недовольство по-

литикой властей. Достаточно посмотреть на цены в магазине. Они выше, чем цены в остальной России, при том, что польская продукция стоит гораздо дешевле. Поэтому проводится очень жёсткая таможенная политика, не учитывающая интересы местного населения. Если это и произойдет, то, на мой взгляд, довольно нескоро.

Турьинская Х.М.: Как Вы считаете, экономические или социальные причины являются толчком этого движения? Что делать с голосом диаспоры, я имею в виду африканский опыт? Ее голос сложно заглушить, и они громко заявляют во всех странах о себе. Они очень серьезно влияют на восприятие африканской ситуации в мире. Как Вы оцениваете фактор диаспоры?

Голунов С.В.: Что касается первого вопроса, то да, безусловно, экономические, социальные и т.д. факторы важны. Ирредентистское движение многофакторное. Я не думаю, что какой-то один фактор без других может оказаться решающим. Очень важно ощущение культурной дискриминации. Могут вестись споры по поводу того, что здесь первично – экономика или культура. Мне трудно ответить на этот вопрос, не хотел бы впадать в детерминизм, тем более что ситуации бывают разные.

Что касается диаспор. Диаспоры, действительно, могут стать очень важным фактором развития ирредентизма, особенно, если это диаспоры достаточно богатых стран. Могут и деньгами снабдить, и информационный канал поддержки создать и т.д. Что с этим делать, не знаю.

Кротов А.В.: Почему у нас сейчас не осуществляется ирредента Молдавия-Румыния? Второй вопрос. Вы как-то слабо прошли по роли элиты национального меньшинства в стимуляции ирредентизма. Можно подробнее?

Голунов С.В.: Молдавия и Румыния – сложный случай. Здесь вопрос идентичности. Молдавская идентичность отличается от румынской. При этом данное отличие складывалось не десятилетием, а веками. Хотя эта идентичность поощряется местными властями, работают с языком, заявляя, что не румынский, а молдавский язык и т.д. Это очень сложный вопрос о том, являются ли Молдавия и Румыния единым народом или нет. Близкими – да. Ирредентизм возникает и между близкими народами. Есть движение за присоединение Молдавии к Румынии. Особенно оно популярно среди молодежи. Сказывается различие идентичности и то, что Молдавия – многоэтническая страна, в отличие от Румынии. Это тоже может влиять на идентичность. Но ничего не исключено.

Элиты – движение многофакторное. Сочетание факторов, которые приводят к успеху, зачастую трудно определить. Элиты, безусловно,

играют очень важную роль в ирредентистском движении. Во многих случаях, если элиты ущемлены, именно они могут разыграть ирредентистскую карту. Поэтому динамика развития ирредентистского движения во многом связана с тем, удастся ли интегрировать элиты в систему управления и предусмотреть возможность появления новых элит. Ирредентистские движения могут быть более или менее обусловлены интересами элит, а могут быть относительно стихийными, как, например, техасские колонисты.

Реут О.Ч.: Правильно ли я понимаю, что репатриация – это вид международной миграции? Если да, то кто репатрируется в Финляндию?

Голунов С.В.: Это, наверное, Вам лучше знать. Я думаю, карелы. В моей ситуации это не так хорошо знакомо.

Репатриацию я понимаю как возвращение на историческую родину.

Реут О.Ч.: С учетом сказанного, хотел бы дать небольшой комментарий. На самом деле, очень сложная ситуация. В Финляндии есть движение, связанное с репатриацией германландских финнов, которые никогда не жили в Финляндии. Да и Германландии, как страны, никогда не было. Тем не менее, люди есть, и они репатриировались до недавних пор.

Я обратил внимание на еще одну любопытную вещь. В Великобритании с апреля месяца рассматривается законопроект о репатриации граждан Афганистана. Это применимо к 450 переводчикам, которые помогали британским вооруженным силам во время недавней антитеррористической операции. Они были поставлены перед выбором: остаться в Афганистане или переехать в Британию. Называется этот процесс репатриацией. То есть, речь идет не о возвращении на историческую родину. Этот законопроект при первом рассмотрении был приостановлен. Он не возвращен обратно в Министерство иностранных дел, а создана комиссия по изучению опыта Финляндии. Мне кажется, что здесь очень многие вещи усложняются. И то, что мы сегодня услышали, крайне важно.

Вопросы Курныкину О.Ю.

Голунов С.В.: Как может повлиять мусульманская миграция в Европу на сам ислам? Есть такие экстремальные варианты, например, движение мусульман-геев, вряд ли оно распространится на мусульманские страны. Более сложный вопрос с караизмом, который отрицает роль Сунны. Это движение уже распространяется. Даже в Казах-

стане, насколько я знаю, набирает популярность. То есть, та модернизация, которой подвергаются мусульмане в Европе, может оказать существенное влияние на идейные дискуссии в самом исламе?

Курныкин О.Ю.: Спасибо за вопрос. Как раз то, что я не успел вам рассказать в рамках доклада. Разумеется, да. Если коротко говорить, то, так или иначе, понятно, что мусульманские интеллектуалы из эмигрантской среды так или иначе анализируют ту ситуацию, в которой они оказались. Реакция здесь может быть множественной. Здесь можно говорить о крайних, противоположных проявлениях этой реакции. С одной стороны, это евроислам, который стал, как мне кажется, делом довольно узкой группы интеллектуалов из мусульманской среды. Вряд ли он приобретет массовый характер. Второе крайнее проявление — это радикальный исламизм, который имеет, как раз, больше шансов, чтобы стать влиятельной силой. Понятно, что между двумя этими крайностями существует множество переходных форм. Конечно, большая часть мусульман-мигрантов в странах Европы озабочено жизненными проблемами.

Понятно, что эти мусульмане должны каким-то образом реагировать на ту социальную действительность, в которой они оказались. Но все же эти общины отличаются большей закрытостью. Отсюда эти проблемы, связанные с мультикультурализмом и неудачей, в какой-то степени, первоначальных расчетов на ассимиляцию. Европейская политика прошла примерно тот же путь, что и российская политика в мусульманском вопросе. В России тоже были первоначальные прямолинейные и самонадеянные расчеты на то, что удастся русифицировать мусульман, обратить их в православие. Потом пришло понимание, что из этого ничего не получается. Перешли к политике веротерпимости. Там появлялись такие практики, которые, так или иначе, перекликаются с нынешним европейским мультикультурализмом. Хотя я не склонен к прямым сопоставлениям. Более сложная, конечно же, картина. И российская политика — это не политика нынешних западно-европейских стран в мусульманском вопросе. Просто они пытаются решить одни и те же проблемы, иногда какими-то схожими путями. Здесь политический опыт и нынешние политические реалии западно-европейских стран накладывают отпечаток на формирование правилительственного курса в мусульманском вопросе.

Граубергер А.В.: Вы упомянули о том, что в свое время Европейский Союз, став более секуляризированным обществом, потерял какой-то смысл. Сейчас такое общество не может противопоставить духовную основу исламу. В этой связи, происходит возвращение к христианству как ответ на этот процесс. Мне кажется, что напротив, мы не

можем говорить о возвращении к христианству. Где мы можем видеть возвращение к христианству? На массовом уровне мы видим обратный процесс. А европейцы, которые разочаровались в секуляризме и в христианстве, переходят в ислам. Что, в этой связи, может сделать Европа? Не получится ли так, что сами европейцы перейдут в ислам?

Курныкин О.Ю.: Что касается секуляризации, которая охватила европейское общество. У меня такое ощущение, что мы стереотипно подходим к этому. Я не исключаю, что более секуляризовано российское общество, чем европейское. При всей нашей апелляции к возрождению роли православной церкви, мы здесь, как мне кажется, упрощаем реальную ситуацию. Поэтому, так или иначе, христианские ценности вошли в некий базовый комплекс европейской идентичности, и вряд ли европейцы от них откажутся.

Переходы в ислам, действительно, происходят и в России, и в Европе. Пока это, скорее, исключение из общего правила.

Что касается признаков апелляции к христианским ценностям, я имею в виду дискуссии внутри Европейского Союза по поводу попыток включить христианство в некую базовую составляющую Европейского сообщества. Инициативы исходили из Рима. Они, правда, не получили широкой поддержки. Так или иначе, противостояние исламскому миру актуализирует проблематику христианства. Это неизбежно будет происходить. Но это не значит, что европейцы вновь вернуться к христианству средневековья. Это будут иные формы идентичности.

Козулин В.Н.: Вопрос по поводу сущности ислама. Как Вы считаете, вообще ислам способен реформироваться? В связи с этим, разделяете ли Вы теорию столкновения цивилизаций? Существует теория модернизации, суть которой в том, что все общества рано или поздно реформируются и модернизируются.

Курныкин О.Ю.: Вы задаете вопрос, на который не могут ответить сами мусульманские интеллектуалы. Меня, откровенно говоря, больше интересует проблема, способна ли реформироваться русская православная церковь. Если серьезно, то, несомненно, ислам, при всей жесткости этой религиозной системы, так или иначе, подвергается воздействию современных реалий. В каких формах будет эта реакция? Здесь не будет общего тренда, будут разные тенденции внутри мусульманского сообщества. Это может быть бесконечным вопросом, но вопрос о реформировании ислама стоит, по меньшей мере, со второй половины XIX в. Эти процессы идут, но они вызывают и реакцию отторжения. Это контрреформация ислама.

Кротов А.В.: Сейчас мигранты-мусульмане в Европе занимают, как правило, нижние этажи в работе, в зарплате и т.д. Если предполо-

жить то, что они займут более достойные места, увеличатся их доходы, не будет ли тогда европейский и российский ислам вестернизироваться?

Курныкин О.Ю.: Здесь нельзя обходиться какими-то общими фразами. Мусульманские общины в Европе разнородные. Разные слои, разное время пребывания в европейских странах. Вообще, миграция мусульман начиналась как трудовая миграция. Поэтому неизбежно то, что они занимали определенные ниши на рынке рабочей силы. Вряд ли им будут предоставлять высокооплачиваемую работу, но здесь многое будет зависеть от уровня их образования. Европейские государства пытаются создать предпосылки для роста образовательного уровня мигрантов. Другой вопрос, насколько это востребовано среди самой миграции. Они всегда будут проигрывать коренному населению. Это абстракция, что они займут равноправное положение. Это могут быть только отдельные представители. Там есть профессура, которая работает в университетах. Понятно, что они интегрированы в эту среду. Но опять же, это скорее исключение. Мигранты обречены на принижённый социальный статус по определению.

Гончаренко А.И.: Вчера коллега Морозов Н.М. выдвинул такой тезис, что познать цивилизацию можно только собственную. Хотел бы Вас спросить о российской цивилизации. Есть ли какие-то региональные исследования о росте мусульманских диаспор за последние 10-15 лет? Есть ли научные или статистические исследования о численности русскоязычного мусульманского населения в столицах наших республик?

Считаете ли Вы, что ислам более агрессивная религия по отношению к другим существующим религиям? Если да, то почему?

Курныкин О.Ю.: По поводу исследований. Эти исследования ведутся этнографами и Сибири, и Москвы.

Что касается вопроса по поводу агрессивности ислама. Корректнее, на мой взгляд, отвечать на этот вопрос с исторической точки зрения. Точно так же можно обвинить христианство в агрессивности в период колониальных захватов и строительства колониальных империй. Как известно, испанцы и португальцы строили свои империи, исходя из понимания христианской миссии. Что касается ислама, то из священных книг можно извлечь любую информацию. Там можно найти всё. Там можно найти обоснование шахидизму, и это сделано. Аль-Банна ещё в 20-е гг. XX в. написал работу «Искусство смерти», опираясь именно на Коран. Другие мусульманские богословы осуждают это, и считают ислам самой мирной религией. Как известно, это официальный тезис. Это все проверяется практикой. В принципе,

наверное, из любой религии можно извлечь некие тенденции, направленные на внешнюю агрессию. Просто речь идет о конкретных задачах, которые ставит перед собой тот или иной интерпретатор религии.

Клевакина Е.В.: Для Ставропольского края сейчас уже не нова тенденция, когда на улицах города можно увидеть достаточно много женщин в хиджабах. Большая часть из них – это бывшие православные девушки. Это славянки, которые по каким-то причинам принимают ислам. Именно они в его исповедовании являются более радикальными.

Обратная тенденция, когда в мусульманских семьях, особенно в провинциальных, например, у нагайцев, распространено настороженное отношение, когда кто-то из членов семьи начинает проявлять признаки радикализма. Семья делает всё возможное, чтобы эти тенденции не усилились. Это к вопросу об ассимиляции и влиянии исламской культуры.

Курныкин О.Ю.: Как известно, неофиты всегда отличаются большим догматизмом. Известны и в истории разные примеры. Что касается исламских семей, то, понятно, что они исходят из совершенно других реалий, поэтому эти процессы вполне сопоставимы.

Вопросы Турьинской Х.М.

Семененко И.С.: Каковы факторы мобилизации непредставленных народов. Понятно, что они разные. Доминирующим является экономический фактор, как Вы думаете?

Турьинская Х.М.: Мне кажется, что в основе везде лежит экономика. При помощи «притязаний культуры» идет борьба элит за власть. Культура выступает как инструмент доказывания своей правоты.

Курныкин О.Ю.: Я мало что знаю об этой организации, но у меня создалось такое впечатление, что это собрание африканских сепаратистов. В связи с этим вопрос. Насколько эта организация признается на международном уровне?

Второй вопрос связан с федерализмом. Вы поставили здесь очень серьезную проблему, касающуюся эффективности заимствования политических моделей, правовых систем в незападном мире. Насколько система федерализма может прижиться на африканской почве?

Турьинская Х.М.: Конечно, это лучше, чем ничего. ООН имеет сайт, где выставляются новости. Новости не всегда сепаратистские. Занзибар, например, пишет, что неплохо бы было электричество провести и т.д. То есть, не обязательно остро политические вопросы. Они иногда проводят конференции, делают инспекции на выборах и т.д.

По-моему, это просто площадка для высказывания мнений. Не более того. Не все африканские сепаратисты представлены в этой организации. Всего 12.

Вообще, можно долго обсуждать колониальное наследие в Африке. Федерализм – тоже одно из наследий колониального периода. Некоторые африканцы считают, что федерализм – это плохо и его надо отбрасывать изначально, потому что это привнесено колониалистами, это – косвенный колониализм. Через эти схемы, как считают многие африканцы, британцы, французы продолжали воздействовать на африканские молодые государства.

Кротов А.В.: На Ваш взгляд, каков потенциал сепаратизма сейчас в Африке?

Турьинская Х.М.: Мнения, в частности, в Танзании, очень разные по этому поводу. Одни говорят – да, пусть отделяются, другие – да никогда они не отделятся!

Костелянец С.В.: В Вашем докладе указано, что деятельность ООН финансируется Госдепартаментом США. Это имеет какое-то практическое влияние на деятельность организации или это просто жест доброй воли?

Турьинская Х.М.: К сожалению, эту информацию трудно подтвердить. Про финансирование ничего не могу сказать. Но поддержка в свое время была, и именно идеологическая поддержка, а не финансовая.

Вопросы Клевакиной Е.В.

Гончаренко А.И.: Создание ОДКБ связано с практической необходимостью, или это постимперский синдром России?

Овчаров Г.А.: Миротворческая миссия ОДКБ неизбежно порождает проблему сочетания сущности этой миссии с принципом государственного суверенитета тех стран, куда придут миротворцы. Насколько я помню, недавние события в Киргизии достаточно остро эту проблему поставили, потому что раздавались голоса о том, где ОДКБ, почему она не предпринимает усилий и зачем тогда она нужна?

Горбелева Е.А.: Создание миротворческого контингента как-то связано с попыткой России контролировать процессы, которые происходят в ОДКБ?

Ответы

Клевакина Е.В.: По поводу первого вопроса. Среди исследователей существуют и те и иные позиции. Я считаю, что это, действительно, инициатива России. При этом, на мой взгляд, это позитивная тенденция, то есть, по принципу, кто, если не Россия, возьмется интегрировать это сообщество, и решать вопросы безопасности, которые достаточно актуальны?

По поводу киргизского кризиса. Действительно, кризис лета 2013 г. в Киргизии стал переломным моментом для деятельности ОДКБ. Была высказана критика этой организации. Но здесь есть два момента, как сама организация интерпретирует свое поведение. Во-первых, призыв Киргизии о помощи был адресован не ОДКБ, а России. Во-вторых, в институциональной составляющей организации отсутствует право вмешательства во внутренние дела того или иного государства. Я не зря сказала, что это был переломный момент, потому что после киргизского кризиса при встрече Совета коллективной безопасности государства-участники приняли ряд документов, которые предусмотрели такое возможное развитие событий.

По поводу третьего вопроса. Мое мнение, что влияние России здесь не может быть оспорено.

Вопросы Карагеоргиев Е.М.

Гончаренко А.И.: Как я Вас понял, Россия получила 500 млн. евро как партнер. Хотелось бы уточнить, что получил Европейский Союз как партнер от России?

Вывозилось ли в рамках этих программ отработанное ядерное топливо в Россию?

Что это за независимая организация по контролю ядерного нераспространения в России, о которой Вы говорили?

Овчаров Г.А.: Каким-то образом в эту программу Томск-7 включен, и как это отражается на нас?

Курныкин О.Ю.: Имеет ли проблема ядерной безопасности и нераспространения какую-либо цивилизационную подоплеку, или же это торжество универсализма и всеединства человечества?

Костелянец С.В.: В настоящее время Россия планирует строительство новых ядерных электростанций вдоль границ ЕС. Есть ли у ЕС планы разработки новой программы или попытки хоть как-то обезопасить себя в этом направлении?

Ответы

Карагеоргий Е.М.: По поводу выгод ЕС и России. На самом деле, критика программы ТАСИС была связана с непонятной схемой финансирования некоторых проектов. Эффективность реализации средств тоже была сомнительной. ЕС тоже получил значительную выгоду. Нельзя сказать, что только Россия извлекла из этого пользу. До 80% всех средств, выделяемых на эти программы, оставалось в ЕС.

По поводу ядерного топлива в России затрудняюсь ответить, потому что специально этим вопросом не занималась.

По поводу независимой организации. Это экспертная организация. В рамках программы ТАСИС были созданы два ядерных центра, в Санкт-Петербурге и Балаково, которые могли бы отслеживать ситуацию.

По поводу Томск-7. Здесь, в основном, помощь оказывалась по линии американо-российского сотрудничества, в частности, программа по сокращению ядерной угрозы.

Цивилизационная подоплека. На самом деле, подоплеку я не вижу в этом. Скорее, это проблема общая. Здесь есть конфликт интересов. Тем не менее, для России, в период становления, в начале 90-х гг. XX в., было очень важно получить эту помощь. Одинаковая была заинтересованность с обеих сторон. Это не было продвижением сугубо интересов Запада, на мой взгляд. Другой вопрос, если рассматривать Россию как часть европейской цивилизации. Является ли она частью европейской цивилизации или нет?

Строительство новых ядерных электростанций. Сотрудничество в сфере ядерной безопасности между Россией и ЕС фактически свернуто. Диалог идет на политическом уровне, но очень сдержанно, потому что у России, ЕС и США обозначились определенные расхождения относительно приоритетов. Учитывая то, что определенная культура была перенята от европейцев, можно сказать, что какого-то серьезного опасения со стороны ЕС нет в отношении строительства новых электростанций, и в отношении ядерной программы. Конечно, есть некие риски распространения, актуальны по-прежнему вопросы ядерного контроля, но диалог налажен и проблем и беспокойств на эту тему быть не должно.

Вопросы Кротову А.В.

Аршинцева О.А.: Я хотела бы услышать позицию автора в отношении достаточно популярной концепции миросистемы капитализма,

миросистемного кризиса. Как эта схема коррелирует с идеями, концепциями Валлерстайна, который тоже достаточно подробно критикует капитализм?

Курныкин О.Ю.: Насколько понятие «постиндустриальный мир» описывает современное состояние человеческого общества? У меня есть некие сомнения по этому поводу, поскольку Китай, Индия и многие страны Востока находятся сейчас на иной стадии развития. Перед Россией, на мой взгляд, вообще стоит задача повторной индустриализации. Насколько это определение работает в современных экономических условиях?

Ульянов П.В.: Подтверждаете ли Вы, или опровергаете, идею прогресса, которую отстаивали просветители XVIII в. о том, что носителем прогресса является именно Европа?

Козулин В.Н.: Вы говорили, что будут приняты, может быть, в состав Запада, западной цивилизации некоторые страны, такие как ЮАР, а позже, возможно, и Россия. Кто раздает эти «дипломы», на Ваш взгляд? Как мы поймем, приняты они в состав Запада или не приняты?

Морозов Н.М.: Мне представляется, что большой дискуссии по этому докладу не может быть. Автор абсолютизировал теорию постиндустриального общества. Схема, представленная автором, достаточно спорная. Я бы не стал относить Японию к ядру Запада, например.

Граубергрер А.В.: Чем различаются западные ценности и общечеловеческие?

Я так понял, что Вы ставите вопрос о том, что капитализм входит в стадию кризиса, и тогда у него есть будущее?

Семененко И.С.: Почему берется только дихотомия Запад-Восток? Такая абсолютизация, конечно, имеет право на существование, но какой здесь критерий?

О применимости понятий с приставкой «пост». Можем ли мы говорить о постиндустриализме как о некой всеобщности, универсальной категории обозначения современного уровня развития?

Вопрос о критериях отнесения стран к той или иной группе. Какие конкретные критерии Вы применяете для классификации?

Как Вы полагаете, у капитализма есть пределы роста?

Чернышов Ю.Г. Здесь просматривается проблема, насколько применимы методы естественных наук в приложении к общественным процессам. Часто физики, математики пытаются описывать общественные процессы. У них получаются красивые, стройные схемы. Но когда на это смотрит человек, занимающийся общественными науками, в нем рождается протест. Всегда жизнь богаче, общество сложнее,

чем эти схемы, и часто ярлыки, которые мы навешиваем на какие-то процессы, не соответствуют сути.

Получилось, в докладе, что есть некий «Восток», причем, единый, и это единство коварно хочет расколоть некий «Запад». Извините, о каком единстве Востока можно говорить? Китай – это одно. Индия – другое. Мусульманский мир – еще одно другое, причем расколотое еще и внутри себя на много частей. Никакого единства Востока в реальности нет. Так что раскалывать там нечего. Да и Запад не единый тоже. Если Япония – это Запад, то понятие «Запад» вообще нужно отменить, как утратившее основной смысл.

Потом, ещё одна фраза прозвучала, что «мы получим идеальное общество». Конец истории насупит, все проблемы будут сняты, и все конфликты будут сняты? Это же типичная утопия. На самом деле, все в мире диалектически связано и очень сложно развивается. И будет именно так и развиваться.

Спасибо, интересно было послушать, но со многими выводами согласиться очень трудно.

Ответы

Кротов А.В.: Вернемся к Хантингтону. Г-н Хантингтон написал теорию вместе с целым институтом. Я ее хорошо помню. Там есть много нюансов. Я же сказал, что наша теория сыровата. У нас был подход не естественно-географический, я экономист-географ. Когда писался доклад, я смотрел работы по постиндустриализму, в основном, экономистов, политологов и историков.

Что такое постиндустриализм? Это стадия после индустриальной фазы. Да, Россия, Китай и ряд других стран не являются постиндустриальными, но мы все туда стремимся. На сегодняшний момент, мы даже в индустриальной фазе во многих вещах отстаем. Проблема в том, что наши политические лидеры говорят, что нужна новая индустриализация России. Мы тогда отстанем навсегда, если у нас будет новая индустриализация. Как раз постиндустриальная фишка дает возможность каким-то образом запрыгнуть на подушку ускользающего поезда или вагона.

По поводу деления на Запад и Восток. Я понимаю, что Восток неоднородный, но если мы посмотрим на конкуренцию развитого, развивающегося мира и периферии или полупериферии, мы увидим, что Запад нужно критиковать не только в цивилизационном смысле, не только так, как трактуют историки, но и что Запад – это единый конгломерат постиндустриальных наций. Они забывают о своих противо-

речиях. Япония, США и Европа выступают едиными по сравнению с полупериферийными странами, чтобы получить ресурсы. Китай, в данном случае, если мы берем мировую действительность, то с Ираном дружит, то с Латинской Америкой, то с арабскими странами. Россия так же. Мы пытаемся выбрать. В этом случае, Восток на картинке объединен, но там разные графы. Отдельно Китай, Индия, арабский Восток.

Последняя ли стадия капитализма? Как раз после капитализма идет постиндустриализм, но это тоже часть капитализма. На сегодняшний момент ничего лучше не придумано.

Если брать экономический анализ, то капитализм ограничен, но мы пока не видим, чем.

Несет ли Запад прогресс? Я не так хорошо знаю философию XVIII в. Но меня не услышали здесь. Я во втором слайде специально подписал реальные и воображаемые преимущества. Нам навязывают, что это реальные преимущества, но я подписал, что это воображаемые. Я считаю, что не все преимущества самые актуальные.

Про идеальное общество – это предпоследний слайд. Нет, я не идеализирую. Мне кажется, это самые основные ценности.

Секция молодых исследователей

Семененко И.С.: Большое спасибо за подготовленные доклады, они были очень разноплановыми, интересными и глубокими. Как мне представляется, они демонстрируют стремление овладеть методологией научных исследований. Представляется интересным, что, несмотря на разброс тем, все они ориентированы на тематику идентичности. Это показывает, что сам концепт имеет не только прикладное значение исследования идентичности как таковой, но и имеет значение для изучения процессов социально-политических изменений, современных и прошлых, как это было показано на примере Финляндии. Мне кажется, можно только приветствовать это направление исследования. Оно достаточно новое, и то, что мы прослушали, свидетельствует о том, что когнитивный потенциал этого концепта представляется если и не бесспорным – бесспорного в науке нет, то доказанным.

Я бы хотела задать вопросы по некоторым докладам.

У меня вопрос по Финляндии. Основной идеей Вашего доклада было то, что финская идентичность – сконструированная идентичность, что она произросла из разнонаправленных усилий по конструированию этой идентичности со стороны финских интеллектуалов и политических деятелей. Нынешнее развитие Финляндии в большей

степени дает пример успешного, по крайней мере, в конце 90-х – начале 2000-х гг., продвижения на ряде направлений, которые связаны с повышением качества образования, государственного управления, функционирования социального государства. Как Вы полагаете, за счет чего Финляндия на рубеже 90-х – 2000-х гг. смогла «вырваться вперед» и стать флагманом развития в Европейском Союзе? Сейчас Финляндия также показывает неплохие темпы развития в сравнении с другими европейскими странами. За счет чего это произошло? Какую роль здесь сыграла консолидация в построении идентичности?

Также у меня вопрос по ультраправым партиям. Скажите, пожалуйста, не рассматривали ли Вы проблему, связанную с классификацией ультраправых партий? Дело в том, что ультраправые партии очень разные. Можно ли все ультраправые партии, о которых Вы говорили и о которых не упоминали в своем докладе, отнести именно к ультраправому спектру? Не правильнее ли будет говорить здесь о правом популизме? Сам вопрос о классификации подводит к тому, что связывать ультраправые партии исключительно с фашистскими проявлениями было бы крайне узкой постановкой вопроса. В связи с этим возникает второй вопрос. Такие партии, как партии пиратов, партия Беппе Грилло в Италии – к какому спектру они относятся? Они непосредственно выходят из той тематики, о которой Вы говорили, но ведь это тоже проявление радикализации европейской политики в ответ на те вызовы, которые Вы перечислили.

Вопрос по Белоруссии. Скажите, пожалуйста, какую роль для белорусской идентичности сыграло противостояние с Польшей? Известно, что в культурном плане Литву и Беларусь связывают тесные отношения, однако сейчас они прерваны из-за того, что существует визовый режим и достаточно сложно литовцам передвигаться в Беларусь и осваивать пространство, которое они считают своим, особенно на литовско-белорусском пограничье. Отношения с Польшей развивались более конфликтно. Как Вы полагаете, сегодня Польша играет роль «значимого Другого» в формировании белорусской идентичности или все-таки образ Польши отступил на второй план?

Что касается доклада по Франции, то я бы уточнила, что Вы все-таки рассматриваете не французский регион, а регион Франции на примере малоизвестного, с точки зрения международной деятельности, Франш-Конте. Как Вы верно отметили, регионы играют немалую роль – они самостоятельны в одних вопросах, но не самостоятельны в других. По крайней мере, возможности французских регионов в сравнении с немецкими регионами, которые, как известно, были «провозвестниками» и проторили дорогу европейскому регионализму и созда-

нию Комитета регионов в 1994 г., существенно ограничены. Связаны ли роль регионов и то влияние, которое они имеют в концерте европейских регионов, с политическим устройством конкретных регионов, в частности, Франции? Если говорить более конкретно, то отсутствие федеральной структуры как-то сказывается, или Вы считаете, что французские регионы имеют сейчас, в условиях, когда объединенная Европа выстроила определенные институты, представляющие регионы, те же полномочия, что и регионы Германии или Испании, где государства-автономии представляются напрямую?

Реут О.Ч.: Как говорил Остап Бендер, «вопросов не имею». Я хотел бы прокомментировать финский сюжет, а также доклады Сдельникова В.А. и Горбелевой Е.А.

Мне не хватило упоминаний о «северной идентичности», о принадлежности Финляндии к Нордену. Не было сказано о «северном измерении», о союзе Швеции, Норвегии, Дании, Исландии. Мне кажется, это очень важное измерение. В ходе доклада произошел скачок от Великого Княжества Финляндии к получению независимости и к 90-м гг. XX в., однако, на самом деле, на протяжении десятилетий эта принадлежность к северу, «северность», не менее значима, и я хотел бы, чтобы о ней не забывалось.

Я не в полной мере согласен с тем, о чем говорила И.С. Семененко, относительно отнесения ряда партий, в том числе в Северной Европе, к ультраправым – это во многом навязываемый в российских СМИ лейбл партиям, которые таковыми не являются. В ряде случаев это популистские партии, в ряде случаев – проблемно-ориентированные партии, и в этом случае, оказавшись проблемно-ориентированными, они выносятся за традиционный лево-правый сектор. Имеет смысл обращать внимание на радикальные случаи, и как ни странно, это, например, будет партия в Латвии «Отечеству и Свободе», которая в моем представлении как раз и является ультраправой. То, что мы имеем в Финляндии, Швеции и Дании, в полной мере ультраправые партии, хотя сами нордисты, специалисты по Северной Европе, испытывают здесь известные сложности.

Небольшой комментарий по поводу Белоруссии. В прошлом году Российская Федерация отмечала 200-летие войны 1812 года, было интересно посмотреть, празднуют ли в Белоруссии или нет? Нет, не празднуют. А.Г. Лукашенко сказал, что это была русско-французская война, в которой белорусы не принимали никакого участия. Это вошло в школьные учебники, по которым учатся в Белоруссии, отражено в ряде энциклопедических работ, которые подготовила Академия Наук. На самом деле, если проблематизировать этот вопрос, он значим в том

плане, куда пойдет политический вектор Белоруссии. Если будем двигаться в сторону интеграции – значит, принимали участие, воевали с Наполеоном. Будем двигаться в сторону Европы – в Белоруссии найдется свой Валенса, будет упомянуто о белорусско-польских союдах, воевавших на стороне Франции с москалями. Белоруссия – уникальный случай, когда формирование национальной идентичности представляет собой открытый политический проект, связанный не с пониманием, «кто мы есть», а именно с конструированием. Чем авторитарнее режим, тем интереснее будет процесс конструирования идентичности.

Харин Н.А.: Я также присоединяюсь к комментариям, к оценкам докладов. Действительно, все доклады были сделаны на высоком уровне: все четко, поэтапно. У меня будет небольшой вопрос по докладу о Египте. В августе 2013 г., когда произошло обострение конфликта в Египте, в сети «В Контакте» выкладывались фотографии: мусульмане защищают христианские святыни. Как Вы можете прокомментировать такие моменты? Может ли это быть проявлением внутримусульманских конфликтов?

Данилов А.Ю.: Вопрос к Сдельникову В.А. Кто является социальной базой ультраправых партий и как повлиял акт Андреса Брейвика на последующую деятельность правых партий и как, они оправдывают его, или отрекаются от его действий?

Вопрос к Граубергеру А.В. В своем докладе Вы говорили о крахе мультикультурализма. В.В. Путин в своей предвыборной статье также говорил об этом и предлагал в качестве альтернативы российский путь развития. Хотелось бы услышать Ваш комментарий по этому вопросу.

Сапрыкина Ю.С.: У меня вопрос к Мошеву Е.Д. В свете последних событий, а именно запрета «Братьев мусульман», не повлечет ли это резко негативное отношение мусульманского населения Египта к христианскому меньшинству?

Курныкин О.Ю.: Действительно, турецкая угроза в российских правящих кругах рассматривалась как одна из наиболее серьезных. Причем рассматривалась через призму мусульманского вопроса, имевшего как внешнюю, так и внутривнутриполитическую направленность. Кроме того, в российских властных структурах существовало паническое опасение по поводу движения пантюркизма. Может быть, этому придавалось преувеличенное значение, но, тем не менее, российские правящие круги отслеживали настроения среди российских мусульман. В связи с этим у меня вопрос к докладчику. Работала ли российская пропаганда адресно в отношении российских мусульман, пыталась ли она каким-то образом дискредитировать Турцию в их глазах?

Поскольку тогда Турция действительно была центром притяжения для мусульманской интеллигенции России, и это имело под собой реальное звучание, особенно после того, как к власти пришли младотурки и пантуркизм приобрел прогрессистский реформаторский характер. И в связи с этим еще один вопрос. Ведь когда речь идет о Турции, об Османской империи, неизбежно встает вопрос о Константинополе. Использовался ли фактор Константинополя в российской официальной пропаганде в отношении Турции?

Второй комментарий по поводу доклада «Христианство в Египте». Я очень рад, что данная проблематика была затронута в рамках конференции. Положение христиан в мусульманских странах находится на периферии научных интересов российских исследователей, между тем вопрос достаточно существенный с точки зрения межкультурных контактов. Скажите, пожалуйста, является ли коптская церковь в Египте западным христианством? В ходе общения с коптами в Шарм-эль-Шейхе у меня не сложилось впечатления об их принадлежности к западной цивилизации. Более того, восточные христианские церкви занимают особое положение среди христианских церквей. В частности, копты претендуют на то, что они в «большей чистоте» сохранили учение Христа. Все остальные последующие христианские церкви искажают это учение, и у коптов есть особое представление о своей мессианской идее сохранения чистоты христианского учения. И вообще, надо иметь в виду, что копты, по моим представлениям, достаточно интегрированы в египетское общество. Представители коптов нередко занимают высокие государственные посты. Правда, в периоды обострения внутривосточной ситуации в Египте всплывает проблема взаимоотношений мусульман и коптов. Понятно, что свержение «Братьев мусульман» так или иначе актуализировало данную проблему. Однако здесь возникает более общий вопрос: насколько восточные христиане интегрированы в мусульманское общество?

Семененко И.С.: Я бы хотела еще задать вопрос по докладам Граубергера А.В. и Мошева Е.Д. У Вас в выступлении прозвучала тема «Идея единой Европы», а в чем состоит эта идея? Кроме того, Вы говорили о крахе мультикультурализма. Не все с этим согласны, кстати говоря. Есть ли какая-то идея, альтернативная мультикультурной Европе в рамках концепта единой Европы?

По поводу доклада «Христианство в Египте». В более широком плане, как Вы полагаете, какую поддержку христианам можно оказать в тех странах, где они находятся в ущемленном положении? В Сирии, например, сейчас существует проблема, связанная с разрушением памятников. Боевики дошли до монастыря, но не успели его разрушить.

Тем не менее, проблема остается. Будет смена режима, произойдут серьезные изменения, в том числе и в положении христианской общины. Можно ли что-нибудь сделать в этом отношении? Скажем, мобилизовать общественное мнение, церкви, для того, чтобы поддержать христиан как меньшинство, права которого зачастую попираются?

Чернышов Ю.Г.: Я бы хотел высказать общее впечатление о прозвучавших докладах.

Во-первых, хорошо, что практически все выступали уверенно, не терялись и достаточно логично выстроили свои доклады, получились цельные выступления. Но идеальных выступлений не бывает. Я бы высказал пять пожеланий относительно докладов и на этом фоне оценил бы эти доклады. Не все эти правила были соблюдены, и это иногда снижало впечатление от выступлений.

Первое, о чем я всегда говорю – сразу в докладе ставьте проблему, что вы хотите выяснить. Не надо «растекаться», уходить в частности – Вы не успеете многого рассказать за 10 минут. У двух сегодняшних докладчиков было хорошее знание материала, но их излишняя эмоциональность и увлеченность приводили к тому, что они уходили в сторону от темы и теряли на этом время, не успев сказать главное.

Второе, о чем я также всегда говорю – не читайте доклад, а рассказывайте его своими словами, отрывайтесь от текста. Не только рассказывайте, но и показывайте, о чем вы рассказываете. Сделайте презентацию или наглядные материалы – это резко повысит внимание аудитории. Вот, например, вчера мы говорили о фашистской пропаганде в Италии. Можно было показать, как выглядел Б. Муссолини. Отказ от использования визуальных средств снижает восприятие вашего доклада.

Кроме того, очень важно аргументировать свои доводы, доказывать то, о чем вы говорите. Во многих докладах (кстати, не только молодых исследователей) звучит не логическая аргументация и опора на факты, а «я верю, что это так». Но это не является аргументом, это просто личное мнение исследователя. Доказательство должно строиться на конкретных фактах и логических умозаключениях.

Также желательно опираться на исследования, которые были проведены до вас – должна присутствовать историография.

Заканчивать доклад нужно четким и аргументированным выводом, ответом на проблему, поставленную в начале доклада. Именно тогда останется хорошее впечатление от доклада.

Отмечу, что все доклады были сделаны на достаточно высоком уровне, тем более, надо учитывать, что это студенты. С точки зрения

соблюдения обозначенных критериев я бы выделил доклады Ульянова П.В. и Сапрыкиной Ю.С.

Ответы докладчиков

Граубергер А.В.: Идей единой Европы существовало много в разное время, и в настоящее время ни одна из них не реализована. Сейчас предпринимается попытка объединения Европы на экономических основах. Я не вижу перспективы у этого проекта: на экономике объединить людей нельзя. На культурных традициях тем более, учитывая фактор миграции и другие подобные процессы. Бюрократизм, оторванность европейских политических элит от простого народа накладывает отпечаток на отношение к проекту. Что касается альтернативы мультикультурализму – это «elite-культура», «ведущая культура», как это заявлено в Германии. Ангела Меркель заявляла об этом, но в реальности воплощения данной идеи не наблюдается. Вообще, кризис мультикультурализма виден невооруженным взглядом. Что касается России, наверное, это имеет отношение к нам в меньшей степени. Опыт взаимного существования у нас гораздо больше: это и советский период, и времена до него. Думаю, из него можно извлечь определенную пользу.

Сапрыкина Ю.С.: Идентичность в Финляндии действительно сконструированная, но она была сконструирована не путем «навязывания сверху», а была логическим ответом на внутреннюю потребность. И она не диктовалась государственными политическими органами, она вырабатывалась в интеллектуальных кругах Финляндии. Если бы у населения не было такой потребности в конструировании идентичности, они не получили бы того результата, который имеют сегодня. За счет чего Финляндия на рубеже XX–XXI вв. смогла «вырваться вперед»? Здесь можно отметить традиционную консолидацию населения, моноэтничность и внутренний консенсус населения. Кроме того, это определенный прагматизм в отношениях с международными партнерами. Например, в отношениях с Советским Союзом Финляндия пыталась взять наибольшую экономическую выгоду от этих отношений. Между странами была клиринговая система торговли (бартер), и за счет получения достаточной экономической выгоды полученные средства были направлены на внутреннее развитие. Что касается «северной идентичности», то, насколько мне известно, ее можно рассматривать в рамках западной, европейской идентичности.

Сдельников В.А.: Как я рассматривал данные партии? Я рассматривал их программы, в том числе на английском языке, где они указы-

вали или позиционировали себя как правые или крайне правые, чаще всего как крайне правые, из которых я привел примеры. Что касается Финляндии – это популистская партия. Также я спросил у эксперта из Финляндии Сирке Макинен, она сообщила, что ее можно отнести к ультраправым. Но в первую очередь она популистская. Сразу из этого выходит социальная база партий. Так как большая часть правых, которые сейчас присутствуют в Европе, являются популистскими, данные партии переродились из оголтелых нацистов, партий такого толка. Следовательно, их социальная база довольно широка. Они пытаются произвести какую-то мимирию, скрываться, использовать дискурсы других политических спектров. Я не говорил про фашизм, я использовал термин раснацизм и нацизм партии Йобек, радикальное крыло которой не раз обвинялось в нападении на иностранцев. Что касается Андреса Брейвика, все официальные партии, которые присутствуют в национальном парламенте и которые мне удалось найти, отреклись от его действий и осуждают его. Про Пиратскую партию. Сейчас информационное пространство стало чем-то гораздо большим, чем даже 20 лет назад, поэтому Пиратская партия, скорее всего, это ответ на изменившуюся реальность. Я не берусь отнести ее к какому-то политическому спектру или дать ей четкое определение. Что касается классификации партий, то она присутствует, и она достаточно большая: правые, правые центристские, правые националистские, ультраправые, правые консерваторы, правые противомигрантские движения и т.д. В докладе я не стал упоминать об этом для экономии времени.

Вервекина Е.А.: Я хочу поблагодарить Ирину Станиславовну за интересный вопрос, я постараюсь на него ответить. Я надеюсь, что я Вас правильно поняла и хотела бы сравнить французский регион Франш-Конте с регионом Германии.

Регион Германии, с учетом его политико-административного устройства, имеет значительно больше полномочий, так как они представлены на двух уровнях: федеративном и местном. Поэтому регион Германии в сравнении с регионами Франции более свободен в своих действиях. Что касается французского региона Франш-Конте, он не обладает юридической самостоятельностью, но я думаю, что тех полномочий, которые у него есть в том спектре, как я его рассматривала, т.е. это какие-то международные инициативы, вполне достаточно, чтобы подписывать соглашения, приезжать в наш регион и проводить здесь какие-либо мероприятия. Я думаю, что для региона Франции это не минус, это просто его особенность.

Ульянов П.В.: Сначала попробую ответить по поводу дискредитации Османской империи. В принципе, если говорить о тыловой жизни, например, под Петроградом, там проводилась такая политика. Она проводилась с двух направлений: цензуры и карательных методов. По указам царского правительства, цензура должна была не пропускать патриотические настроения российских мусульман по отношению к Османской империи. Что касается второго метода, то жители Петрограда, по мнению отечественных исследователей, были не против, чтобы российские мусульмане включались в эту патриотическую жизнь. Были такие представители среди российских мусульман, которые участвовали в культурной жизни, в шествиях, демонстрациях. На Кавказе, где Османская империя вела очень серьезную пропаганду, призывала кавказские народы подниматься на борьбу за ислам, включаться в сопротивление братьев-мусульман относительно российской армии, российским правительством применялись карательные методы.

Теперь по поводу Константинополя. В ответ на идею пантюркизма была идея панславизма, которая была еще актуальна в начале XX в. Панслависты хотели, чтобы Константинополь отошел к Российской империи, поскольку он является прародиной православия. Россия вступила в Первую мировую войну не ради территориальных притязаний, а чтобы избавиться от революционной волны. В принципе, если бы царское правительство сказало бы «мы хотим Константинополь и проливы», оно бы не нашло поддержки народа. Основной целью для российского правительства в тот период времени была поддержка народа, материальные цели либо были завуалированы, либо не пропущались в печать.

Мошев Е.Д.: Большое спасибо за вопросы, я постараюсь на них ответить. Что касается первых двух сюжетов, о том, что отношение мусульман к христианам в Египте может ужесточиться, то такая тенденция уже существует сейчас. В предвыборной программе «братьев-мусульман» такие моменты были четко прописаны. Заявлялось, что, если они придут к власти, то устроят вторую волну исламизации – это уже намек на то, что христиане вряд ли будут чувствовать себя спокойно в таких условиях. По поводу коптской церкви, считать ее западной или нет, в моем понимании это больше восточная церковь, чем западная. Почему я так считаю? Дело в том, что само по себе христианство в Египте больше проникнуто духом православия, чем католицизма. Не случайно начиная с XIX века христианство в Египте начало активно контактировать с РПЦ, и эти контакты были достаточно тесные и плодотворные. Что касается вопроса об интеграции христиан в египетское общество и поддержки христиан, то в принципе интеграция

египетских христиан в то общество, в рамках которого они существуют, возможна, но есть определенная проблема. Дело в том, что Египет – государство, которое долго несло на себе отпечаток восточной деспотии, а в государствах с таким устройством религиозный аспект играет очень важную роль, возможно даже лидирующую. Именно поэтому интеграция египетских христиан в общество мусульман затруднена. По моему мнению, поддержка христиан возможна, но это вряд ли будет поддержка христиан изнутри того общества, в рамках которого они существуют. Возможна поддержка от РПЦ – на почве единых идей и единого вектора движения.

Горбелева Е.А.: Идеи преемственности польской культуры достаточно хорошо развиваются в Белоруссии, параллельно с теми проектами, о которых я говорила в докладе. Их в основном развивают в рамках литвинизма группы, находящиеся в оппозиции к власти. Сейчас мы можем наблюдать, как в Белоруссии активно обсуждается вопрос об установке памятников, имеющих отношение к польской истории и культуре, в белорусских архитектурных памятниках, таких как Несвижский замок, Радзивилловский замок, возвращаются традиции устройства различных представлений, что было характерно как раз для польско-шляхетской традиции. Вообще, в Белоруссии Польша занимает достаточное культурное пространство, потому что на Белоруссию вещает польский канал, 75 НКО из 2487 зарегистрированных НКО в Белоруссии на данный момент имеют пропольскую ориентацию. Достаточно много поляков проживает в Белоруссии, и они несут польскую культуру в массы. Так, например, католическое Рождество является государственным праздником в Белоруссии, поскольку около 15% населения являются католиками. Как отдельного формирования белорусской идентичности на польской платформе не происходит, это идет в русле литвинизма, сторонники которого пропагандируют возврат к польским традициям, присоединение к Литве под эгидой Польши.

Семененко И.С.: Польша является «значимым Другим» для Белоруссии? Россия – да, является.

Горбелева Е.А.: Я думаю, что нет. В большей степени ориентиром выступает либо европейское направление, либо Россия. Польша и Литва – частные проявления отдельных локальных групп.

Заккрытие конференции

Голунов С.В.: Я не первый раз приезжаю на конференции Алтайской школы политических исследований, и всегда констатирую высо-

кий уровень организации и дискуссий. Мы обсудили очень широкий круг вопросов межкультурного взаимодействия. Спасибо!

Кротов А.В.: Хотел бы поблагодарить за вопросы, и спасибо историкам, что всегда находите возможность включить нас, географов, в вашу конференцию. Я думаю, если буду готовить статью, буду опираться на ваши вопросы и рекомендации.

Карагеоргий Е.М.: Я хотела бы выразить благодарность за приглашение на эту конференцию. Я уже второй раз в Барнауле, надеюсь, не последний. Мне кажется, действительно, как отметил Сергей Валерьевич, удалось обсудить весь, достаточно широкий, спектр вопросов межкультурного взаимодействия. Может, немного ушли в сторону в какой-то момент от этой проблематики, но, тем не менее, я считаю, что это обсуждение удалось, и было очень плодотворно.

Реут О.Ч.: Мне кажется, что не так много, на самом деле, площадок, в том числе, междисциплинарных, хотя бы между историками и международниками, где данная тематика озвучивается. Последнее время это пространство дискуссии о месте России, о взаимоотношениях Запада и Востока, не расширяется. Мне кажется очень важным, что такая площадка есть здесь, в Барнауле. В противном случае, мы «закукоживаемся» в стереотипы, в рамки, которые сами себе устанавливаем. Мультикультурализм – это не хорошо, а что дальше? Российский проект - «мочить в сортире»? Или «хватит кормить Кавказ»? Или американская модель «плавильного котла»? Но даже в такой постановке, которую я сейчас озвучивал, это крайне редко звучит сегодня и в академическом, и в более широком пространстве.

Другая тематика, как мне кажется, крайне важна в этой связи – это возможность институционализации диалога о цивилизациях, взаимоотношениях, о современных теориях международных отношений, в частности. По ходу сегодняшнего обсуждения несколько раз звучала тематика возможности выращивания институтов в широком смысле, их трансфера, импорта и т.д. Прежде всего, в сугубо академических практиках, переводя то, что выходит на Западе и Востоке, многие либо пытаются понять, насколько это приспособлено для российской действительности, либо отказываются от этого иностранного опыта с опорой на российских мыслителей. Отсюда попытки удержать конструкции, связанные, как мне кажется, с менталитетом, с этносом, с архетипами, хотя они не востребованы в сегодняшних дискуссиях о том, о чем мы говорим. Отсюда разрыв и существует между российским и не российским дискурсами. Крайне важно, что есть такая площадка, где можно выступать, писать, говорить. Несмотря на некоторую коллажность программы, это было крайне интересно и важно. Каждый мог

что-то услышать для себя существенное, и в этом огромный плюс организаторам и Юрию Георгиевичу, в частности.

Турьинская Х.М.: Спасибо за приглашение на вашу прекрасную конференцию. Я рада, что есть площадки для дискуссии. Мне кажется, что сейчас нам не хватает теоретических дискуссий. Что такое «цивилизация»? Как этим термином пользоваться? В каком смысле? По поводу слова «этнос» тоже можно подискутировать. Хорошо, что такие площадки есть. А вообще, я замечаю, что теоретические дискуссии по гуманитарным наукам угасли. Может, стоит подняться на философский уровень обобщений и уже использовать эти термины в наших исследованиях? Спасибо огромное!

Морозов Н.М.: Я благодарю судьбу за то, что оказался на интересной дискуссионной площадке. Она интересна тем, что в сибирских городах очень тонкий слой гуманитарной интеллектуальной мысли. Я не говорю уже о том, что руководители государства оперируют обыденными знаниями, представлениями, когда проговаривают свои шаги в текущей политике, и политике на перспективу. Поэтому, конечно, очень важно оттачивать тот аналитический аппарат, который бы позволил с научной точки зрения подойти к осмыслению вопросов дня текущего и прошлого.

Я не употребляю новоязов. Для меня чужды понятия «концепт», «рефлексия», «дискурс». Отношусь немного скептически к понятию «идентичность», но это не значит, что я это отрицаю. Это значит, что эти понятия являются дополнительным источником интеллектуальной мысли. Может быть, они обретут определенный теоретический ресурс. А сейчас мы находимся в стадии поиска по многим вопросам, которые ставились на этой конференции. Она замечательно организована и в бытовом плане, и непосредственно в проведении конференции. Всем участникам было позволено задать вопросы и высказать свое мнение. У нас, например, в Кузбассе, конференция – это нонсенс. Их не существует, по существу. Есть только дежурные конференции на одной, двух кафедрах университета, чтобы отчитаться в плане научных мероприятий. У вас большая удача, что такие площадки существуют. Ваша конференция направлена на целевую аудиторию. Я думаю, она незаслуженно игнорируется специалистами не только регионального уровня, но и всероссийского, хотя заслуживает большего внимания. Я в этом удостоверился. Спасибо за организацию. Отдельное спасибо Юрию Георгиевичу.

Костелянец С.В.: Я очень благодарен организаторам за проведение отличной конференции, продуманную структуру. Мне понравилось, что были раскрыты и теория, и практика, и отдельные страновые

примеры. Я надеюсь, что сотрудничество между вузовской наукой и наукой Академии наук будет продолжаться, несмотря на подписанный сегодня президентом Закон о реформе РАН. Институты Академии наук останутся интересными для вузов, и нам будет, что вам предложить. Спасибо.

Харин А.Н.: Я тоже присоединяюсь ко всему, что сказано. Потом ещё, возможно, найду возможность высказаться. Хорошо, что на Алтае такие конференции проводятся. Пожелание, чтобы и дальше проводились. Порой, когда бываешь в столице, складывается ощущение, что где-то это уже слышал. Здесь такого ощущения не было. Все доклады были интересными, содержательными. Спасибо за приглашение.

Козулин В.Н.: Я один из старожилов этой конференции, поэтому должен согласиться с Николаем Михайловичем, что, действительно, у нас довольно редкая, уникальная в Сибири конференция с широкой проблематикой, в которой принимали и принимают участие всегда интересные люди, специалисты разных областей знания.

Я бы хотел обратить внимание на некоторые проблемы, которые были поставлены, помимо основной. Мне кажется, две проблемы чаще всего звучали. Это говорит об их значимости и важности. Это проблемы идентичности и медиатизации. На них стоит обратить внимание. Я хотел бы поблагодарить всех гостей за участие.

Вервекина Е.А.: Я скажу несколько слов от лица студентов. Для нас самое главное было, во-первых, что впервые выделили целую секцию для молодых исследователей. Это очень важно, что нам предоставили такую уникальную возможность выступить на одной площадке с экспертами такого высокого уровня. Нас выслушали, дали оценки, задавали вопросы. Поверьте, для нас, как молодых исследователей, которые делают первые шаги в науке, это очень важно и очень приятно. Спасибо вам за внимание, за организацию, за прекрасную дружескую атмосферу, в целом, за хорошее времяпровождение.

Курныкин О.Ю.: Мне мало что остается добавить к сказанному. Вспоминается, когда мы обсуждали тематику этой конференции на кафедре, с некоторым опасением ставили эту проблему, боялись, не выглядит ли это несколько самонадеянно. Я убедился, что мы подобрали неплохую тему. Я, как и другие преподаватели нашей кафедры, не в первой подобной конференции участвую, у меня осталось ощущение удовлетворения от этих трех дней. Не всегда удается пригласить такой круг экспертов, прежде всего, по финансовым соображениям. Мы любим принимать гостей, и при малейшей возможности Юрий Георгиевич собирает очень хорошую кампанию. На этот раз, как никогда, мне кажется, удалась наша конференция. Мне было интересно. Я

благодарю наших экспертов за возможность услышать новые идеи, вырваться на эти дни из нашей преподавательской текучки. Очень интересная информация прозвучала здесь. Есть, что осмыслить, подумать, благодаря вашим выступлениям.

В заключение хотел бы сказать, что мне было не стыдно за наших студентов. Спасибо вам!

Клевакина Е.В.: Спасибо организаторам за конференцию, которая прошла на достаточно высоком уровне. Для себя я вынесла достаточно много за эти три дня, хотя фера моих интересов довольно далека от междисциплинарных взаимодействий. Появилось много мыслей для дальнейшей работы. За это спасибо участникам конференции. Было, действительно, интересно.

Горбелева Е.А.: Соглашусь с Христиной Михайловной, Алексеем Николаевичем по поводу того, что конференция является в некотором роде уникальной, потому что, во-первых, в нашей глубинке редко проводятся мероприятия такого масштаба.

Соглашусь с Христиной Михайловной в том, что не хватает теоретических дискуссий, потому что термины достаточно широко употребляются не только историками, политологами, но что под ними понимать, где они употребляются в широком, а где в узком смысле, остается недостаточно понятным. Такие конференции помогают осмыслить суть и подняться на новый интеллектуальный уровень.

Хотелось бы поблагодарить оргкомитет и Юрия Георгиевича за то, что они проводят такие конференции, не разделяя людей по статусу. Любой студент, написав хороший доклад, может принять участие и поделиться с аудиторией своими мыслями. В этом отношении конференция достаточно открытая.

Хотелось бы сказать большое спасибо нашим экспертам, которые, несмотря на далекое расстояние, к нам приехали. У нас получилось уникальное соединение – академической и университетской науки, что также редко можно встретить.

Семененко И.С.: В нашем институте конференции проходят достаточно часто. Я полагаю, что общее наше мнение, что эта конференция - пример удачного соединения не только университетской и академической науки, но и интересной темы, которая привлекла самых разных специалистов междисциплинарного подхода. Это, мне кажется, очень важно.

Алтайская школа политических исследований хорошо известна в России. Она хорошо известна в Российской ассоциации политической науки, в которой я работаю. Это одна из точек бурного роста политических исследований. Широкая известность связана и с разработкой

сайта. Об этом не упомянули, но мне представляется, это очень важно, что есть возможность публиковать работы в Интернете. Усилиями Юрия Георгиевича и коллег делаются отличные сборники, которые достаточно широко циркулируют. Здесь мы, как мне кажется, имеем пример интенсивного и быстро развивающегося потенциала, о чем свидетельствуют выступления молодых коллег. Это замечательно.

Второе, что я хотела сказать. Не случайно, что конференция по такой теме проходит в Барнауле, по крайней мере, для меня. Проблему цивилизационного взаимодействия мы, например, ставим в другом ключе. В ноябре в ИМЭМО намечается круглый стол по проблеме концептуализации пространства политических взаимодействий. Что такое политическое пространство? Думая над тем, как его назвать, мы пришли к пониманию того, что нужно говорить о пространстве политических взаимодействий. Сам термин «взаимодействий», это не конфликт, не диалог. И то и другое важно, есть и конфликт, и диалог. Но из конфликта может возникнуть диалог, и в пространстве взаимодействия формируются те общие ценности и смыслы, изучением и распространением которых занимается любая наука, и академическая, и не академическая, преодолевая рамки институциональных изменений. Это единственный способ.

Мы с коллегами некоторое время обсуждаем тему, какими науками мы занимаемся. Будучи кандидатами, докторами соответствующих наук, занимаемся мы сугубо политическими науками. Думаю, так говорить, по крайней мере, для многих, достаточно узко. Мы занимаемся науками общественными, даже науками социо-гуманитарными. Я хотела бы обратить внимание на то, что российская наука выходит за рамки традиционных сюжетов, и нынешняя конференция это показала. Мы изучаем непосредственно институты, процессы, соединяя их с находящимися в другом тематическом поле исследованиями, такими, как география или психология. Формируются синтетические исследования, одним из примеров которых является тот, который я приводила в первый день конференции, а именно, социально-политическая психология.

В большей части, и сегодня, и вчера, мы, когда говорили о проблемах идентичности, в основном, говорили в рамках этого подхода. Потому что проблемы сознания, проблемы представления человека о себе, об обществе – это важнейшая проблема, которую, пожалуй, труднее всего концептуализировать. Думаю, что человеческое измерение не просто политических процессов, а человеческое измерение общественного развития – это будущее нашей науки. Необходимо изучение этого человеческого измерения, в том числе, и в формате медиати-

зации. Как информационная среда, и вовлеченность человека в эту информационную среду, влияют на его сознание? Как она меняет его поведение? Как меняется сам человек? Как меняются модели развития под этим влиянием? Насколько эти модели соответствуют потребностям современного человека? Насколько они могут отвечать на те моральные вызовы, которые стоят перед каждым из нас, на которые мы, занимаясь наукой, должны ответить? Потому что это вопрос о смыслах, которые формирует интеллектуальное сообщество. А смыслы формируют ценности, а ценности формируют представления человека о себе. Следовательно, мы попадаем в круг этих представлений.

Мне представляется, что наша конференция показала и возможности консолидации интеллектуального сообщества над границами и возрастными, и междисциплинарными, и структурно институциональными. Интеллектуальное сообщество у нас есть. Правильно сказали, конечно, и это не только применительно к Сибири, о тонкости этого слоя, он вообще достаточно тонкий в России, и он размывается. И это феномен не российский, коллеги. Это феномен и того самого Запада, развитых стран. В этом смысле Россия отнюдь не исключение. Речь идет о том, насколько востребовано гуманитарное знание. Этот вопрос стоял у нас в первый день. Как мы можем добиться того, чтобы наше знание было востребовано? По крайней мере, мы можем формировать в своей среде ориентиры, отстаивать свои моральные позиции и выступать с этим максимально широко. Мы можем использовать их в учебном процессе, что тоже представляется очень важным.

Наконец, по вопросу о том, что не хватает теоретических дискуссий. Конечно, их всегда не хватает. В первую очередь, не хватает дискуссий не только теоретических, но и методологических. Это важная проблема общественных наук. Я думаю, что, отчасти, наша конференция пыталась ответить на этот вопрос. В этом смысле, безусловных каких-то концептов нет, но есть возможность использовать новые концепты, в том числе, концепт идентичности, концепт межкультурного взаимодействия, что тоже не является банальным для формирования новых ценностей и смыслов.

Я хочу поблагодарить кафедру и, особенно, Юрия Георгиевича, за возможность послушать, выступить, обменяться мнениями, посмотреть на то, как развивается наша наука, и за замечательную организационную дискуссии, которая требует колоссального труда. Спасибо вам.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо большое. Я в обратном порядке прокомментирую. Сначала про организацию конференции, потом про содержание дискуссий.

Первое – про организацию конференции. Уже говорилось, что это у нас давняя традиция, с 1996 года. Когда накоплен опыт, все гораздо легче организовывать на должном уровне. Были бы ресурсы, можно было бы организовывать и не такие формы. В свое время, когда были более мощные ресурсы, мы проводили форумы, в которых участвовали до 200 человек, но дело даже не в численности – на них выступали известнейшие эксперты и из Москвы, и из многих стран. Разные форматы использовались. Но цель всегда была одна – проводить конференцию не «для галочки», а ради содержания, для того, чтобы оправдать свое «интеллектуальное призвание». Хочется напомнить то, о чем мы начали говорить ещё в первый день, на семинаре – что интеллектуальное сообщество в России, увы, сейчас не выполняет той роли, которую оно призвано выполнять в стране. Оно должно думать, прогнозировать, что будет дальше, и предлагать, как надо развиваться стране, и с этим должны считаться. К сожалению, сейчас мы идем на понижение в этом смысле. Как долго это продлится, я не знаю, но долго не должно это длиться, потому что страну надо развивать. Если не будет интеллектуальной элиты, которая способна самостоятельно, творчески мыслить, критиковать и предлагать, то страна отстанет, она не выдержит гонки в этом глобальном мире. На нас лежит ответственность за развитие страны.

Еще несколько слов по организации. Многие люди нам помогают, и огромное им спасибо. Здесь в основном звучала одна фамилия, но это несправедливо, потому что на самом деле более десятка людей, в основном с нашей кафедры, работало непосредственно в оргкомитете, причем работало давно. В этом тоже секрет успеха. Мы убедились, что, если хочешь хорошо провести конференцию, то надо начинать готовить ее уже на следующий день после прошедшей. Год надо готовить. Все продумать, просчитать, распределить поручения и т.д. Тогда все пройдет красиво и гладко, и никто не обратит внимания на какие-то проблемы, потому что они будут своевременно сняты.

Теперь второе – что касается содержания нашей дискуссии. Да, действительно, долгое время было опасение, что мы «не потянем» эту тему, потому что это весьма специфическая концепция и, как говорилось, возникает много вопросов по поводу четкости критериев деления на цивилизации и т.д. Но эта тема позволила нам выйти на ряд других вопросов, актуальных для современного мира и примыкающих к этой теме, поэтому и получилось интересное обсуждение. Если бы мы только о теории спорили, это было бы, наверное, не очень интересно. Надо ставить такие широкие темы, чтобы специалисты по разным дис-

циплинам и разным сюжетам могли участвовать в дискуссии, что-то вносить свое и за счет обмена мнениями обогащаться.

Состав участников конференции получился гармоничным, как мне кажется, все вписались очень удачно. И москвичи представлены, и регионы, и наши местные эксперты, и по возрастам тоже баланс получился. Представлены самые разные точки зрения, причем их обсуждение прошло аргументированно и корректно. Дискуссия очень хорошо дополнила содержание докладов.

В целом чувствуется удовлетворение от проведенной конференции. И хочется поблагодарить всех участников за то, что каждый внес свою лепту.

В заключение - информация для сведения. Мы уже в августе начали готовить следующую конференцию. Заявку уже написали и отправили. Тему определили близкую к этой, но более конкретную, а именно: «Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия». Тема пока недостаточно исследована, но очень актуальна, она имеет прикладное значение. Интернет-конференция откроется в апреле. Если получится, то надеемся, что встретимся со многими из вас на следующей конференции. Спасибо всем за участие!

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора – кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы – неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей – историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ – студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы – **проведение международных научно-практических конференций, издание сборников** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. – Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. – Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. – Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. – Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

- 27 января 1998 г. – Интеллигенция и власть.
- 17–18 июля 1998 г. – Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.
- 30–31 июля 1999 г. – Роль парламента в демократическом государстве.
- 28 января 2000 г. – Интеллигенция и «новый авторитаризм».
- 16 мая 2000 г. – Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.
- 15–16 июля 2000 г. – Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.
- 10–11 февраля 2001 г. – Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.
- 15–16 мая 2001 г. – Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.
- 14–15 июля 2001 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития.
- 16–17 июля 2001 г. – Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.
- 8 октября 2001 г. – Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.
- 22 января 2002 г. – Реформа образования и гражданское общество.
- 2 июля 2002 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.
- 1–2 июля 2003 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.
- 29 апреля 2004 г. – Региональные выборы 2004 г. – волеизъявление народа или триумф технологий?
- 1–3 июля 2004 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).
- 1–2 июля 2005 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).
- 4–5 июля 2006 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).
- 27–28 сентября 2007 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. – Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и международные отношения)

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* – организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО и т.д.

Еще одно направление деятельности – *консультирование, проведение прикладных политологических исследований*. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Первые исследования электоральных настроений были проведены во время президентских выборов 1996 г. Осенью 1996 г., накануне губернаторских выборов, АШПИ провела два анкетных опроса жителей края (более 2000 респондентов). В сентябре 1998 г. в г. Барнауле был проведен телефонный опрос об отношении населения к Правительству РФ и местной власти. В ноябре 1999 г., накануне выборов в Государственную Думу, АШПИ провела опрос избирателей города Барнаула. В начале 2000 г. были опрошены

2540 жителей Барнаула (об отношении к кандидатам на должности Президента РФ, глав администраций Алтайского края и города Барнаула, а также к кандидатам в депутаты краевого Совета и Городской Думы). В 2003–2004 гг. были проведены опросы по теме выборов. Кроме того, были исследования, не связанные непосредственно с выборами. Так, в марте 1998 г. АШПИ провела в пяти школах г. Барнаула исследование на тему «Восприятие школьниками социальной действительности». В 2000 г. эксперты АШПИ провели опрос по теме «Международные проблемы глазами барнаульцев»; такие же опросы состоялись в 2002 и 2004 гг. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет – Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ – лауреат IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» – была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Авторы статей, докладов и выступлений

Арапина Светлана Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Букарский Владимир Валерьевич

Аспирант Кубанского государственного университета, руководитель медиапроекта «Евразийская Молдавия», г. Кишинев, Республика Молдова

Вервекина Елена Андреевна

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гаврилов Дмитрий Валерьевич

Студент факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Голунов Сергей Валерьевич

Доктор политических наук, доцент, научный сотрудник Центра изучения отношений между ЕС и Россией, Тартуский университет, Эстония

Гончаренко Александр Ильич

Председатель Алтайского регионального отделения партии «Яблоко», председатель АКОО «Защита и поддержка гражданских прав и инициатив», г. Барнаул

Горбелева Екатерина Андреевна

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Граубергер Александр Валериевич

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гусар Елена Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики массовых коммуникаций факультета журналистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гэн Хайтянь

Кандидат политических наук, старший преподаватель факультета русского языка института иностранных языков Северо-восточного университета, КНР, г. Шэньян

Данилов Андрей Юрьевич

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Девятков Андрей Владимирович

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Дериглазова Лариса Валериевна

Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, г. Томск

Залевина Анна Руслановна

Студентка-бакалавр Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Заргарян Наре Эдвиновна

Студентка географического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ильин Алексей Валерьевич

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Калашникова Виктория Борисовна

Аспирантка Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск

Кирилина Анна Сергеевна

Студентка факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Клевакина Евгения Владимировна

Ассистент кафедры международных отношений и международного права ННОУ ВПО «Институт Дружбы Народов Кавказа», г. Ставрополь

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Костелянец Сергей Валерьянович

Кандидат политических наук, научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кругова Наталья Ильинична

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторической информатики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кузнецов Артем Константинович

Преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лачкова Алена Викторовна

Выпускница Алтайского государственного университета, бакалавр международных отношений, г. Барнаул

Лешков Александр Викторович

Ассистент УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», г. Гомель, Республика Беларусь

Макинен Сирке

Доктор социальных наук, старший научный сотрудник Школы менеджмента университета Тампере, Финляндия.

Мальшева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Матоните Ирмина

Доктор политических наук, профессор Университета менеджмента и экономики ISM, г. Вильнюс, Литва.

Монина Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Морозов Николай Михайлович

Кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири, Институт экологии человека СО РАН, г. Кемерово

Мошев Евгений Дмитриевич

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Овсянникова Валентина Владимировна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Овчаров Геннадий Александрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Передерий Сергей Васильевич

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск

Полтораков Алексей Юрьевич

Кандидат политических наук, ученый секретарь Института украинской политики, г. Киев, Украина

Речкова Александра Васильевна

Студентка факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск

Роженко Татьяна Сергеевна

Студентка факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Ромашова Анастасия Георгиевна

Студентка исторического факультета Томского государственного университета, г. Томск

Сапрыкина Юлия Сергеевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, специальность «Международные отношения», г. Барнаул

Сдельников Виталий Андреевич

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, специальность «Международные отношения», г. Барнаул

Семененко Ирина Станиславовна

Доктор политических наук, зав. сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, г. Москва

Сергеева Людмила Александровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и этнологии Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск

Смоленчук Ольга Юрьевна

Соискатель кафедры мировой политики Томского государственного университета, г. Томск

Степанова Мария Владимировна

Студентка факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Столярова Лилия Викторовна

Кандидат философских наук, профессор политологии Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Тамарович Антон Юрьевич

Студент Иркутского государственного университета, направление «Международные отношения», г. Иркутск

Торопчин Глеб Вячеславович

Аспирант 1-ого года обучения кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Тульчинский Григорий Львович

Доктор философских наук, профессор НИУ Высшей школы экономики, г. Санкт-Петербург

Турьнская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Институт Африки РАН, Москва

Ульянов Павел Владимирович

Студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Хайдуков Герман Николаевич

Магистрант Тюменского государственного университета, направление «международные отношения», г. Тюмень

Харин Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Киров

Царевская Диана Павловна

Студентка Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Цулая Годердзи Родериевич

Магистрант Тюменского государственного университета, г. Тюмень

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Шашкова Ярослава Юрьевна

Доктор политических наук, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Шишкин Виталий Геннадьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск

Щеглов Сергей Георгиевич

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

**АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
📧 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
💻 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

Содержание

<i>Дискуссия о том, что есть «Запад» и «Восток», и возможны ли конструктивные межкультурные взаимодействия</i>	<i>3</i>
ЗАПАД И ВОСТОК: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ...	10
26–28 СЕНТЯБРЯ 2013 Г.	10
1. ТЕОРИИ КУЛЬТУР И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	11
<i>Аришнцев О.А. Культурный фактор в международных отношениях: перспективы анализа.....</i>	<i>11</i>
<i>Букарский В.В. Концептуальные основы российской цивилизации.....</i>	<i>16</i>
<i>Гусар Е.Г. Между Психосом и Логосом: нормы коммуникативного и социального поведения в современной России</i>	<i>20</i>
<i>Коваленко Л.Г. Некоторые аспекты современной цивилизации в свете международных отношений</i>	<i>24</i>
<i>Козулин В.Н. Концепции «цивилизации»: от западоцентризма к многополярности.....</i>	<i>29</i>
<i>Кротов А.В., Заргарян Н.Э. Запад и Восток в постиндустриальном мире: межкультурный раскол или конкуренция в меняющихся условиях</i>	<i>33</i>
<i>Морозов Н.М. Опыт операционализации культурного подхода</i>	<i>40</i>
<i>Семенов И.С. Конфликт идентичностей и проблемы формирования гражданских наций</i>	<i>44</i>
<i>Харин А.Н. Геоцивилизация: на перекрестке мнений</i>	<i>48</i>
2. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ....	53
<i>Бетмакаев А.М. Конфликт Запад–Восток и международный статус ГДР в 1949–1961 гг.</i>	<i>53</i>
<i>Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия Европы и европейцев в России (Ч. 1. От Древней Руси до Империи).....</i>	<i>57</i>
<i>Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия Европы и европейцев в России (Ч. 2. Советский и постсоветский периоды)</i>	<i>63</i>

<i>Костелянец С.В. Эволюция африканской диаспоры: встречи «цивилизаций»</i>	67
<i>Кузнецов А.К. Образ фашистской Италии в пропаганде нацистов на начальном этапе их пребывания у власти (1933–1934 гг.)</i>	72
<i>Лузянин А.В. Образ и стиль внешнеполитического поведения СССР по отношению к Афганистану в 1919–1939 гг.</i>	77
<i>Малышева Н.С. Итальянский национализм и начальный этап европейской интеграции</i>	80
<i>Монина Л.В. Веймарская республика как социальное государство</i>	84
<i>Мошев Е.Д. Религия Запада и государство Востока: христианство в Египте</i>	89
<i>А.Ю. Полтораков Украинская идея»: национальная специфика геокультурных (цивилизационных) ценностей</i>	93
<i>Реут О.Ч. Политика империи и государственный суверенитет</i> .99	
<i>Ульянов П.В. Пропаганда «образа врага» в России по отношению к Османской империи в начале XX века</i>	105
<i>Шишикин В.Г. Изменение идеологии Вьетнама в постколониальный период</i>	109
3. МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	113
<i>Арапина С.В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты)</i>	113
<i>Голунов С.В. Проблема ирредентизма: ситуация в российском пограничье на фоне мирового опыта</i>	118
<i>Гэн Хайтянь Конфуцианство и политическое руководство в современном Китае</i>	122
<i>Девятков А.В., Залевина А.Р. «Де-факто государства» и их участие в продуцировании российской идентичности (на примере Приднестровья)</i>	128
<i>Дериглазова Л.В. Деятельность Европейского Союза по формированию европейской идентичности</i>	133
<i>Карагеоргий Е.М. EU – Russia Relations in the Field of Nuclear Security and Non-Proliferation</i>	137

<i>Клевакина Е.В. Миротворческий потенциал организации договора о коллективной безопасности в оценках международных аналитиков</i>	<i>142</i>
<i>Курныкин О.Ю. Мусульмане-иммигранты и европейская идентичность.....</i>	<i>146</i>
<i>Лешков А.В. Проблема цивилизационного выбора в предвыборных программах 2012 г. ведущих политических партий Украины</i>	<i>151</i>
<i>Передерий С.В., Сергеева Л.А. Россия и русский народ в системе межцивилизационных взаимодействий</i>	<i>155</i>
<i>Столярова Л.В. Политико-правовые основы приграничного сотрудничества в ракурсе партнерства цивилизаций..</i>	<i>159</i>
<i>Торопчин Г.В. Interaction of Europe and Asia-Pacific Region in the Global Nuclear Non-Proliferation Regime</i>	<i>163</i>
<i>Тульчинский Г.Л. Россия и «проблема цивилизационного выбора»</i>	<i>167</i>
<i>Турьинская Х.М. Организация непредставленных наций и народов: федерализм и сепаратизм в Африке.....</i>	<i>171</i>
<i>Matonyte I. Baltic Sea Region Elites' and Masses' Perceptions of Major Constituents of the European Identity</i>	<i>175</i>
<i>Mäkinen S. European Perceptions of Russia's Image and Identity ...</i>	<i>182</i>
Приложение СТАТЬИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ О ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	189
<i>Вервекина Е.А. Французский регион в рамках ЕС.....</i>	<i>189</i>
<i>Гаврилов Д.В. Свободная демократическая партия Германии: взгляд на европейскую идентичность в современном мире</i>	<i>192</i>
<i>Горбелева Е.А. Между Европой и Россией: дискуссии о белорусской идентичности</i>	<i>195</i>
<i>Граубергер А.В. Идея единой Европы в XXI веке</i>	<i>198</i>
<i>Ильин А.В. Барселонский процесс и формирование средиземноморской идентичности</i>	<i>202</i>
<i>Калашикова В.Б. Концепт «Центральной Европы»: модель интеграции или дезинтеграции?</i>	<i>206</i>
<i>Кирилина А.С. Европейская идентичность немцев.....</i>	<i>210</i>
<i>Лачкова А.В. Европейская идентичность и проблема безопасности (на примере событий 11 сентября 2001 г.).....</i>	<i>216</i>

<i>Овсянникова В.В. Об этнической идентичности российских немцев.....</i>	<i>219</i>
<i>Речкова А.В. Еврабия или европейское сообщество дружбы народов?</i>	<i>223</i>
<i>Роженко Т.С. Интеграция турецких мигрантов в немецкое общество через систему образования Германии.....</i>	<i>226</i>
<i>Ромашова А.Г. Миграционная политика Франции как следствие социальных противоречий</i>	<i>230</i>
<i>Сапрыкина Ю.С. Соотношение европейской и национальной идентичности на примере Финляндии</i>	<i>235</i>
<i>Сдельников В.А. Роль ультраправых сил в формировании европейской идентичности.....</i>	<i>239</i>
<i>Смоленчук О.Ю. Голландское общество: за или против в вопросах миротворчества?</i>	<i>243</i>
<i>Степанова М.В. Problems of “European Identity” in the European Union.....</i>	<i>251</i>
<i>Тамарович А.Ю. К вопросу о региональных противоречиях в Бельгии</i>	<i>254</i>
<i>Хайдуков Г.Н. Европейская идентичность как феномен Европы.....</i>	<i>259</i>
<i>Царевская Д.П. Европейская идентичность сквозь призму помощи Европейского Союза региону Африканского рога</i>	<i>263</i>
<i>Цулая Г.Р. Грузинская идентичность: Европа – «цель» или «средство»?.....</i>	<i>267</i>
СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ ДОКЛАДОВ.....	270
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	322
АВТОРЫ СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ.....	326
СОДЕРЖАНИЕ.....	332

Серийное научное издание

**Дневник Алтайской школы политических исследований.
№ 29. Современная Россия и мир: альтернативы развития
(Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и
международные отношения)**

Сборник научных статей

Подготовка оригинал-макета:

Формат 60х84/16.

Подписано в печать 13.11.2013

Бумага офсетная. Усл. п. л. 19,4.

Заказ 679. Тираж 220 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»

г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а

тел. 62-91-03, 62-77-25

E-mail: azbuka@dsmail.ru